

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

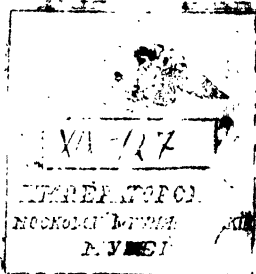
основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XXIII.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга I (111).

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ—1912 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Пименовская ул., соб. домъ.

1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Нравственная задача человѣчества. В. М. Хвостова	Стр. 1
Патологія моральнаго чувства. С. А. Суханова	34

Кризисъ идеи субъекта въ наукоученіи Фихте старшаго. Ив. Ильина	1
Понятіе эмпиризма въ нѣмецкой психологіи XVIII вѣка. А. Болтунова	40
Къ вопросу о свободѣ воли. Е. Романовой	73
Случай и безсознательное. Д. Мордухай-Болтовскаго	97
Новая форма философскаго критицизма. Н. Лосскаго	118

Критика и библиографія.

I. Библиографическій листокъ	168
--	-----

Полемика.

Отвѣтъ Е. Спекторскому. В. Грабаря	170
---	-----

Московское Психологическое Общество	175
--	-----

Отчетъ о торжественномъ засѣданіи по случаю 30-лѣт-
няго юбилея Л. М. Лопатина.

Привѣтствія и адреса, прочитанныя на засѣданіи.

Двѣ отвѣтныя рѣчи Л. М. Лопатина.

Объявленія.

Нравственная задача человечества.

I.

Въ рядѣ статей ¹⁾ мы убѣдились въ томъ, что міръ въ цѣломъ не можетъ считаться вполне разумнымъ и благимъ. Неразуміе и зло составляютъ въ немъ самостоятельные элементы, враждебные разуму и добру. Такимъ образомъ, бытіе въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, является незаконченнымъ, не представляетъ собою гармоническаго цѣлаго. Міръ, по выраженію Джемса, пластичень.

Но, если гармонія, законченность и чистая красота не даны въ мірѣ, какъ онъ существуетъ въ настоящее время, то *все это можетъ считаться мировымъ заданіемъ*. Не даромъ вѣдь въ человѣка вложено стремленіе къ единству и гармоніи, выражающееся, какъ мы видѣли въ предыдущихъ статьяхъ, не только въ работѣ спекулятивнаго разума, неудержимо стремящагося къ единству всѣхъ своихъ сужденій, къ отсутствію противорѣчій между ними и къ сведенію ихъ въ окончательный всеобъемлющій синтезъ, но также и въ стремленіи къ единству, присущемъ разуму практическому. Не только мировоззрѣніе каждаго человѣка имѣетъ своимъ идеаломъ полную законченность и гармонію сужденій, но и весь его нравственный обликъ долженъ представлять собою сильную и цѣльную личность, которая привела себя въ гармоническое состояніе. Представляя себѣ міръ по аналогіи съ своей собственной природой, — а мы

¹⁾ См. „Вопросы философіи и психологіи“, 1911 г., кн. 108, 109, 110.
Вопросы философіи, кн. 111.

видѣли, что иного представленія о мѣрѣ, въ сущности, и не можетъ создать человѣкъ.—мы можемъ перенести всю эту картину на мѣрѣ. Какъ въ каждомъ человѣкѣ противоположности, находящіяся во враждѣ, должны быть замѣнены гармоніей, такъ и въ цѣломъ мѣрѣ борьба добра и зла имѣетъ своимъ заданіемъ установленіе міровой гармоніи.

Гармонія эта можетъ быть достигнута только однимъ путемъ: полнымъ устраненіемъ неразумія, безобразія и зла. Мы признали всякое зло самостоятельнымъ элементомъ міра. Но въ то же время наша плюралистическая концепція *позволяетъ намъ не считать его элементомъ неустранимымъ*. Это самостоятельное начало, препятствующее міровому добру проявиться во всей его чистотѣ, красотѣ и безграничности, можетъ быть побѣждено, сведено къ нулю. Тогда въ мѣрѣ и водворится чистая гармонія и красота.

Если таково наше общее представленіе о мѣрѣ, то этимъ самымъ разрѣшается и вопросъ о нравственной задачѣ человѣка въ отдѣльности и всего человѣчества вмѣстѣ. Человѣкъ не представляетъ собою пассивнаго элемента бытія. Мы знаемъ, что человѣкъ по природѣ активенъ, такъ что даже высшее доступное ему счастье состоитъ въ наслажденіи процессомъ свободного раскрытія своихъ силъ и проявленія энергіи. Человѣкъ можетъ воздѣйствовать на самого себя въ духѣ тѣхъ идейныхъ концепцій, которыя въ своемъ творческомъ процессѣ вырабатываетъ его психика. Онъ можетъ воздѣйствовать и на окружающій мѣрѣ въ духѣ тѣхъ же идеаловъ. Такъ какъ человѣкъ составляетъ часть мірозданія, микрокосмъ, въ которомъ отражается и весь окружающій его макрокосмъ, то, надо думать, и культивируя въ себѣ самомъ начала истины, добра и красоты, человѣкъ совершаетъ не одно только личное свое дѣло. Борясь со зломъ въ самомъ себѣ и содѣйствуя добру въ самомъ себѣ, человѣкъ тѣмъ самымъ *принимаетъ дѣятельное участіе во всемъ міровомъ процессѣ*, въ той борьбѣ противоположностей, которая разыгрывается въ мірозданіи. Въ лицѣ самого себя онъ борется съ міровымъ зломъ и помогаетъ

міровому добру. Преодолѣвая въ самомъ себѣ двойственность, присущую человѣческой природѣ, онъ тѣмъ самымъ и всему міру помогаетъ преодолевать двойственность и идти къ гармоническому объединенію въ духѣ истины, добра и красоты.

Въ этомъ, думается мнѣ, и состоитъ назначеніе человѣка въ мірозланиі. Человѣкъ есть одинъ изъ дѣятелей міровой борьбы противоположностей и притомъ, въ эмпирически извѣстномъ намъ мірѣ, дѣятель единственный. Весьма возможно, что въ мірѣ есть масса другихъ разумныхъ и, можетъ быть, болѣе разумныхъ существъ, чѣмъ человѣкъ. Кантъ, стараясь не вдаваться въ область метафизики, тѣмъ не менѣе съ полнѣйшей увѣренностью говоритъ постоянно о разумныхъ существахъ помимо человѣка. Но есть даже въ наше время мыслители, которые стараются доказать, что человѣкъ—единственное разумное существо въ конечномъ мірѣ. Таковъ, напримѣръ, взглядъ Уоллеса ¹⁾. Всѣ эти вопросы не имѣютъ большого значенія для нашихъ цѣлей. Какъ бы ни стояло дѣло, несомнѣнно, что въ человѣкѣ разыгрывается борьба добра и зла и что мы можемъ придавать ей весьма серьезное значеніе. Мы можемъ думать, что въ міровой экономіи не пропадаетъ ни одно усиліе, которое каждый изъ насъ дѣлаетъ для того, чтобы побороть зло, что эти усилія здѣсь такъ или иначе суммируются и составляютъ то усиленіе фонда добра, которое необходимо для окончательнаго сокрушенія зла ²⁾.

Окончательный исходъ міровой борьбы отъ насъ скрытъ и намъ неизвѣстенъ. Но мы можемъ вѣрить, что человѣчество, рѣшительно ставъ на сторону добра, тѣмъ самымъ окажетъ содѣйствіе его побѣдѣ и поможетъ установленію міровой гармоніи. Каждый человѣкъ, напротивъ, который становится на сторону злыхъ и разрушительныхъ силъ, тѣмъ самымъ служитъ міровому злу. Ему же служатъ въ

1) См. Уоллесъ, „Мѣсто человѣка во вселенной“, (1908).

2) Ср. Фихте, „Назначеніе человѣка“, книга III, III.

концѣ концовъ и тѣ люди, которые остаются равнодушны къ вопросу о призваніи. Въ нихъ такъ силенъ голосъ маленькаго эгоистическаго я, что въ рѣшительные моменты они, обыкновенно, не выдерживаютъ испытанія и своей пассивностью помогаютъ торжеству зла надъ добромъ. Они боятся всякаго риска для своего „милаго я“ и равнодушно проходятъ мимо всѣхъ безнравственныхъ и разрушительныхъ дѣяній, если только эти дѣянія не содержатъ въ себѣ посягательствъ на ихъ мелкіе личные интересы. Зло находитъ себѣ большую поддержку и ободреніе въ такомъ индифферентизмѣ слишкомъ многихъ людей къ задачамъ добра.

Съ указанной точки зрѣнія опредѣляется и историческая миссія всего человѣческаго рода. Люди, соединенные въ общество, по моему мнѣнію, не представляютъ собою простаго агрегата отдѣльныхъ и вполне самостоятельныхъ единицъ. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ я старался доказать, что каждое человѣческое общество есть живое цѣлое, которое имѣетъ самостоятельную жизнь, не исчерпывающуюся жизнью отдѣльныхъ входящихъ въ него людей. Я думаю, что и все *человѣчество*, представляя собой процессъ взаимодействія отдѣльныхъ общественныхъ группъ, съ извѣстнымъ основаніемъ можетъ быть рассматриваемо, какъ единство. Правда, это единство человѣческаго рода до сихъ поръ выражено еще въ сравнительно слабой степени. Но нельзя отрицать того, что чѣмъ дальше движется исторія, тѣмъ явственнѣе оно выступаетъ. Пути сообщенія и вообще средства сношеній между людьми такъ совершенствуются, что, въ сущности, земной шаръ, прежде казавшійся людямъ необъятнымъ, становится все меньше и меньше. Скоро не останется ни одного его уголка, въ который не заглянулъ бы любопытный человѣческій глазъ, а страны, расположенныя на разныхъ концахъ свѣта, будутъ считать себя близкими сосѣдями. При такихъ условіяхъ будетъ открываться все больше и больше такихъ задачъ, въ которыхъ человѣ-

¹⁾ См. мою книгу „Нравственная личность и общество“, 147—188.

чество будетъ сознать свою общность и къ разрѣшенію которыхъ оно будетъ стремиться совмѣстными усиліями. Вѣдь и теперь уже имѣется одна область, въ которой разрушены границы всякихъ національностей. Это—область чистаго научнаго знанія, всемірная республика ученыхъ, не знающая никакого различія ни пола, ни расы, ни націи. То же самое ожидаетъ, вѣроятно, и область искусства, и область этики и религіи.

Человѣчество, все болѣе и болѣе объединяясь на этихъ вѣчныхъ задачахъ, въ совокупности можетъ служить добру или злу, какъ и отдѣльный человѣкъ. Оно можетъ совмѣстными усиліями создавать то, что недоступно силамъ отдѣльной личности. Если человѣчество рѣшительно станетъ на сторону добра, то оно тѣмъ самымъ поведетъ міръ къ гармоніи и спасенію отъ зла. Такой идеаль, конечно, предпочтительнѣе, чѣмъ то разрушеніе міра, которое проповѣдуетъ Гартманнъ, или та лишенная содержанія нирвана, въ которую совѣтуетъ намъ погрузиться Шопенгауэръ.

Выполняетъ ли, дѣйствительно, человѣчество эту миссію или нѣтъ? Едва ли разсмотрѣніе человѣческой исторіи даетъ основаніе для рѣшенія этого вопроса въ ту или иную сторону. Дѣло въ томъ, что въ исторіи мы не видимъ постояннаго и непрерывнаго движенія человѣчества въ какомъ-нибудь одномъ направленіи. Здѣсь бываютъ и періоды оживленной кипучей дѣятельности, и періоды застоя и даже какъ будто регресса. Нельзя сказать и того, чтобы развитіе человѣчества шло непрерывно. Бываютъ здѣсь перерывы, надолго нарушающіе преемственную связь культурнаго развитія. Наконецъ, далеко не все еще человѣчество приняло участіе въ культурной работѣ. Массы людей стоятъ въ сторонѣ отъ великаго культурнаго процесса и остается неизвѣстнымъ, выступаютъ ли эти народы на аренѣ всемірной исторіи и, если выступаютъ, то что они съ собою принесутъ.

Все это совершенно неудивительно съ нашей плюралистической точки зрѣнія. Если въ мірѣ идетъ постоянная

борьба противоположныхъ началъ, то та же борьба съ попеременнымъ исходомъ совершается и въ исторіи человѣчества. Какъ неизвѣстенъ намъ исходъ міровой борьбы, такъ неизвѣстенъ намъ исходъ и человѣческой исторіи. Какія силы въ ней одолѣютъ, суждено ли человѣчеству погибнуть съ позоромъ или же его ожидаетъ слава, этого никто изъ насъ не знаетъ и многое зависитъ здѣсь отъ самого человѣчества и его отношенія къ голосу призванія.

Если въ какой области до сихъ поръ замѣчался несомнѣнный *прогрессъ*, то только въ области чистой и прикладной науки. Несомнѣнно, знанія человѣчества о самомъ себѣ и обо всемъ мірѣ постоянно расширяются и углубляются. Если придавать знанію, которое ведетъ къ овладѣнію человекомъ міра, значеніе положительной, хотя и не окончательной и не высшей цѣнности, то, конечно, такое усиленіе знанія должно быть признано прогрессомъ. Я говорю, что само по себѣ знаніе не есть окончательная и высшая цѣнность, такъ какъ создаваемое имъ господство человѣка надъ остальнымъ міромъ можетъ быть обращено какъ на служеніе добру, такъ и на цѣли зла. Знаніе есть средство, конечно, чрезвычайно важное, но не цѣль сама по себѣ.

Съ этической точки зрѣнія прогрессъ знанія имѣетъ то значеніе, что онъ, во-первыхъ, вооружаетъ людей болѣе мощными средствами воздѣйствія какъ на самихъ себя, такъ и на весь міръ. Но само по себѣ такое воздѣйствіе, какъ только что указано, можетъ быть направлено какъ въ сторону добра, такъ и въ сторону зла. Поэтому важно, во-вторыхъ, что прогрессъ знанія помогаетъ людямъ болѣе правильно ставить самую проблему добра и зла. Конечно, разрѣшить эту проблему силами знанія немислимо, такъ какъ нашему относительному интеллекту не дано проникновеніе въ основныя загадки бытія. Но во всякомъ случаѣ прогрессирующее знаніе даетъ возможность углубить самую постановку вопроса о добрѣ и злѣ, выяснить отчетливо тѣ элементы, изъ которыхъ слагается проблема. Это

само по себѣ имѣеть большое значеніе при самостоятельномъ дѣлаемомъ каждымъ человѣкомъ разрѣшеніи вопроса о призваніи. Умственная культура, въ-третьихъ, дѣлаеть людей болѣе чуткими и воспримчивыми. Она создаетъ свои утонченные пороки, неизвѣстные дикарямъ, но она создаетъ и свои добродѣтели ¹⁾, дѣлаеть самое отношеніе людей къ нравственному долгу сознательнѣе и тѣмъ укрѣпляетъ моральное настроеніе у людей, ставшихъ на сторону добра. Прогрессъ культуры дѣлаеть, въ-четвертыхъ, людей болѣе разнообразными по ихъ дарованіямъ и способностямъ. Это является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ осложненія жизни и потребностей и вызываемаго этимъ раздѣленія труда въ обществѣ. Наличие въ обществѣ разнообразныхъ людей дѣлаеть общественную жизнь не только болѣе оживленной, но и болѣе плодотворной, такъ какъ каждый изъ этихъ людей привноситъ нѣчто свое въ общую сокровищницу труда. Объединяясь въ борьбѣ съ болѣе или менѣе общими для нихъ всѣхъ страданіями, эти разнообразные люди по мѣрѣ усиленія своего разнообразія все меньше конкурируютъ между собою въ борьбѣ за наслажденія, ибо то, что является наслажденіемъ для одного, не имѣеть иногда никакого интереса для другого ²⁾.

Я не могу съ увѣренностью сказать, существуетъ ли опредѣленно выраженный прогрессъ въ другихъ областяхъ человѣческой исторіи, кромѣ прогресса знанія. Въ частности, я безусловно не рѣшаюсь высказаться, стало ли человѣчество въ общемъ нравственнѣе или нѣтъ. Конечно, представленія о добрѣ и злѣ стали гораздо болѣе утонченными и правильными. Но увеличилась ли способность людей проводить въ жизнь эти представленія? Усилилась ли человѣческая воля, направленная на борьбу со зломъ? Конечно, культура создала новыя добродѣтели; но не уравнивается ли это появленіемъ и новыхъ утонченныхъ

1) См. *Paulsen*, „System der Ethik“, I, 308.

2) *Kowalewski*, „Studien zur Psychologie des Pessimismus“, 119.

пороковъ? Все это весьма неясные для меня вопросы. Далеко, я не знаю, лучше ли живется человечеству и въ политическомъ отношеніи. Конечно, современные формы государственнаго устройства и управленія гораздо тоньше и сложнѣе прежнихъ, въ соотвѣтствіи съ общимъ усложненіемъ жизни, но стали ли онѣ справедливѣе, обезпечиваютъ ли онѣ на самомъ дѣлѣ большую свободу нравственнаго развитія личности, чѣмъ это дѣлали прежнія формы, этого я также не берусь рѣшить. Во всякомъ случаѣ гнета, зла и несправедливости остается и теперь болѣе чѣмъ достаточно. Я не буду ставить вопроса о томъ, стало ли человечество счастливѣе, такъ какъ, по моему убѣжденію, счастье въ обыденномъ его пониманіи, въ смыслѣ спокойнаго и обезпеченнаго существованія, не только недостижимо, но и не желательно для людей. Оно портитъ людей и дѣлаетъ ихъ равнодушными къ вопросу о нравственномъ долгѣ.

Я упомяну еще объ одномъ значеніи, которое имѣетъ для людей если не непременно прогрессъ, то во всякомъ случаѣ *измѣнчивость исторической обстановки*. Эта измѣнчивость состоитъ въ томъ, что жизнь то усложняется, то упрощается, мѣняются политическія формы общежитія, мѣняется характеръ профессій и техническія условія всякой нашей дѣятельности. Эти измѣненія сами по себѣ приводятъ къ тому, что для каждаго новаго поколѣнія и для каждой новой личности окружающая ее дѣйствительность является всегда въ новыхъ, прежде не бывалыхъ формахъ. Такимъ образомъ, хотя всѣмъ людямъ приходится разрѣшать все одну и ту же нравственную проблему, вопросъ о призваніи, объ отношеніи къ добру и злу, но эта проблема постоянно возникаетъ все въ новыхъ и новыхъ конкретныхъ условіяхъ, которыя заранѣе предвидѣны быть не могутъ. Поэтому нѣтъ у людей совершенно готовыхъ шаблоновъ для рѣшенія нравственныхъ задачъ. Хотя эти задачи по существу остаются однѣми и тѣми же, хотя по поводу ихъ разрѣшенія пишутся издавна цѣлые томы, тѣмъ не менѣе готовыхъ образцовъ для нравственнаго поведенія не

существуетъ и никогда не будетъ существовать. Каждому приходится самостоятельно рѣшать вопросъ о своемъ личномъ призваніи, каждому приходится самостоятельно дѣйствовать въ безконечномъ разнообразіи текущей жизни, которая выдвигаетъ все новыя и новыя комбинаціи. Такимъ образомъ, измѣнчивость исторической обстановки ведетъ къ тому, что нравственная проблема, не мѣняясь въ своей основѣ, сохраняетъ постоянно свою свѣжесть и новизну для каждаго члена человѣческаго рода. Никто не избавленъ отъ нравственной свободы и автономіи и отъ той тяжелой отвѣтственности, которая съ ней связана.

Принимая во вниманіе положеніе человѣка, какъ части всего человѣчества, нѣкоторые мыслители считаютъ возможнымъ не придавать большого значенія вопросу о *личномъ безсмертіи*. Допуская, что человѣкъ окончательно смертенъ и что никакого загробнаго существованія нѣтъ, они обращаютъ вниманіе на то, что крупная личность все равно найдетъ себѣ безсмертіе въ памяти всего человѣчества, прогрессу котораго она способствовала своими дѣлами. Это хорошо выражено въ двустихіи Шиллера ¹⁾:

Смерть страшна для тебя? Ты хочешь быть вѣчно безсмертнымъ?
Въ цѣломъ живи: ты умрешь, цѣлое жъ все будетъ жить.

Но слѣдуетъ замѣтить, что въ такой постановкѣ вопросъ о личномъ безсмертіи все-таки не отпадаетъ. Для человѣка все-таки далеко не безразлично, будетъ ли существовать его личное сознаніе или же оно безслѣдно погибнетъ или растворится въ жизни безличнаго и всеобъемлющаго абсолюта. Какъ говорить Паскаль ²⁾, „безсмертіе души есть нѣчто такое, что имѣетъ для насъ огромную важность и такъ глубоко насъ трогаетъ, что нужно потерять всякое чувство, чтобы быть индифферентнымъ къ вопросу, какъ обстоитъ съ нимъ дѣло“. Выше было указано, что у мно-

1) Шиллеръ, „Безсмертіе“, пер. О. Миллера.

2) Pascal, „Pensées“, (изд. 1818), стр. 35.

гихъ людей, посвятившихъ себя искреннему культивированію своего высшаго я въ духѣ дѣйственной любви, является совершенно опредѣленное и непоколебимое сознаніе своего личнаго безсмертія. Очевидно, этимъ путемъ и должны идти люди, придающіе большое значеніе этому вопросу; научное знаніе тутъ не поможетъ.

II.

Въ процессѣ общечеловѣческаго служенія добру, какъ мнѣ кажется, *оба пола играютъ самостоятельную роль*. Мужчины и женщины служатъ общему дѣлу, но каждый по-своему; тѣ и другія другъ друга дополняютъ въ этомъ процессѣ.

Какъ мнѣ приходилось уже указывать въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, мужчина лучше женщины справляется съ чисто логическимъ анализомъ міра. Мужчина больше имѣетъ склонности къ абстрактному мышленію и больше находитъ въ немъ удовлетворенія. Вотъ почему чисто научное познаніе находится преимущественно въ мужскихъ рукахъ. Умъ женщины больше направленъ на конкретное, абстракціи ее мало интересуютъ и потому научная работа въ ея современномъ, по крайней мѣрѣ, видѣ слишкомъ для нея суха и мало возбуждаетъ ея интересъ.

Абстрактное мышленіе, конечно, является прекраснымъ средствомъ для овладѣнія окружающимъ міромъ и для господства надъ нимъ. Съ его помощью человѣкъ расчленяетъ безконечно разнообразную и безконечно сложную дѣйствительность на отдѣльные простѣйшіе элементы, знакомится съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности и такимъ образомъ по частямъ уясняетъ ту общую закономерность, которая наблюдается въ природѣ. Сводя безконечно сложный міръ къ отдѣльнымъ простымъ законамъ, человѣкъ, въ предѣлахъ дѣйствія этихъ законовъ, можетъ съ увѣрен-

¹⁾ См. мою брошюру: „Психологія женщинъ“ (1911 г.).

ностью предвидѣть и пользуется этимъ предвидѣніемъ для того, чтобы направлять теченіе вещей въ своихъ интересахъ. Такимъ образомъ на чистомъ знаніи основывается техника или прикладное знаніе, при посредствѣ котораго человѣкъ въ значительной степени оказывается хозяиномъ окружающаго міра, ставитъ его въ зависимость отъ себя.

Но логически работающій абстрактный интеллектъ не можетъ объять всего многообразія и всей сложности жизни, какъ она есть на самомъ дѣлѣ. Разлагая дѣйствительность на отдѣльные элементы, онъ разрушаетъ ея цѣлостность. Сверхъ того, и самое это разложеніе происходитъ не до конца и не безъ остатка. Процессъ абстрагирования не исчерпываетъ всѣхъ элементовъ дѣйствительности. Въ подлежащемъ логическому анализу содержаніи опыта всегда остается нѣкоторый ускользающій отъ этого анализа элементъ, который носитъ ирраціональный характеръ и въ рамки абстракцій не укладывается. Интеллектъ не можетъ осилить дѣйствительности во всей ея данности; онъ овладѣваетъ только отдѣльными ея сторонами, изъ которыхъ потомъ пытается возсоздать полную картину, но безуспѣшно. Это такъ же невозможно, какъ невозможно изъ кусковъ мозаики, даже самыхъ мелкихъ, создать такую картину, въ которой содержались бы тѣ тонкіе и неуловимые переходы однихъ нюансовъ въ другіе, какіе наблюдаются въ живомъ пейзажѣ. Вотъ почему Шопенгауэръ приписывалъ интеллекту „мозаичный“ характеръ ¹⁾. Бергсонъ по этому же поводу сравниваетъ работу интеллекта съ снимками для кинематографа ²⁾: эти снимки дѣлаются съ предмета въ разныхъ его положеніяхъ, возможно болѣе быстро, такъ чтобы уловить всѣ мельчайшіе переходы живого движенія. И однако самое движеніе изъ нихъ исчезаетъ; все-таки мы получаемъ только весьма разнообразныя, но застывшія позы. Чтобы вернуть всему движеніе, слѣдуетъ вставить

¹⁾ *Schopenhauer*, «Die Welt als Wille», I, § 12 и 13.

²⁾ *Bergson*, «Evolution créatrice», 295 сл., 323 сл.

въ аппаратъ движушій приборъ; самые же снимки движенія передать не могутъ. Такъ и въ работѣ интеллекта исчезаетъ самая жизнь и остаются только отдѣльные и одно-сторонніе снимки съ нея.

Если интеллекту удастся овладѣть міромъ, то только до извѣстной степени, поскольку міръ дѣйствительно логиченъ и постояненъ. Но въ мірѣ есть, несомнѣнно, иррациональные элементы и постоянное становленіе и измѣненіе. Вотъ этихъ-то иррациональныхъ и вѣчно мѣняющихся элементовъ бытія, которые не допускаютъ никакого предвидѣнія, интеллектъ и не въ состояніи осилить. Поэтому интеллектъ только ходитъ вокругъ явленій, но не въ состояніи проникнуть въ самую сущность бытія. Такія явленія, какъ жизненный процессъ, только съ грѣхомъ пополамъ могутъ быть описываемы въ логическихъ формулахъ, но самая сущность ихъ остается вполне непередаваемой въ логическихъ формулахъ, хотя явленіе жизни намъ знакомо по совершенно непосредственному переживанію. То же самое относится рѣшительно ко всей дѣйствительности. Мы можемъ передавать въ математическихъ формулахъ содержаніе законовъ тяготѣнія, но знаемъ ли мы хоть что-нибудь о самой таинственной силѣ тяжести? Мы можемъ вычислять формулы соединенія химическихъ элементовъ, но знаемъ ли мы что-нибудь о самомъ существѣ силы химическаго сродства, и т. д. до бесконечности. Вотъ почему отъ насъ остается скрытой и самая сущность міра вообще. Намъ необходимо, какъ мы видѣли, обращаться не къ разуму теоретическому, но къ совершенно иному источнику познанія—разуму практическому, чтобы получить хоть какія-нибудь указанія на наше назначеніе въ мірѣ и разрѣшить по-сильно такую основную для насъ проблему, какъ проблема моральнаго долга.

Вотъ это-то второе знаніе, столь важное въ этической области, какъ мнѣ кажется, гораздо въ большей степени развито у женщины, чѣмъ у мужчины. Женщина стоитъ ближе къ конкретной дѣйствительности; она въ меньшей

степени отгораживается отъ нея интеллектуальными абстракціями, чѣмъ мужчина. Поэтому женщиной ближе чувствуется и тотъ внутренній смыслъ жизни, на воспріятіи котораго основанъ весь нравственный долгъ. Женщина, такъ сказать, стихійнѣе мужчины, она какъ будто тѣснѣе и непосредственнѣе его связана съ космической основой человѣка, чувствительнѣе мужчины относится къ біенію пульса живой дѣйствительности, сильнѣе его переживаетъ эмоціи добра и зла. По самымъ условіямъ своей организаціи и физической жизни женщина въ гораздо большей степени обречена на страданія, чѣмъ мужчина; а мы уже знаемъ, какое огромное значеніе имѣютъ страданія для развитія альтруистическихъ чувствъ и для просвѣтленія нравственнаго сознанія вообще ¹⁾).

Конечно, бываютъ разныя женщины, злыя и добрыя. И такъ какъ женщина въ общемъ цѣльнѣе мужчины, то, ставши на дорогу служенія злу, женщина отдается этому служенію вполнѣ непосредственно и можетъ легко обратиться въ настоящую фурію въ духѣ лэди Макбетъ. Но зато женщина, проникнутая добромъ, также настроена гораздо идеальнѣе, чѣмъ такой же рядовой мужчина. Цѣльность женской натуры приводитъ къ тому, что такая женщина кажется какъ будто всѣми фибрами своего существа приспособленной къ этой своей миссіи. Она всюду вноситъ свѣтъ и ласку; она создаетъ въ человѣческихъ отношеніяхъ тотъ элементъ теплоты и мягкости, безъ котораго настоящее добро было бы невозможно. Женщинѣ въ особенности свойственна нравственная *грація*, которая состоитъ въ томъ, что физическія ея свойства стоятъ какъ бы въ полной гармоніи съ духовными, и служеніе добру получаетъ тотъ видъ легкости и непринужденности, который и является характернымъ отличіемъ всего граціознаго. Въ женщинѣ часто проявляется именно та „прекрасная

1) См. объ этомъ *Дрентельнъ*, „Этюды о природѣ женщины и мужчины“. М., 1908 г.

душа“, которую Шиллеръ рисуетъ въ своемъ стихотвореніи „Геній“ ¹⁾:

Если, счастливецъ, тебя не покинулъ твой геній хранитель,
 И гласъ инстинкта въ тебѣ не замолкалъ никогда,
 Если твой взоръ цѣломудренный чистою правдой сіяетъ
 И ясно голосъ ея слышишь въ своей ты груди;
 Если въ тебѣ еще миръ и сомнѣній не знаешь ты бурныхъ
 И ты увѣренъ, что ввѣкъ ихъ не узнаешь совѣмъ;
 Если не нуженъ судья для спора чувствъ разногласныхъ,
 Сердце твое никогда разумъ тебѣ не затмитъ—
 О тогда совершай жизни путь въ невинности дѣтской.

Заурядный мужчина въ этомъ отношеніи суше женщины. Съ своимъ слишкомъ абстрактно работающимъ интеллектомъ онъ больше направленъ на чисто практическую работу, за которой слишкомъ часто склоненъ забывать о поэзии жизни. Онъ можетъ быть очень честенъ и стоекъ, но онъ не столь отзывчивъ на все высокое и даже какъ будто стыдится подобныхъ порывовъ съ своей стороны, неосновательно считая ихъ несовмѣстимыми со своей мужской силой. Сила же женщины заключается именно въ мягкости, кротости, идеальномъ, чистомъ настроеніи, въ болѣе непосредственномъ ощущеніи того, чѣмъ на самомъ дѣлѣ живы люди. Не даромъ женщина сама является главнымъ источникомъ новой жизни, а по тонкому замѣчанію того же поэта

Кто людямъ жизни не даетъ,
 Людей любить не можетъ ²⁾.

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы я отказывалъ мужчинамъ въ силѣ нравственнаго начала. Есть безнравственныя женщины, какъ бываютъ и весьма нравственные мужчины. Но, думается мнѣ, въ массѣ женщины все же нравственно чище мужчинъ. Этотъ полъ вообще ровнѣе

¹⁾ Переводъ Э. Миллера.

²⁾ Шиллеръ, „Достоинство мужчины“, пер. Э. Миллера.

мужского. Женская нравственность сверхъ того интимнѣе и граціознѣе мужской ¹⁾.

Съ другой же стороны только неровный мужской полъ выдѣляетъ изъ себя, обыкновенно, и геніевъ нравственности, какъ онъ же выдѣляетъ изъ себя геніевъ научной мысли и искусства. Среди мужчинъ больше идіотовъ, чѣмъ среди женщинъ, но и высшая геніальность среди нихъ встрѣчается чаще. Вотъ почему мужчины обычно стоятъ во главѣ крупныхъ переворотовъ въ человѣческомъ нравственномъ сознаніи. Они являются основателями новыхъ религій, отъ нихъ исходятъ и философскія построенія въ области теоретической этики.

Но если, такимъ образомъ, мужчины даютъ мощные толчки нравственному прогрессу человѣчества, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ проясненія нравственного сознанія, то болѣе чистыя нравственно въ большинствѣ женщины являются хранительницами нравственныхъ завѣтовъ въ человѣческихъ массахъ. Нравственность не была бы той живой силой, какой она все-таки является въ человѣчествѣ, если бы она не согрѣвалась и не поддерживалась присущимъ женщинамъ въ особой степенн энтузіазмомъ ко всему высокому, что подымаетъ человѣка надъ повседневной прозой жизни. Женщины отзывчивѣе на все доброе и идеальное. Вотъ почему онѣ являются первыми прозелитками и ревностнѣе распространительницами новыхъ нравственныхъ теченій, хотя сравнительно рѣдко полагаютъ имъ начало.

Не даромъ даже у Платона, котораго едва ли можно считать особеннымъ поклонникомъ женщины, значеніе божественнаго Эроса въ діалогѣ „Пиръ“ объявляетъ Сократу

¹⁾ Ср. отзывъ о женщинахъ *Fichte*. „Этому полу человѣческія установленія удѣлили прежде всего заботу о внѣшнихъ мелкихъ потребностяхъ или даже объ украшеніяхъ человѣческой жизни; эта забота болѣе развлекаетъ и болѣе отвлекаетъ отъ яснаго и серьезнаго размышленія, чѣмъ что иное; но взамѣнъ того разумная природа дала ему болѣе горячее стремленіе къ вѣчному и болѣе тонкое чувство вѣчнаго“. *Fichte* „Die Anweisung zum seligen Leben“, Erste Vorlesung въ концѣ.

женщина Диотима. Всѣ мужскія похвалы божественной любви оказываются слишкомъ блѣдными и не касающимися самаго существа дѣла въ сравненіи съ ея рѣчью.

Я не являюсь, однако, безусловнымъ апологетомъ женской чистоты и нравственности, какъ это иногда думаютъ, судя по тому, что я обыкновенно высказывалъ по этому поводу въ моихъ печатныхъ трудахъ. Я обращаю вниманіе читателя, въ заключеніе этой суммарной характеристики нравственной роли обоихъ половъ, на одну специфическую опасность, которая грозитъ именно женщинѣ и жертвой которой дѣйствительно становятся женщины. Сила женщины состоитъ въ томъ, по моему убѣжденію, что въ ней особенно глубока эмоциональная подпочва всякой нравственности, живое чувство симпатіи. Поэтому-то женщинамъ такъ легко, обыкновенно, безъ всякихъ усилій надъ собою быть граціозно-нравственными, согрѣвать всѣхъ окружающихъ своей естественной любовью. Но эта нравственность обладаетъ и одной отрицательной стороной: если чувство не продумано и недостаточно просвѣтлено сознаниемъ, то оно получаетъ слишкомъ стихійный, слишкомъ слѣпой характеръ. Оно рискуетъ пріобрѣсти слишкомъ узкій и исключительный оттѣнокъ; оно легко обращается на мало пригодные объекты, а въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ можетъ приводить къ поступкамъ, иногда прямо вреднымъ для любимаго лица, вреднымъ даже въ смыслѣ того нравственнаго преуспѣянія. Между тѣмъ женщины часто объ этомъ забываютъ и съ этимъ не считаются. Однимъ изъ высоко-цѣнныхъ завоеваній современныхъ женщинъ является доступъ къ высшему образованію, открывающій имъ возможность болѣе интенсивно, чѣмъ прежде, развивать свои интеллектуальныя способности. Это, несомнѣнно, приведетъ къ просвѣтленію нравственныхъ чувствъ женщины! Но пусть женщины при этомъ остерегаются новой, возникающей передъ ними опасности: пусть не убьютъ онѣ чужеродной культурой интеллекта свою вѣчно жен-

ственную любовь. Есть факты современной жизни, которые обращают наше вниманіе и на эту опасность, грозящую женщинамъ.

III.

Такимъ образомъ, окончательная развязка мірового процесса намъ неизвѣстна. Побѣда добра надъ зломъ ничѣмъ не гарантирована; она зависитъ и отъ того, насколько ревностно такіе элементы міра, какъ человѣчество, станутъ на защиту добра. Мы можемъ только вѣрить въ будущее торжество добра и надѣяться на него, но не можемъ ничего съ достовѣрностью знать въ этой области. Положительный смыслъ жизни намъ не данъ полностью, а данъ только отчасти. Полное его раскрытіе есть только міровое заданіе, и точнымъ знаніемъ о міровомъ процессѣ въ его цѣломъ мы не располагаемъ.

Часто приходится слышать отъ людей жалобы на такое положеніе вещей. Незвѣстность ихъ тяготитъ и мучаетъ. Они думаютъ, что жилось бы гораздо легче, если бы мы обладали полнымъ знаніемъ, точно знали бы, откуда пошелъ міровой процессъ и къ чему онъ приведетъ въ своей окончательной развязкѣ. Но я думаю, что такія жалобы совершенно неосновательны. Конечно, мы можемъ въ мечтахъ воображать міръ, устроенный иначе, чѣмъ онъ есть, не заключающій въ себѣ сильныхъ и часто побѣдоносныхъ элементовъ зла; можемъ воображать его населеннымъ существами съ разумомъ безконечно болѣе могущественнымъ, чѣмъ нашъ, и проникающимъ во всѣ тайны мірозданія. Но вѣдь это все и будутъ мечты, пригодныя, быть можетъ, для построения руководящихъ нами идеаловъ отдаленнаго будущаго, но совершенно непригодныя для улучшенія наличнаго положенія. Если мы хотимъ наполнить нашу жизнь возможно большимъ положительнымъ смысломъ,—а такую цѣль, казалось бы, долженъ ставить себѣ каждый живущій человѣкъ,—то мы должны отправляться отъ существующаго положенія вещей и отъ той природы, которой располагаемъ

реально данное намъ разумное существо—человѣкъ,—а не какое-нибудь воображаемое и только идеальное.

Отправляясь же отъ эмпирически данной намъ природы: человѣка, приходится сказать, что жаловаться на отсутствіе у человѣка полнаго знанія о мірѣ не приходится. *Человѣкъ такъ устроенъ, что онъ совершенно неприспособленъ къ такому полному и окончательному знанію міра.*

Дѣло въ томъ, что каждый человѣкъ и человѣчество въ цѣломъ представляютъ собою *активную силу*; которая можетъ дѣйствовать только въ сознаниі, что она творитъ постоянно нѣчто новое, нѣчто такое, что именно ею создается и отъ нея зависитъ. Такимъ творческимъ характеромъ отличается вообще психическая причинность ¹⁾. Отличіе духовной жизни отъ чисто физической или механической закономерности состоитъ въ томъ, что духовная жизнь постоянно создаетъ новые синтезы мысли и чувства, качественно отличные отъ прежде существовавшихъ. У живущихъ духовною жизнью существъ, подобныхъ человѣку, постоянно появляются поэтому новыя цѣнности и проясняется сознаніе старыхъ. Въ этомъ состоитъ внутренній смыслъ развитія каждаго отдѣльнаго человѣка, въ этомъ заключается и значеніе общекультурнаго развитія всего человѣчества.

Если бы мы напередъ знали, чѣмъ кончится міровой процессъ, то такая творческая дѣятельность утратила бы для насъ всякій смыслъ и интересъ. Вѣдь тогда мы заранѣе знали бы, что именно предопредѣлено міровымъ планомъ; мы знали бы, что въ концѣ концовъ наступитъ заранѣе данная развязка и что наступленіе этой развязки, въ чемъ бы она ни состояла, намъ гарантировано навѣрное. Въ чемъ же тогда состояла бы миссія разумно мыслящихъ и дѣйствующихъ существъ, подобныхъ людямъ? Вѣдь эти существа заранѣе знали бы, что отъ нихъ ничего не зави-

¹⁾ См. подробнѣе мою книгу „Нравственная личность и общество“, 93—124.

силь, что и всѣ ихъ дѣйствія входятъ, какъ части, въ тотъ же предначертанный планъ мірозданія, что въ этомъ планѣ людская воля, въ сущности, ничего измѣнить не можетъ и что, такимъ образомъ, человѣческая свобода и самодѣятельность, все человѣческое творчество представляютъ собою не что иное, какъ присущую людямъ иллюзію. Что бы ни дѣлали, что бы ни думали люди, міровой процессъ все равно пойдетъ по заранѣ проложеннымъ для него рельсамъ и придетъ къ заранѣ намѣченной цѣли.

Я спрашиваю, былъ ли бы у людей какой-нибудь интересъ къ дѣятельности, если бы все это было такъ? Конечно, нѣтъ. Наша свободная творческая дѣятельность получаетъ значеніе лишь при наличности неувѣренности и извѣстнаго риска. Мы можемъ надѣяться на побѣду и опасаться пораженія, и это придаетъ намъ мужество и настойчивость въ нашихъ начинаніяхъ. Только пластичность и незаконченность бытія даетъ смыслъ нашему собственному существованію, такъ какъ при этомъ условіи мы сознаемъ, что и отъ насъ многое зависитъ.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести по этому поводу выписку одной изъ лучшихъ страницъ въ „Критикѣ практическаго разума“ Канта ¹⁾.

„Положимъ, что природа поступила бы въ этомъ сообразно нашему желанію и дала бы намъ ту способность проникновенія и просвѣщенія, которую мы такъ хотѣли бы имѣть или въ обладаніи которой нѣкоторые даже мнятъ себя уже находящимися, то каковы были бы, по всей видимости, послѣдствія этого? Поскольку вмѣстѣ съ этимъ не была бы измѣнена вся наша природа, склонности, которыя всегда имѣютъ первое слово, прежде всего потребовали бы своего удовлетворенія и притомъ, въ связи съ разумнымъ разчетомъ, возможно большаго и длительнаго удовлетворенія, именуемаго счастіемъ; моральный законъ получилъ бы слово въ послѣдствіи, чтобы держать склон-

¹⁾ *Kant*, „Kritik der praktischen Vernunft“ (Vorländer), 186—188.

ности въ подобающихъ границахъ и даже подчинять всѣ ихъ въ совокупности высшей цѣли, не принимающей въ соображеніе никакихъ склонностей. Но вмѣсто спора, который теперѣ должно моральное настроеніе вести со склонностями и въ которомъ послѣ нѣкоторыхъ поражений постепенно однако приобрѣтается моральная сила души, Богъ и вѣчность съ ихъ ужаснымъ величіемъ непрестанно находились бы у насъ передъ глазами (ибо то, что мы можемъ вполне доказать, въ отношеніи къ увѣренности имѣеть ту же цѣнность, какъ если бы мы въ чемъ наглядно удостовѣрились). Конечно, люди избѣгали бы нарушенія закона и исполняли бы предписанное; но настроеніе, вслѣдствіе котораго должно происходить дѣйствіе, не можетъ быть вложено никакимъ предписаніемъ; побужденіе къ дѣятельности при такихъ условіяхъ всегда подъ руками и имѣеть внѣшній характеръ; слѣдовательно, разумъ уже не можетъ дорабатываться до того, чтобы собирать силы для противодѣйствія склонностямъ живымъ представленіемъ достоинства закона; тогда большинство законосообразныхъ дѣйствій происходило бы изъ страха, только немногія совершались бы изъ надежды, и ни одно не совершалось бы изъ долга; моральная же цѣнность дѣяній, на которой только и покоится цѣнность личности и даже всего міра въ глазахъ высшей мудрости, совсѣмъ бы не существовала. Поведеніе человѣка, пока его природа осталась бы такой, какова она теперѣ, обратилось бы, слѣдовательно, въ простой механизмъ, гдѣ всѣ, какъ въ театрѣ маріонетокъ, хорошо жестикулировали бы, но въ фигурахъ нельзя бы было найти никакой жизни. Но на самомъ дѣлѣ съ нами обстоитъ иначе; сколько бы мы ни напрягали нашъ разумъ, мы можемъ получить только очень темное и двусмысленное представленіе о будущемъ; мы можемъ только дѣлать предположенія объ управителѣ міра, его бытіи и его величій, но не можемъ ясно всего этого видѣть или доказать; напротивъ, моральный законъ въ насъ, ничего намъ съ достовѣрностью не обѣщая, но и ничѣмъ не угро-

жая, требуетъ отъ насъ безкорыстнаго уваженія и при этомъ, если это уваженіе стало дѣятельнымъ и преобладающимъ, только тогда и только этимъ путемъ дозволяетъ нѣкоторое проникновеніе въ царство сверхчувственнаго, да и то лишь слабыми взглядами. Такъ можетъ получиться истинно нравственное, непосредственно посвященное закону настроеніе, и разумное существо можетъ стать достойнымъ участія въ высшемъ благѣ, которое соразмѣрно моральной цѣнности его личности, а не только его дѣйствій. Такимъ образомъ и здѣсь оправдывается то, чему учитъ насъ въ достаточной степени наблюденіе надъ природой и людьми, а именно, что неисповѣдимая мудрость, въ силу которой мы существуемъ, не менѣе достойна уваженія въ томъ, въ чемъ она намъ отказала, чѣмъ въ томъ, что она намъ удѣлила“.

Вотъ почему такими скучными и въ концѣ концовъ такими прозаичными оказываются всѣ метафизическія попытки истолковать намъ міръ, какъ законченное и вполне гармоническое цѣлое, въ которомъ нѣтъ противорѣчій. Въ такомъ мірѣ нѣтъ мѣста для нашего свободнаго творчества: тамъ нѣтъ реального зла и страданій, но нѣтъ мѣста и для человѣческаго героизма, для нравственнаго подвига и заслуги. По этому поводу хорошо высказывается Шиллеръ 1).

„Что для воспріимчиваго путешественника дѣлаетъ дикую странность физическаго міра столь привлекательной, именно это же духу, способному восторгаться, открываетъ въ описанной анархіи нравственнаго міра источникъ совершенно своеобразнаго наслажденія. Конечно, тотъ, кто освѣщаетъ великое домоводство природы бѣднымъ факеломъ разсудка и постоянно стремится къ тому, чтобы смѣлый беспорядокъ превратить въ гармонію, тотъ не можетъ чувствовать себя хорошо въ мірѣ, въ которомъ править безумная случайность, а не разумный планъ и въ которомъ въ большинствѣ случаевъ заслуга и счастье стоятъ

1) Шиллеръ, „О возвышенномъ“, пер. Радлова.

другъ съ другомъ въ противорѣчїи. Ему хотѣлось бы, чтобы въ великой смѣнѣ событїй все такъ же было устроено, какъ въ хорошемъ хозяйствѣ, и если онъ не замѣчаетъ—а иначе это и быть не можетъ—закономѣрности, то ему не остается ничего иного, какъ ожиданіе, что будущая жизнь и иная природа доставятъ ему удовлетвореніе, котораго не дало ему настоящее и прошедшее. Если же онъ добровольно откажется отъ попытки подвести подъ единство познанїя этотъ не закономѣрный хаосъ, то онъ въ иномъ отношенїи достаточно выиграетъ по сравненїи съ тѣмъ, что онъ въ этомъ отношенїи теряетъ. Именно полное отсутствїе какой-либо цѣлесообразности въ сочетанїи этого нагроможденїа явленїй, благодаря которому они превышаютъ силы разсудка, долженствующаго придерживаться цѣлесообразности, какъ формы связи, и становятся для него бесполезными, именно это и дѣлаетъ ихъ точнымъ символомъ чистаго разума, который усматриваетъ въ дикой необузданности природы собственную независимость отъ природныхъ условїй. Если въ цѣломъ рядѣ предметовъ уничтожить ихъ взаимную связь, то получится понятїе независимости, которое удивительно соотвѣтствуетъ чистому понятїю разума—свободѣ. Подъ эту идею свободы, которую разумъ беретъ изъ самого себя, онъ подводитъ въ единствѣ мысли то, что разсудокъ не можетъ соединить въ одно познанїе; разумъ этой идеей подчиняетъ себѣ безконечную игру явленїй и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ свое превосходство надъ разсудкомъ, какъ чувственно обусловленной способностью. Если вспомнить, какое значенїе должно имѣть для разумнаго существа сознанїе независимости отъ законовъ природы, то станетъ понятнымъ, какимъ образомъ люди, одаренные возвышеннымъ душевнымъ настроенїемъ, могутъ считать себя вознагражденными дарованной имъ идеей свободы за неудачи познанїа. Свобода представляетъ для благородныхъ душъ, при всѣхъ нравственныхъ противорѣчїяхъ и физическомъ злѣ, гораздо болѣе интересное зрѣлище, чѣмъ богатство

и порядокъ безъ свободы, когда овцы терпѣливо слѣдуютъ за пастухомъ, а самодержавная воля унижается до роли служебной части въ часовомъ механизмѣ. Послѣднее дѣлаетъ человѣка лишь остроумнымъ произведеніемъ и счастливымъ гражданиномъ природы, свобода дѣлаетъ его гражданиномъ и соправителемъ болѣе высокой системы; занимать въ ней послѣднее мѣсто безконечно почетнѣе, чѣмъ въ физическомъ порядкѣ предводительствовать рядами“.

Такимъ образомъ, только неполное знаніе о мірѣ и представленіе его незаконченнымъ и негармоническимъ цѣлымъ, надъ которымъ еще необходима работа, чтобы создать въ немъ полную гармонию, отводитъ человѣку вполнѣ достойное его положеніе въ мірѣ. Съ другой стороны истина, конечно, какъ правильно отмѣчаетъ Кантъ въ приведенномъ отрывкѣ, была бы для человѣка невыносима, если бы сразу открылась ему въ полномъ объемѣ. Человѣкъ при своей конечной и грѣховной природѣ недостойнъ познанія абсолютной истины. Стремленіе къ ея преждевременному раскрытію было бы преступленіемъ и дерзостью со стороны человѣческаго духа. Чтобы воспринять безконечную истину, человѣкъ самъ долженъ стать безконечнымъ. А для этого онъ долженъ идти путемъ тяжелыхъ страданій и лишеній, которыя, какъ мы выяснили въ предыдущей статьѣ, необходимы для проясненія нравственнаго сознанія человѣка и для очищенія его духовной природы.

Если же человѣкъ, не достаточно воспитавшій въ себѣ безконечное, высшее я, дерзко пожелаетъ насильственнымъ ударомъ сорвать покрывало міровой тайны, то его ожидаетъ участь шиллеровскаго юноши въ Саисѣ:

У ногъ Изиды въ храмѣ

Путру недвижимъ онъ поднять былъ жрецами.

И что онъ увидалъ? и что постигнулъ онъ?

Вопросы слышались ему со всѣхъ сторонъ.

Угромый юноша на нихъ отвѣта не далъ...

Но въ жизни счастья онъ и радости не вѣдалъ:

Въ могилу раннюю тоска его свела,

И къ людямъ рѣчь его прощальная была:
 „Кто къ истинѣ идетъ стезею преступленья,
 Тому и въ истинѣ не вѣдать наслажденья“¹⁾.

IV.

Но если полная истина не дана человѣку, то тѣмъ съ большимъ уваженіемъ онъ долженъ относиться къ той неполной истинѣ, которая ему доступна. *Человѣкъ долженъ быть правдивъ во всемъ*, такъ какъ всякая неправда есть прегрѣшеніе противъ высшаго, разумнаго я, противъ истины.

Вотъ почему я самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываюсь противъ жизни *иллюзіями*. Человѣкъ, который сознательно закрываетъ глаза на темныя стороны окружающей жизни и ищетъ спасенія въ лжи, которую не старается разоблачить или даже сознательно поддерживаетъ, не достоинъ имени человѣка. Онъ обнаруживаетъ такимъ поведеніемъ полное отсутствіе нравственнаго мужества. Подобно страусу, онъ прячетъ голову подъ крыло и пытается спастись отъ серьезныхъ требованій жизни создаваемымъ для своего утѣшенія обманомъ. Такой человѣкъ, конечно, не будетъ ни бороться со зломъ, ни дѣятельно насаждать добро. Для того и другого необходимо смѣло смотрѣть въ глаза жизни со всѣми ея ужасами и темными сторонами. Только тогда мы оцѣнимъ по достоинству и то добро, которое въ ней встрѣчается.

Извѣстный герой „Дикой утки“ Пбсена—Яльмаръ Экдалъ,—конечно, нравственной критики выдержать не можетъ. Нѣтъ никакого достоинства въ этомъ жалкомъ человѣкѣ, который живетъ трудами и самоотверженностью окружающихъ его женщинъ и мнитъ себя при этомъ великимъ человѣкомъ. А вѣдь такихъ Яльмаровъ Экдалей въ жизни встрѣчается великое множество. Люди очень любятъ лгать самимъ себѣ и тѣмъ страшно отдаляютъ себя

¹⁾ Шиллеръ, „Покрытый истуканъ въ Саисѣ“, пер. М. Михайлова.

отъ нравственнаго идеала. Значеніе истины состоитъ во-все не въ томъ одномъ, что она показываетъ людямъ, какъ они несчастны. Это могутъ утверждать только такіе въ общемъ слабые и безсильные люди, какъ пессимистъ Леопарди. Истина, прежде всего, показываетъ человѣку, въ чемъ состоитъ его достоинство, раскрываетъ пути для его достиженія и указываетъ препятствія, возникающія на этомъ пути. Тотъ, кто уклоняется отъ истины, уклоняется и отъ моральнаго долга.

Но, конечно, для того, чтобы отрѣшиться отъ иллюзій и смѣло смотрѣть жизни въ глаза, необходимо обладать достаточно сильнымъ характеромъ, который можетъ выдержать истину и не прячется за трусливые компромиссы. Человѣкъ, который любитъ правду, прежде всего правдивъ передъ самимъ собою. Онъ не закрываетъ глазъ на собственныя слабости и не пускается на хитрости съ самимъ собою ¹⁾.

Дѣло въ томъ, что наше маленькое, эгоистическое я очень любитъ прикрывать свои конфликты съ высшимъ духовнымъ я, требующимъ служенія призванію, тѣмъ, что оно надѣваетъ на себя личину нравственности. Оно изобрѣтаетъ при этомъ самую тонкую аргументацію, чтобы придать красивый видъ самымъ некрасивымъ своимъ побужденіямъ, и этимъ путемъ пытается обмануть высшій разумъ и заставить его служить своимъ низменнымъ цѣлямъ.

Побороть эти обманы внутренней жизни, раскрыть это притворство передъ самимъ собою и принести покой, создаваемый ложью, въ жертву борьбѣ за высшее содержаніе я, за служеніе космической истинѣ, не такъ легко. Для этого необходимо добросовѣстно познать самого себя. Трудность такого предпріятія состоитъ не только въ субъективной несклонности къ этому трусливаго и лѣниваго человѣка, но и въ объективныхъ препятствіяхъ, встрѣчающихся на этомъ пути къ внутренней правдѣ. Вѣдь для

¹⁾ См. объ этомъ *Dromard, Les mensonges de la vie interieure* (1910).

этого необходимо умѣть очень тонко разбираться въ себѣ и преодолевать всѣ хитрости и уловки низшаго я.

Не такъ давно поэтому человѣчество стало вообще способно къ такому самоанализу. Онъ превышаетъ силы малоразвитой культуры. Но отъ развитія этого самоанализа слѣдуетъ много ожидать для будущности человѣчества. Вотъ почему и созданный фантазіей Достоевскаго учитель жизни, старецъ Зосима, котораго мы такъ часто упоминали въ нашихъ разсужденіяхъ, столь настойчиво предостерегаетъ отъ внутренней лжи. „Главное, говорить онъ, убѣгайте лжи, лжи самимъ себѣ въ особенности. Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь въ нее каждый часъ, каждую минуту. Брезгливости убѣгайте также и къ себѣ, и къ другимъ: то, что вамъ кажется внутри себя сквернымъ, уже однимъ тѣмъ, что вы это замѣтили въ себѣ, очищается. Страхъ также убѣгайте, хотя страхъ есть лишь послѣдствіе всякой лжи“.

Во второй половинѣ приведенной выписки заключается однако весьма важное ограниченіе правомѣрности самоанализа. Онъ не долженъ заходить и слишкомъ далеко и превращаться въ самоцѣль, въ воспитаніе недоувѣрія и брезгливости къ самому себѣ. Такой чрезмѣрно развитой самоанализъ можетъ привести къ очень вреднымъ послѣдствіямъ: къ ослабленію или даже къ полному параличу воли. Человѣкъ, привыкшій постоянно „конатся въ себя“, въ концѣ концовъ утрачиваетъ способность дѣйствовать, ибо постоянно во всемъ сомнѣвается. Видя постоянно передъ собою рядъ противорѣчивыхъ мотивовъ, онъ въ нихъ запутывается и не знаетъ, какому отдать предпочтеніе. Привыкнувъ постоянно размышлять о себѣ, своихъ свойствахъ и планахъ, онъ теряетъ способность отдаваться дѣятельности, которая требуетъ не только разсудительности, но и рѣшительности. Такой человѣкъ утрачиваетъ способность жить, ибо жизнь есть прежде всего дѣятельность и борьба съ препятствіями. Самоанализъ долженъ быть только средствомъ для того, чтобы жить прав-

диво, но онъ не долженъ вести къ утратѣ способности жить вообще.

Рѣшительно высказываясь противъ иллюзій, я, конечно, понимаю подъ этимъ словомъ исключительно одну только неправду, которой стремятся окружать себя люди и которая помогаетъ имъ закрывать глаза на окружающую дѣйствительность и на самихъ себя, въ особенности на свои недостатки. Но иногда подъ тѣмъ же словомъ „иллюзій“ понимаютъ создаваемые людьми *идеалы*. Противъ такихъ иллюзій я, конечно, менѣе всего сталъ бы возражать. Но я думаю, что идеаль не слѣдуетъ называть такимъ именемъ. Дѣло въ томъ, что въ идеалахъ никакой лжи нѣтъ. Иллюзій рисуютъ намъ не въ надлежащемъ свѣтѣ ту жизнь, которая насъ окружаетъ, и закрываютъ отъ насъ ея темныя стороны. Идеалы же имѣютъ дѣло не съ дѣйствительной жизнью, но съ той жизнью, которая только желательна. Человѣкъ, создающій идеалы, стоитъ не на линіи существующаго, но на линіи долженствующаго. Сооружая идеалы для будущаго, онъ тѣмъ самымъ не только не скрываетъ отъ себя бѣдствій и золъ настоящаго, но, напротивъ, съ особой силой ихъ подчеркиваетъ и ищетъ средствъ и путей къ ихъ устраненію. Если, такимъ образомъ, иллюзій расслабляютъ и унижаютъ человѣка, то идеалы его бодрятъ и возвышаютъ. Въ построеніи идеаловъ сказывается активная природа человѣка, его сознаніе своей способности творчески воздѣйствовать на самого себя и на окружающую среду. Идеаль есть средство налагать на міръ печать свободнаго творчества человѣка въ духѣ высшихъ сторонъ его существа. Въ идеаль нѣтъ лжи, такъ какъ тотъ, кто создаетъ идеаль, тѣмъ самымъ удостовѣряетъ, что ему не соотвѣтствуетъ дѣйствительность. Идеаль не есть нарушеніе міровой красоты и добра; напротивъ, онъ есть средство вести и людей, и весь доступный ихъ воздѣйствію міръ къ творчеству добра и красоты. Въ идеаль сказываются все величіе и вся мощь человѣка. Однимъ словомъ, если словомъ „иллюзій“

называть идеалы человечества, то придется согласиться съ поэтомъ философомъ, въ горячихъ стихахъ прославляющимъ способность человечества создавать подобныя иллюзіи, въ которыхъ нѣтъ лжи ¹⁾).

Цѣль тѣмъ милѣй для насъ, чѣмъ дальше и труднѣй:
 Тогда мы цѣнимъ въ ней свой трудъ, свои усилія.
 Во все, что любимъ мы, мы часть души своей
 Всегда перенесемъ, и, намъ давая крылья,
 Она-то все для насъ и дѣлаетъ цѣннѣй.
 Мы міръ возсоздаемъ въ огнѣ своихъ стремленій,
 Мы придаемъ вещамъ способность ощущеній,
 Въ природѣ видимъ мы—себя, свои черты.
 Такъ, только такъ и жизнь становится возможной!
 Когда бы самъ себѣ открылся міръ ничтожный,
 Онъ испугался бы своей же наготы!
 Онъ самъ бы захотѣлъ иллюзіей прикрыться,
 Въ очахъ людей онъ самъ стремился бѣ отразиться
 Не плодотворнѣе, не выше ль правды всеі
 То идеальное, что красить жизнь людей?
 Міръ тщетно силится, измученный борьбою,
 Идею воплотить, осуществить собою;
 Онъ съ дѣтской вѣрою къ ней тянется съ земли;
 И вѣчно передъ нимъ крылатою мечтою
 Бѣглянка ускользнетъ—и скроется вдали.
 Для насъ шагнуть впередъ—упасть иль оступиться.
 Но, подстрекаемый ошибкой роковой,
 Всегда ль бессмысленно здѣсь каждый суетится?
 Нѣтъ! чѣмъ обмануть онъ, то разглядить другой.
 Забрезжить истина изъ нашихъ заблужденій!
 Мы всѣ, въ отдѣльности, игрушки сновиднѣй,
 Но день придетъ—и въ жизнь преобразится сонъ.
 Чего не кончилъ я, додѣлаютъ другіе,
 И въ мигъ, когда во тьмѣ, измученъ, истощенъ,
 Я падаю, блеснутъ лучи мнѣ дорогіе,
 Взойдетъ моя заря!.. Но тутъ же, вслѣдъ за ней,
 Другому новая заря, еще нѣжнѣй,
 Еще таинственнѣй и дальше улыбнется...

¹⁾ Гюйо, Стихи философа, пер. Тхоржевскаго, стр. 17—18 (сила иллюзіи).

И снова въ свой чередъ, ей поблѣднѣтъ придется!
 Всѣ солнца нашихъ грезъ—блнстательны они
 Лишь въ первый мигъ зарп. Но все ли грустно въ этомъ?
 О дай мнѣ силъ, мечта, сіянемъ обмани!
 Не устаешь заря манить насъ бѣглымъ свѣтомъ,
 Все дальше цѣль отъ насъ, но творческой мечтой
 Не устаешь и ты вести насъ за собой,
 Надежда вѣчная, крылатая химера!
 — Величіе земли, вертящейся впотьмахъ
 Потухшимъ глобусомъ въ безбрежныхъ небесахъ,
 Въ томъ, что на ней одной не изсякаетъ вѣра.

V.

Мы можемъ теперь *повести итоги* всему разсужденію о высшемъ принципѣ морали.

Я полагаю, что ни чистый оптимизмъ, ни чистый пессимизмъ не годятся для обоснованія и объясненія содержанія моральнаго долга по той простой причинѣ, что эти міровоззрѣнія не адекватны міру, какъ мы его знаемъ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ доступнаго намъ опыта и обработки его дискурсивнымъ мышленіемъ. Можетъ быть, міръ, какъ умопостигаемая сущность, и есть единство, но намъ это единство оказывается недоступнымъ, мы не можемъ его не только наглядно представить себѣ въ воззрѣніи, но даже создать о немъ сколько-нибудь удовлетворительную идею. Поэтому всѣ системы монистической метафизики были до сихъ поръ неудовлетворительны и, какъ мнѣ представляется, навсегда обречены этой участи. Въ предѣлахъ нашего разумнаго познаванія міръ плюралистиченъ или, по меньшей мѣрѣ, дуалистиченъ. Онъ незаконченъ, пластиченъ, и конечная его участь зависитъ отъ исхода разыгрывающейся въ немъ борьбы противоположностей, въ которой челоѣчество призвано сыграть свою роль.

Назначеніе челоѣка состоитъ въ томъ, чтобы слѣдовать голосу своего *достоинства*. Въ этомъ словѣ я считаю возможнымъ объединить то, чего отъ насъ требуетъ императивъ нравственнаго долга. Такимъ образомъ, въ конечномъ

выводъ я схожусь,—и мнѣ пріятно это отмѣтить,—съ такимъ авторитетомъ въ вопросахъ этики, какъ французскій академикъ Эмиль Фагэ ¹⁾, хотя въ значительной степени не согласенъ въ подробностяхъ съ его построениемъ. Но, такъ же какъ и онъ, я могу дать защищаемой мною морали названіе *морали челоѵческаго достоинства* (или, по выраженію Фагэ, морали чести, *la morale de l'honneur*). Подъ достоинствомъ же слѣдуетъ разумѣть понимаемую въ широкомъ смыслѣ *разумность* челоѵка, его *высшее я*, способное къ безконечному расширенію и поднимающее его выше всей остальной эмпирической дѣйствительности.

Какъ прекрасно разъяснилъ уже Фагэ, мораль достоинства стоитъ очень близко къ морали категорическаго императива, защищаемой Кантомъ. Прибавляя къ этому императиву мотивъ достоинства, моральное ученіе, отстаиваемое нами, ничего не убавляетъ въ чистотѣ и строгости нравственнаго долга. Оно только дѣлаетъ для насъ этотъ долгъ ближе и понятнѣе. Оно обращаетъ мораль Канта изъ чисто императивной въ убѣждающую (*morale persuasive*).

„Объяснить себя,—говоритъ Фагэ ²⁾,—значитъ привести мотивъ. Есть разница между простымъ приказаніемъ, сухимъ и надменнымъ, и предложеннымъ нами обращеніемъ вниманія на честь; есть разница между самимъ долгомъ и честью; долгъ не предлагаетъ только себя самого, когда онъ представляетъ намъ честь, въ качествѣ „эквивалента долга“, какъ сказалъ бы Гюйо. Напротивъ, онъ предлагаетъ именно эквивалентъ, а не самого себя; или, правильнѣе сказать, онъ предлагаетъ одну изъ своихъ характерныхъ чертъ для своего принятія; но въ этомъ и заключается мотивъ, который онъ намъ даетъ. Долгъ есть гипостазированная честь, пусть такъ; но когда онъ представляется намъ въ видѣ чести, то тѣмъ самымъ, что онъ перемѣнилъ свое об-

¹⁾ См. *Em. Faguet*, „La dѣmission de le morale“ (1911). Ср. *L. Jendon*, „La morale de l'honneur“ (1911). Во многомъ мои мысли сближаются съ идеями „Оправданія добра“ *Вл. Соловьева*.

²⁾ Цит. соч., стр. 297.

лиціе, онъ сдѣлался убѣдительнымъ и даетъ намъ мотивъ. „Сдѣлайте это ради меня“. Говоря такъ, я не привожу мотивовъ. „Сдѣлайте это ради меня, вашего друга“. Теперь я привожу мотивъ. „Сдѣлайте это ради меня“. Говоря такъ, императивъ не приводитъ мотива. „Сдѣлайте это ради меня, вашей чести“. Теперь мотивъ данъ.

Достоинство или честь есть то, что насъ возвышаетъ надъ всѣмъ окружающимъ міромъ и что заставляетъ насъ постоянно стремиться не къ соблюденію общаго уровня, но къ поднятію надъ нимъ. Достоинство возбуждаетъ въ насъ особаго рода чувство, которое называется *уваженіемъ* (le respect, Achtung). „Уваженіе есть чувство—нельзя дать ему другого имени,—которое кажется стоящимъ внѣ чувствительности, если угодно, на границахъ чувствительности; это—чувство, которое не приноситъ за собою ни наслажденія, ни страданія; это—чувство, которое оставляетъ насъ серьезными, суровыми и холодными; это—чувство, которое, насколько это возможно, походитъ на идею, не будучи таковою; это—чувство, которое не подавляетъ, но и не экзальтируетъ; ибо оно—не смиреніе и, даже когда оно адресуется къ вамъ самимъ, не походитъ на гордыню; это—нѣчто въ родѣ чувства, въ которомъ нѣтъ чувствительности... Честь, сопровождаемая уваженіемъ другихъ къ вамъ и вашимъ уваженіемъ къ самому себѣ, оставляетъ долгъ неприкосновеннымъ въ качествѣ долга, настолько неприкосновеннымъ, насколько это возможно, насколько можетъ остаться самимъ собою императивъ, у котораго спросили его мотивы и который далъ такой мотивъ“¹⁾. При посредствѣ понятія достоинства императивъ долга приводитъ себя въ связь съ чувствомъ. „Честь является посредникомъ между разумомъ и чувствомъ; она является истолковательницей разума передъ чувствомъ“²⁾.

Насколько самъ Кантъ былъ близокъ къ этой точкѣ зрѣнія, объ этомъ свидѣтельствуетъ та роль, которую и у него играетъ понятіе достоинства (Würde) и соотвѣтствующаго

¹⁾ *Faguet*, op. cit., 302—303.

²⁾ *Faguet*, op. cit., 355.

ему чувства уваженія (Achtung). Человѣческая личность, по Канту надѣлена достоинствомъ, именно какъ носительница нравственнаго закона, а уваженіе—это то чувство, которое намъ внушаетъ моральный императивъ.

„Въ царствѣ цѣлей,—говоритъ Кантъ ¹⁾,—все имѣетъ или цѣну или достоинство. На мѣсто того, что имѣетъ цѣну, можетъ быть поставлено также и что-нибудь другое, какъ эквивалентъ; что, напротивъ того, выше всякой цѣны, слѣдовательно, не допускаетъ никакого эквивалента, то обладаетъ достоинствомъ.... То, что составляетъ условіе, при которомъ только и возможно, чтобы нѣчто было цѣлью самой по себѣ, имѣетъ не просто относителную цѣнность, т.-е. цѣну, но внутреннюю цѣнность, т.-е. достоинство. Моральность же и есть условіе, при которомъ только и возможно, чтобы разумное существо было цѣлью самой по себѣ, такъ какъ только посредствомъ нея можно быть законодательствующимъ членомъ въ царствѣ цѣлей. Такимъ образомъ, нравственность и человѣчество, поскольку оно къ ней способно, есть то, что одно только и имѣетъ достоинство“. „Само же законодательство, которое опредѣляетъ всякую цѣнность, именно поэтому должно обладать достоинствомъ, т.-е. безусловной, несравнимой цѣнностью. Единственнымъ подходящимъ выраженіемъ той оцѣнки, которую разумное существо должно дать этому законодательству, является слово уваженіе“.

Мораль достоинства или чести есть, по самому существу, мораль динамическая, ибо она не только не позволяетъ намъ опускаться ниже занимаемаго нами уровня, но постоянно заставляетъ насъ стремиться надъ этимъ уровнемъ подняться, *превзойти его*. Хотя достоинство есть выдѣленіе изъ общаго уровня, но оно намъ не мѣшаетъ заботиться о томъ, чтобы и другіе люди культивировали свое достоинство. Напротивъ, она насъ побуждаетъ помогать имъ въ этомъ. И это потому, во-первыхъ, что принципъ достоинства не позволяетъ намъ любить недостойныхъ людей или,

¹⁾ Кантъ, «Основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ», пер. Л. Д. Б. подъ ред. В. М. Хвостова (1912 г.), стр. 63—64.

точнѣе, недостойнаго въ людяхъ, во-вторыхъ, потому, что человѣкъ, проникнутый достоинствомъ, не боится, что другіе подымутся на тотъ же уровень: это не умалить его достоинства, но поставить передъ нимъ задачу подняться на еще болѣе высокій уровень.

Въ то же время ясно, что мораль достоинства стоитъ, если мы перефразируемъ извѣстное выраженіе Ницше, „по ту сторону пессимизма и оптимизма“, такъ какъ она выше этихъ противоположностей и основывается на принципахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которые приводятъ къ пессимистическому или оптимистическому мировоззрѣнію. Мораль достоинства не придаетъ значенія счастью, выражающемуся въ покоѣ и довольствѣ. Она, напротивъ, вся основана на недовольствѣ. Она побуждаетъ насъ стремиться къ вѣчно отодвигающемуся идеалу и идти при этомъ по дорогѣ, усѣянной опасностями. Кто дорожитъ своимъ достоинствомъ, тотъ не боится борьбы, риска и страданій. Въ качествѣ путеводной звѣзды на избранномъ имъ пути передъ нимъ сіяетъ идея человѣческой личности, самоутверждающейся въ своемъ достоинствѣ и уважающей это достоинство какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ людяхъ. Мораль достоинства не есть мораль самодовольнаго покоя, но мораль непрерывнаго самосовершенствованія.

Фагэ въ заключеніе всего труда приводитъ строчку изъ Альфреда де Виньи: „Честь—это поэзія долга“. Я добавлю къ этому очень извѣстное мѣсто изъ Гетевского Фауста, но такое, которое, несмотря на свою общеизвѣстность, никогда не станетъ избитымъ:

Чья жизнь стремленіемъ была,
Того спасти мы можемъ.

Такъ поютъ ангелы, несущіе безсмертное Фауста. А самъ Фаустъ передъ смертью говоритъ:

Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы,
Кто каждый день въ борьбѣ ихъ добывалъ.

В. М. Хвостовъ.

Патологія морального чувства.

Наблюденіє надъ нѣкоторыми патологическими личностями показываєтъ, что возможны конституціональныя или прирожденныя аномаліи морального чувства; на эти послѣднія было обращено вниманіє психіатрами съ тѣхъ поръ, какъ наука о душевныхъ болѣзняхъ приобрѣла извѣстную самостоятельность и получила свои, хотя и не совершенныя, методы изслѣдованія. Если мы обратимся къ исторіи даннаго вопроса, то встрѣтимся съ обширной литературой, сюда относящейся и начинающейсѣ приблизительно съ начала прошлаго столѣтія. Знаменитый французскій психіатръ *Ph. Pinel*, снявшій впервые пѣпи съ душевно-больныхъ, обратилъ тогда еще вниманіє на то, что существуетъ категорія лицъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ извращеніє высшихъ чувствъ; онъ указывалъ на то, что этотъ недостатокъ сопровождается поступками и дѣйствіями антисоціального характера.

Одинъ изъ блестящихъ учениковъ *Ph. Pinel*'я, относящихся къ плеядѣ великихъ французскихъ психіатровъ *Esquirol* хорошо зналъ, что встрѣчаются патологическіє индивидуумы, у которыхъ много странностей и неправильностей въ поведеніи, находящихся въ противорѣчій съ окружающею жизнью, тягостныхъ и непріятныхъ для другихъ, и которые оправдываютъ свои поступки тѣми или иными своеобразными соображеніями. Одновременно англичаниномъ *Prichard*омъ былъ употребленъ терминъ „Moral insanity“, быстро вошедшій въ психіатрическую терминологию и при-

способленный для обихода на различныхъ языкахъ; стали пользоваться различными названіями „Insanitas moralis“, „folie morale“ и т. д. У насъ въ Россіи привились термины „нравственное помѣшательство“, „нравственный идиотизмъ“ и проч. Со временемъ была даже выдѣлена нѣкоторыми психіатрическими школами особая болѣзнь, гдѣ главнымъ симптомомъ является крупный дефектъ въ области моральнаго чувства. Однако, до сихъ поръ еще въ психіатріи остается спорнымъ вопросъ о томъ, что такое мы имѣемъ въ случаяхъ, гдѣ, при кажущейся сохранности другихъ душевныхъ способностей, оказывается пораженнымъ по преимуществу это высшее чувство; и по настоящее время не рѣшено еще въ психопатологіи, есть ли это особая душевная болѣзнь или же это лишь признакъ какой-то другой душевной болѣзни. Оставляя въ сторонѣ взгляды клиницистовъ-нозологовъ, я постараюсь разсмотрѣть ученіе о патологіи моральнаго чувства, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія патологической психологіи. Мнѣ думается, что анализъ явленій, сюда относящихся, даетъ небезынтересный матеріалъ даже, можетъ быть, для рѣшенія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ, касающихся моральнаго чувства. Такъ какъ не существуетъ, конечно, рѣзкаго перехода и ясной границы между тѣми случаями, гдѣ нравственное чувство развито вполнѣ нормально, и тѣми случаями, гдѣ съ этой стороны имѣются уже несомнѣнныя аномаліи, то мнѣ и приходится ради ясности изложенія остановиться сначала на такихъ уклоненіяхъ отъ нормы, гдѣ не можетъ быть уже сомнѣнія относительно патологіи.

Тамъ, гдѣ изолированное пораженіе нравственнаго чувства выражено ярко, можно говорить прямо даже о нравственномъ уродствѣ, о нравственной инвалидности. Интересно, что здѣсь данный недостатокъ въ психической организаціи обнаруживается съ ранняго возраста, съ дѣтскихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ начинается дифференцироваться личность человѣка. Лица этой категоріи въ отроческіе годы поражаютъ своимъ грубымъ эгоизмомъ, черствостью, со-

вершенно не свойственной возрасту; они не проявляют обычной привязанности къ тѣмъ, кто за ними ухаживаетъ и о нихъ заботится; они ничѣмъ не реагируютъ на семейныя непріятности и радости. Въ то же время они отличаются лживостью, не слушаются никакихъ благоразумныхъ совѣтовъ; у нихъ рано сказывается и постепенно развивается болѣзненное тщеславіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ они оказываются очень раздражительными, и во время приступа гнѣва могутъ наносить грубыя оскорбленія и даже истязанія всѣмъ, кто имъ противорѣчитъ. Однимъ изъ раннихъ признаковъ угрожающей слабости моральнаго чувства часто бываетъ стремленіе у дѣтей этого рода мучить животныхъ. Въ обращеніи съ своими сверстниками они въ школьномъ возрастѣ обнаруживаютъ грубость, жестокость и отсутствіе какого-либо чувства сожалѣнія или раскаянія. Когда они подрастаютъ, ихъ антисоціальныя качества сказываются уже и рѣзче, и опредѣленнѣе въ ихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ. Они чрезвычайно быстро усваиваютъ многое дурное, что видятъ и замѣчаютъ въ окружающей жизни. Можно бы, пожалуй, говорить здѣсь о томъ, что у нихъ существуетъ инстинктивное стремленіе, повышенная воспріимчивость отрицательныхъ сторонъ, замѣчаемыхъ ими у другихъ. Часто лица данной категоріи въ школѣ являются не только лѣнивыми по отношенію къ ученію—они почти всегда принимаютъ главное участіе въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, направленныхъ на то, чтобы причинить кому-либо особенную непріятность или боль. Интересно, что во время школьнаго періода они обнаруживаютъ, часто очень рано, попытки брать себѣ чужія вещи, присваивать ихъ, утаивать; иной разъ они дѣлаютъ это съ какимъ-нибудь видимымъ расчетомъ, иногда же такіе поступки они совершаютъ по мотивамъ, непонятнымъ для окружающихъ, словно безцѣльно. И здѣсь не оказываютъ часто вліянія ни угрозы, ни наказаніе; здѣсь нѣтъ ни чувства раскаянія, ни сознанія неправильности своихъ поступковъ. Понятно само собою, что отъ такихъ субъектовъ нерѣдко отказывается

школа, ибо они дѣйствительно являются невыносимыми въ дѣтскомъ общежитіи, внося въ него элементъ деморализаціи; и многіе изъ нихъ попадаютъ въ исправительныя заведенія, или въ пріюты для ненормальныхъ дѣтей. Если они проходятъ благополучно черезъ свои отроческіе годы, то въ юношескомъ возрастѣ приходятъ обычно въ крупные конфликты съ уголовнымъ закономъ, такъ какъ продолжаютъ свое стремленіе къ антисоціальнымъ поступкамъ; совершая преступленія противъ нравственности, прибѣгая уже теперь къ болѣе крупнымъ присвоеніямъ чужой собственности, сопровождаемымъ къ тому же насиліемъ, не останавливаясь предъ попытками къ убійству или поджогу, они легко попадаютъ въ тюрьмы или подвергаются болѣе тяжелымъ наказаніямъ, если достигаютъ гражданскаго совершеннолѣтія. Нерѣдко они помѣщаются въ психіатрическія заведенія. Въ этихъ случаяхъ можно говорить не только о томъ, что существуетъ у субъекта дефектъ въ области моральнаго чувства,—здѣсь имѣется на-лицо картина извращенія этого высшаго чувства, инстинктивное стремленіе къ совершенію поступковъ и дѣйствій антисоціальныхъ, вредныхъ для окружающихъ. Правда, надо указать на то, что тутъ играетъ извѣстную роль и та среда, то воспитаніе, которое получаетъ такой субъектъ. Признавая этотъ факторъ въ происхожденіи моральныхъ извращеній, имъ однимъ, однако, нельзя объяснить всего генезиса этого патологическаго состоянія. Весьма возможно, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ оно обнаружилось бы менѣе рѣзко, болѣе мягко; но, несомнѣнно, извращеніе моральнаго чувства является здѣсь по существу врожденнымъ, конституціональнымъ признакомъ данной психической личности.

Кромѣ признаковъ моральнаго извращенія, здѣсь отмѣчаются почти всегда также и аномаліи чисто интеллектуальнаго свойства; субъекты, о которыхъ идетъ рѣчь, обнаруживаютъ отсутствіе сообразительности, недалекость, туповатость, неспособность къ ученію и т. д. Ихъ сужде-

нія, въ общемъ, носятъ характеръ односторонности; общее пониманіе у нихъ стоитъ ниже средняго уровня. Поэтому, здѣсь нужно констатировать не одно только моральное извращеніе, но и недоразвитіе интеллекта, какъ такового. Вслѣдствіе этого, послѣдній не является корригирующимъ моментомъ по отношенію къ поступкамъ и дѣйствіямъ, основаннымъ на отсутствіи представленій о томъ, что дурно и что хорошо. Индивидуумы такого рода, по своимъ душевнымъ качествамъ, стоятъ, конечно, далеко отъ такъ называемой нормы.

Въ другихъ случаяхъ эта аномалія моральнаго чувства выражена слабѣе, проявляется не такъ рѣзко, будучи сдерживаема интеллектуальной сферой; при этомъ приходится встрѣчаться съ такими лицами, которыя, несмотря на изьянъ въ нравственной сферѣ, проходятъ благополучно чрезъ школьные годы. У нихъ обнаруживается простая тупость нравственнаго чувства; здѣсь можно отмѣтить ту или иную степень моральной слѣпоты, моральнаго дальтонизма, нравственной инвалидности. Субъекты не проявляютъ извращенія этого высшаго чувства; у нихъ нѣтъ инстинктивнаго стремленія совершать, напримѣръ, безцѣльные и немотивированные поступки антисоціальнаго характера; отъ нихъ они обычно воздерживаются; но они проявляютъ чисто болѣзненный эгоизмъ, заботу исключительно о самихъ себѣ, относясь равнодушно къ несчастью и горю близкихъ и окружающихъ. Въ этихъ случаяхъ на всемъ поведеніи субъекта сказывается его моральная анестезія. Онъ не брезгуетъ средствами при достиженіи своихъ цѣлей, и въ нихъ онъ не особенно разборчивъ. Однако, обладая достаточною степенью интеллектуальнаго развитія, онъ воздерживается до поры до времени отъ грубыхъ антисоціальныхъ поступковъ, караемыхъ существующимъ уголовнымъ закономъ. Онъ отличаетъ хорошо то, что дозволено, отъ того, что считается дурнымъ и преступнымъ,—у него есть понятіе объ этомъ; онъ это усвоилъ, но безъ участія своего моральнаго чувства. Онъ знаетъ, что признается полезнымъ и хо-

рошимъ, нравится другимъ и пріятно имъ; но у него нѣтъ отвращенія по отношенію ко многому, что приноситъ вредъ окружающимъ и нарушаетъ ихъ существенные интересы; онъ не понимаетъ, съ другой стороны, почему людямъ свойственны альтруистическія побужденія. Увлекаясь заботой о собственномъ матеріальномъ благѣ, стремясь увеличить его, какъ средство для удовольствій и развлеченій, онъ оказывается въ неустойчивомъ нравственномъ равновѣсіи и, не пользуясь моральными директивами, онъ попадаетъ на скользкій путь, на наклонную плоскость, приводящую его иногда на скамью подсудимыхъ. Совершая поступокъ антисоціального характера, не подпадающій подъ дѣйствіе уголовного закона, неуловимый для него, субъектъ старается оправдать себя не только въ глазахъ другихъ, но и въ собственномъ представленіи; онъ прибѣгаетъ иногда къ разнымъ тонкимъ доказательствамъ своей правоты, правильности своихъ дѣйствій съ извѣстной точки зрѣнія; онъ пользуется для этого обычно односторонними разсужденіями; онъ становится на узкую точку зрѣнія, отъ него ускользаютъ другія представленія и идеи, которыя бы должны возникать здѣсь по ассоціаціи; у него можно констатировать существенный недостатокъ въ ассоціативномъ процессѣ, проявляющемся часто крайне односторонне.

Если въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ морального извращенія несомнѣнные изъяны въ интеллектуальномъ процессѣ бросаются рѣзко въ глаза, то тамъ, гдѣ дефектъ морального чувства не доходитъ до степени извращенія, аномалии въ мыслительномъ процессѣ менѣе наглядны и менѣе демонстративны, конечно. Иной разъ онъ уловимы лишь съ трудомъ, особенно если существуютъ нѣкоторые внѣшніе признаки кажущейся талантливости. Дѣло въ томъ, что изрѣдка, при несомнѣнномъ моральномъ дефектѣ, субъектъ обнаруживаетъ извѣстныя способности; напримѣръ, онъ обладаетъ даромъ слова, онъ можетъ недурно написать небольшое стихотвореніе, имѣющее минутный успѣхъ; онъ легко усваиваетъ и схватываетъ многое, что считается

труднымъ и серьезнымъ. Правда, онъ пріобрѣтаетъ легко лишь поверхностныя знанія, но съ внѣшней стороны, онъ производитъ впечатлѣніе человѣка способнаго.

Присматриваясь внимательнѣе къ лицамъ этой категоріи, можно скоро, конечно, убѣдиться въ томъ, что у нихъ нѣтъ глубины пониманія окружающаго, нѣтъ стремленія къ пріобрѣтенію истиннаго знанія. Даже больше, оказывается, что сужденія въ этихъ случаяхъ отличаются односторонностью, что лицамъ данной категоріи мало доступна широта взглядовъ, что ихъ сужденія носятъ въ себѣ характеръ недостаточности, что ихъ заключенія плохо мотивированы. Часто они высказываютъ странные даже взгляды, противорѣчащія дѣйствительности и фактамъ; но это ихъ не смущаетъ нисколько, когда обращаютъ на это вниманіе.

Все это указываетъ на то, что при существованіи у даннаго лица признаковъ дефектности нравственнаго чувства можно констатировать также одновременно и аномаліи логическаго чувства или интеллектуальнаго чувства. Повидимому, нельзя говорить о томъ, что бываетъ изолированное страданіе моральнаго чувства; наоборотъ, изъянъ въ области этого послѣдняго сосуществуетъ рядомъ съ дефектомъ другихъ высшихъ чувствъ именно интеллектуальнаго или логическаго. Та и другая аномалія являются прірожденными; та и другая составляютъ конституціональную особенность даннаго индивидуума, проходя яркою чертою на фонѣ его патологической организаци. Будучи между собой въ органической и тѣсной связи, оба эти чувства, моральное и логическое, при аномальныхъ состояніяхъ поражаются, повидимому, далеко неравномѣрно. Иной разъ при моральной инвалидности не такъ легко обнаружить дефектъ въ сферѣ логическаго чувства; пожалуй наоборотъ, тамъ, гдѣ паралогическое мышленіе рѣзко бросается въ глаза, легче гораздо убѣдиться въ томъ, что здѣсь имѣются несомнѣнные моральные изъяны. Это послѣднее мы можемъ прослѣдить въ болѣе наглядной формѣ въ такъ называемомъ патологическомъ резонерствѣ.

Если субъектъ, у котораго наблюдается бросающаяся въ глаза моральная тупость, обладает начитанностью, имѣть хотя внѣшнее образованіе, то, конечно, это будетъ помогать ему вносить необходимыя иногда поправки въ поступки и дѣйствія; онъ приобретаетъ навыкъ воздерживаться отъ исполненія нѣкоторыхъ своихъ желаній и влеченій не потому, что онъ считаетъ это дурнымъ и недостойнымъ человѣка, но потому, что онъ начинаетъ болѣе тонко понимать, что ему выгоднѣе въ концѣ концовъ и что ему доставить въ послѣдствіи массу непріятностей. Благодаря своему развитію, онъ понимаетъ болѣе отдаленные результаты своего поведенія. И здѣсь онъ руководствуется простымъ расчетомъ болѣе дальновиднаго человѣка, уже не увлекающагося минутнымъ побужденіемъ; голосъ-же нравственнаго чувства здѣсь не помогаетъ ему, ибо субъектъ, въ сущности, остается равнодушнымъ къ тому, хорошо или дурно данное дѣйствіе, полезенъ или вреденъ данный поступокъ для другихъ членовъ общества и пр.

Примѣры сюда относящіеся, хорошо извѣстны; ихъ такъ много среди тѣхъ фактовъ, которые сообщаетъ намъ ежедневная пресса; но въ происхожденіи этихъ фактовъ рѣзко сказывается, конечно, взаимодействіе двухъ моментовъ: индивидуальной конституціональной аномаліи въ сферѣ моральнаго и логическаго чувствъ и неблагопріятныхъ условій окружающей жизни; эти послѣднія играютъ роль лишь момента, способствующаго болѣе яркому проявленію врожденныхъ психическихъ особенностей. Иногда при неблагопріятныхъ условіяхъ среды указанная аномалія моральнаго чувства достигаютъ болѣе уродливыхъ формъ. Слабость моральнаго чувства сказывается различнымъ образомъ въ жизни субъекта; она отражается не только на его поступкахъ и поведеніи, но и въ другихъ отношеніяхъ. Напримѣръ, лица, о которыхъ идетъ сейчасъ рѣчь, мало дорожатъ истиной, забота о которой является потребностью человѣка съ нормально развитою психикой. Поэтому, инди-

видуумы этого рода не стѣсняются извращать факты, когда имъ приходится передавать ихъ другому. Они не заботятся вовсе о точности своего разсказа; они иной разъ безсознательно извращаютъ то, что видѣли и слышали. Они могутъ съ какою нибудь цѣлью прибѣгать ко лжи, къ обману; при этомъ, они ничѣмъ не стѣсняются, внося въ свои разсказы элементъ конфабуляцій. Повидимому, многіе изъ привычныхъ лжецовъ относятся къ той-же категоріи лицъ съ моральными изъянами. Прекрасный художественный типъ данной разновидности мы встрѣчаемъ въ Гоголевскомъ Хлестаковѣ, у котораго, конечно, рядомъ съ этой чертою отмѣчаются и многія другія, свидѣтельствующія о моральномъ дефектѣ.

Интересна еще одна особенность, свойственная лицамъ съ нравственными изъянами. У нихъ, какъ уже указывалось, существуетъ рѣзкая эгоистичность, повышенная забота объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, своеобразный эгоцентризмъ въ этомъ отношеніи; на все окружающее они смотрятъ именно съ этой точки зрѣнія; не интересуясь удобствами и благомъ близкихъ, соблюдая лишь свои выгоды, субъектъ все оцѣниваетъ подъ этимъ угломъ. Изъ этого можно-бы, пожалуй, заключить, что онъ утрированно заботится о самосохраненіи. Оказывается наоборотъ, онъ нерѣдко мало цѣнитъ собственную жизнь; онъ не станетъ ею жертвовать для другихъ; но, видя обычно безцѣльность существованія, онъ легко разстается иногда съ своею жизнью. Инстинктъ самосохраненія, въ этихъ случаяхъ иной разъ даже прямо таки пониженъ. Среди дѣтей съ прирожденными моральными изъянами наблюдаются случаи попытокъ на самоубійство, лишь изъ-за того, что не исполнено какое-либо изъ ихъ желаній или даже капризовъ. Съ одной стороны, субъектъ беретъ изъ дому тайкомъ, на примѣръ, цѣнныя вещи, чтобы на вырученныя деньги доставить себѣ удовольствіе; съ другой-же стороны, уличенный и подъ вліяніемъ волненія о предстоящихъ непріятностяхъ, онъ легко прибѣгаетъ къ различнымъ способамъ самоуничтоженія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ лица данной категоріи относятся равнодушно къ собственной жизни; пониженіе моральнаго чувства сказывается, между прочимъ, въ томъ, что субъектъ переживаетъ пустоту жизни, не видя никакой цѣли въ послѣдней. Если-же у него, къ тому-же, существуетъ паралогическое мышленіе, онъ приходитъ, конечно, легко къ выводу, что ему можно-бы и прекратить свое существованіе, что онъ и приводитъ въ исполненіе, ибо инстинктъ самосохраненія здѣсь также слабо развитъ. Повидимому, нѣкоторые случаи самоубійства относятся именно къ этому разряду. Оно и понятно; вѣдь, при моральномъ изъянѣ индивидуумъ не имѣетъ тѣсной и прочной связи съ окружающими людьми; онъ является какъ-бы оторваннымъ отъ нихъ, такъ какъ онъ видитъ въ нихъ лишь средство для извлеченія эгоистическихъ интересовъ.

Идеалы, которыми руководствуется моральный инвалидъ, примитивны, не выходятъ изъ рамокъ узкаго эгоизма; и они, конечно, не могутъ дать ему во многихъ случаяхъ прочную связь съ окружающимъ міромъ. И въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ субъекты такого рода являются грубыми матеріалистами, лишенными вѣры въ существованіе высшихъ чувствъ, скрашивающихъ и согрѣвающихъ жизнь нормальнаго человѣка, служащихъ источникомъ счастья для него и невидимыми нитями, которыя приводятъ его во взаимоотношеніе съ себѣ подобными, съ міровою жизнью. Моральнымъ инвалидамъ недоступно созерцаніе моральной красоты; они не заботятся о моральномъ совершенствованіи; имъ не понятна проповѣдь моралистовъ; она не останавливаетъ ихъ вниманія и не можетъ, конечно, ихъ увлечь. Они могутъ лишь смѣяться въ душѣ или открыто, не стѣсняясь, надъ ихъ ученіемъ. И моральную проповѣдь они считаютъ лишь удѣломъ наивныхъ и неразумныхъ людей. Интересы моральныхъ инвалидовъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ далеки отъ произведеній этихъ благородныхъ представителей человѣчества, учителей жизни, идеи которыхъ способствуютъ объединенію всѣхъ разумныхъ существъ.

Кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ патологія моральнаго чувства выражается въ видѣ извращенія его, и тѣхъ случаевъ, гдѣ аномалія въ данной области сказывается въ формѣ недоразвитія или атрофіи нравственнаго чувства, я хотѣлъ-бы еще обратить вниманіе на то, что очень часто приходится наблюдать его неустойчивость. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко приходится встрѣчаться съ лицами, у которыхъ можно констатировать, съ одной стороны, проявленія альтруизма, правда, обнаруживающагося порывами, а съ другой стороны—поступки и дѣйствія, возможные лишь при отсутствіи моральныхъ директивъ, носящіе характеръ анти-соціальности, связанные съ существеннымъ нарушеніемъ интересовъ другихъ людей. У индивидуумовъ такого рода можно видѣть порывы благородства, стремленіе сдѣлать приятное окружающимъ, желаніе приносить пользу близкимъ, заботливость объ ихъ удобствахъ и благѣ ихъ; иной разъ здѣсь субъектъ увлекается временно своими порывами и производитъ впечатлѣніе искренности. У него наблюдается привязанность къ окружающимъ; онъ готовъ приносить даже въ жертву имъ свои удобства, онъ готовъ лишиться того, что ему интересно и что доставляетъ ему удовольствіе. Временами тотъ-же субъектъ рѣшается на такіе поступки, которые прямо-таки противорѣчатъ тому, что онъ говорилъ и дѣлалъ еще такъ недавно; и послѣ этого онъ испытываетъ угрызения совѣсти, онъ старается не вспоминать о томъ, что онъ натворилъ, онъ уклоняется отъ разговоровъ объ этомъ. И въ этихъ случаяхъ больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, сказывается вліяніе окружающей среды, ибо тутъ идетъ рѣчь о субъектахъ слабовольныхъ, считающихся безхарактерными, легко поддающихся подъ постороннее вліяніе; увлеченіе текущимъ моментомъ здѣсь бываетъ иногда такъ велико, что субъектъ не думаетъ даже о ближайшемъ будущемъ, ускользящемъ у него изъ вниманія. Эта же неустойчивость можетъ быть не только въ области высшихъ чувствъ, но касаться и другихъ сторонъ душевной дѣятельности, какъ-то чисто интеллектуаль-

ной, а также и волевых проявлений. Убѣжденія такого субъекта не отличаются стойкостью; сужденія его по общимъ вопросамъ различны въ разное время, даже въ теченіе короткаго періода; у него отсутствуетъ твердость и опредѣленность взглядовъ; подъ вліяніемъ разговоровъ съ другими онъ легко мѣняетъ ихъ и начинаетъ сегодня отрицать то, что еще такъ недавно онъ считалъ непреложнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію.

Если бы мы сдѣлали попытку точнѣе квалифицировать психическій складъ такихъ индивидуумовъ, то прежде всего намъ бросилось бы въ глаза то обстоятельство, пожалуй, что въ данномъ случаѣ у взрослога остаются черты инфантильнаго свойства. Въдъ въ самомъ дѣлѣ, здѣсь можно говорить, не безъ основанія, о томъ, что слѣды дѣтскости сохранились и въ послѣдующемъ возрастѣ у такого субъекта. Сравните его съ обычной психикой дѣтскаго періода, и вы увидите, что онъ во многомъ взрослый ребенокъ. Какъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ и у него нѣтъ стойкости; и это сказывается въ различныхъ отношеніяхъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь порывы привязанности къ близкимъ смѣняются обратными поступками и дѣйствіями по отношенію къ тѣмъ же лицамъ. Интересно, что въ этихъ случаяхъ можно констатировать существованіе инфантильных особенностей, и при томъ рѣзко выраженныхъ, у взрослога человѣка; правда, чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ больше моральная устойчивость и тѣмъ опредѣленнѣе и послѣдовательнѣе сужденія по общимъ вопросамъ. Говоря о сохраненіи инфантильных особенностей въ томъ возрастѣ, когда нужно предполагать уже полное психическое развитіе, я считалъ бы необходимымъ обратить вниманіе на то, что здѣсь нельзя вовсе думать объ общемъ недоразвитіи,—тутъ имѣемъ дѣло съ своеобразнымъ частичнымъ недоразвитіемъ, съ негармоническимъ развитіемъ различныхъ душевныхъ способностей. Въ этихъ случаяхъ субъектъ можетъ обладать даже значительнымъ развитіемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; его пониманіе въ извѣстныхъ вопросахъ можетъ стоять на высокомъ уровнѣ.

Часто онъ бываетъ способенъ, если обладаетъ интеллектуальными дарованіями, къ развитію, къ самосовершенствованію; и любопытно, что черты психической инфантильности начинаютъ сглаживаться и проявляться рѣже, исчезая, впрочемъ, позднѣе, чѣмъ это свойственно лицамъ, не переживающимъ такого аномальнаго развитія.

Среди патологическихъ субъектовъ встрѣчаются своеобразные представители, у которыхъ можно бы говорить о патологическомъ альтруизмѣ или, вѣрнѣе, объ аномальныхъ проявленіяхъ послѣдняго. Изъ анализа тѣхъ случаевъ, гдѣ была картина моральнаго инфантилизма, приходится убѣждаться въ томъ, что здѣсь бываетъ временами стремленіе къ утрированному альтруизму, смѣняющемуся затѣмъ поступками и дѣйствіями противоположнаго содержанія; но приходится видѣть лицъ, представляющихъ врожденныя уклоненія отъ нормы, гдѣ патологическій альтруизмъ выраженъ очень рѣзко и ярко; этотъ признакъ можно иногда отмѣтить при психастеніи, при тревожно-мнительномъ характерѣ. Лица даннаго психическаго склада обладаютъ обычно повышенной моральной чувствительностью; у нихъ весьма развита способность сочувствія и жалости по отношенію къ себѣ подобнымъ. Напримѣръ, читая въ газетахъ о несчастныхъ происшествіяхъ, о страданіяхъ людскихъ, психастеникъ останавливается на этомъ больше, чѣмъ лица съ другимъ складомъ характера; онъ при этомъ разстраивается, иногда даже на болѣе или менѣе продолжительное время. Знакомясь съ фактами жестокости во время войны, международной или гражданской, онъ сильно реагируетъ на это, волнуется, готовъ плакать, иной разъ даже дѣйствительно плачетъ. Интересно отмѣтить то обстоятельство, что иногда психастеникъ, живущій, напримѣръ, въ Россіи, переживаетъ живое чувство жалости по отношенію къ жителямъ далекихъ южно-африканскихъ республикъ, прекратившихъ теперь свое самостоятельное существованіе. То, что близко касается психастениковъ и что у нихъ совершается на глазахъ, производитъ, конечно, еще боль-

шее впечатлѣніе, еще дольше сохраняет свою яркость въ образахъ воспоминанія, всплывая легко и нерѣдко противъ воли въ полѣ сознанія. Иногда психастеникъ, чтобы уберечь себя отъ излишнихъ непріятностей, старается избѣгать всего, что его такъ сильно разстраиваетъ и притомъ надолго. Одна психастеничка, простая крестьянская женщина, рассказывала мнѣ о томъ, какой у нея „жалостливый“, по ея выраженію, характеръ; она сокрушалась всегда о томъ, что бываютъ съ людьми несчастья и непріятности; она волновалась, живя въ деревнѣ, за своихъ односельчанъ, понимая, что, можетъ быть, заботы ея о другихъ временами были излишни и ненормальны. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ психастеніи существуетъ своеобразная невыносливость или патологически повышенная моральная чувствительность по отношенію къ горю и страданію другихъ людей или даже живыхъ существъ, вообще. Здѣсь, въ воображеніи субъекта рисуются произвольно яркіе образы того, что должно испытывать такое-то лицо въ данномъ положеніи; онъ представляетъ себѣ очень живо, какъ онъ самъ страдалъ бы, если бы былъ на мѣстѣ другого. Тутъ можно бы, конечно, говорить объ аномальныхъ проявленіяхъ альтруизма, часто бесплоднаго, не сопровождающагося соотвѣтствующими поступками и дѣйствіями. Патологическія проявленія альтруизма бываютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ истеріи. Иногда у лицъ, принадлежащихъ къ этой категоріи, наблюдается своеобразное и очень стойкое стремленіе къ самопожертвованію. Генезисъ этого послѣдняго остается тутъ не вполне яснымъ, ибо при истерическомъ характерѣ огромное вліяніе на поступки и дѣйствія субъекта имѣетъ подсознательная сфера. Достаточно неотчетливаго и смутнаго чувства виновности за какой-нибудь поступокъ, чтобы реакція на него выходила изъ предѣловъ нормы и выражалась въ немотивированномъ стремленіи къ самопожертвованію, при чемъ, субъектъ не считается ни съ цѣлесообразностью, ни съ обстоятельствами, теряя много силъ и здоровья тамъ, гдѣ это, можетъ быть, было бы и

не нужно. Повидимому, беззавѣтная преданность и увлеченіе какимъ-нибудь труднымъ и непріятнымъ дѣломъ служить отраженіемъ подавленныхъ желаній и влеченій, приведшихъ въ смущеніе психику, часто инфантильную, такого субъекта. Мы хорошо знаемъ, что истерическій индивидуумъ способенъ временами на невѣроятную, хотя и непродолжительную работоспособность на пользу ближнимъ, сказывающуюся въ формѣ порывовъ; онъ можетъ не чувствовать усталости, онъ готовъ проводить бессонныя ночи у постели больныхъ, онъ можетъ помогать раненымъ на полѣ битвы, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, не обнаруживая страха, проявляя часто совершенно бесполезное презрѣніе къ собственной жизни. Самовнушеніе приводитъ его часто въ состояніе анестезіи, если даже у него есть какое-нибудь физическое страданіе. Онъ обнаруживаетъ несвойственныя ему обычно качества; и любопытно, что часто утилизируется эта психическая способность истеричныхъ, весьма цѣнная и даже полезная во многихъ отношеніяхъ; но проявленія альтруизма, по своему происхожденію, по своей рѣзкой измѣнчивости, носятъ здѣсь патологическій характеръ, ибо субъектъ нерѣдко оказывается неустойчивымъ въ этомъ отношеніи и ибо у него за проявленіями такого пароксизмальнаго альтруизма могутъ быстро и на продолжительное время наступить апатія и безразличіе.

Эти патологическія проявленія альтруизма представляютъ, думается мнѣ, большой теоретическій интересъ; они заслуживаютъ вниманія. Иной разъ они обнаруживаются въ формѣ еще болѣе патологической, даже странной, на примѣръ, въ видѣ такъ называемой „доронманіи“, болѣзненнаго стремленія дѣлать подарки окружающимъ, связаннаго со стремленіемъ дѣлать имъ удовольствіе.

Если бы мы обратились теперь къ общему обзору аномалій моральнаго чувства, то должны бы отмѣтить большое разнообразіе во внѣшнемъ проявленіи этихъ уклоненій отъ нормы; располагая лицъ, сюда относящихся, въ извѣстномъ порядкѣ, мы могли бы прослѣдить послѣдовательный рядъ

ихъ, гдѣ на одномъ концѣ будутъ индивидуумы съ извращеніемъ нравственнаго чувства, на другомъ—тѣ субъекты, у которыхъ существующіе элементы этого чувства обнаруживаются ненормальнымъ образомъ, на примѣръ, въ формѣ повышенной и даже патологической невыносимости ко всякаго рода человѣческимъ непріятностямъ, не говоря уже о болѣе или менѣе крупныхъ несчастіяхъ, или въ видѣ припадковъ подчасъ страннаго и непродолжительнаго самопожертвованія. Одно несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ патологіи моральнаго чувства, на примѣръ, при извращеніи его или при простой моральной инвалидности, мы имѣемъ дѣло съ врожденнымъ недостаткомъ. Хорошо извѣстны случаи, гдѣ члены одной и той же семьи, воспитавшіеся при одинаковыхъ приблизительно условіяхъ, представляютъ большія различія въ моральномъ развитіи; иной разъ въ такой семьѣ оказывается у кого-либо прямо-таки моральное уродство, ничѣмъ необъяснимое иначе, какъ прирожденнымъ дефектомъ. Любопытно, что самое правильное, казалось бы, воспитаніе высшихъ чувствъ здѣсь не приноситъ той пользы, которой можно было бы отъ него ожидать. Если и удастся относительное исправленіе недостатковъ, связанныхъ съ дефектами въ нервно-психической организаціи, то оно не всегда бываетъ прочнымъ, а часто быстро исчезаетъ. Эти факты, о которыхъ была сейчасъ рѣчь, указываютъ на то, что моральное чувство является прирожденнымъ въ значительной степени; и въ этомъ отношеніи данныя патологіи подтверждаютъ лишь взглядъ мыслителей, которые подчеркивали обязательный характеръ моральныхъ директивовъ. Такимъ образомъ, теорія врожденности нравственнаго чувства находитъ въ области аномалій послѣдняго новые элементы для обоснованія ея справедливости.

Далѣе, такъ какъ при извращеніи моральнаго чувства почти всегда сосуществуютъ рѣзкіе изъяны въ чисто интеллектуальной сферѣ, въ видѣ общаго умственнаго недоразвитія, и такъ какъ при моральной инвалидности обычно наблюдается паралогическое мышленіе, то это обстоятель-

ство и заставляетъ предполагать, что пораженіе моральнаго чувства не бываетъ совершенно изолированнымъ: по видимому, дефекты моральнаго чувства сопровождаются обычно ослабленіемъ логическаго чувства. Поэтому есть основаніе предполагать, что наше моральное чувство стоитъ въ какой-то связи съ логическимъ чувствомъ. Въ пользу этого предположенія можно бы привести и нѣкоторыя косвенныя доказательства: на примѣръ, при блестящихъ съ внѣшней стороны умственныхъ способностяхъ, но сопровождающихся склонностью къ паралогизмамъ, наблюдаются тѣ или иные изъяны. Съ другой стороны, приходится встрѣчать субъектовъ, умственное развитіе которыхъ ниже средняго, но которые отличаются иногда поразительною добротой, правдивостью, стремленіемъ дѣлать другимъ возможное добро и возможные удовольствія; въ этихъ случаяхъ удается констатировать лишь бѣдность сужденій, но нѣтъ того, что можно бы назвать паралогическимъ мышленіемъ.

Знакомство съ патологіей моральнаго чувства, помимо чисто теоретическаго интереса, имѣетъ, конечно, и важное практическое значеніе; оно позволяетъ намъ подмѣтить элементы аномалій въ этомъ отношеніи тамъ, гдѣ безъ этого послѣднія остались бы безъ правильнаго освѣщенія. Въдѣ, исходя изъ того соображенія, что моральная инвалидность является при рожденнымъ дефектомъ, мы можемъ *a priori* сказать, что изъяны нравственнаго чувства должны сказываться уже въ дѣтскіе и отроческіе годы. Дѣйствительно такъ на самомъ дѣлѣ и бываетъ. Съ этимъ знакомы, между прочимъ, воспитатели и педагоги. Допуская элементы патологіи, въ этихъ случаяхъ мы должны, безъ сомнѣнія, измѣнить до нѣкоторой степени и методы обращенія съ такими дѣтьми, и способы воспитанія; хотя здѣсь и при рожденный недостатокъ, но онъ нѣсколько корригируется цѣлесообразными психо-ортопедическими приемами, что важно въ смыслѣ подавленія у такого субъекта анти-соціальныхъ проявленій. Если справедливо предположеніе

о связи логического чувства и морального чувства, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что возможное развитіе перваго останется не безъ вліянія на второе.

Изученіе патологіи морального чувства даетъ намъ возможность правильнѣе оцѣнить психическій складъ лицъ, которыя проявляютъ себя поступками, кажущимися иногда непонятными. Индивидуумы съ нравственными недостатками не имѣютъ въ своемъ распоряженіи весьма цѣннаго руководителя: именно морального чувства, помогающаго намъ ориентироваться, какъ членамъ общественной организаціи. При недостаткѣ морального чувства, нужны особенно благопріятныя внѣшнія условія, необходимо значительное интеллектуальное развитіе для того, чтобы человекъ не уклонился рѣзко въ сторону отъ требованій, предъявляемыхъ къ нему, какъ члену общества. Отличая то, что считается позволительнымъ, отъ того, что предосудительно, лишь при помощи чисто разсудочной дѣятельности и не имѣя контроля со стороны морального чувства, субъектъ такого рода находится почти всегда на наклонной плоскости и рискуетъ совершить грубо антисоціальныи поступокъ, ибо ему трудно правильно ориентироваться въ сложныхъ человѣческихъ отношеніяхъ при такихъ неблагопріятныхъ психологическихъ условіяхъ. Вотъ почему лица, о которыхъ идетъ сейчасъ рѣчь, совершаютъ иной разъ, а въ данный періодъ времени весьма нерѣдко, такія дѣйствія, которыя поражаютъ своею неожиданностью, жестокостью, часто безсмысленной, и которыя указываютъ на самый грубый эгоизмъ и даже недомысліе. Повидимому, одна разсудочная дѣятельность не въ состояніи помочь намъ разобраться въ сложныхъ и тонкихъ моральныхъ вопросахъ, если она не регулируется въ этомъ отношеніи моральнымъ чувствомъ. Мы обращали вниманіе уже на тотъ фактъ, что послѣднее находится въ тѣсной связи съ логическимъ чувствомъ; мы видѣли, съ другой стороны, что недостатокъ логического чувства выражается въ формѣ паралогического мышленія. Если оно выражено въ слабой степени, и если субъектъ

обладаетъ извѣстною степенью интеллектуальнаго развитія, то оно, т.-е. паралогическое мышленіе, не всегда и не легко можетъ быть обнаружено. Многіе герои современной литературы, разрѣшающіе сложные моральные вопросы, обнаруживаютъ замѣтную односторонность въ своихъ разсужденіяхъ, полагая, что сложныя общественныя и личныя отношенія могутъ быть разрѣшены лишь при помощи одной разсудочной дѣятельности, при игнорированіи моральнаго элемента. У многихъ литературныхъ героевъ нужно отмѣтить именно слабость или пониженіе моральнаго чувства.

Моральное чувство можно разсматривать, какъ высшую эмоцію, облегчающую появленіе въ полѣ сознанія соотвѣтствующихъ идей и представленій, объединяемыхъ ею въ особый „комплексъ“. Подобно тому, какъ угнетающая эмоція роковымъ образомъ даетъ толчокъ къ возникновенію ассоціаціоннаго процесса опредѣленнаго характера съ неприятными мыслями, подобно тому, какъ повышенное настроеніе сопровождается теченіемъ мыслей пріятнаго содержанія, точно также и эта самая высокая эмоція, которая называется моральнымъ чувствомъ, имѣетъ для себя соотвѣтствующее интеллектуальное содержаніе, обнаруживающееся тѣмъ, что у насъ всплываютъ въ полѣ сознанія идеи о томъ, что данный нашъ поступокъ неприятенъ для другихъ, что онъ причиняетъ имъ вредъ или боль, что онъ не согласуется потому-то и потому-то съ общественной пользой и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣется моральный изъянъ, возникновеніе „комплекса“ представленій и идей только указаннаго содержанія, по понятнымъ причинамъ, является затрудненнымъ, ибо здѣсь берутъ перевѣсъ „комплексы“ иного характера, окрашенные эмоціями болѣе низкаго порядка: среди нихъ легко выступаютъ тѣ, что связаны съ эгоистическими влеченіями.

Повидимому, моральное чувство, какъ прирожденный элементъ, выработалось у человѣка, прошедшаго чрезъ безконечно длинный рядъ поколѣній и дѣйствующаго въ

общественной средѣ; это чувство можно бы разсматривать, съ точки зрѣнія біологической, какъ одно изъ чрезвычайно важныхъ приобрѣтеній въ человѣческой организаци; оно является, поэтому, украшеніемъ въ психикѣ человѣка, жизнь котораго такъ тѣсно связана съ существованіемъ себѣ подобныхъ. Моральное чувство есть тотъ самый надежный элементъ, безъ котораго едва ли возможно совершенствованіе человѣческихъ отношеній, общественныхъ условій. Вспомните психическое состояніе моральныхъ инвалидовъ и вы убѣдитесь, что у нихъ нѣтъ истинной связи съ общественной средой; удовлетвореніе однихъ лишь эгоистическихъ побужденій сопровождается даже слабостью инстинкта самосохраненія; лишенные свѣта, вносимаго моральнымъ чувствомъ, лица данной категоріи являются оторванными до нѣкоторой степени отъ общественной среды, часто одинокими; они не видятъ обычно смысла въ жизни, ни цѣли въ ней.

Поэтому существованіе моральнаго чувства представляетъ огромное значеніе въ социальномъ отношеніи: это и заставляетъ людей стремиться поддерживать и, насколько возможно, развивать такое драгоцѣнное качество. Хотя оно и является прирожденнымъ, но при особенно неблагоприятныхъ условіяхъ тонусъ моральнаго чувства можетъ звучать слабѣе, а устраненіе ихъ способствуетъ тому, что нравственное чувство иногда оживаетъ и правильнѣе развивается; и этимъ объясняется возможность моральнаго совершенствованія.

С. Сухановъ.

Кризисъ идеи субъекта въ наукоученіи Фихте Старшаго.

Опытъ систематическаго анализа.

«Ich merke nur an: dass es gar nichts ungewöhnliches sei... durch die Vergleichung der Gedanken, welche ein Verfasser über seinen Gegenstand äussert, ihn sogar besser zu verstehen, als er sich selbst verstand».

Kant. «Kritik der reinen Vernunft». Ausg. Kehrbach. S. 274.

I.

Исторія человѣческой мысли знаетъ героическіе моменты необычайнаго, дерзающаго подъема, моменты, въ которые чувство предѣла и ограниченности исчезаетъ въ душѣ философствующаго, и внутренняя сила, не скованная болѣе этимъ тягостнымъ чувствомъ, посягаетъ на высшее, объявляя Абсолютное своимъ неотъемлемымъ достояніемъ, своей первоначальной и существенной сферой. Именно такой подъемъ назрѣваетъ въ философской атмосферѣ, созданной «Критикой чистаго разума», этимъ великимъ аскетическимъ подвигомъ въ исторіи философіи. Въ этомъ произведеніи отживаютъ старыя возможности и замыкаются старыя пути, ведущіе къ Абсолютному, и открываются новыя; напрасно было бы искать въ немъ безусловнаго аскеза, доведеннаго до конца релятивистическаго воздержанія. Мысль человѣческая, въ силу нѣкоторой роковой предначертанности, отказывается отъ однихъ формъ Абсолютнаго лишь для того, чтобы искать другихъ формъ его; и даже тогда, когда она, отрeksiсь, повидимому, отъ *всѣхъ* его формъ, движется въ за-

Вопросы философіи, кн. III.

1

мкнутомъ кругу полнѣйшаго съ виду воздержанія, заставляетъ себя обходить бездны и не думать объ антиноміяхъ,—именно тогда въ нѣдрахъ ея зрѣютъ новые пути, новыя устремленія къ Абсолютному, новыя постиженія его. Объ этомъ свидѣтельствуесть исторія философіи. Понятно, что эти новыя устремленія пробуждаются *непосредственно* вслѣдъ за «Критикой чистаго разума», ибо Кантъ болѣе, чѣмъ кто-либо, стоялъ въ своихъ исканіяхъ передъ послѣдними антиноміями. Именно трагическій моментъ его философствованія и его ученія придавъ его аскетическому усилію исключительное оплодотворяющее значеніе, ибо трагически окрашенное воздержаніе несетъ уже въ самомъ себѣ прозябшія сѣмена новой положительной жизни, новаго утвержденія.

Извѣстно, что критическія возраженія, впервые раздавшіяся противъ «Критики чистаго разума», сводились въ общемъ къ тремъ основнымъ пунктамъ. Указывали, *во-первыхъ*, на непослѣдовательное рѣшеніе Кантомъ проблемы вещи въ себѣ, *во-вторыхъ*, на недоказанность возможности синтетическихъ апіорныхъ сужденій въ эмпирическихъ наукахъ, и *въ-третьихъ*, на недостатокъ систематическаго единства въ его построеніи.

Вещь въ себѣ, бытіе «внѣ» субъекта,—непознаваема, ибо все познаваемое, какъ таковое, *субъективно*; вещь въ себѣ, какъ бытіе, чуждое формамъ созерцанія, не данное въ нихъ,—этихъ неизбѣжныхъ для человѣческаго познанія субъективныхъ рамкахъ,—не можетъ созерцаться, а такъ какъ категоріи познающаго мышленія, разсудка, примѣнимы лишь къ данному въ созерцаніи,—то она не подлежитъ и категоріямъ. Критики Канта выводили отсюда съ послѣдовательностью, что въ вещи въ себѣ нельзя видѣть и *субстанціальную* сущность, порождающую (*причиннымъ* воздѣйствіемъ на человѣческую душу) матерію познанія: ибо это значило бы уже злоупотребить категоріями субстанціальности и причинности. Послѣдовательно проводя эту имманентную примѣнимость категорій, они до конца разложили представленіе о *трансцендентномъ бытіи, чуждомъ субъекту*: оно было признано непредставимымъ, непознаваемымъ, даже немислимымъ, ибо противорѣчиво мыслить о томъ, что по самому существу своему мыслимо быть не можетъ. Этимъ съ одной стороны были очерчены предѣлы философскаго воздержанія, опредѣленные сферой «*внѣ-чувственнаю не-субъективнаю*» или

«внѣ-сознательную не-субъективную», и тѣмъ самымъ былъ намѣченъ путь къ абсолютному въ предѣлахъ субъекта. Съ другой стороны этимъ былъ открытъ пробѣлъ, нерѣшенность—въ вопросѣ объ «объясненіи» представленія; ибо «откуда» же «берется» *матеріаль* чувственныхъ созерцаній, если онъ не даруется воздѣйствіемъ вещи въ себѣ и, по основному замыслу Канта, не создается, какъ пассивный, субъектомъ? Этотъ *пассивный матеріаль* не можетъ быть «объясненъ» ни активностью субъекта, ибо субъектъ активенъ только въ созданіи *формы*, ни «активностью» или причинностью иного, «чуждаго» субъекту, трансцендентнаго начала.

На ряду съ этимъ принесла дальнѣйшіе плоды другая основная идея Канта, согласно которой *достоверность* познанія покоится на томъ, что «идеть отъ субъекта», на томъ, въ чемъ субъектъ активенъ, т.-е. на поддающейся «раціонализациі» *формѣ* познанія. Изъ двухъ моментовъ, въ содѣйствіи которыхъ слагается познаніе—раціонально-формальнаго и ирраціонально-матеріальнаго—именно первый моментъ, въ которомъ субъектъ активенъ, несетъ въ себѣ и съ собой начало достоверности, начало апріорной цѣнности въ познаніи; тогда какъ второй моментъ, въ которомъ субъектъ пассивенъ, неизбѣжно вноситъ въ познаніе начало недостоверности, начало апостеріорности и не-цѣнности. Поэтому наиболѣе глубокіе изъ первыхъ критиковъ Канта видятъ себя вынужденными или ограничить область всеобщихъ и необходимыхъ сужденій математикой, какъ познаніемъ, въ которомъ субъектъ творитъ и форму, и матерію (и потому можетъ «прозрѣть» и то, и другое до конца),—или же распространить активную творческую субъекта на *весь* матеріаль *всего* знанія. Созерцающій разсудокъ—вотъ идея, формулированная, но не введенная въ человѣческое познаніе Кантомъ; въ этой идеѣ сначала задано, а потомъ зрѣетъ и готовится *субъективно-творческое поглоченіе матеріи познанія*, какъ единственный исходъ для спасенія познанія отъ недостоверности, привносимой въ него этой матеріей. Достоверность знанія можно обосновать только тогда, если удастся «вывести» *матерію* познанія изъ субъекта такъ же, какъ Кантъ вывелъ изъ него *форму*.

Наконецъ, это выведеніе нуждается въ систематическомъ единствѣ. Чувственность, разсудокъ и разумъ съ одной стороны,

совокупность категорій—съ другой, должны быть поставлены въ извѣстный *воинный* рядъ, должны быть приведены въ систематическую «трансцендентальную» связь, принять видъ какъ бы органическаго цѣлага, скованнаго въ единство идеей субъекта и его активности.

Именно таковы тѣ проблемы и постановки вопросовъ, отъ которыхъ исходить въ своемъ Наукоученіи ¹⁾ Фихте Старшій. Отсюда уже ясно, что идея «субъекта» должна играть рѣшающую роль во всемъ его построеніи. Эта идея очерчиваетъ ту сферу, въ которой онъ вращается, тотъ путь, по которому онъ движется, и ту цѣль, къ которой онъ идетъ. Глубина этой идеи опредѣляетъ глубину всего ученія; ея сложность, ея богатство оттѣнками, ея, скажемъ прямо, неясность—создаетъ обаятельность, тяжеловѣсность и дальнѣйшую философскую судьбу всей системы, какъ во внутреннихъ ея измѣненіяхъ, такъ и въ тѣхъ воздѣйствіяхъ, которыя она имѣла во внѣ. Идея субъекта, или «Ich», Я—образуетъ у Фихте интимнѣйшее ядро, глубочайшее средоточіе и центръ всей доктрины, въ той формѣ, которую она имѣла между 1794 годомъ и (приблизительно) послѣдними годами XVIII вѣка. И внимательный анализъ этой идеи, какъ въ терминахъ, имманентныхъ самой доктринѣ, такъ и въ терминахъ и понятіяхъ позднѣйшаго, современнаго философствованія, является задачей первостепенной важности для того, кто стремится понять его ученіе.

Преимственная связь, существующая между ученіями Фихте и Канта, свидѣтельствуетъ уже сама по себѣ о предстоящей намъ въ этомъ анализѣ сложности; и это видно изъ тѣхъ поправокъ,

¹⁾ Я имѣю здѣсь въ виду только три первыхъ работы его, которымъ и посвящено мое изслѣдованіе: 1) «Ueber den Begriff der Wissenschaftslehre oder der sogenannten Philosophie». Цитируется въ дальнѣйшемъ подъ сокращеннымъ названіемъ: «Ueber den Begriff», по второму изданію: Iena und Leipzig. 1798, при чемъ измѣненія второго изданія всюду принимаются во вниманіе; 2) «Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre». Neue unveränderte Auflage. Tübingen. 1802. и 3) «Grundriss des Eigenthümlichen der Wissenschaftslehre». То же изданіе. Послѣднія двѣ работы были напечатаны второй разъ въ неизмѣненномъ видѣ и подъ общимъ заглавіемъ; онѣ образуютъ какъ бы одинъ трактатъ и цитируются въ дальнѣйшемъ по неизмѣненному тубингенскому изданію 1802 года подъ сокращеннымъ названіемъ «Wissenschaftslehre». Я говорю объ этихъ двухъ работахъ, называя ихъ «вторымъ трактатомъ».

съ которыми первые критики подходили къ системѣ Канта. У самого Канта *трансцендентальная* проблема, проблема достовѣрности и цѣнности познанія, ставилась и разрѣшалась въ тѣсной связи съ *психологическимъ* вопросомъ о способностяхъ человѣческой души и съ *метафизическимъ* вопросомъ о доступности или недоступности человѣку абсолютнаго бытія. У большинства первыхъ кантіанцевъ, въ томъ числѣ и у Фихте, мысль не отрывается отъ этой слитной постановки и не разрываетъ проблему въ цѣломъ на ея отдѣльныя, нынѣ представляющіяся самостоятельными, стороны. Исправляя рѣшеніе Канта, Фихте не ставитъ *самый вопросъ* въ болѣе расчлененномъ, дифференцированномъ видѣ и не стремится дать отвѣтъ на *новый* вопросъ; нѣтъ, его не удовлетворяетъ лишь *рѣшеніе*; самый же вопросъ остается и сохраняетъ старый характеръ постановки. Фихте самъ думаетъ даже, что онъ только повторяетъ, хотя нѣсколько иначе, систему Канта.

Въ сущности говоря, всѣ поправки, вносимыя Фихте, могутъ быть сведены къ одной: внесенію большаго, мало того—безусловнаго единства въ критическое наукоученіе и міровоззрѣніе. Жажда единства захватила тогда широкіе философскіе круги. Отъ Рейнгольда начинается потокъ интегрирующаго теченія, проблема монизма получаетъ все большее значеніе, и поверхностному взгляду могло бы показаться, что духъ міровой философіи, устремившійся въ лицѣ Канта сначала вглубь, искалъ потомъ все болѣе и болѣе цѣлостную форму для своего, достаточно уже углубленнаго воплощенія. Исторія философіи становится дѣйствительно какъ бы исторіей крушеній, и одна система создается лишь для того, чтобы уступить мѣсто слѣдующей. И всѣ онѣ въ большей или меньшей степени стоятъ подъ знакомъ монизма. Это особенно характерно для ученія Фихте перваго періода. Его основная задача можетъ быть формулирована, какъ устраненіе дуализма и плюрализма во имя единства; двойственность и множественность должна быть преодолѣна во всѣхъ основныхъ проблемахъ и видахъ: въ видѣ абсолютно-сущаго объекта (вещь въ себѣ) и абсолютно, т.-е. аподиктически-познающаго субъекта; въ видѣ даннаго въ созерцаніи и созданнаго въ мышленіи; въ видѣ ирраціонально-пассивной матеріи и раціонально-активной формы; въ видѣ «внѣшняго» міра и «внутренняго» міра; въ видѣ множества рав-

нопоставленныхъ и тѣмъ самымъ въ извѣстномъ смыслѣ противопоставленныхъ принциповъ, способностей и т. д. Соотвѣтственно этому обнаруживается потребность: во-первыхъ, въ достаточно углубленномъ и, въ потенціальности своей, сложномъ принципѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ первоначальномъ лонѣ, могущемъ объединить все въ своихъ нѣдрахъ; во-вторыхъ, въ достаточно гибкомъ и располагающемъ обширнымъ философскимъ диапазономъ методѣ, могущемъ сковать въ сплоченное единство противоположные моменты и распадающіяся стороны. И въ этомъ отношеніи «Абсолютное Я» и «трансцендентальный» методъ имѣютъ въ ученіи Фихте то же самое назначеніе, какъ «абсолютная Идея» и «діалектическій методъ» въ ученіи Гегеля. Отъ Канта до Гегеля потребность въ единствѣ и систематичности все растетъ, и въ зависимости отъ этого — *содержаніе* философскихъ представленій все усложняется, а *формально-методологическая* сторона все болѣе вытачивается, крѣпнетъ и требуетъ отъ мыслителя настоящаго искусства; отсутствію или недостатку дифференціаціи въ *содержаніи* понятій соотвѣтствуетъ стремленіе къ непоколебимой *формальной* интегрированности ученія. Гипертрофія синтетическаго интереса и пренебреженіе аналитическимъ уклономъ идутъ рука объ руку въ наукоученіи Фихте Старшаго и система его, увидѣвшая свѣтъ въ 1794 году, была возможна, какъ таковая, лишь благодаря крайней сложности, недифференцированности и, въ каждый моментъ произвольно опредѣляемой, — слѣдовательно, по существу неопредѣленной, — потенціальности связуемыхъ представленій, понятій и сущностей. Это относится, конечно, прежде всего къ верховной идеѣ системы, къ идеѣ субъекта или «Ich».

Все наукоученіе проникнуто вѣрой въ то, что философія обрѣла пунктъ абсолютной прочности и вовѣки непоколебимой достовѣрности. И если это единое и единственное «абсолютное» найдено, то оно непременно должно явиться абсолютнымъ центромъ *всего бытія и познанія*. То, что периферія развертываетъ и содержитъ *explícite*, то центръ долженъ заключать въ себѣ *implicite*, въ нѣкоторой непостижимой, но всемогущей сконцентрированности. *Абсолютное бремяетъ всѣмъ знаніемъ и всѣмъ сущимъ* — вотъ основная концепція наукоученія; отсюда внутренняя сложность *идеи* объ абсолютномъ и потребность въ почти волшебномъ орудіи построенія — *методъ*.

Для пониманія Наукоученія, какъ и вообще классическихъ философскихъ произведеній прошлаго, необходимо выработать особое, приспособленное къ существовавшей тогда атмосферѣ философскихъ исканій *чувство*, которое только и можетъ помочь цѣлостному воспріятію ученія. Но это чувство, если оно должно отражать воспринимаемое съ возможно большей адекватностью, должно сложиться въ результатѣ сложнаго познавательнаго и художественнаго процесса: необходимо реально ввести въ душу и конкретно въ воспроизведеніи (*nachschöpferisch*) пережить—сначала порознь, а затѣмъ сливая въ основные тона— всѣ составные «логическіе» ингредиенты системы, *предварительно* добытые анализомъ; чѣмъ безпристрастнѣе, внимательнѣе, точнѣе предшествующій анализъ, тѣмъ правдивѣе, адекватнѣе синтезъ можетъ схватить оригиналь въ реконструкціи и открыть затѣмъ философскому ощущенію возможность—слиться съ *духомъ* ученія, погрузиться въ него и художественно раствориться въ немъ.

И вотъ для выработки такого вѣрнаго философскаго ощущенія необходимо имѣть въ виду нѣкоторыя основныя черты, характеризующія отчасти и все философствованіе того времени, но главнымъ образомъ мышленіе Фихте. Именно, въ его мышленіи жили въ нѣкоторой первоначальной, дѣвственной сращенности такіе интересы, подходы, стороны, отѣнки и проблемы, которые въ послѣдующемъ развитіи философіи оторвались другъ отъ друга и получили самостоятельное значеніе и разработку; и теперъ, если они даже соединяются или сливаются вновь въ томъ или иномъ ученіи, они оказываются уже не въ состояніи предстать въ видѣ первоначальной, неразличимой слитности: мысль, прошедшая разъ чрезъ грѣхопаденіе разрыва, не можетъ уже вернуться къ состоянію первобытной невинности, ибо даже художественное погруженіе въ минувшее остается роковымъ образомъ лишь *воспроизведеніемъ* его. Таково въ данномъ случаѣ соотношеніе между наукоученіемъ и мировоззрѣніемъ; между теоріей и практикой; между метафизическимъ и эмпирическимъ; между реальностью и идеаломъ.

Такъ, прежде всего для Фихте система *наукоученія* есть *тѣмъ самымъ* систематическое *мировоззрѣніе*. Это соотношеніе нельзя понимать такъ, что *изъ* теоріи познанія *вытекаеть* или *выводится* извѣстное пониманіе міра; *нѣтъ*. Ученіе о познаніи и именно о

научномъ познаніи есть для Фихте, какъ таковое и тѣмъ самымъ извѣстное пониманіе міра. Правда, наука не есть природа, и знаніе не есть міръ; но знаніе есть знаніе о мірѣ и рассматривается у Фихте въ этомъ первоначальномъ единствѣ. Знаніе о знаніи и знаніе о мірѣ не оторвались другъ отъ друга, не дифференцировались въ представленіи философа; нельзя было рассматривать знаніе отдѣльно (независимо отъ того, направлено ли оно на міръ или на его часть, или на какое-нибудь логическое или психическое содержаніе), и познаваемый міръ отдѣльно, но лишь вмѣстѣ, какъ неразложимый одночленъ. Поэтому всякое сужденіе о знаніи есть у Фихте сужденіе о знаніи міра (конечно, въ его общихъ, основныхъ свойствахъ и категоріяхъ), и слѣдовательно, о мірѣ; и всякое сужденіе о мірѣ есть сужденіе о знаемомъ мірѣ, и слѣдовательно, о знаніи. Вся система его покоится на этомъ непосредственномъ и потому, съ его точки зрѣнія, не нуждающемся въ разъясненіяхъ убѣжденіи: нельзя учить о наукѣ, не уча тѣмъ самымъ о мірѣ, и построить теорію науки, наукоученіе, значитъ eo ipso построить теорію міра, міропониманіе. Въ постановкѣ и трактованіи проблемы—знаніе и міръ оказываются хотя и не тождественными, но неразрывно связанными,—единымъ объектомъ. Это можно было бы выразить въ болѣе общемъ видѣ такъ: нельзя учить о мышленіи, не уча тѣмъ самымъ о бытіи; мышленіе есть мышленіе о бытіи и бытіе есть бытіе въ оправдѣ сознанія. Понять сущность знанія, науки, мышленія, сознанія, словомъ субъекта значитъ тѣмъ самымъ понять сущность вещей, міра, бытія, реальности, словомъ, объекта, и въ этой постановкѣ вопроса лежитъ уже черта, радикально чуждая современной, дифференцирующей и обособляющей проблемы гносеологіи.

Но, далѣе, понять сущность міра—значитъ для Фихте тѣмъ самымъ опредѣлить свое отношеніе къ нему, опредѣлить *практическую* позицію человѣка. Это опять не слѣдуетъ понимать такъ, что рѣшеніе *теоретическихъ* проблемъ является *основой* для разрѣшенія *практическихъ* вопросовъ, что практика только *получаетъ* отъ теоріи многое необходимое и полезное; нѣтъ. Теорія *по самой сущности своей* имѣетъ практической характеръ, а практика, — по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Наукоученія 1794 года—теоретической. Правда познаніе не есть какъ будто сплошь «дѣйственное» познаніе, ибо въ субъектѣ есть моментъ «des Leidens», моментъ пассивности; и точно также Фихте

нигдѣ не говоритъ открыто о томъ, что «дѣйствовать» значитъ «познавать». Но въ сущности говоря *все* отношеніе субъекта къ міру есть дѣйственное отношеніе, а съ другой стороны *всѣ дѣйствія*, о которыхъ говорится въ Наукоученіи, имѣютъ болѣе или менѣе ярко выраженный *познавательный* характеръ. Такъ, самое познаніе есть для Фихте *актъ*, есть дѣйствіе активнаго начала, есть устремленіе, движеніе, борьба; съ другой стороны, даже абсолютное дѣйствіе, не имѣющее объекта, протекаетъ по схемѣ идеальнаго, духовнаго, познавательнаго совершенія, по схемѣ «рефлексіи субъекта на самого себя». Теорія, знаніе и практика, дѣйствованіе—не дифференцировались еще здѣсь: нѣтъ чистой статики постиженія и чистой динамики борьбы. Поэтому всякое сужденіе о *соотношеніи содержаній* есть для Фихте въ предѣлахъ разбираемыхъ трактатовъ—сужденіе о *дѣйствованіи активнаго начала*, и наоборотъ. Проблема теоретическаго познанія получаетъ характеръ практической проблемы, а дѣйствованіе субъекта имѣетъ значеніе или хотя бы отгѣнокъ познавательнаго преодоленія. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Фихте этотъ практически-дѣйственный уклонъ еще сильнѣе заслоняетъ иногда теоретическій интересъ, но и въ первоначальной формѣ онъ можетъ показаться не только неприемлемымъ, но просто недобопонятнымъ для современнаго гносеолога.

Въ такой же первобытной неотрывности пребываютъ у Фихте *метафизическое* и *эмпирическое*. Между этими двумя сторонами не устанавливается, конечно, какъ и въ другихъ случаяхъ, тождества; но въ то же время нельзя понять Наукоученіе, если не представить себѣ эти двѣ стороны въ извѣстномъ, не всегда легко уловимомъ смыслѣ—сращенными. Съ одной стороны метафизическое, абсолютное начало есть основное, истинное, первоначальное; оно—первѣе всякой эмпириі, ибо эмпирическое изъ него только и можетъ быть «объяснено»; оно есть создатель всего эмпирическаго, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, и, въ качествѣ создателя, оно самостоятелно по отношенію къ созданному, въ качествѣ изначальнаго и сточника—оно независимо и самодовлѣюще. Но, съ другой стороны, эмпирической міръ нѣкоторымъ образомъ *заключенъ* въ немъ, какъ во всеобъемлющемъ вмѣстилищѣ, образуетъ его содержаніе, безъ котораго абсолютное—невозможно; и въ то же самое время это абсолютное живетъ, дѣйствуетъ и дышетъ во всемъ, что движется, во всемъ,

что активно: *всякое* дѣйствіе есть *его* дѣйствіе. И такъ, все эмпирическое создается абсолютнымъ и содержится въ немъ; и въ то же время эмпирическое создается имъ не какъ внѣшнее—внѣшнимъ, чуждое—чуждымъ, а такъ, какъ «внѣшнее» творится живущимъ въ немъ внутреннимъ. Все въ абсолютномъ; слѣдовательно, и человѣкъ, и сознание его—то же въ абсолютномъ; и въ то же время: абсолютное—сосредоточивается въ человѣкѣ, въ нѣдрахъ его души, и активность послѣдней есть *его* активность, такъ же какъ и *мнимая*, «кажущаяся» активность внѣшнихъ вещей. Метафизическое и эмпирическое сближаются въ своемъ касаніи и переплетаются, и этимъ объясняется, между прочимъ, та естественность и легкость, съ которой Фихте, говоря о метафизическихъ соотношеніяхъ, выясняя ихъ сущность, подставляетъ иногда, какъ бы мимоходомъ, въ эти соотношенія—представленія эмпирическаго характера: напримѣръ, говоря объ отношеніи между абсолютнымъ—и его отрицательнымъ, его антиподомъ, онъ истолковываетъ это тутъ же, какъ отношеніе человѣка къ природѣ, сознанія къ вещи и т. д. Умонастроение Канта, стремившагося въ «Критикѣ чистаго разума» къ отрыву абсолютнаго отъ эмпирическаго, къ созданію не-метафизической «метафизики» (т. е. «имманентной» теории аподиктическаго знанія)—чуждо Фихте: отвергнувъ вещь въ себѣ, онъ считаетъ свое ученіе гарантированнымъ отъ вторженія трансцендентнаго и, срачивая абсолютное съ эмпирическимъ, не видитъ между ними бездны, непримиримости, взаимнаго исключенія. Въ результатѣ обѣ стороны образуютъ у него своеобразное единство, и отношеніе между ними совсѣмъ не получаетъ сколько-нибудь единообразнаго и яснаго опредѣленія.

Наконецъ, слѣдуетъ еще постоянно имѣть въ виду, что у Фихте, предваряющаго въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Гегеля, неразличимо сплетены между собой *реальное*, дѣйствительное, съ *идеальнымъ*, должнымъ, и, соотвѣтственно этому, нужно быть готовымъ къ тому, что въ построеніи его начало исходное, создающее, абсолютно-реальное получить значеніе должнаго, создаваемого, завершающаго, абсолютно-цѣннаго момента цѣли, и обратно. Понятіе активности, дѣйствія, столь характерное для его философіи, облегчаетъ это послѣднее сращеніе и даже несетъ его въ себѣ. Ибо *дѣйствіе*, какъ таковое, подобно «движенію» греческихъ мыслителей, есть

какъ разъ среднее состояніе между исходнымъ пунктомъ и конечнымъ и можетъ разсматриваться, если стать на интуитивно-созерцательную точку зрѣнія, какъ причастное обоимъ пунктамъ, какъ соединяющее ихъ, и даже не *собою*, а въ *себѣ*. Такая возможность особенно близка Фихте, ибо «дѣйствіе», о которомъ онъ говоритъ имѣетъ метафизическій характеръ и, какъ такое, образуетъ самую сущность Абсолютнаго. Вотъ почему «Абсолютное» Наукоученія можетъ оказаться не только *первоначальной реальностью*, но и *высшимъ идеаломъ*; не только первымъ звеномъ, но и послѣдней ступеню.

Къ этимъ внутреннимъ особенностямъ мышленія Фихте Старшаго слѣдуетъ присоединить еще связанную съ ними и даже вытекающую изъ нихъ внѣшнюю особенность его основного трактата «Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre». Подходя къ извѣстному теоретическому, тѣмъ болѣе—систематически задуманному сочиненію, мы всегда ожидаемъ найти въ немъ единую, послѣдовательно и строго развиваемую точку зрѣнія,—во всякомъ случаѣ зрѣлый и выдержанный плодъ размышленій, трудъ, конецъ котораго былъ уже мысленно обрѣтенъ въ то время, когда писалось начало. Именно этого-то и не слѣдуетъ искать въ Наукоученіи Фихте: динамика, которой пропитано содержаніе его философіи, настолько вылилась изъ его собственной души, настолько характеризуетъ творческую стихію его личности, что печать движенія, печать исканія легла и на его первую большую работу въ цѣломъ, на построение и изложеніе Наукоученія. Точка зрѣнія, преобладающая въ началѣ и точка зрѣнія, выдвигающаяся во второй половинѣ,—существенно разнятся одна отъ другой; «Я», о которомъ говорится въ началѣ и «Я», которое формируется въ завершеніи трактата, не тождественны по своему значенію и по своему систематическому положенію, и то обстоятельство, что Фихте нерѣдко продолжаетъ говорить о немъ, какъ о *единомъ* принципѣ, ставить философствующему читателю задачу—свести конецъ къ началу и отождествить конечный пунктъ съ исходнымъ, или же признать наличность двухъ рѣшеній для основной проблемы. Мы увидимъ, впрочемъ, насколько возможно пріурочивать у Фихте исходный и конечный пункты *системы* къ началу и концу *трактата*. Во всякомъ случаѣ получается впечатлѣніе, что Фихте самъ выступаетъ ищущимъ въ этомъ произведеніи, что онъ,

начиная писать, не всегда былъ увѣренъ въ томъ, какой характеръ будетъ имѣть окончаніе, чѣмъ придется кончить и какъ удастся «снять» поставленную антиномію; моментами можетъ даже казаться, что онъ искалъ не того, что нашель, и нашель не то, чего искалъ. Его произведеніе динамично, подобно его личности и содержанію его философскаго первоначала.

Изъ этихъ предварительныхъ существенныхъ замѣчаній ясно, съ какою сложностью намъ предстоитъ имѣть дѣло при анализѣ понятія Субъекта. Субъектъ—есть идея, начало, долженствующее внести единство въ систему; въ этой идеѣ должны найти свой ключъ всѣ проблемы, поставленныя въ столь слитныхъ и сращенныхъ терминахъ; въ ней должны получить свою логически-систематическую связь всѣ категоріи и сужденія, образующія такъ или иначе содержаніе теории познанія; въ ней должны найти свое первоначальное лоно всѣ силы, изъ которыхъ слагается міръ въ представленіи философа; въ ней должны быть скрыты способности къ обоснованію теории и къ активности, къ преодолѣнію, борьбѣ; она должна быть причастна абсолютному и эмпирическому; она должна функционировать, какъ первооснова реальнаго и въ то же время, какъ верховная цѣнность идеальнаго міра, какъ абсолютно-первое и абсолютно-последнее, альфа и омега. Въ ученіи Фихте—Субъектъ есть все и, если мы не имѣемъ еще основанія характеризовать эту систему, какъ пантеистическую, то терминъ «пансубъективизма» оказывается подходящимъ съ самаго начала.

2.

Установимъ прежде всего, что наукоученіе Фихте представляетъ по своему замыслу грандіозный проектъ трансцендентальной теории познанія, высшимъ принципомъ которой должна была служить идея «Ich».

Осуществить философію, какъ науку—вотъ великая цѣль разума ¹⁾ и, въ сущности говоря, въ признаніи того, что философія должна быть наукой, сходятся всѣ партіи ²⁾. *Филосо-*

1) J. G. Fichte. Sämmtliche Werke. Abth. I B. I. Berlin. 1875. Recension des Aenesidemus. S. 3.

2) Ueber den Begriff. S. 2.

фія есть наука; въ этомъ утвержденіи содержится *in nuce* вся теорія познанія Фихте, ибо изъ развитого опредѣленія понятія науки вытекаетъ постановка и разрѣшеніе всей гносеологической проблемы. Наука есть прежде всего совокупность суждений (*Sätze, Urtheile*), конечно, суждений *достоверныхъ* ¹⁾. Не останавливаясь на опредѣленіи сужденія ²⁾, на вопросѣ о томъ, *доступны ли намъ* такія сужденія (въ глазахъ Фихте этотъ вопросъ достаточно уже выясненъ Кантомъ) и на характерѣ ихъ достоверности ³⁾, Фихте сосредоточиваетъ все свое вниманіе на томъ, каково отношеніе между этими сужденіями.

Наука должна представлять изъ себя нѣчто единое, цѣлое ⁴⁾. Она есть нѣкоторое единство: совокупность суждений, связанныхъ въ единство. Она имѣетъ систематическую форму ⁵⁾; каждое изъ суждений, входящихъ въ ея составъ, занимаетъ въ цѣломъ, во всей наукѣ, извѣстное опредѣленное положеніе, становится къ цѣлому въ извѣстное отношеніе ⁶⁾. Это отношеніе есть отношеніе достоверности ⁷⁾: черезъ эту связь съ цѣлымъ—каждое сужденіе получаетъ свою достоверность. Достоверныхъ знаній вообще немного и средствомъ расширить и упрочить познаніе является «сравненіе» или сопоставленіе недостоверныхъ утверждений съ достоверными ⁸⁾, въ результатѣ котораго оказывается возможнымъ перенести на первыя — достоверность, присущую послѣднимъ. Но такъ какъ наука должна быть скована *въ единство*, то каждое сужденіе, входя въ науку, должно получать свою достоверность отъ одного, единого достовернаго сужденія, посредствомъ связующаго сопоставленія ⁹⁾. Это единое высшее, или основное сужденіе, «*Grundsatz*», имѣетъ свою достоверность само по себѣ ¹⁰⁾, внѣ или «до» всякой связи съ другими ¹¹⁾. Достоверность его не обосновывается въ данной наукѣ,

1) Ueber den Begriff. S. 4, 5.

2) Срв. развѣ только Ueber den Begriff. S. 19, 50. *Wissenschaftslehre*. S. 4, 406.

3) Срв. Ueber den Begriff. S. 25. *Wissenschaftslehre*. S. 208, 279, 280, 296, 302.

4) Ueber den Begriff. S. 6.

5) Ueber den Begriff. S. 4, 17, 35.

6) Ueber den Begriff. S. 6.

7) Ueber den Begriff. S. 7, 8.

8) Ueber den Begriff. S. 5.

9) Ueber den Begriff. S. 6, 7, 7, 8.

10) Ueber den Begriff. S. 8.

11) Ueber den Begriff. S. 7, 10.

но сама обосновываетъ въ ея предѣлахъ всякую другую достовѣрность. Это основное сужденіе не только едино, но и единственно, ибо другое сужденіе, которое было бы въ предѣлахъ данной науки тоже самодостовѣрнымъ—нарушало бы единство цѣлаго и слѣдовательно, упраздняло бы науку ¹⁾. Основоположеніе безусловно, вполне (schlechthin) достовѣрно ²⁾, и связь, черезъ которую оно сообщаетъ достовѣрность другимъ сужденіямъ, состоитъ въ томъ, что его достовѣрность требуетъ или предполагаетъ достовѣрность рядомъ стоящаго сужденія В, достовѣрность В—предполагаетъ достовѣрность С и такъ далѣе ³⁾. Такимъ образомъ всѣ сужденія стоятъ въ извѣстной лѣстницеобразной или цѣпной зависимости другъ отъ друга, въ одномъ ряду, завершающемся самодостовѣрнымъ основоположеніемъ. и это придаетъ наукѣ ея систематическую форму.

Во всякой наукѣ есть основоположеніе, въ ея предѣлахъ самодостовѣрное, но подлежащее обоснованію за ея предѣлами, въ особой наукѣ—наукоученіи. Въ наукоученіи долженъ быть оправданъ и методъ, которымъ размножаются достовѣрные утвержденія въ простыхъ наукахъ. Наукоученіе есть наука о наукѣ вообще ⁴⁾, наука, обосновывающая форму и содержаніе всякой науки. Въ логическомъ соотношеніи—понятіе науки есть родовое понятіе, понятіе наукоученія—видовое. Въ трансцендентальномъ соотношеніи—наукоученіе есть основа, а наука есть обоснованное: наука обосновывается, какъ *схема* систематическаго знанія,—въ самомъ осуществленіи, построеніи наукоученія, и затѣмъ наполняется новымъ, подчиненнымъ *содержаніемъ*, за предѣлами послѣдняго. И вотъ, въ качествѣ науки, наукоученіе есть совокупность достовѣрныхъ утвержденій, связанныхъ трансцендентальной связью обоснованія съ однимъ общимъ, достовѣрнымъ *an sich*, въ предѣлахъ наукоученія (и слѣдовательно уже безусловно нигдѣ) недоказуемымъ основоположеніемъ. Въ качествѣ же науки, рѣшающей вопросъ о возможности всякой науки, наукоученіе получить слѣдующее развернутое опредѣленіе: наукоученіе имѣетъ цѣлью, показать въ формѣ совокуп-

1) Ueber den Begriff. S. 8.

2) Ueber den Begriff. S. 7.

3) Ueber den Begriff. S. 7, 9.

4) Ueber den Begriff. S. 11, 14.

ности достовѣрныхъ сужденій, связанныхъ трансцендентальной связью обоснованія съ однимъ, общимъ, достовѣрнымъ «*an sich*», безусловно нигдѣ недоказуемымъ (вполнѣ самоочевиднымъ) основоположеніемъ,—какъ возможна вообще такая совокупность сужденій. Картина очевидно слагается такъ: есть въ наукоученіи одно верховное основоположеніе; оно достовѣрно вполнѣ, безусловно, само по себѣ, оно—*самоочевидно*. Отъ него получаютъ свою достовѣрность, одно черезъ другое, цѣлый рядъ утверждений; всѣ они—суть члены наукоученія. Далѣе, каждое изъ этихъ утверждений является въ свою очередь основоположеніемъ для новой науки, каждое въ свою очередь, порождаетъ новый рядъ достовѣрныхъ утверждений. Такимъ образомъ основоположеніе наукоученія есть какъ бы великая трансцендентальная праматерь всѣхъ научныхъ, достовѣрныхъ утверждений. Оно содержитъ въ себѣ ту матерію ¹⁾, изъ которой вырастаетъ или добывается содержаніе наукоученія и всѣхъ наукъ; установленіе его есть установленіе научной *матеріи* вообще. Развитіе же изъ него наукоученія есть установленіе научной *формы*, т.-е. трансцендентальнаго метода, установленіе, которое тѣмъ самымъ есть и обоснованіе метода; ибо обосновать или доказать трансцендентальный методъ—значить, въ устахъ Фихте, «показать, какъ онъ примѣняется», обнаружить его примѣненіе, его пригодность, его значеніе и сущность—черезъ использование его въ предѣлахъ самого наукоученія. Такимъ образомъ будетъ рѣшенъ вопросъ о возможности науки вообще.

При такомъ пониманіи скелета Наукоученія бросается въ глаза то обстоятельство, что оно дѣйствительно являетъ намъ грандіозную по замыслу попытку чисто трансцендентальнаго построенія теоріи познанія. Трансцендентальный вопросъ въ гносеологіи есть вопросъ о познавательной цѣнности, достовѣрности утверждений. *Чисто* трансцендентальное трактованіе этого вопроса имѣетъ въ виду систематическое вскрытіе критеріевъ цѣнности и достовѣрности утверждений, безъ привнесенія вопроса о тѣхъ психологическихъ условіяхъ (индуктивно добываемыхъ, или изъ понятій строяемыхъ), которыя необходимы для эмпирической реализаціи науки; точнѣе, вопросъ о сущности и содержаніи познавательныхъ состояній души, о познаніи, какъ душевномъ

1) Ueber den Begriff. S. 11.

состояніи, можетъ и долженъ быть привлеченъ: безъ интроспективного, предварительнаго анализа нельзя подойти къ «трансцендентальному», какъ такому, ибо оно дано намъ прежде всего въ колебели психическаго, въ сращенности и многообразіи душевныхъ процессовъ. Но *въ разрѣшеніи* своемъ трансцендентальная проблема не связана съ судьбами и путями психологическаго анализа: разрѣшеніе ея не сообразуется съ рѣшающимъ голосомъ факта, не опредѣляется имъ, не добывается его индуктивно и не постулируетъ его въ дедуктивномъ построеніи. Согласно такому опредѣленію, у Фихте обнаруживается замыселъ создать чисто трансцендентальную теорію науки и прежде всего наукоученіе. И какія бы поправки ни хотѣлось внести въ самую конструкцію трансцендентальнаго скелета наукоученія,—остовъ его, въ изложенномъ нами видѣ, долженъ быть охарактеризованъ какъ чисто трансцендентальный.

Идея субъекта, идея «Ich» и является той основой, формулируя которую въ видѣ сужденія, Фихте устанавливаетъ верховное основоположеніе. Взятая въ этомъ трансцендентальномъ разрѣзѣ, идея Ich предстаетъ, слѣдовательно, въ видѣ того высшаго *утвержденія*, отъ коего получаютъ свою достовѣрность всѣ остальные научныя утвержденія. Оно сообщаетъ ее ряду утверждений въ предѣлахъ наукоученія; каждое изъ утверждений является въ свою очередь основоположеніемъ для другихъ наукъ, и такъ постепенно вырастаетъ трансцендентальное древо научной системы. Связь между утвержденіями наукоученія такова, что гибель или выбитіе изъ строя одного изъ нихъ влечетъ за собой гибель всей эскадры утверждений и основоположеній. Каза-лось бы, что можетъ быть легче, чѣмъ погубить такую зыбкую совокупность? Но эта легкость оказывается иллюзорной. При ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается, что борьба съ этой системой должна быть начата непремѣнно съ верховнаго основоположенія. Ибо каждое изъ суждений, опосредствованныхъ въ своей достовѣрности, заявляетъ отказъ и отводъ, ссылаясь на свое чрезвычайно тѣсное родство съ предшествующимъ. Это родство обнаруживается каждый разъ, и каждый разъ заставляетъ критика или противника спуститься на ступень ниже, и такъ до тѣхъ поръ, пока онъ не опустится въ послѣдній разъ и не вступить въ лоно высшаго основоположенія. Но здѣсь выясняется, что преодолѣть этого основоположенія нельзя. Ибо

преодолѣть—значитъ показать неосновательность, необоснованность чего-нибудь; а какъ возможно показать неосновательность того, что не имѣетъ основаній, не ищетъ ихъ и не нуждается въ нихъ? Верховное основоположеніе должно быть, по убѣжденію Фихте, самоочевиднымъ и безосновнымъ, ибо не признавать этого—значитъ впадать въ релятивизмъ и строить систему безъ абсолютной достовѣрности, довольствуясь истиной относительной, опосредствованной, и тѣмъ самымъ примиряться съ тѣмъ, что знаніе останется «völlig grundlos» ¹⁾). Отъ этого верховнаго основоположенія, думаетъ Фихте, нельзя отвлечься, оно сопровождаетъ всякое знаніе, оно содержится во всякомъ познаніи, и всякое знаніе его предполагаетъ ²⁾). Оно достовѣрно потому, что достовѣрно; потому, что оно само себѣ равно; и все, что достовѣрно, достовѣрно потому, что достовѣрно это основоположеніе ³⁾). Оно самодовлѣюще. Поэтому Фихте и не приводитъ *никакихъ доказательствъ* въ пользу его вѣрности и ограничивается *указаніемъ* его, какъ завернутаго въ видѣ предпосылки въ каждомъ сужденіи и утвержденіи ⁴⁾). Въмѣсто доказательства онъ ссылается только на одно соображеніе, открыто признавая въ немъ наличность логическаго круга, впрочемъ, по его мнѣнію, неизбежнаго. Именно: если формулируемое имъ основоположеніе—есть дѣйствительно искомое абсолютное утверженіе, то въ познаніи нашемъ возможна единая система; и наоборотъ: такъ какъ единая система знанія должна существовать, а изъ этого основоположенія дѣйствительно построяется *нѣкоторая* система знанія, то эта «нѣкоторая» система и есть единая, искомая; и слѣдовательно, найденное основоположеніе—абсолютно ⁵⁾). Можно, однако, не сомнѣваться, что корень самодостовѣрности основоположенія лежитъ у Фихте не въ этомъ и вообще не въ такихъ якобы рационалистическихъ соображеніяхъ. Фихте по всей природѣ своей имѣлъ достаточно философской смѣлости для того, чтобы остановиться на открытой и увѣренно исповѣдуемой интуиціи, и именно этотъ интуитивистическій уклонъ его и давалъ Гегелю впоследствии поводъ иронизировать надъ

1) Ueber den Begriff. S. 39.

2) Ueber den Begriff. S. 18.

3) Ueber den Begriff. S. 18.

4) Wissenschaftslehre. S. 5—8.

5) Ueber den Begriff. S. 38, 39. Wissenschaftslehre. S. 191.

тѣми «увѣреніями» и «завѣреніями», съ которыми Фихте приходилось обращаться къ читателю. Фихте въ дѣйствительности настолько былъ проникнутъ увѣренностью въ правильности своего пути и въ вѣрномъ обрѣтеніи верховнаго основоположенія, что говорилъ не разъ съ пренебреженіемъ о тѣхъ, кто не захочетъ признать найденной имъ самоочевидности ¹⁾, и однажды высказался прямо въ томъ смыслѣ, что открытое имъ Наукоученіе,— не въ данномъ имъ, или какомъ-либо иномъ возможномъ *изложеніи*, но по содержанію и существу своего основоположенія и своего хода—никогда и никѣмъ не можетъ быть опровергнуто ²⁾.

Отмѣтимъ еще разъ трансцендентальную природу верховнаго основоположенія прежде, чѣмъ перейти отъ замысла къ выполненію. Итакъ: оно есть *сужденіе* или *утвержденіе*, ибо оно входитъ въ науку; наука же есть совокупность сужденій. Это есть *достоверное сужденіе*, ибо оно входитъ въ науку; а наука есть совокупность *достоверныхъ* сужденій. Это есть основоположеніе и потому оно самодостоверно; какъ основоположеніе *наукоученія*, оно безусловно достоверно, самоочевидно. Въ предѣлахъ наукоученія это самоочевидное сужденіе единственно въ своей функціи и своихъ свойствахъ, хотя не во всѣхъ. Ему обще съ другими сужденіями то, что и они суть сужденія, что и они достоверны, что и они суть члены наукоученія, общей имъ всѣмъ науки; наконецъ, что и они всѣ суть въ извѣстномъ отношеніи—основоположенія. Его отличаетъ отъ нихъ характеръ достоверности: достоверность другихъ сообщается имъ въ предѣлахъ наукоученія; достоверность же его — утверждена сама по себѣ, т.-е. въ предѣлахъ наукоученія не доказывается. Его отличаетъ отъ нихъ—его положеніе: всѣ другіе связаны трансцендентальной связью именно съ нимъ, однимъ, общимъ для нихъ всѣхъ, ради полученія отъ него достоверности; оно же отъ нихъ достоверность свою не получаетъ. Наконецъ, его отличаетъ отъ нихъ компетенція: каждое изъ другихъ сообщаетъ достоверность сужденіямъ въ предѣлахъ *низшихъ наукъ*, оно же сообщаетъ достоверность имъ *самимъ* въ предѣлахъ наукоученія и черезъ нихъ всѣмъ остальнымъ повсюду. Таковы *genus proximum* и *differentia specifica* верховнаго основоположенія.

1) Ueber den Begriff. S. 39. Wissenschaftslehre. S. 125 Anm.

2) Wissenschaftslehre. S. 274—275.

Наукоученіе является такимъ образомъ систематическимъ, цѣлостнымъ единствомъ. Въ немъ необходимъ каждый членъ, но въ немъ нѣтъ и лишннихъ членовъ. Это поистинѣ совершенное единство, тотальность. Каждая часть его и все оно въ цѣломъ до такой степени тѣсно связаны съ верховнымъ основоположеніемъ, что если *оно* дано, то и все наукоученіе дано ¹⁾. Наукоученіе есть лишь развитіе, деволуція того, что заложено, завернуто, инволюировано въ его основоположеніи. Въ *содержаніи* перваго основоположенія лежитъ содержаніе всего наукоученія, всѣхъ наукъ, всякое научное содержаніе ²⁾. И то, что относится къ наукоученію, должно быть развито до конца изъ этого содержанія. Верховное основоположеніе должно быть *исчерпано* въ наукоученіи, и это будетъ означать, что наукоученіе охватило все возможное познаніе въ его основахъ ³⁾. Признакомъ исчерпанности основоположенія является такое положеніе дѣлъ, при которомъ всѣ остальные сужденія наукоученія ведутъ къ нему, а оно неизбѣжно ведетъ къ нимъ ⁴⁾. И тогда нельзя вывести уже больше ни одного сужденія въ предѣлахъ наукоученія; это выражается въ томъ, что послѣднимъ звеномъ его оказывается *то самое основоположеніе*, которое послужило отправнымъ пунктомъ ⁵⁾. Послѣдняя ступень совпадаетъ тогда съ первой и *начальное утвержденіе тождественно съ конечнымъ*. Завершенность есть характерный и отличительный признакъ наукоученія; другія науки могутъ развиваться безконечно, ибо онѣ не возвращаются къ своему основоположенію ⁶⁾. Наукоученіе есть самодовлѣющій, внутри себя замкнутый и завершенный кругъ; трансцендентальное кольцо основоположеній, въ себѣ самомъ несущее источникъ своей силы и свое содержаніе, которое можетъ быть связано только съ *такой* формой, свою форму, которая можетъ быть связано только съ *такимъ* содержаніемъ, ибо содержаніе въ немъ неотрывно отъ формы ⁷⁾; оно внутренне закончено, какъ вѣнокъ съ сошедшимися кон-

1) Ueber den Begriff. S. 34, 35.

2) Ueber den Begriff. S. 23.

3) Ueber den Begriff. S. 34.

4) Ueber den Begriff. S. 34.

5) Ueber den Begriff. S. 35.

6) Ueber den Begriff. S. 36.

7) Ueber den Begriff. S. 23, 45 und andere.

цами, и внѣшне завершаетъ теорію науки, какъ вѣнецъ, сводящій все къ себѣ.

Наукоученіе, задуманное Фихте и очерченное въ его первомъ гносеологическомъ трактатѣ предстанетъ передъ нами въ такомъ видѣ при томъ условіи, если отвлечься въ изложеніи его отъ цѣлаго ряда проблемъ и соотвѣтственно опредѣленій, добавленій, разъясненій и отдѣльныхъ выраженій, къ анализу которыхъ мы впослѣдствіи обратимся. Отсюда уже ясно, что чисто трансцендентальная теорія познанія образуетъ лишь одну сторону наукоученія, которую можно при извѣстномъ желаніи выдѣлить изъ общаго потока мысли, но которая на самомъ дѣлѣ тѣсно сплетена съ другими сторонами и отвѣтвленіями. По отношенію къ идеѣ субъекта это выражается прежде всего въ томъ, что содержаніе ея получаетъ нѣкоторое новое значеніе. Какъ бы ни опредѣлялись трансцендентальная сущность и систематическое положеніе извѣстной идеи, — идея остается идеей, т.-е. сохраняетъ значеніе мысли или обособленно мыслимаго «логическаго» содержанія, сущность котораго можетъ быть, конечно, развернута въ видѣ сужденія или утвержденія. Связь этого утвержденія съ другими утвержденіями есть связь *мысли* съ *мыслью*, т.-е. одного логическаго момента съ другимъ «логическимъ» моментомъ, и, слѣдовательно, связь сама по себѣ тоже «логическая». При этомъ она устанавливается, конечно, для рѣшенія трансцендентальной проблемы, для «размноженія» достовѣрныхъ утвержденій, — и въ результатѣ возникаетъ *трансцендентальная симфонія логическихъ* моментовъ. У Фихте дѣло далеко не ограничивается этимъ, ибо *содержаніе идеи* субъекта получаетъ у него значеніе какъ бы нѣкотораго зеркала, отображающаго въ себѣ извѣстную реальность. Въ идеѣ субъекта — мыслится самый «субъектъ»; этотъ »субъектъ» есть реальное начало, есть нѣчто сущее; идея «Ich» есть идея о нѣкоторомъ *бытіи*, о бытіи первоначальномъ, *абсолютномъ*, лежащемъ въ основѣ *міра* такъ же, какъ первое *основоположеніе* лежитъ въ основѣ *наукоученія*. «Ich», «Я» — это не только понятіе или сокращенная формула перваго основоположенія, но еще и *абсолютная, верховная реальность*. И вотъ, одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и, въ то же время, наиболѣе затрудняющихъ пониманіе философіи Фихте особенностей, является то, что на протяженіи всего второго и притомъ основнаго трактата, онъ

до извѣстной степени забываетъ о томъ трансцендентальномъ замыслѣ, который мы только что охарактеризовали, и погружается всецѣло въ описаніе нѣкотораго внѣвременнаго процесса, ведущаго свое начало отъ извѣстнаго пункта и имѣющаго вернуться опять къ нему; этотъ пунктъ называется Ich, но является не идеей и основоположеніемъ, а *абсолютно-реальнымъ началомъ*. Дѣло въ томъ, что идеѣ «Ich» соотвѣтствуетъ нѣкоторая реальность, отображенная и закрѣпленная въ ней, и это само по себѣ является новымъ и въ высшей степени важнымъ добавленіемъ къ учению о трансцендентальномъ основоположеніи. Въ самомъ дѣлѣ, за содержаніемъ основоположенія могло и не скрываться ничего «реальнаго»; конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы это основоположеніе ни въ какомъ смыслѣ и даже въ конечномъ счетѣ не имѣло *никакого отношенія ни къ чему реальному* или представляла изъ себя пустой и праздный вымыселъ фантазіи гноссолога, — но въ томъ смыслѣ, что это основоположеніе, сохраняя свое содержаніе и свое значеніе, могло бы и не имѣть отношенія къ какому-нибудь *особому, именно ему* соотвѣтствующему и *имъ* скопированному, болѣе или менѣе адекватно *въ немъ* выраженному реальному началу, будь то «часть» или «кусокъ» реального міра, или же вся совокупность реального въ цѣломъ. Иными словами: основоположеніе наукоученія могло бы быть основоположеніемъ и имѣть свое «идеальное», «логическое» содержаніе, и не будучи копіей съ «противопоставленной» ему и отличной отъ него нарочитой реальности. У Фихте же дѣло обстоитъ именно такъ.

Съ этой новой точки зрѣнія все наукоученіе и вмѣстѣ съ нимъ идея субъекта получаютъ новое значеніе, которое мы до сихъ поръ условно и, пожалуй, искусственно ¹⁾ отдѣляли отъ трансцендентальной стороны ученія. За ними сначала вскрывается реальная почва, реальный субстратъ, на которомъ они базируются, а затѣмъ этотъ реальный субстратъ перетягиваетъ весь интересъ къ себѣ и на себя, выдвигается впередъ и вытѣсняетъ

¹⁾ У Фихте, особенно въ трактѣ „Ueber den Begriff der Wissenschaftslehre“, есть цѣлый рядъ чисто трансцендентальныхъ опредѣленій и формулъ, которыя свободны отъ сращенія идеальнаго съ реальнымъ. Эти-то опредѣленія и даютъ основаніе выдѣлить всю трансцендентальную сторону замысла, и операція такого выдѣленія не требуетъ ни большихъ натяжекъ, ни особой искусственности.

незамѣтно сторону логическую, сторону идеи. И если въ первомъ изъ разбираемыхъ трактатовъ («Ueber den Begriff der Wissenschaftslehre») трансцендентальная сторона наукоученія стоитъ на первомъ планѣ, то во второмъ трактатѣ («Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre») эта сторона блѣднѣетъ, становится подобна тѣни и иногда вполне поглощается реальной стороной построения. Въ этомъ Фихте, можетъ быть, платитъ дань тому исконному философскому вѣрованію, въ силу котораго всякому понятію, всякой идеѣ, всякой мысли—соотвѣтствуетъ нѣчто реальное, нѣкоторый субстратъ, болѣе или менѣе адекватно выраженный въ *содержаніи* этого понятія, — реальный предметъ, являющійся его необходимымъ коррелятомъ.

Согласно постоянно возвращающимся повтореніямъ, разъясненіямъ и добавленіямъ самого философа — наукоученіе имѣетъ дѣло съ *человѣческимъ познаніемъ*, съ *нашимъ познаніемъ*. Подтвержденіе этому можно найти буквально на каждой страницѣ. При этомъ отношеніе наукоученія къ *человѣческому познанію* таково, что оно должно исчерпать его въ его основныхъ законахъ ¹⁾, или, какъ Фихте еще выражается—способахъ дѣйствія ²⁾, дѣйствіяхъ ³⁾. «Въ наукоученіи», говоритъ онъ, «содержится все возможное *человѣческое знаніе*» ⁴⁾; «объектомъ наукоученія является система *человѣческаго знанія*; оно имѣется независимо отъ науки о немъ, но устанавливается ею въ систематической формѣ» ⁵⁾. «То, что существуетъ независимо отъ науки въ *человѣческомъ духѣ*, мы можемъ назвать также его актами (Handlungen). Они-то и суть то нѣчто (das Was), что имѣется налицо; они совершаются извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ; по этому опредѣленному образу одинъ актъ отличается отъ другого; а это и есть то, *какимъ образомъ* существуетъ указанное нѣчто (das Wie). Итакъ, въ *человѣческомъ духѣ* имѣется первоначально, до нашего знанія, содержаніе и форма, и то и другое находится въ неразрывной связи; каждый актъ «совершается опредѣленнымъ образомъ по извѣстному за-

1) Ueber den Begriff. S. 34 Anm., 25 и. а.

2) Ueber den Begriff. S. 52, 53.

3) Ueber den Begriff. S. 32, 3, Wissenschaftslehre. S. 167.

4) Ueber den Begriff. S. 36 Anm., 40.

5) Ueber den Begriff. S. 50.

кону и этотъ законъ опредѣляетъ актъ» ¹⁾ «Совсѣмъ не нужно, чтобы эти акты дѣйствительно находились (vorkommen) въ нашемъ духѣ одинъ за другимъ во временной послѣдовательности, въ той систематической формѣ, въ которой они будутъ выведены, какъ стоящіе въ зависимости другъ отъ друга; такъ чтобы, напримѣръ, тотъ, который содержитъ всѣ подъ собою (alle unter sich fasst) и даетъ высшій и наиболѣе всеобщій законъ,—находился бы первымъ, за нимъ тотъ, который содержитъ подъ собою меньшее число, и т. д.; далѣе отсюда совсѣмъ не слѣдуетъ, что всѣ они находятся въ чистомъ и несмѣшанномъ видѣ... ²⁾ «То, что устанавливаетъ наукоученіе, есть помысленное и выраженное въ словахъ утвержденіе; то въ человѣческомъ духѣ, чему соотвѣтствуетъ это утвержденіе, есть нѣкоторый актъ духа, который самъ по себѣ совсѣмъ не долженъ бы былъ необходимо *мыслиться*. Этому акту не должно предпосылаться ничего, кромѣ того, безъ чего онъ не былъ бы возможенъ *какъ* актъ; и это предпосылается не молча, но составляетъ задачу наукоученія, именно: установить это отчетливо и опредѣленно и притомъ *въ качество того*, безъ чего актъ былъ бы невозможенъ» ³⁾. «Изображенное и изображеніе находятся въ двухъ различныхъ рядахъ» ⁴⁾. «Я», какъ философствующій субъектъ, есть безспорно лишь нѣчто представляющее; но «Я», какъ объектъ философствованія, могло бы быть, конечно, чѣмъ-нибудь большимъ. Представленіе есть высшій и абсолютно первый актъ *философи*, какъ такового; но абсолютно первый актъ человѣческаго *духа* могъ бы быть, конечно, и другимъ ⁵⁾. «Всѣ способы дѣйствованія интеллигенціи, которые наукоученіе должно исчерпать, доходятъ до сознанія только въ формѣ представленія, лишь постольку и такъ, поскольку и какъ они представляются» ⁶⁾. «Мы не законодатели человѣческаго духа, но прагматическіе историографы его» ⁷⁾. Наукоученіе есть «изображеніе» «системы человѣческаго духа» ⁸⁾. Наукоученіе

1) Ueber den Begriff. S. 50, 51.

2) Ueber den Begriff. S. 51.

3) Ueber den Begriff. S. 64.

4) Ueber den Begriff. S. 65.

5) Ueber den Begriff. S. 65.

6) Ueber den Begriff. S. 66.

7) Ueber den Begriff. S. 62. Wissenschaftslehre. S. 186.

8) Ueber den Begriff. S. 60.

устанавливаетъ необходимые акты или способы дѣйствованія интеллигенціи ¹⁾, поднявъ ихъ въ сознаніе посредствомъ акта осознанія ²⁾.

Такимъ образомъ, передъ нами два ряда, изъ соотношенія которыхъ освѣщается сущность наукоученія: рядъ *реальный* и рядъ *идеальный*. Въ *реальномъ* ряду лежатъ необходимые акты человѣческаго духа; эти акты существуютъ въ человѣческомъ духѣ независимо отъ науки и такъ сказать «до» нашего знанія; въ нихъ есть содержаніе и форма, стоящая въ неразрывной связи; они подчинены закономерности. Здѣсь «Я» есть *объектъ* философствованія, абсолютно первый *актъ* человѣческаго духа, который доходитъ до сознанія лишь постольку, поскольку представляется и который есть нѣчто большее, чѣмъ простое представленіе философствующаго субъекта. Въ цѣломъ этотъ рядъ актовъ представляетъ *реальный объектъ*, познаваемый и изображаемый наукоученіемъ.

Само же наукоученіе образуетъ другой рядъ, рядъ мысли, рядъ идеальный, въ которомъ реальный рядъ актовъ познается, очищается, прагматически «бытописуется», закрѣпляется въ формѣ сужденій и основоположеній и устанавливается въ систематической формѣ. Въ этомъ ряду лежатъ уже не акты, а помысленныя и выраженныя въ словахъ утвержденія; чтобы попасть въ этотъ рядъ, реальные акты должны быть подняты въ сознаніе и для этого необходимъ особый актъ интеллигенціи, не принадлежащій уже къ «тѣмъ» актамъ—актъ осознанія ³⁾. Но этотъ актъ,—какъ и слѣдовало ожидать въ такой обычной схемѣ познанія,—мѣняетъ радикальнымъ образомъ то содержаніе, которое онъ въ себѣ преломляетъ: вмѣсто *реальной дѣйствія*—въ немъ имѣется лишь *сознаніе*, «представленіе» о реальномъ дѣйствіи, вмѣсто *акта духа*—*тезисъ наукоученія*. Правда, дедукція наукоученія можетъ точно и вѣрно выразить и систематизировать эти акты; она можетъ и должна вывести изъ своего верховнаго основоположенія такіе тезисы, которые «изобразятъ» «систему человѣческаго духа»; она установитъ для каждаго акта лишь то, что онъ необходимо предпосылаетъ, *какъ актъ*. Словомъ, наукоученіе явится не только вѣрнымъ зеркаломъ реального

1) Ueber den Begriff. S. 53, 54, 55, 56.

2) Ueber den Begriff. S. 52.

3) Ueber den Begriff. S. 52.

ряда, но зеркаломъ, усовершенствованно изображающимъ этотъ другой рядъ. И все же схема, противопоставляющая реальный объектъ идеальному, познающему началу, оказывается налицо; *Ich* реального ряда, субъективное въ человѣческомъ духѣ—противостоитъ *Ich* идеальнаго ряда, идея о субъективномъ въ наукоученіи. Мы могли бы даже сказать нѣчто больше: оба «Я» не совпадаютъ и по внутреннему содержанію, ибо «Я» реальное есть, какъ говоритъ Фихте, нѣчто большее, чѣмъ «Я» идеальное,—абсолютно-первый актъ человѣческаго духа не совпадаетъ по содержанію съ абсолютно-первымъ актомъ философствующаго сознанія.

Далѣе, какъ указано выше, идеальное не только отличается отъ реального и противопологается ему, но вслѣдъ за этимъ побѣдоносно вытѣсняется послѣднимъ, и это обнаружится съ полнѣйшей наглядностью, какъ только мы обратимся отъ замысла къ выполнению.

Почти на всемъ протяженіи Наукоученія встрѣчаются моменты, когда бываетъ крайне затруднительно рѣшить вопросъ, о чемъ, въ сущности, идетъ рѣчь: о реальныхъ актахъ или о логическихъ утвержденіяхъ; о субъективномъ началѣ человѣческаго духа или объ идеѣ субъективнаго, развернутой въ основоположеніе; о «Я» реальномъ, абсолютномъ актѣ человѣческаго духа, или «Я» идеальномъ, формулирующемъ этотъ актъ въ сознаніи. Мы знаемъ, что согласно первоначальному замыслу (видоизмѣненному, правда, уже и въ первомъ трактатѣ) рѣчь должна бы идти только о вторыхъ членахъ этихъ противопоставленій; но это не можетъ помочь намъ выйти изъ затрудненія. Мы видимъ, что все наукоученіе не посвящено, въ сущности говоря, дедукціи категорій, какъ слѣдовало бы ожидать, и не содержитъ системы основоположеній, какъ можно было бы надѣяться, а работаетъ надъ «дедукціей» необходимыхъ актовъ *человѣческаго духа* и ведетъ борьбу за ихъ систематическое изображеніе. Правда, въ первой части Наукоученія, озаглавленной «Grundsätze der gesammten Wissenschaftslehre» ¹⁾ дѣйствительно формулируются три основоположенія, образующія первую антиномію и первое примиреніе, представляющія ту первую ступень діалектической разорванности, изъ которой развивается дальнѣйшая одиссея наукоученія, съ ея вѣчными порывами къ воссоедине-

¹⁾ Wissenschaftslehre. SS. 1—45.

нiю съ утраченной родиной и вѣчными неудачами, отпаденiями и бѣдствiями новаго разрыва. Но и въ этихъ трехъ основоположенiяхъ сущность дѣла лежитъ совсѣмъ не въ логически-идеальной сторонѣ дѣла, а въ реальной, не въ логическихъ противорѣчiяхъ, а въ реальной борьбѣ; словомъ, не въ утвержденiяхъ наукоученiя, а въ скрывающихся за ними *актахъ*. Прослѣдить эту подмѣну въ деталяхъ черезъ все Наукоученiе могъ бы только обстоятельный комментарий; укажемъ лишь на нѣкоторые наиболѣе характерные пункты.

Уже въ первой части Наукоученiя центръ тяжести лежитъ не столько въ дедукци основоположенiй, сколько въ обнаруженiи верховнаго и абсолютно перваго *акта*. Обнаруженiе начинается съ сужденiя «*A ist A*», которое всякій согласится допустить¹⁾. Но затѣмъ отъ этого «факта эмпирическаго сознанiя», совершается переходъ къ тому, что лежитъ въ основанiи его и отъ чего «совершенно нельзя отвѣчься»²⁾. Подвигаясь впередъ маленькими, чуть замѣтными шагами, Фихте понемногу заставляетъ читателя принять: что все, что допускается или «полагается» — полагается въ «Я», самимъ «Я»³⁾; что то, что полагается въ «Я», — полагается дѣйствительно, то — *есть*⁴⁾; что въ основанiи полаганiя лежитъ нѣчто такое въ Ich, что само себѣ тождественно⁵⁾; что это самотождество «Я» есть основанiе всякой достовѣрности, сама достовѣрность; что, слѣдовательно, это достовѣрное самотождество, какъ таковое, самодостовѣрно *есть, безусловно есть*⁶⁾; что оно лежитъ въ основанiи *всего* дѣйствованiя человѣческаго духа и образуетъ чистый характеръ его дѣятельности⁷⁾; и что, наконецъ, это самотождество въ «Я» — есть не что иное, какъ само на себѣ основанное *самополаганiе* субъекта, т.-е. его абсолютное бытiе, состоящее въ его творческомъ самополаганiи⁸⁾. Этотъ дѣйственный актъ (*Thathandlung*) и лежитъ въ основанiи всей дѣятельности человѣческаго духа.

1) Wissenschaftslehre. S. 3.

2) Wissenschaftslehre. S. 3.

3) Wissenschaftslehre. S. 4.

4) Wissenschaftslehre. S. 5.

5) Wissenschaftslehre. S. 5, 6.

6) Wissenschaftslehre. S. 6.

7) Wissenschaftslehre. SS. 7, 8.

8) Wissenschaftslehre. SS. 8—11.

Всѣ эти разсужденія имѣють своей задачей, по выраженію самого Фихте ¹⁾, «незамѣтно» обнаружить въ сознаниі со разсуждающаго читателя необходимость признать абсолютно-реальное и абсолютно-активное начало «субъекта», какъ лежащее въ основаніи прототипа всѣхъ сужденій—формулы закона тождества («А есть А»). По существу же дѣло сводится къ тому, чтобы съ чувствомъ неизбѣжности и вынужденности, опуститься отъ сужденія, какъ *факта эмпирическаго сознанія*—въ сферу *актовъ человѣческаго духа*. И на этомъ пути особенно интересенъ тотъ моментъ, въ который совершается переходъ отъ «полаганія» къ «бытію», ибо вмѣстѣ съ этимъ переходомъ все наукоученіе какъ бы переводится на другіе рельсы, превращается въ реальное «бытописаніе». Этотъ переходъ совершается три раза. Одинъ разъ отъ полаганія чего то въ «Я»—къ *дѣйствительности* этого полаганія, къ *дѣйствительному* полаганію, къ *бытію* въ «Я» ²⁾; другой разъ—отъ *достоверности самоотожествленія* къ *его* достоверному бытію; и въ третій разъ отъ *самополаганія* субъекта къ его *абсолютному бытію*. Мы можемъ отвлечься отъ подробнаго анализа этихъ переходовъ. Для насъ важнѣе всего то, что сфера *идей и основположеній* незамѣтно замѣняется сферой *актовъ и реальностей*; и въ этой замѣнѣ немалую помощь оказываетъ философу многообразное значеніе понятія «полаганія». Терминъ «Setzen» означаетъ съ одной стороны *мысленное допущеніе, утвержденіе* чего нибудь, *сужденіе* о чемъ нибудь (отсюда «Satz»—утвержденіе, положеніе); съ другой стороны—полаганіе чего то, какъ *реальнаго, созданіе* нѣкоторой реальности, реальное «утвержденіе» реальнаго момента. Разсужденіе Фихте и замѣняетъ постепенно первое—вторымъ, при чемъ какъ первое, такъ и второе сохраняютъ психологическій (въ томъ или иномъ значеніи) отгѣнокъ; постепенно «вводится въ сознаніе», что всякое «мысленное» полаганіе *имѣетъ въ своемъ основаніи* реальное полаганіе и что всякое полаганіе, какъ таковое, *имѣетъ въ своемъ основаніи* абсолютное, реальное *самополаганіе* субъекта.

Разъ спустившись въ эту завѣтную область абсолютныхъ процессовъ въ человѣческомъ духѣ, Фихте выходитъ затѣмъ

1) Wissenschaftslehre. S. 6.

2) Wissenschaftslehre. SS. 4—5.

на логическую поверхность наукоученія лишь для того, чтобы *формулировать* добытое—въ видѣ основоположенія. То, что онъ добылъ—есть *Thathandlung*, абсолютный *дѣйствительный актъ*; основоположеніе есть лишь *формула* этого акта. И это положеніе дѣла въ высшей степени характерно, ибо въ немъ интересъ совершенно передвинуть съ идеальнаго ряда на реальный. «Я» опредѣляется теперь, какъ абсолютный субъектъ, сущность котораго состоитъ въ полаганіи имъ самимъ себя, какъ сущаго ¹⁾. «Я» есть Я реального ряда. Именно *въ этомъ значеніи субъектъ является интимнѣйшимъ центромъ наукоученія*. Это уже не идея, развернутая въ сужденіе и подвергающаяся логическому анализу и синтезу; это—реальное начало, съ реальными свойствами и реальными функциями; оно участвуетъ въ реальныхъ связяхъ, синтезахъ, соотношеніяхъ и т. д. И, не касаясь еще характера этой реальности, мы можемъ сказать, что трансцендентальная сторона наукоученія осложнилась тѣмъ реальнымъ рядомъ, который вскрылся за нимъ, и что все наукоученіе получило отъ этого новый и притомъ чрезвычайно сложный характеръ.

При такой точкѣ зрѣнія окажется вполне понятнымъ, что тѣ основныя антиноміи и тѣ распады, примиреніемъ и воссоединеніемъ которыхъ занято все Наукоученіе, представляютъ изъ себя не логическія противорѣчія, а реальные противопоставленія. Уже первыя два основоположенія: «*Das Ich setzt ursprünglich, schlechthin sein eignes Sein*» ²⁾, и «*dem Ich wird schlechthin entgegengesetzt ein Nicht-Ich*» ³⁾,—*несколько* не противорѣчатъ другъ другу *логически*. Какъ непримиримость ихъ, такъ и попытки ихъ примиренія—лежатъ въ реальномъ ряду; и въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ «Я» противостоитъ «Не Я», не какъ логическое—логическому, основоположеніе—основоположенію, но какъ реальное—реальному ⁴⁾. Интересно отмѣтить, что Фихте, съ одной

¹⁾ Wissenschaftslehre. S. 9.

²⁾ Wissenschaftslehre. S. 11.

³⁾ Wissenschaftslehre. S. 19.

⁴⁾ Это можно уяснить себѣ напр., изъ такого сужденія Фихте: «*Insofern das Nicht-Ich gesetzt ist, ist das Ich nicht gesetzt*» (WL S. 22). Если бы Ich и Nicht-Ich имѣли чисто логическое значеніе, то можно было бы вторую, обусловленную часть сужденія выразить *только* такъ:—«*ist nicht das Ich gesetzt*» и тогда все сужденіе въ цѣломъ имѣло бы характеръ тождесловія. Логич-

стороны, характеризуетъ искомый синтезъ, какъ примиреніе двухъ противоположныхъ *понятій*—«Я» и «Не-Я»,—черезъ обрѣтеніе нѣкотораго, общаго имъ обоимъ признака ¹⁾); съ другой стороны онъ примиряетъ все время начала, *реально* противоположенныя другъ другу и характеризующіяся тѣмъ, что они ограничимаы, дѣлимаы, имѣютъ количество, что они—«theilbar», «quantitätsfähig» ²⁾); эти начала имѣютъ различныя степени дѣятельности ³⁾ и реальности, такъ, что чѣмъ больше дѣятельности въ одномъ, тѣмъ меньше ея въ другомъ и наоборотъ; соотношеніе ихъ подобно борьбѣ между свѣтомъ и тьмой ⁴⁾); это какъ бы два противоположныя направленія въ дѣятельности, предполагающія другъ друга ⁵⁾), и синтезъ ихъ есть всегда переходный компромиссъ борющихся сторонъ, взаимное ограниченіе двухъ реальностей.

Изъ всего этого ясно, что Ich наукоученія есть, съ одной стороны, логическое образованіе, т.-е. понятіе и сужденіе, съ другой стороны—реальное начало, и что все Наукоученіе должно быть понято и охарактеризовано, какъ несущее въ себѣ эти два ряда. Соотношеніе этихъ двухъ сторонъ въ Субъектѣ и этихъ двухъ рядовъ одного и того же хода мысли, далеко не всегда можно выяснитъ съ полной отчетливостью. Иногда можетъ даже прямо казаться, что «содержаніе» *понятія о субъектѣ* и «содержаніе» *абсолютнаго субъекта*—подставляются взаимно и одно фигурируетъ вмѣсто другого. Во всякомъ случаѣ логико-трансцендентальная сторона Наукоученія отходитъ во второмъ трактатѣ вполне на задній планъ и мѣсто его занимаетъ реальный рядъ—царство абсолютнаго субъекта. Къ ученію о послѣднемъ мы и должны теперь обратиться.

3.

Отказъ отъ «абсолютнаго объекта», выполненный, хотя и не осуществленный до конца героическимъ усиленіемъ Канта, не могъ

чекски—понятіе Nicht-Ich не есть понятіе Ich, и больше ничего; и «допущеніе» перваго понятія совсѣмъ не исключаетъ возможности «допустить» на ряду съ нимъ второе; напротивъ.

1) Wissenschaftslehre. SS. 29, 30, 47 и. а.

2) Wissenschaftslehre. SS. 24, 25, 26, 28.

3) Wissenschaftslehre. S. 79.

4) Wissenschaftslehre, SS. 76, 77, 165, 166.

5) Wissenschaftslehre, S. 345.

запереть и не заперъ для послѣдующихъ мыслителей *всѣхъ* выходовъ въ сферу абсолютнаго. Напротивъ, онъ только раскрылъ для нихъ новую сферу метафизическаго утвержденія — сферу «абсолютнаго субъекта», и переходъ къ этой новой области былъ предугазанъ въ самой «Критикѣ», установившей ученіе о первенствѣ и объ активности познающаго субъекта и намѣтившей идею о созерцающемъ мышленіи. Согласно этимъ живымъ указаніямъ, воспринятымъ Фихте Старшимъ, субъектъ въ наукоученіи оказывается первѣе объекта; субъектъ объявляется средоточіемъ активности; и, наконецъ, идеальная дѣятельность субъекта утверждается, какъ *eo ipso* реальная. Въ этихъ свойствахъ своихъ и въ другихъ, тѣсно съ ними связанныхъ, субъектъ — абсолютенъ, и ученіе объ абсолютномъ «Я» слагается у Фихте слѣдующимъ образомъ.

Какъ уже сказано, Абсолютный субъектъ *«лежитъ въ основаніи»* всякаго дѣйствованія человѣческаго духа ¹⁾ и опредѣляется такъ: «то, бытіе (сущность) что состоитъ только въ томъ, что оно полагаетъ себя само, какъ сущее, — есть Я, какъ Абсолютный субъектъ» ²⁾. «Я» полагаетъ само себя, какъ сущее, и въ этомъ состоитъ его первоначальный актъ ³⁾, нашедшій себѣ выраженіе въ первомъ основоположеніи. Абсолютное «Я» *есть безусловно*, безъ всякаго дальнѣйшаго основанія; оно *есть «во всякомъ случаѣ»*, и основаніе этого бытія лежитъ только въ самомъ актѣ самополаганія; это «Я» не обосновано ни посредственно, ни непосредственно чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ самого себя ⁴⁾. Значеніе этого «Я» таково, что если его нѣтъ, то и ничего другого нѣтъ, и бытіе его есть основное условіе возможности чего бы то ни было; вотъ почему оно *есть «во всякомъ случаѣ»*. Но «быть», — значитъ для Фихте «быть созданнымъ»; Абсолютное же «Я» не можетъ быть ничѣмъ создано, кромѣ какъ самимъ собой. Поэтому его бытіе равно его самополаганію. Самополаганіе это не имѣетъ основаній: абсолютное *есть безусловно и просто*, по одному тому, что оно *есть*, и оно

¹⁾ Wissenschaftslehre. S. 7.

²⁾ Wissenschaftslehre. S. 9.

³⁾ Wissenschaftslehre. S. 24.

⁴⁾ Всѣ эти опредѣленія даны въ терминѣ «Schlechthin», примѣненномъ къ абсолютному «Я» на стр. 11 второго трактата и разъясненномъ на стр. 3, 138, 234 и 263 того же трактата.

есть то, что оно есть; то и другое для себя самого ¹⁾; и объяснить это дальше невозможно ²⁾). Оно не имѣетъ предикатовъ, и его нельзя характеризовать, какъ «нѣчто» (etwas) ³⁾, ибо каждый возможный предикатъ означалъ бы, что оно ограничено, замкнуто въ нѣкоторую ограниченную сферу ⁴⁾. Поэтому про него нельзя сказать, что оно представляетъ, стремится и т. д. ⁵⁾.

Можно было бы подумать, что послѣ этого объ Абсолютномъ «Я» нельзя и знать ничего, ибо знать можно только въ предикатахъ. Однако, эту неопредѣлимость Абсолютнаго «Я» не слѣдуетъ понимать такъ безусловно. Оно имѣетъ у Фихте еще цѣлый рядъ опредѣленій и свойствъ, частью отрицательныхъ, частью положительныхъ.

Такъ, прежде всего, въ самополаганіи своемъ оно не имѣетъ объекта, и первоначальный дѣйственный актъ его—безоубектенъ, ибо онъ направленъ на него самого, онъ возвращается на само абсолютное «Я» ⁶⁾. Оно какъ бы пребываетъ въ абсолютномъ одиночествѣ и не имѣетъ ничего на ряду съ собою. Съ нимъ ничего нельзя поставить наравнѣ и ему ничего нельзя противопоставить ⁷⁾, ибо это значило бы ограничить его, а абсолютный субъектъ не можетъ быть ограниченъ, не можетъ быть опредѣленъ ⁸⁾; онъ есть—абсолютно неопредѣлимое «Я» и не опредѣляется ничѣмъ высшимъ ⁹⁾; онъ вполне безусловенъ, онъ есть абсолютная сущность ¹⁰⁾. Абсолютное «Я» есть лишь то, въ качествѣ чего оно само себя полагаетъ ¹¹⁾; ему свойственно лишь то, что оно само себя приписываетъ ¹²⁾; ибо для него нѣтъ ничего другого, внѣшняго, чуждаго ему. Поскольку оно обладаетъ такими свойствами—оно абсолютно, оно есть «Ich an sich» ¹³⁾

1) Wissenschaftslehre. S. 11, 27, 228.

2) Wissenschaftslehre. S. 27.

3) Wissenschaftslehre. S. 27.

4) Wissenschaftslehre. S. 71.

5) Wissenschaftslehre. S. 71.

6) Wissenschaftslehre. S. 62, 235, срв. также 242.

7) Wissenschaftslehre. S. 27; 31, 40, 41.

8) Wissenschaftslehre. S. 40.

9) Wissenschaftslehre. S. 41.

10) Wissenschaftslehre. S. 254.

11) Wissenschaftslehre. S. 175.

12) Wissenschaftslehre. S. 196.

13) Wissenschaftslehre. S. 27, 41 и а.

и его безусловность и неопредѣлимость сказывается въ томъ, что всѣ сужденія, субъектомъ которыхъ оно является, не могутъ, какъ и оно само, опредѣляться никакимъ высшимъ сужденіемъ, но обосновываются и опредѣляются исключительно черезъ себя ¹⁾; значеніе ихъ безосновно, и они служатъ основаніемъ для всѣхъ другихъ сужденій ²⁾).

Далѣе Абсолютное «Я» обладаетъ вообще абсолютной активностью, абсолютной самодѣятельностью ³⁾ и эта дѣятельность, активность его неограничена и неограничима ⁴⁾; въ этой своей функціи оно абсолютно-неопредѣленно и неопредѣлимо ⁵⁾. И такъ какъ дѣятельность его возвращается на него, то она оказывается «безконечной», такъ же, какъ и само Абсолютное «Я» ⁶⁾. «Безконечность» эта есть безконечность вращенія въ замкнутомъ кругу, а не безконечность линіи, вытянутой вдаль, или прогресса, не имѣющаго конца. Безконечная дѣятельность Абсолютнаго «Я» соотвѣтствуетъ безконечному продукту, и наоборотъ, ибо продуктъ и дѣятельность—суть здѣсь едино и различаются только на словахъ ⁷⁾. Чистая дѣятельность есть та, которая не имѣетъ объекта, и постольку она безконечна, какъ безконечно и чистое «Я» ⁸⁾. Эта дѣятельность Абсолютнаго «Я», выражающаяся въ его самополаганіи, не можетъ стать объектомъ представленія, не можетъ войти въ сознаніе, ибо самъ по себѣ этотъ основной и первоначальный актъ—не есть фактъ сознанія ⁹⁾. И никакая абстракція, никакая рефлексія, предпринятая наукоученіемъ, не можетъ помочь въ этомъ; наукоученіе можетъ лишь показать необходимость *мыслишь* этотъ первоначальный дѣйственный актъ, не больше ¹⁰⁾.

Такова природа абсолютнаго субъекта, Абсолютнаго «Я». Но и этимъ она еще не исчерпывается. Въ силу роковой опредѣленности, сущность которой также безосновна по ученію Фихте

1) Wissenschaftslehre. S. 41.

2) Wissenschaftslehre. S. 31.

3) Wissenschaftslehre. S. 71.

4) Wissenschaftslehre. S. 124.

5) Wissenschaftslehre. S. 136.

6) Wissenschaftslehre. S. 234.

7) Wissenschaftslehre. S. 234.

8) Wissenschaftslehre. S. 235.

9) Wissenschaftslehre. S. 2.

10) Wissenschaftslehre. S. 2.

какъ и сущность перваго акта, въ Абсолютномъ «Я» обнаруживается необходимость «положить» нѣчто другое, и это «другое», какъ отличное отъ полагающаго абсолютнаго субъекта, оказывается его прямымъ отрицаніемъ, его антиподомъ, «Не-Я». И здѣсь-то какъ разъ обнаруживается впервые судьба абсолютнаго субъекта, его дѣятельности и, соотвѣтственно, наукоученія. Этотъ пунктъ есть, съ одной стороны, пунктъ величайшаго раскола въ субъектѣ, изъ котораго развертывается весь процессъ цѣлительнаго воссоединенія; съ другой стороны, это есть пунктъ, преломляющій ходъ наукоученія, разбивающій его на теоретическую и практическую части и радикально измѣняющій весь составъ его понятій. Можно было бы сказать, предвосхищая дальнѣйшее, что между первымъ, дѣйственнымъ актомъ «самополаганія» и вторымъ актомъ «инополаганія» такое же разстояніе, какъ между Богомъ до сотворенія конечнаго міра и Богомъ послѣ его созданія.

Въ сущности своей актъ *инополаганія* или противопологанія не можетъ быть выведенъ и обоснованъ ¹⁾. Онъ безосновенъ, какъ и первый актъ, и единственно, что можно доказать по отношенію къ нему—это что результатомъ его должно быть «Не-Я» ²⁾. Однако, онъ необходимъ потому, что безъ этого акта Абсолютное «Я» не можетъ «положить себя, какъ субъекта» ³⁾. И, если бы Абсолютное «Я» ограничивалось самополаганіемъ, если бы этимъ исчерпывалась его сущность, то вся проблема наукоученія не возникла бы, какъ проблема ⁴⁾.

Отсюда уже ясно, что вся проблема наукоученія возникаетъ изъ того, что на ряду съ Абсолютнымъ «Я»—появляется другое «Я», *не абсолютное*, и задача всего построенія лежитъ въ томъ, чтобы конструировать такое отношеніе между «Я» Абсолютнымъ и «Я» относительнымъ, которое могло бы представить оба «Я», какъ извѣстное *единство*. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, что Абсолютному «Я» не можетъ быть ничего ни равнопоставлено, ни противопоставлено; а между тѣмъ, «Не-Я» возникаетъ, какъ противопоставленное «Я». Ясно, что оно противопоставлено *не тому же самому «Я»*, которымъ оно впервые и первона-

¹⁾ Wissenschaftslehre. S. 21.

²⁾ Wissenschaftslehre. S. 21.

³⁾ Срв. Wissenschaftslehre. S. 180.

⁴⁾ Wissenschaftslehre. S. 231.

чально «положено». И вотъ отъ Абсолютнаго «Я» оказывается необходимымъ отличить—не-абсолютное, относительное «Я»; на ряду съ первымъ, Великимъ субъектомъ, возникаетъ другой, Малый субъектъ, которому «Не-Я» и можетъ быть противопоставлено ¹⁾).

Возникновеніе этого новаго «Малаго» субъекта обнаруживаетъ рядъ новыхъ свойствъ у Абсолютнаго «Я» и слагается по существу такъ.

• Оказывается, что актъ самополаганія не есть единственный актъ абсолютнаго субъекта, что онъ совершаетъ *нѣсколько* первоначальныхъ актовъ ²⁾, связанныхъ другъ съ другомъ связью роковой обусловленности. Оно не можетъ совершить первый актъ самополаганія, не совершивъ въ самомъ процессѣ его—акта инополаганія, его обусловливающаго ³⁾, и не можетъ остаться при той разорванности въ своемъ внутреннемъ естествѣ, которая вызвана этими актами. Возникаетъ рядъ новыхъ актовъ. Эти новые акты, какъ и первый актъ, не доходятъ до сознанія, какъ акты ⁴⁾, но наличность ихъ несомнѣнна. Черезъ ихъ наличность Абсолютное «Я» получаетъ отношеніе къ чему-то такому, что *не* совпадаетъ съ его внутренней абсолютной сущностью, не совпадаетъ даже въ томъ случаѣ, если это «иное» есть лишь его собственная, ему принадлежащая провинція. Новая, до извѣстной степени отпадающія отъ абсолютнаго субъекта, провинціи именуются у Фихте «Не-Я» и «Я».

Для того, чтобы могло возникнуть «Не-Я», необходимое въ актѣ самополаганія, Абсолютное «Я» совершаетъ надъ собой извѣстныя операціи, позволяющія ему развернуть въ своихъ нѣдрахъ не предполагавшіяся доселѣ потенціи. То «Малое Я», которому только и можетъ быть противопоставлено «Не-Я», должно неизбежно вступить съ послѣднимъ въ противорѣчіе, противоборство, раздѣлъ и *подълить* вмѣстѣ съ нимъ всю сферу реальности. Но къ сущности Абсолютнаго «Я» относится то, что оно недѣлимо ⁵⁾; поэтому Абсолютное «Я» не можетъ вмѣстить въ себѣ *непосредственно* борьбу и враждованіе двухъ противоположныхъ

1) Wissenschaftslehre. S. 50.

2) Wissenschaftslehre. S. 23, 24.

3) Wissenschaftslehre. S. 180.

4) Wissenschaftslehre. S. 48.

5) Wissenschaftslehre. S. 27.

сторонѣ: оно должно *создать въ себѣ возможность дѣлимости* и для этого «опуститься» въ низшую сферу, опредѣливъ себя, какъ «абсолютную совокупность реальности» ¹⁾. Эта абсолютная совокупность реального именуется у Фихте *тоже* «Я» и полагается абсолютнымъ субъектомъ въ немъ самомъ, какъ объемлющая собою *всю* реальность, такъ что внѣ ея никакой реальности нѣтъ и быть не можетъ ²⁾. Это новое «Я» занимаетъ такимъ образомъ среднее, промежуточное положеніе между Абсолютнымъ «Я» и Малымъ, относительнымъ «Я». Къ первому оно относится какъ его новое видоизмѣненіе, какъ состояніе или опредѣленіе, въ которое то опускаетъ себя (*herabsetzt*) ³⁾, сообщая себѣ, недѣлимому, чуждому количества—черты дѣлимости и количественности. Къ Малому «Я» оно относится какъ содержащее къ содержимому, какъ субстанція къ акциденціи. Поэтому это новое «Я» (мы будемъ называть его «Всереальнымъ» «Я») опредѣляется, какъ субстанція ⁴⁾, содержащая въ себѣ абсолютную тотальность реального ⁵⁾; какъ абсолютный квантумъ реальности ⁶⁾, въ предѣлахъ котораго идетъ борьба между его акциденціями—«Я Малымъ» и «Не-Я» ⁷⁾; оно положено Абсолютнымъ Я въ себѣ, какъ абсолютная реальность ⁸⁾; оно есть первореальность, положительная, безусловно-положенная реальность ⁹⁾; оно есть количество, содержащее въ себѣ всѣ количества ¹⁰⁾; оно подобно кругу, начерченному въ неограниченномъ, безконечномъ пространствѣ (послѣднее равно Абсолютному «Я») и содержащему въ себѣ другой, меньшій кругъ (равный относительному «Я») ¹¹⁾; это «Я» охватываетъ весь, безусловно и сполна опредѣленный кругъ всѣхъ реальностей и есть постольку, какъ таковое—субстанція ¹²⁾; первоначально есть только одна субстанція—«Я», и въ

1) Wissenschaftslehre. S. 40.

2) Wissenschaftslehre. S. 54.

3) Wissenschaftslehre. S. 40.

4) Wissenschaftslehre. S. 40.

5) Wissenschaftslehre. S. 66.

6) Wissenschaftslehre. S. 54.

7) Wissenschaftslehre. S. 40.

8) Wissenschaftslehre. S. 40, 50, 60.

9) Wissenschaftslehre. S. 64.

10) Wissenschaftslehre. S. 66.

11) Wissenschaftslehre. S. 70.

12) Wissenschaftslehre. 73.

этой субстанціи положены всѣ возможные акциденціи, всѣ возможные реальности ¹⁾). Только черезъ посредство этого Всереального «Я», абсолютный субъектъ создаетъ для себя возможность противоположить «себѣ» «Не-Я» и притомъ такъ, что въ предѣлахъ Всереального «Я» выдѣляется новая сфера, ограниченная, опредѣленная, — «Я» Малое или относительное, которому и противопологается затѣмъ «Не-Я».

Это Малое или относительное «Я» есть акциденція Всереального субъекта ²⁾). Оно равнопоставлено и противопоставлено враждебному «Не-Я» и связано съ нимъ въ понятіи взаимной ограниченности, оно, слѣдовательно, поддается ограниченію и опредѣленію въ противоположность Абсолютному «Я» ³⁾). Это есть реальность, способная имѣть опредѣленное количество и ограничиваться противоположнымъ ему — «Не-Я» ⁴⁾). Оно получаетъ свое опредѣленіе черезъ функциональную связь съ послѣднимъ; «Я» «опредѣляется» — это значитъ — оно лишается части своей реальности; и если «Я» лишено хотя бы одной части изъ всей абсолютной тотальности реального — оно лишено этой тотальности совсѣмъ, оно есть Малое «Я»; и та часть реальности, которой оно лишилось — положена тѣмъ самымъ въ «Не-Я»: сколько «отрицанія» въ Маломъ «Я», столько «реальности» въ Не-«Я», и наоборотъ ⁵⁾). Каждому измѣненію въ одномъ соотвѣтствуетъ измѣненіе въ другомъ; между ними происходитъ реальное взаимоопредѣленіе и каждое изъ нихъ причастно «негациі» и «реальности» ⁶⁾). Малое «Я» есть тотъ меньшій, опредѣленный кругъ, который содержится въ кругу абсолютной тотальности, въ нѣдрахъ Всереального «Я»; пространство же, незаполненное имъ, въ нѣдрахъ послѣдняго есть отгѣсняющее его и противоположное ему «Не-Я» ⁷⁾). Отсюда ясно, что Малое «Я» стоитъ въ извѣстной необходимой связи съ «Я» Всереальнымъ, съ «Я» Абсолютнымъ и съ «Не-Я»; въ то же время оно имѣетъ извѣстныя устойчивыя черты, отличающія его отъ нихъ.

1) Wissenschaftslehre. S. 73, 74.

2) Wissenschaftslehre. S. 40.

3) Wissenschaftslehre. S. 40, 27.

4) Wissenschaftslehre. S. 50.

5) Wissenschaftslehre. S. 55, 56.

6) Wissenschaftslehre. S. 55, 56.

7) Wissenschaftslehre. S. 70.

Малое «Я» и Всереальное «Я» немислимы и невозможны другъ безъ друга такъ, какъ акциденція невозможна безъ субстанціи, а субстанція невозможна безъ акциденціи. «Я», положенное въ кругъ всѣхъ реальностей—представляетъ изъ себя субстанцію; «Я» положенное въ одну опредѣленную изъ этихъ реальностей, есть акциденція; «Я»—акциденція входитъ въ «Я»—субстанцію, но не совпадаетъ съ ней; ибо отъ субстанціи должно быть нѣчто отнято для того, чтобы получилась акциденція, въ ней заключенная ¹⁾. Субстанція есть *«реальность вообще»*, *«вся реальность»*, акциденція есть *«реальность въ частности»*, опредѣленная реальность; поэтому онѣ невозможны другъ безъ друга ²⁾. Если Малое «Я»—взаимодѣйствуетъ и взаимоопредѣляется съ «Не-Я», то Всереальное «Я» есть то лоно, та сфера, та основа ³⁾—въ предѣлахъ которой только и возможно это взаимодѣйствіе враговъ, борющихся изъ-за реальности.

Далѣе, Малое «Я» и Абсолютное «Я» также невозможны другъ безъ друга. Малое «Я» необходимо Абсолютному «Я» потому, что безъ него послѣднее не можетъ положить «Не-Я», а потому не можетъ и совершить актъ самополаганія. Рокъ, увлекающій Абсолютное «Я» къ созданію своего антипода, влечетъ его также къ созданію малаго субъекта. И «Не-Я», и Малое «Я» суть продукты, произведенія Абсолютнаго субъекта ⁴⁾, но они—его рокъ, его необходимость, его *ἀνάγκη*. Съ другой стороны, Малое «Я» не можетъ существовать безъ Абсолютнаго, ибо послѣднее есть не только источникъ его бытія, но также источникъ его дѣятельности. Ибо—Абсолютное «Я» есть источникъ *всяческой дѣятельности*.

Наконецъ, Малое «Я» невозможно безъ «Не-Я»; ибо основная черта, отличающая его отъ Абсолютнаго «Я» и Всереальнаго «Я»—есть его опредѣлимость, его ограниченность, иными словами—его противопоставленность чему-то чуждому—«Не-Я». Малое «Я» потому и есть относительное, малое, ограниченное—что оно *«имѣетъ объектъ»*. Абсолютное «Я» не имѣетъ объекта, и дѣятельность его возвращается въ ея чистомъ видѣ къ своему источнику. Всереальное «Я» какъ бы уже чреватое объектомъ

¹⁾ Wissenschaftslehre. S. 73, 74, срв. 148.

²⁾ Wissenschaftslehre. S. 73.

³⁾ Wissenschaftslehre S. 87.

⁴⁾ Срв. Wissenschaftslehre S. 41, 49, 50, 225, 226, 242, 292 и т.

съ одной стороны, ему уже можетъ быть нѣчто противопоставлено, именно—абсолютная тотальность отрицанія ¹⁾; съ другой стороны, оно хранитъ въ себѣ возможность и реальность малаго «Я» и противопоставленнаго ему «Не-Я». Наконецъ, относительное, Малое «Я»—совсѣмъ не возможно безъ объекта: *сущность* его въ томъ, что объектъ ограничиваетъ его, опредѣляетъ его; *сущность* его въ томъ, что оно есть *субъектъ, немислимый и невозможный безъ объекта* ²⁾.

Таковъ характеръ этого Малаго «Я», этой низшей сферы, до которой опускается абсолютный субъектъ, сферы «опредѣленнаго количества» ³⁾, опредѣленной части ⁴⁾, бытія, *обусловленнаго* въ своемъ ествѣ ⁵⁾.

Въ сущности говоря, «теоретическая» часть Наукоученія не въ состояніи дать что-нибудь большее, выходящее за предѣлы изображенія этого застывшаго противопоставленія, этого трагическаго распада въ Абсолютномъ «Я», его самонизверженія въ сферу ограниченности. Сколько бы ни развивать тезисовъ, антитезисовъ и синтезисовъ, выражающихъ этотъ распадъ, сущность Абсолютнаго «Я» оказывается разложившейся, а проблемы Наукоученія—неразрѣшенными. Противорѣчія накопились, а единства нѣтъ и слѣда. Съ одной стороны, черезъ все Наукоученіе проходитъ требованіе конструировать «Я», какъ единство, съ другой стороны, оно распадается на три подчиненныя сферы, изъ которыхъ *вышняя* и *низшая* признаются взаимно противоположными ⁶⁾. Съ одной стороны, вся реальность положена въ «Я», въ качествѣ его исключительнаго достоянія; съ другой—рядомъ съ «Я» стоитъ враждебное ему «Не-Я», притязающее и даже отвоевывающее себѣ часть реальности; конечно, такое положеніе дѣлѣ терпимо, если «Я» расколото на «сферы»; но какъ же быть, если оно едино? Наконецъ, дедукція категорій ждетъ, какъ проблема, своего разрѣшенія, а между тѣмъ даже верховный актъ философствующаго разума,—самосознаніе, еще не увидѣлъ свѣта.

1) Wissenschaftslehre. S. 55.

2) Wissenschaftslehre. S. 135, 155, 156, 167 и. а.

3) Wissenschaftslehre. S. 162.

4) Wissenschaftslehre. S. 146.

5) Wissenschaftslehre. S. 157.

6) Срв., напр., Wissenschaftslehre. S. 27.

Въ этомъ-то пунктѣ и происходитъ основной переломъ или, если угодно, поворотъ въ Наукоученіи Фихте: «теоретическая» конструкція распада получаетъ «практическое» истолкованіе, и примиреніе ищется въ новыхъ терминахъ. Фихте, повидимому, не сознавалъ ясно всего значенія этого поворота; онъ былъ чрезмерно заинтересованъ въ томъ, чтобы представить весь ходъ наукоученія, какъ круговое *вращеніе* въ одной и той же плоскости и круговое *возвращеніе* къ тому же самому пункту; а потому всюду, гдѣ онъ говоритъ о сущности этого поворота—мысль его становится неясна и формулы неопредѣленны ¹⁾. При этомъ отдѣльныя опредѣленія и истолкованія, относящіяся по существу къ *практической* части, можно встрѣтить *уже въ теоретической части*, и это съ особенной наглядностью свидѣтельствуетъ о томъ, что все значеніе установленнаго имъ самимъ раздѣленія наукоученія было ему не вполне ясно. Иными словами: внѣшнее дѣленіе Наукоученія по страницамъ—не совпадаетъ съ тѣмъ болѣе глубоко лежащимъ порогомъ, который раздѣляетъ его на два уклона, къ освѣщенію котораго мы теперь и обратимся.

И. Ильинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Срв., напр., Wissenschaftslehre. S. 185, 186, 187, 188, 222, 223, 275 и а.

Понятіе эмпиризма въ нѣмецкой психологіи XVIII вѣка.

I. Введеніе.

Эмпирическую психологію въ наше время очень часто отождествляютъ съ фізіологической и экспериментальной психологіей. Объясняется это тѣмъ, что научное психологическое изслѣдованіе послѣдняго времени самыя большія завоеванія сдѣлало въ области чувственного воспріятія, а это именно та область, гдѣ успѣхъ изслѣдованія, естественно, находится въ полной зависимости (по содержанию) отъ данныхъ фізіологіи и обеспечивается примѣненіемъ естественно-научнаго эксперимента. Но какъ только психологическое изслѣдованіе направилось въ область высшихъ душевныхъ переживаній, оно порвало свою связь прежде всего съ фізіологіей, а затѣмъ и съ экспериментомъ. Французскій ученый Бинэ ¹⁾ и школа нѣмецкаго психолога Кюльпе ²⁾ вели свои изслѣдованія уже безъ заимствованій изъ фізіологіи, и ихъ психологическій экспериментъ такъ близокъ къ систематическому наблюденію, что такіе строгіе экспериментаторы, какъ

¹⁾ Binet. «L'étude expérimentelle de l'intelligence» (Paris. 1903). Въ предисловіи къ своему изслѣдованію Бинэ опредѣляетъ особенность новаго вида психологическаго эксперимента, какъ простое расширеніе описанія пережитыхъ состояній со стороны изслѣдуемаго субъекта.

²⁾ Изъ работъ, которыя мы имѣемъ въ виду, особенно были замѣчены психологами: «Ueber die Willensthätigkeit und das Denken» von N. Ach (1905) и «Thatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge» von Karl Bühler (Archiv f. die ges. Psychologie, Band. IX). См. объ этомъ направленіи научной психологической мысли въ «Вопросахъ философіи и психологіи» за 1908 годъ статью Г. И. Челпанова: «Объ экспериментальномъ изслѣдованіи высшихъ умственныхъ процессовъ» (№ 96).

- Вильгельмъ Вундтъ, положительно отказываются называть этотъ пріемъ изслѣдованія экспериментомъ ¹⁾. Наконецъ, такіе изслѣдователи изъ школы Brentano ²⁾, какъ Мейнонгъ ³⁾ и Гуссерль ⁴⁾, совершенно отказываются отъ эксперимента и далеки отъ какихъ бы то ни было физиологическихъ тенденцій, а между тѣмъ ихъ работы стоятъ въ ряду выдающихся психологическихъ произведеній. Повидимому, и содержаніе и пріемы изслѣдованія эмпирической психологіи не опредѣляются исчерпывающимъ образомъ терминами: «физиологическій» и «экспериментальный» ⁵⁾. Понятіе эмпирической психологіи гораздо сложнѣе, чѣмъ это принято думать въ нѣкоторыхъ кругахъ, интересующихся и даже занимающихся научной психологіей.

По вопросамъ о томъ, что слѣдуетъ считать предметомъ эмпирической психологіи, какіе методы примѣнимы при ея изслѣдованіяхъ, какихъ результатовъ можно ожидать отъ этихъ изслѣдованій и каково отношеніе психологіи къ другимъ научнымъ дисциплинамъ,—по этимъ вопросамъ существуетъ много различныхъ и даже противоположныхъ воззрѣній среди самыхъ компетентныхъ представителей новѣйшей научной психологіи. И было бы ошибкой эти разногласія объяснять особенными условіями, въ которыхъ находится теперь психологическое изслѣдованіе: они были и раньше, какъ это показываетъ исторія психологіи. Она же учитъ насъ, что разновидности эмпирической психологіи коренятся въ большой содержательности, въ многосторонности самого предмета психологіи, а слѣдовательно и въ разнообразіи возможныхъ пріемовъ его изслѣдованія. Въ этомъ убѣждаетъ не столько разносторонность существующихъ направленій научной психологической мысли, сколько внутреннее единство, принципиальная послѣдовательность нѣкоторыхъ изъ этихъ направленій: выборъ предмета опредѣляетъ методы и границы изслѣдованія, и наоборотъ—предпочтеніе извѣстнаго ме-

1) «Ueber Aussageexperimente» (Psychologische Studien 1907).

2) «Psychologie vom empirischen Standpunkte» (1874).

3) Мы имѣемъ здѣсь въ виду главнымъ образомъ его изслѣдованіе: «Ueber Annahmen» (Zeitschrift für Psychologie. Ergänzungsband II. 1902).

4) «Logische Untersuchungen» (Band II. 1901).

5) Вопросъ объ «экспериментальной психологіи» тщательно разобранъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи» за 1909 г. въ статьѣ Г. И. Челпанова «Задачи современной психологіи» (№ 99).

тогда направляеть изслѣдованіе въ опредѣленную область явленій. Иногда побочныя тенденціи затемняютъ структуру научной дисциплины, но внимательному разсмотрѣнію и въ этихъ случаяхъ удаеться установить структурную связь между содержаніемъ данной разновидности эмпирической психологіи и ея принципиальными положеніями. Нѣмецкая психологическая литература XVIII вѣка насчитываетъ произведенія, въ которыхъ съ удивительной внутренней послѣдовательностью выразилось нѣсколько направленій эмпирической психологіи. Разсмотрѣніе этихъ произведеній и составляетъ содержаніе нашей статьи.

Изъ сказаннаго станеть понятнымъ и тотъ отрывочный характеръ, который носить наше изложеніе нѣмецкой эмпирической психологіи XVIII вѣка. Насъ интересуютъ не всѣ психологическія ученія той эпохи, а только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ наиболѣе послѣдовательно и полно выразились отдѣльныя направленія интересующей насъ науки, въ которыхъ, слѣдовательно, мы, не прибѣгая къ собственнымъ толкованіямъ и дополненіямъ, непосредственно, на основаніи литературныхъ данныхъ, можемъ прослѣдить ту логическую необходимость, въ силу которой складывается тотъ, а не иной характеръ направленія. Легко предвидѣть и возможный упрекъ по нашему адресу. Разъ мы отказываемся отъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ направленій эмпирической психологіи въ ихъ историческомъ развитіи, а выбираемъ для нашего логическаго разсмотрѣнія только тѣ произведенія, которыя считаемъ наиболѣе законченными выразителями интересующихъ насъ научныхъ психологическихъ направленій, то почему же мы остановили нашъ выборъ на XVIII вѣкѣ, — вѣдь въ XIX вѣкѣ въ той же нѣмецкой литературѣ тѣ же самыя разновидности эмпирической психологіи представлены, вѣроятно, болѣе удачно?—На это мы отвѣтили бы слѣдующее: на примитивномъ психологическомъ содержаніи тѣмъ рельефнѣе выдѣляется глубина философскаго пониманія принципиальныхъ проблемъ эмпирической психологіи. А кромѣ того глубина и высота философской мысли, какъ показываетъ исторія философіи, не обязаны прогрессировать съ вѣками. Нѣкоторыя ученія нѣмецкой эмпирической психологіи XVIII вѣка имѣютъ не только историческую цѣнность, — они могутъ оказать большія услуги и для пониманія тѣхъ принципиальныхъ недоразумѣній, которыми полна современная намъ научная психологія.

II. Вольфъ. (Wolff).—Реформа психологіи.

Христіанъ Вольфъ ставитъ себѣ въ заслугу раздѣленіе психологіи на эмпирическую и рacionalesную, онъ считаетъ такое раздѣленіе цѣлесообразнымъ въ виду существеннаго различія этихъ психологическихъ дисциплинъ: «Въ рacionalesной психологіи единственно изъ понятія о человѣческой душѣ а priori выводится то же самое, что мы можемъ наблюдать въ ней а posteriori или о чемъ мы можемъ заключать на основаніи какихъ-нибудь наблюденій» ¹⁾. Какъ мы видимъ, у разсматриваемыхъ двухъ психологій различны исходные пункты: рacionalesная психологія отпращивается отъ имѣющагося въ сознаніи понятія о духовной субстанціи, эмпирическая—отъ данныхъ въ опытѣ явленій душевной жизни; различны у нихъ, естественно, и приемы изслѣдованія: рacionalesная психологія умозаключаетъ изъ понятій, эмпирическая психологія наблюдаетъ или заключаетъ на основаніи наблюденій;—но и тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же предметъ изслѣдованія; раздѣленные противоположною априорнаго и апостериорнаго, абстрактнаго и конкретнаго, оба вида психологическаго изслѣдованія направляются однако на одно и то же содержаніе. Является вопросъ: нужны ли въ такомъ случаѣ два рода изслѣдованія, нельзя ли ограничиться однимъ изъ нихъ?—Вольфъ оправдываетъ свою «реформу» (ein neues Unternehmen) практическими соображеніями: данныя эмпирической психологіи могутъ служить для провѣрки выводовъ рacionalesной (Вольфъ хорошо сознаетъ опасность однихъ абстрактныхъ изслѣдованій), съ своей стороны рacionalesная психологія дополняетъ содержаніе эмпирической тамъ, гдѣ наблюденіе оказывается непримѣнимымъ, а такіе случаи бываютъ: «мы сознаемъ не все, что происходитъ въ нашей душѣ, здѣсь можетъ случиться также, и даже очень часто случается, что тѣ элементы сознанія, которые составляютъ неотъемлемую часть понятія, ускользаютъ отъ нашего вниманія. Дѣйствительно, то, чего нельзя прослѣдить при помощи наблюденія, можетъ быть открыто, будучи разложено логически на составныя части» ²⁾. Оказывается, что психологіи эмпирическая и рacionalesная иногда дополняютъ другъ друга, повышая такимъ образомъ степень достовѣрности изслѣдованія.

¹⁾ Philosophia rationalis, Discursus praeliminaris logices. § 112.

²⁾ Philosophia rationalis, § 682.

Тогда является новый вопрос: что считать существеннымъ, и что случайнымъ—то самостоятельное положеніе, которое должно занимать, согласно первому опредѣленію, каждое изъ этихъ психологическихъ направлений, или же та служебная роль, о которой мы только-что упомянули?—Ученіе Вольфа о методѣ эмпирической психологіи разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ органической связи обѣихъ научныхъ дисциплинъ по всей линіи психологическаго изслѣдованія.

Отчетливое воспріятіе единичныхъ явленій ведетъ къ интуитивному сужденію (*iudicium intuitivum*). Но не въ этомъ только состоитъ эмпирическое изслѣдованіе: отмѣтивши свойственные извѣстной группѣ явленій признаки и исключивши изъ нихъ тѣ, которые могутъ мѣняться сами, не измѣняя однако характера явленій, изслѣдователь составляетъ общія представленія; наконецъ, выдѣливши изъ зафиксированныхъ такимъ образомъ признаковъ *minimum*, достаточный для характеристики каждаго изъ классовъ психическихъ явленій, мы тѣмъ самымъ даемъ опредѣленіе (*definitio*) этихъ классовъ,—здѣсь эмпирическое изслѣдованіе отъ наблюденій пришло уже къ образованію понятій. Итакъ, эмпирическое изслѣдованіе не ограничивается чувственнымъ воспріятіемъ (*perceptio*), въ немъ принимаютъ участіе и высшіе процессы познанія: абстракція, сравненіе, сужденіе и даже умозаключеніе; оно не останавливается на простомъ собираніи фактовъ душевной жизни, а подвергаетъ ихъ еще и теоретическому разсмотрѣнію. Въ «*Discursus praeliminaris logices*» (§ 111) Вольфъ выразительно указываетъ на важную роль эмпирической психологіи при установленіи законовъ душевной жизни. «Задача психологіи»,—говоритъ онъ—«установить при помощи опыта столь важные законы и, какъ въ экспериментальной физикѣ, распредѣлить ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы смыслъ послѣдующихъ былъ ясенъ изъ предыдущихъ. Отсюда ясно, что эмпирическая психологія не есть часть исторіи, такъ какъ въ ней не только разсматривается то, что наблюдается въ сознаніи, но на основаніи наблюденій образуются даже понятія о способностяхъ и свойствахъ и устанавливаются другіе законы, наконецъ, указывается даже разумное основаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ»¹⁾). Мы видимъ, что эмпирическая психологія по характе-

¹⁾ «In psychologia consultum est, ut principia tam momentosa per experientiam constituentur et perinde ac in physica experimentalis eo ordine digerantur

ру своего изслѣдованія приближается къ рacionalesной. Вольфъ идетъ дальше въ этомъ направленіи: онъ и рacionalesную психологію приближаетъ къ эмпирической тѣмъ, что исходнымъ пунктомъ для умозаклученій вмѣсто понятія о духовной субстанции и его производныхъ онъ выбираетъ иногда непосредственные выводы эмпирической психологіи, какъ это видно изъ сравненія психолога съ астрономомъ, которое мы находимъ у нашего ученаго. Какъ психологъ на основаніи наблюденій строить теоріи, а построенныя такимъ образомъ теоріи провѣряетъ опять-таки посредствомъ фактическихъ данныхъ,—такъ и психологъ, по мнѣнію Вольфа, отъ эмпирическаго изслѣдованія фактовъ долженъ переходить къ рacionalesлистическому освѣщенію ихъ и при свѣтѣ этого послѣдняго опредѣлять нужные для провѣрки его правильности новые факты ¹⁾.

Изъ этого сравненія можно извлечь полную схему эмпирическаго изслѣдованія Вольфа; она опредѣляется такъ: функція эмпирической психологіи—наблюдать душевныя явленія и дѣлать выводы, вытекающіе непосредственно изъ наблюденій; функція рacionalesной психологіи—логически развивать эти выводы: систематизировать разрозненныя данныя эмпирическаго изслѣдованія и указывать новые факты, подлежащіе установленной закономѣрности; повѣрка этихъ новыхъ фактовъ производится также при помощи пріемовъ эмпирической психологіи. Но такого рода совмѣстную работу двухъ наукъ правильнѣе объединить подъ однимъ названіемъ—научно-индуктивнаго изслѣдованія душевной жизни, чѣмъ строго разграничивать подъ разными, къ тому же столь традиціонными названіями. Итакъ, на основаніи приведенныхъ выше объясненій самого Вольфа относительно методовъ и взаимной связи двухъ его психологій мы находимъ возможнымъ считать ученіе Вольфа о двухъ психологическихъ дисциплинахъ ученіемъ объ одной научной эмпирической психологіи. Однако

tut sequentium ratio per antecedentia pateat. Patet adeo psychologiam empiricam non esse historiae partem, neque enim tantum recensentur, quae de anima observantur, verum etiam notiones facultatum atque habituum inde formantur et principia alia stabiliuntur, immo etiam nonnulorum ratio redditur».

¹⁾ «Imitatur in ea re Psychologus Astronomum, qui ex observationibus eruit theoriam et theoriam, quam eruit, per observationes denuo comprobatur, ac ope theoriae ad observationes deducitur, quae alias cogitationem ipsius minime subsistent» (Psychologia empirica, § 5).

это раздѣленіе можно удержать, если понимать подъ двумя психологіями двѣ стороны индуктивнаго метода психологіи: наблюденіе и истолкованіе явленій душевной жизни, или—по отношенію къ изложенію—описаніе и объясненіе ихъ. Если можно и нужно обособлять эти стороны эмпирическаго изслѣдованія въ психологіи, то правильнѣе въ такомъ случаѣ одно направленіе называть описательнымъ (*psychologia empirica*), а другое объяснительнымъ (*psychologia rationalis*).

Къ сожалѣнію, нельзя почерпнуть достаточно убѣдительныхъ аргументовъ въ пользу того или другого пониманія психологической реформы Вольфа изъ его произведеній. Изложеніе той и другой психологіи («*Psychologia empirica*», 1732. «*Psychologia rationalis*», 1740) у Вольфа носитъ еще схоластическій характеръ: тѣ же «душевные способности» (*facultates animae*) и ихъ «опредѣленія» (*definitiones*), та же тенденція свести все конкретное разнообразіе душевной жизни къ одной отвлеченной «способности» (у Вольфа, «способность представленія»—*vis repraesentandi*) и т. п. Но все же нельзя не замѣтить, что въ «Рациональной психологіи» спекулятивный элементъ нерѣдко уступаетъ мѣсто естественно-научному объясненію,—замѣтна тенденція для психическихъ явленій подыскать соотвѣтствующіе имъ фізіологическіе процессы. Въ противоположность такому объяснительному фізіологическому направленію рациональной психологіи Вольфа его «Эмпирическая психологія» представляетъ собою главнымъ образомъ изложеніе психологическихъ фактовъ.

Наконецъ, у одного изъ ближайшихъ учениковъ Вольфа, именно у Бильфингера (*Bilfinger*), мы находимъ прямое подтвержденіе вѣрности нашего взгляда на смыслъ ученія Вольфа о двухъ психологіяхъ. Въ своей книгѣ ¹⁾ Бильфингеръ хоть и удерживаетъ раздѣленіе психологіи на рациональную и эмпирическую, но уже совершенно опредѣленно считаетъ первую объяснительной, а вторую описательной научной дисциплиной: «Психологія бываетъ или эмпирической, когда она излагаетъ то, что, какъ говоритъ опытъ, содержится въ нашемъ сознаніи и происходитъ въ немъ, или она бываетъ рациональной, когда объясняетъ то, что мы узнаемъ о сознаніи посредствомъ разсужде-

¹⁾ *Dilucidationes philosophiae de deo, anima humana etc.*, 1725.

нія» ¹⁾. При этомъ Бильфингеръ въ дальнѣйшемъ изложеніи своего «ученія о душѣ» не упоминаетъ больше о двухъ психологіяхъ, а всегда имѣетъ въ виду одну такую, въ которой описаніе и объясненіе совмѣстно приводятъ къ рѣшенію психологическихъ проблемъ. Это легко можно видѣть изъ той программы, которую онъ предпосылаетъ изложенію своего ученія: прежде всего посредствомъ наблюдений и экспериментовъ познакомиться съ явленіями душевной жизни; затѣмъ, руководясь фактами, установить законы, управляющіе ею; наконецъ, понять внутреннюю связь этихъ законовъ другъ съ другомъ ²⁾. Въ этой программѣ Бильфингера «эмпирической» и «раціоналистической» (въ смыслѣ Вольфа, элементы органически связаны другъ съ другомъ, такъ что образуютъ одинъ неразрывный процессъ изслѣдованія).

Что касается выполненія первой части программы, т.-е. ознакомленія съ явленіями душевной жизни, то нельзя не отмѣтить строго психологическаго содержанія описаній у Бильфингера. Даже въ области эмоцій, гдѣ столько соблазна для научной психологіи подставить вмѣсто психическихъ явленій физиологическіе процессы или метафизическія понятія, Бильфингеръ ограничивается исключительно данными внутренняго опыта. Но все же какъ физиологическое объясненіе у Вольфа, такъ и чисто психологическое описаніе у Бильфингера слишкомъ случайны и примитивны, чтобы по нимъ можно было составить себѣ отчетливое представленіе о принципиальномъ складѣ того и другого направленія эмпирической психологіи XVIII вѣка. Чтобы установить существенные признаки этихъ направленій и опредѣлить логическую связь установленныхъ признаковъ другъ съ другомъ, мы разсмотримъ такія произведенія психологической литературы интересующей насъ эпохи, въ которыхъ наиболѣе полно и послѣдовательно выразились оба направленія эмпирической психологіи. Къ нимъ несомнѣнно принадлежатъ изслѣдованія Боннэ (Bonnet) и Тэтэнса (Tetens).

¹⁾ «Psychologia est vel empirica, ea exponens, quae in anima nostra inesse et in ea contingere experimur, vel rationalis, ea declarans, quae de anima per rationem cognoscuntur» (Dilucidationes... § 266).

²⁾ «Tria hinc requiruntur ad tractationem psychologicam: 1. ut phaenomena, quae de anima accurrunt, per sollicitas observationes et experimenta adnotentur; 2. ut ex collatis illis phaenomenis regulae generales eruantur, secundum quas

III. Боннэ (Bonnet).—Объяснительная физиологическая психологія.

Неизгладимый слѣдъ въ исторіи нѣмецкой физиологической психологіи XVIII вѣка оставили произведенія швейцарскаго ученаго Боннэ. Оба капитальныя психологическія сочиненія «*Essai de psychologie*» (1782) и «*Essai analytique sur les facultés de l'ame*» (1769) были переведены на нѣмецкій языкъ и слѣдѣлись очень популярными. По свидѣтельству Дессуара ¹⁾, Швабъ называетъ его «ревнителемъ психологіи мозга и нервныхъ волоконъ» (*Beförderer einer Gehirn und Fibern-psychologie*), Формей (Formey) предсказываетъ, что его имя «будетъ занесено въ лѣтописи природы» (*sera gravé dans les fastes de la nature*). Тэтэнсъ критикуетъ въ его лицѣ образцоваго представителя физиологической психологіи. Все это заставило насъ для разсмотрѣнія логической структуры физиологической психологіи XVIII вѣка выбрать произведенія именно этого ученаго, и болѣе близкое знакомство съ ними вполне оправдало нашъ выборъ.

Боннэ желаетъ вести психологическое изслѣдованіе по образцу естественныхъ наукъ. «Я сталъ изслѣдовать человѣка, какъ я изслѣдовалъ насѣкомыхъ и растенія», говоритъ онъ ²⁾. Между психологическимъ изслѣдованіемъ и естественно-научнымъ существуетъ лишь несущественная разница по отношенію къ содержанію, принципиальный характеръ изслѣдованія одинъ и тотъ же. Занявши и для психологіи естественно-научную позицію, Боннэ выразительно подчеркиваетъ строго эмпирическое направленіе своей работы. Единственнымъ руководителемъ при изслѣдованіи для него является изслѣдуемый предметъ, данныя опыта сами приводятъ изслѣдователя къ выводамъ. «Мнѣ не было необходимости искать выводовъ», заявляетъ Боннэ: «они сами нашлись, — и единственно наблюденіе указывало мнѣ путь къ нимъ» ³⁾. Но Боннэ не удовлетворяется простымъ наблюденіемъ и непосредственно вытекающими изъ него заключеніями; выше приведенное заявленіе его нужно понимать лишь какъ

feri et succedere sibi in animo ideae atque appetitus solent; 3. ut omnes illae facultates colligantur in unam aliquam ideam generalem, a qua dependeant et fiant...» (*Dilucidationes... § 266*).

¹⁾ M. Dessoir. *Geschichte der neueren deutschen Psychologie*. 1894, 56.

²⁾ *Essai analytique...*, XXI.

³⁾ *Essai analytique...*, VII.

желаніе указать на первенствующее значеніе наблюденія, данныя котораго Боннэ подвергаетъ основательной теоретической обработкѣ. Ходъ этой обработки слѣдующій. Отыскавши факты, Боннэ «углубляетъ» ихъ (j'ai approfondi ces Faits), а именно: сопоставляетъ другъ съ другомъ, сравниваетъ между собою, комбинируетъ ихъ; изъ обработанныхъ такимъ образомъ данныхъ опыта онъ осторожно дѣлаетъ заключенія, и эти заключенія, наконецъ, ведутъ его къ пониманію законовъ душевной жизни ¹⁾).

Поставивши психологическое изслѣдованіе въ условія естественно-научнаго, Боннэ замѣчаетъ тѣ значительныя трудности, которыя, естественно, должны возникнуть при всякой попыткѣ объективно оперировать надъ субъективнымъ содержаніемъ. Легко было перенести общія положенія естественно-научнаго эмпиризма въ область психологіи, но трудно обойти специфическія особенности предмета психологіи въ самой практикѣ изслѣдованія.—Взвѣсивая положительныя и отрицательныя стороны интроспективнаго метода (Meditation), Боннэ приходитъ къ пессимистическому заключенію: «затрудненія производятъ на меня больше впечатлѣнія, чѣмъ преимущества» ²⁾), сознается онъ, и настойчиво ищетъ выхода къ объективному изслѣдованію. Выходъ нашелся. — «Всѣ философы», увѣряетъ Боннэ: «соглашаются теперь, что наши идеи обязаны своимъ происхожденіемъ чувствамъ» ³⁾). Поэтому онъ направляетъ свое изслѣдованіе на психофизиологическія функціи органовъ чувствъ и ставитъ себѣ задачу: установить, что происходитъ въ органѣ, когда его раздраженія сопровождаются психологическими процессами. Такимъ образомъ центръ тяжести изслѣдованія перемѣщается изъ сферы субъективныхъ переживаній въ область объективно данныхъ физиологическихъ фактовъ; главнымъ средствомъ изслѣдованія является въ такомъ случаѣ внѣшнее наблюденіе: «мы знаемъ, что идеи находятся въ связи съ извѣстными нервными волокнами: мы можемъ изслѣдовать эти волокна, такъ какъ мы ихъ видимъ. Мы можемъ изучать до извѣстной степени ихъ

¹⁾ «Ce sont ces conséquences qui ont donné naissance aux Principes à la leur desquels j'ai tenté de pénétrer dans le labyrinthe ténébreux de notre Etre. (Essai anal., IX—X).

²⁾ «Les inconvéniens me frappent plus que les avantages» (Essai anal., XVIII).

³⁾ Essai analytique..., IX.

движенія, результаты этихъ движеній и связь ихъ другъ съ другомъ» ¹⁾.—Вотъ куда завелъ психологическое изслѣдованіе косвенный методъ объективнаго наблюденія! При этомъ Боннэ еще разъ отказывается выходить за рамки даннаго въ такомъ ви́дншемъ опытѣ, въ особенности сторонится онъ всякаго рода «метафизическихъ построеній». Такъ, даже законъ психофизической связи онъ просто констатируетъ. «Я разсматриваю», говоритъ онъ: «связь души и тѣла и ихъ взаимное вліяніе какъ явленіе; его законы я изучаю, но считаю себя въ правѣ совершенно игнорировать его сущность» ²⁾. Въ результатѣ прямолинейное физиологическое разсмотрѣніе всего, что имѣетъ отношеніе къ душевнымъ переживаніямъ. Свой методъ изслѣдованія Боннэ называетъ, однако «психологическимъ анализомъ» и даетъ его характеристику въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Нужно анатомировать каждый фактъ, разложить (*décomposer*) его на простѣйшіе элементы и изучить (*examiner*) по отдѣльности эти послѣдніе. Нужно найти отношенія, которыя связываютъ эти факты между собою и съ аналогичными фактами и сдѣлать изъ нихъ выводы, которые могли бы стать эмпирическими законами.—Однимъ словомъ, здѣсь нужно все анализировать» ³⁾. Дѣйствительно, сказанное можно принять за характеристику психологическаго анализа. Было бы однако большою ошибкой думать, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о разложеніи состояній сознанія на ихъ психологическіе моменты, что анализъ Боннэ оперируетъ надъ душевными переживаніями, — на составныя части нашъ психологъ разлагаетъ тѣ физиологическіе процессы, которые вызываютъ у насъ переживанія. Это легко видѣть, напримѣръ, изъ того, какъ Боннэ «анализируетъ ощущеніе»: какое измѣненіе происходитъ въ органѣ? Какъ это измѣненіе происходитъ? Какія послѣдствія необходимо вытекаютъ изъ него?—Вотъ то, что нужно анализировать» ⁴⁾. Какъ мы видимъ, психологическій анализъ въ собственномъ смыслѣ этого термина совершенно чуждъ Боннэ, а его приемъ изслѣдованія ско-

¹⁾ Essai anal., XXV.

²⁾ Essai analyt., 5.

³⁾ Essai analyt., XI.

⁴⁾ «Quel est ce changement survenu à l'organe? Comment s'opère ce changement? Quelles en sont les suites nécessaires? Voilà ce qu'il s'agit d'analyser». (Essai anal., 28).

рѣй можно назвать психо-физиологическимъ синтезомъ. Въ этомъ отношеніи поучителенъ самый ходъ психологическаго изслѣдованія Боннэ, изложенный въ «Essai analytique». Изслѣдуемымъ субъектомъ оказывается «человѣкъ, рассматриваемый какъ статуя, органы чувствъ которой функционируютъ отдѣльно, послѣдовательно» ¹⁾. Изслѣдователь «объективно» слѣдитъ здѣсь за процессомъ постепеннаго одухотворенія этой статуи подѣ влияніемъ внѣшняго раздраженія органовъ чувствъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ изслѣдованія приходится начинать съ вымышленныхъ самыхъ рудиментарныхъ состояній сознанія (вѣрнѣе—состояній центральной нервной системы съ ея периферическими аппаратами) и путемъ прибавленія новыхъ простыхъ процессовъ (синтеза) образовать все болѣе и болѣе сложное, пока не получится настоящій человѣкъ.

Боннэ отказывается изслѣдовать «готоваго» человѣка; откровенно признаваясь, что изслѣдованіе развитога сознанія съ точки зрѣнія его психологіи приходится считать неосуществимымъ ²⁾. Лишь упрощенный, одаренный первоначально единственной способностью ощущенія психофизическій организмъ доступенъ для анализа Боннэ.

Разсмотримъ теперь, къ чему привело интересующаго насъ изслѣдователя его желаніе замѣнить субъективное психологическое содержаніе объективнымъ анатоми-физиологическимъ. — Прежде всего, естественно, къ тому, что описательный элементъ эмпирической психологіи у него почти совершенно отсутствуетъ. Психологическія данныя интересуютъ Боннэ лишь какъ поводъ для физиологическихъ построеній. Зато на первый планъ выдвигается объясненіе душевной жизни изъ анатоми-физиологическаго устройства нашего организма. Но это объясненіе вслѣдствіе отмѣченнаго уже выше, «строго эмпирическаго» характера изслѣдованія сводится у Боннэ въ концѣ концовъ къ простому описанію тѣхъ анатомическихъ и физиологическихъ фактовъ, которые могутъ быть поставлены въ причинную связь съ психическими явленіями; оно ограничивается, собственно, указаніями

¹⁾ «L'Homme considéré sous l'idée d'une statue, dont les sens agiriaient séparément, succesivement». (Essai anal., 7).

²⁾ «L'examen des Opérations du Cerveau d'un tel Homme deviendrait pour nous infiniment trop compliqué». (Essai analit., 7).

на то, что такому-то состоянію сознанія соотвѣтствуетъ такая-то физиологическая функція или такое-то анатомическое устройство.

Всѣ принципiальные положенія Боннэ можно привести къ тремъ основнымъ. 1. Психологическое изслѣдованіе должно быть «строго эмпирическимъ», его направляетъ самъ изслѣдуемый предметъ. 2. Между физиологическими и психическими процессами существуетъ такого рода соотвѣтствіе, что для одной и той же научной цѣли можно изслѣдовать одни изъ нихъ, и полученные научные результаты распространить на другіе. 3. Психологія, какъ естественной наукѣ, слѣдуетъ усвоить приемы естественно-научной индукціи и отказаться отъ собственнаго метода—самонаблюденія. Всѣ остальные положенія являются логическими выводами изъ этихъ трехъ. «Строго эмпирической» характеръ изслѣдованія исключаетъ попытки проникнуть глубже въ смыслъ установленныхъ эмпирическихъ законовъ и такимъ образомъ ограничиваетъ объясненія психическихъ явленій описаніемъ соотвѣтствующихъ физиологическихъ процессовъ. Физиологическій характеръ изслѣдованія удовлетворяетъ тенденціи имѣть объективное содержаніе, а оправдывается полнымъ соотвѣтствіемъ явленій того и другого рода. Въ свою очередь физиологическое направленіе обусловливаетъ выборъ того приема изслѣдованія, который, несмотря на свое названіе, диаметрально противоположенъ дѣйствительному психологическому анализу, и изгоняетъ описательный психологическій элементъ изъ эмпирической психологіи Боннэ. Дальше не трудно замѣтить и внутреннее противорѣчіе разбираемаго нами научнаго психологическаго направленія. Разъ вводится въ психологію косвенный приемъ—физиологическаго изслѣдованія, оправдываемый предполагаемымъ полнымъ соотвѣтствіемъ психической и физиологической законмѣрности,—этимъ самымъ уже нарушается строгій эмпирической характеръ психологическаго изслѣдованія. Оставаясь, быть можетъ, истиннымъ эмпирикомъ-физиологомъ, въ психологію Боннэ вноситъ совершенно посторонній элементъ, вытѣсняющій къ тому же естественное содержаніе данной науки—описаніе душевныхъ явленій.

Но психологія Боннэ интересна не только какъ удачный образецъ объяснительнаго направленія эмпирической психологіи, прекрасно иллюстрирующій логическую структуру этого на-

правленія,—она поучительна и своимъ содержаніемъ. Несмотря на всю, иногда слишкомъ смѣлую, прямолинейность въ осуществленіи своихъ принципиальныхъ положеній, Боннэ не находитъ возможнымъ провести это объяснительно-физиологическое направленіе черезъ всю область душевныхъ явленій. Исключительное примѣненіе физиологическаго объясненія онъ признаетъ допустимымъ лишь для процессовъ ощущенія, памяти, ассоціаціи, упражненія и привычки, страсти и предразсудка, т. е. для тѣхъ явленій, которымъ присуща механичность. Такія психическія состоянія, какъ процессы чувства, вниманія и абстракціи, Боннэ считаетъ проявленіями душевной активности: внутренняя очевидность возстаетъ противъ притязаній физиологическаго объясненія, отводя ему ограниченное поле дѣйствія въ психологіи.

Максъ Дессуаръ въ своей «Geschichte der neueren deutschen Psychologie» различаетъ два направленія нѣмецкой физиологической психологіи XVIII вѣка. Первое, представителемъ котораго онъ считаетъ Michael Hissmann'a, отождествляетъ психическіе процессы съ физиологическими и изслѣдуетъ только послѣдніе. Второе, видными выразителями котораго можно считать Lambert'a, Krüger'a, Platner'a и др., признавая особенный характеръ психической жизни, ставитъ себѣ задачу объяснить его физиологическими процессами. Оба эти направленія можно разсматривать какъ незначительныя отклоненія отъ знакомаго уже намъ ученія Боннэ. При томъ отрывочномъ характерѣ, который свойственъ принципиальнымъ положеніямъ указанныхъ авторовъ, намъ представляется неблагодарной задачей прослѣдить измѣненіе структуры физиологической психологіи въ связи съ незначительнымъ уклономъ ея тенденцій. Большой ясности въ пониманіи особенностей внутренней структуры этого психологическаго направленія мы надѣемся достигнуть, противопоставивши ему описательное направленіе эмпирической психологіи, которое удачнѣе всего представлено въ нѣмецкой литературѣ XVIII вѣка Тэтэнсомъ.

IV. Тэтэнсъ (Tetens).—Описательная психологія.

Какъ объяснительная нѣмецкая психологія XVIII вѣка находитъ въ Боннэ своего наиболѣе послѣдовательнаго и глубокаго выразителя, такъ и описательная психологія этой эпохи выражена наиболѣе законченно и рельефно у Тэтэнса въ его

произведеніи: «Philosophische Versuche» (I, II, 1777). По систематичности, послѣдовательности и глубинѣ пониманія основныхъ проблемъ описательной эмпирической психологіи Тэтэнсъ стоитъ несравненно выше всѣхъ другихъ изслѣдователей этой области явленій въ XVIII вѣкѣ. Кромѣ того онъ постоянно имѣетъ въ виду принципиальныя положенія психологическаго ученія Боннэ, постоянно подчеркиваетъ отличительныя черты своей доктрины по сравненію съ доктриной этого послѣдняго. Все это дѣлаетъ книгу Тэтэнса незамѣнимой для нашего обзора.

Тэтэнсъ называетъ психологію Боннэ метафизической, за то что она начинается съ гипотезы о полномъ соотвѣтствіи психическихъ явленій и физиологическихъ процессовъ вмѣсто того, чтобы руководиться при рѣшеніи принципиальныхъ вопросовъ прежде всего данными наблюденія. При этомъ подъ наблюденіемъ въ психологіи Тэтэнсъ понимаетъ собственно самонаблюденіе, какъ это видно изъ даннаго имъ опредѣленія доступнаго намъ опыта: «Въ насъ, въ мыслящемъ человѣкѣ, въ томъ единомъ, что мы называемъ представляющимъ существомъ, находятся представленія. Остальное выходитъ за предѣлы опыта»¹⁾. Итакъ, эмпирическая психологія Тэтэнса опирается на данныя внутренняго опыта, что, по мнѣнію нашего изслѣдователя, не исключаетъ возможности физиологическаго объясненія, только соотношеніе между психологическимъ наблюденіемъ и физиологическими гипотезами должно измѣниться: первое служитъ «эмпирическимъ» фундаментомъ, а послѣднія «раціоналистической» надстройкой—сначала факты, а потомъ гипотезы, при этомъ факты только психологическіе. Подстановку физиологическихъ и анатомическихъ фактовъ вмѣсто психическихъ явленій Тэтэнсъ допускаетъ только какъ искусственный приемъ для болѣе нагляднаго изложенія психологическаго содержанія. Такъ, относительно введенныхъ Search'омъ «волоконъ удовольствія» (Zufriedenheits-fibern) онъ говоритъ слѣдующее: «Наблюденіе ничего не говоритъ намъ о такихъ органахъ, но можно прибѣгать къ помощи такого вымысла, чтобы посредствомъ образнаго представленія сдѣлать отчетливѣе нашу мысль о вещи»²⁾.

1) Philos. Vers., I, 19.

2) Die Beobachtung lehrt uns von solchen Organen nichts, aber man kann dieser Erdichtung hier bedienen, um die Idee von der Sache durch eine bildliche Vorstellung deutlicher zu machen“. (Philos. Vers., I, 62).

Какъ мы видимъ, научныя тенденціи Тэтэнса прямо противоположны идеаламъ Боннэ; эту противоположность самъ Тэтэнсъ проводитъ красной чертой. Зато совсѣмъ иную позицію занимаетъ онъ по отношенію къ основателю нѣмецкой научной эмпирической психологіи,—его методологическіе принципы живо напоминаютъ основныя положенія психологическаго ученія Вольфа: «Главное въ методѣ заключается въ правильномъ наблюденіи единичныхъ явленій, въ ихъ разложеніи на составныя части и особенно въ сравненіи, благодаря которому отдѣльныя наблюденія приводятъ къ эмпирическимъ законамъ»¹⁾. Но Тэтэнсъ не ограничивается этими элементарными требованіями эмпирическаго изслѣдованія, онъ совершенствуетъ индуктивный методъ Вольфа: доводитъ его почти до современнаго намъ уровня научности и индивидуализируетъ его сообразно со специфическими условіями психологическаго изслѣдованія. Прежде всего Тэтэнсъ считается съ тѣмъ, что въ психологіи слово «факты» (Thatsachen) можно понимать весьма различно, какъ это видно было ему на примѣрѣ Боннэ. Поэтому онъ точно опредѣляетъ содержаніе, надъ которымъ собирается оперировать: «Такъ взять душевныя измѣненія, какъ они познаются въ самоощущеніи» (durch das Selbstgefühl)²⁾. Предметъ изслѣдованія, слѣдовательно, чисто психологическій. Дальше, во избѣжаніе случайности, ошибочности и узости наблюденія, Тэтэнсъ предписываетъ тщательно повторять наблюденія какъ при одинаковыхъ, такъ и при измѣненныхъ условіяхъ (sorgfältig wiederholt und mit Abänderung der Umstände). Такимъ образомъ Тэтэнсъ выходитъ за предѣлы случайнаго самонаблюденія и выдвигаетъ, слѣдовательно, какъ необходимое орудіе изслѣдованія, методъ активнаго самонаблюденія—психологическій экспериментъ. И дѣйствительно, онъ не только указываетъ на произведенные другими опыты, но описываетъ и свои собственныя экспериментальныя изслѣдованія послѣдовательныхъ ощущеній и др. Наконецъ, зафиксированные при помощи пассивнаго и активнаго самонаблюденія психическія явленія подвергаются основательной обработкѣ: они разлагаются на свои составныя части, сравниваются другъ съ другомъ, приводятся къ «простымъ способностямъ» (die einfachen Vermögen) и для

1) Philos. Vers., I, XVI.

2) Philos. Vers., I, IV.

этихъ послѣднихъ устанавливается ихъ взаимная связь. Всѣ эти этапы психологическаго изслѣдованія Тэтэнсъ считаетъ элементами «психологическаго анализа»: «Это существенныя отправленія при психологическомъ анализѣ души, который основывается на опытѣ» ¹⁾.

Гораздо шире, чѣмъ Вольфъ, понимаетъ Тэтэнсъ также значеніе и назначеніе «раціоналистическаго» элемента при изслѣдованіяхъ эмпирической психологіи. Отъ простаго сравненія явленій онъ не ждетъ такъ много, какъ Вольфъ: по его мнѣнію, единственная роль такого сравненія—собираніе сырого матеріала и отдѣльныхъ примѣровъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою, — только общепилософское разсмотрѣніе (*eine allgemeine Philosophie*) соединяетъ разрозненные случаи въ систему, придаетъ имъ смыслъ, необходимый для научныхъ выводовъ; безъ основательной логической обработки даннаго въ опытѣ содержанія мы не можемъ выйти за границы фактической непосредственности: «Въ концѣ концовъ однако только размышленія и умозаключенія», говоритъ Тэтэнсъ, «дѣлаютъ наблюденія дѣйствительно пригодными; безъ нихъ мы должны были бы оставаться постоянно лишь на внѣшней поверхности явленій» ²⁾. Слѣдовательно, основаніями научнаго психологическаго изслѣдованія Тэтэнсъ считаетъ съ одной стороны непосредственное внутреннее наблюденіе «самоощущеніе» (*Selbstgefühl*), съ другой—«очевидное» и согласное съ данными опыта разумное истолкованіе (*evidente und durch die Uebereinstimmung der Beobachtungen bestätigte Vernunft*).

Чисто психологическій характеръ содержанія, надъ которымъ оперируетъ научное изслѣдованіе Тэтэнса, создаетъ и особенныя условія работы, которыя необходимо разсмотрѣть прежде, чѣмъ приступить къ самому анализу. Непосредственно даны нашему «внутреннему чувству» (*der innere Sinn*) комплексы душевныхъ переживаній, —изслѣдованіе Тэтэнса и направляется именно на эти сложныя индивидуальныя состоянія сознанія. И самъ Тэтэнсъ выразительно указываетъ на эту тенденцію своего психологическаго анализа—изучить психическія образованія во всей совокупности ихъ индивидуальнаго состава. «Мало, говоритъ онъ,

¹⁾ *Philos. Vers.*, I, IV.

²⁾ „Am Ende sind es doch die Reflexionen und Schlüsse, die die simplen Beobachtungen erst recht brauchbar machen, und ohne die wir beständig nur auf der äusseren Fläche der Dinge bleiben müssten“ (*Philos. Vers.*, I, XXX).

выдѣлить извѣстный общій признакъ у различныхъ видовъ какой-либо душевной силы (Seelenkraft) и это общее принять за тотъ простой принципъ, въ которомъ и заключается зерно, изъ котораго она развивается. Каждый отдѣльный видъ душевныхъ процессовъ, къ которому относить ихъ искусственная классификація, имѣетъ вѣдь свои собственные и характерныя для него признаки (ihr Eigenes und Charakteristisches)» ¹⁾ И Тэтэнсъ тщательнѣйшимъ образомъ отыскиваетъ мельчайшія характерныя особенности отдѣльныхъ видовъ (какъ ученый онъ долженъ изслѣдовать все же виды, а не отдѣльные случаи) состояній сознанія. Въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ, какъ бы извиняясь передъ читателями за свою «мелочность», указываетъ на невозможность обойтись безъ этихъ тонкихъ различій при психологическомъ изслѣдованіи: «Оставивъ въ сторонѣ эти точныя различія, я не нашелъ бы средствъ понять когда-нибудь и существенныя различія среди безконечно разнообразныхъ родовъ сознаній и сознательныхъ существъ, хотя бы только какъ возможныя» ²⁾. Самъ собою и здѣсь бросается въ глаза контрастъ между ученіями Тэтэнса и Боннэ. Въ то время какъ послѣдній всячески избѣгаетъ вдаваться въ психологическія описанія и спѣшитъ погрузиться въ физиологическія построенія, лишь мимоходомъ упоминая о томъ, къ какому психическому явленію они имѣютъ отношеніе,—первый весь уходитъ въ обзоръ душевной жизни какъ таковой, отказываясь отъ косвенныхъ приемовъ «объективнаго» изслѣдованія. Этотъ контрастъ будетъ еще сильнѣе, если мы вспомнимъ общій ходъ изслѣдованія у обоихъ ученыхъ. Въ то время какъ Боннэ не берется объяснять «готоваго» человѣка и, чтобы сдѣлать себѣ задачу посильной, искусственно упрощаетъ ее, изслѣдуя фиктивный, одаренный лишь способностью ощущенія психофизическій организмъ,—Тэтэнсъ беретъ человѣка такъ, какъ онъ есть, т.-е. духовно развитого индивидуума, и старается въ сложныхъ психическихъ актахъ отыскать ихъ составные моменты и понять закономерность самаго состава этихъ актовъ.

Такое индивидуально-субъективное направленіе изслѣдованія, естественно, вводитъ нашего автора совсѣмъ въ иной кругъ про-

1) Philos. Vers, I, 5.

2) Philos. Vers., I, 352.

блемъ, чѣмъ тотъ, въ который былъ вовлеченъ своими принципами Боннэ. Прежде всего передъ нимъ встаетъ кардинальная трудность прямого психологическаго изслѣдованія,—разрѣшенію подлежитъ проблема самонаблюденія, «проблема внутреннего чувства» (*das Problem des inneren Sinnes*), какъ ее тогда называли. Для Тэтэнса очевидна невозможность непосредственно наблюдать акты познанія, ее особенно легко констатировать, по его мнѣнію, при напряженномъ и продуктивномъ мышленіи. Какъ только мы пробуемъ думать о томъ, что мы думаемъ, такъ сейчасъ же исчезаетъ тотъ первый актъ мышленія, и мы остаемся единственно при второмъ—при мышленіи о мышленіи ¹⁾. Этимъ однако Тэтэнсъ не желаетъ отрицать сознательность самихъ актовъ мышленія, по его мнѣнію, и въ самый моментъ мышленія можно сказать: «я думаю», однако отнюдь не придавая этому выраженію значенія: «я думаю, что я думаю» или «я знаю, что я думаю» ²⁾. Уже этимъ разграниченіемъ самосознанія и самонаблюденія въ собственномъ смыслѣ слова Тэтэнсъ обнаруживаетъ необыкновенную тонкость пониманія основной проблемы чистой описательной психологіи. Но еще больше поражаетъ его способность къ самоанализу при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи этой проблемы. Въ то время какъ многіе психологи и нашего времени въ вопросѣ о возможности самонаблюденія ограничиваются указаніемъ на то, что, разъ мы знаемъ, что такое представленіе, сужденіе и т. п., мы, значить, можемъ и наблюдать въ своемъ сознаніи эти интеллектуальные акты,—Тэтэнса не удовлетворяетъ эта ссылка на фактъ, онъ поэтому смѣло берется объяснить себѣ и другимъ, какъ возможно познаніе этихъ актовъ, какими путями приходимъ мы къ представленію о воспріятіи, абстракціи, сужденіи, мышленіи и т. д. и насколько достовѣрно можетъ быть такое знаніе. Проведенное имъ различіе между сознаніемъ акта мышленія и его наблюденіемъ дѣлаетъ только еще болѣе очевидной несостоятельность простой ссылки на фактъ и прямо указываетъ на необходимость прибѣгнуть къ косвеннымъ приемамъ для реализаціи самонаблюденія. Боннэ нашелъ одинъ выходъ—къ физиологіи, этотъ выходъ, какъ мы видѣли выше, Тэтэнсъ считаетъ неприемлемымъ; онъ не желаетъ ни въ какомъ

1) *Philos. Vers.*, I, 47.

2) *Philos. Vers.*, I, 48.

случаѣ сходитъ съ психологической почвы. II Тэтэнсу удалось найти для психологіи специфическій методъ—косвеннаго само-наблюденія. Онъ учитъ именно, что мы можемъ познать психическіе акты, изслѣдуя тѣ слѣды, которые они оставляютъ на соотвѣтствующихъ содержаніяхъ сознанія. «Каждый актъ мышленія», говоритъ нашъ авторъ, «оказываетъ непосредственное дѣйствіе на представленіе предмета, къ которому онъ относится,—онъ какъ бы запечатлѣвается въ этомъ представленіи. Представленіе, которое уже подверглось дѣйствію воспріятія, стоитъ изолированно отъ другихъ, выдѣляется между ними, превосходить ихъ особенной ясностью» ¹⁾. Точно также и другіе интеллектуальные процессы оставляютъ свой слѣдъ на содержаніи сознанія, или лучше развивая это послѣднее, или измѣняя его внутреннюю структуру: «Всякій разъ, какъ мы оканчиваемъ обсужденіе, обдумываніе, доказательство,—въ нашихъ мысляхъ можно констатировать дѣйствія, оказанныя этой работой. Здѣсь онѣ глубже запечатлѣлись, болѣе живо и рѣзко выдѣлились, лучше развиты; тамъ стали замѣтны новыя мысли, измѣнилось ихъ распредѣленіе, положеніе, соединеніе» ²⁾. При этомъ тѣ измѣненія, которыя производятъ психическіе акты въ содержаніяхъ сознанія, стоятъ съ самими актами въ такой непосредственной связи, что могутъ взаимно вызывать другъ друга: «Въ то время какъ мы воспринимаемъ въ себѣ результатъ протекшаго мышленія, мы какъ бы видимъ наше мышленіе съ обратной стороны; мы имѣемъ его передъ собою въ формѣ оказаннаго имъ дѣйствія, содержащагося въ насъ въ настоящее время, и стараемся опять вернуть его и возобновить» ³⁾. Итакъ, каждый психическій актъ оставляетъ въ содержаніи сознанія опредѣленный и характерный для него слѣдъ, который доступенъ для внутрен-

¹⁾ Philos. Vers., I, 48.

²⁾ „Haben wir eine Ueberlegung, ein Nachdenken, eine Demonstration geendigt, so giebt es Wirkungen von dieser Arbeit in den Ideen. Hier sind sie tiefer eingedruckt, lebhafter, schärfer abgesondert, mehr entwickelt; dort sind neue Ideen bemerkbar geworden, die Ordnung, ihre Lage und Verbindung hat sich geändert“ (I, 48).

³⁾ „Indem wir also die Folge des vorhergegangenen Denkens in uns wahrnehmen, so sehen wir unser Denken gleichsam von hinten; wir halten es vor uns durch seine gegenwärtig in uns bestehende Wirkung und suchen es wieder zurückzubringen und zu erneuern“ (Phis. Vers., I, 48).

него наблюденія: такимъ образомъ и психическіе акты дѣлаются косвенно предметомъ научнаго изслѣдованія.

Установивши эту возможность чисто психологическаго научнаго анализа, Тэтэнсъ примѣняетъ свои принципиальныя положенія къ практикѣ изслѣдованія элементарныхъ психическихъ функций. Мы изложимъ здѣсь только анализъ чувственнаго воспріятія, которое, вслѣдствіе своей посредствующей роли между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ явленій, представляетъ большой интересъ не только съ чисто психологической точки зрѣнія, — этотъ анализъ можетъ выяснитъ намъ отношеніе психологіи Тэтэнса къ нѣкоторымъ пограничнымъ съ нею областямъ изслѣдованія.

Признаки чувственнаго воспріятія опредѣляются дѣйствіями, которыя оно оказываетъ на вызванное внѣшними раздраженіями и доставленное памятью содержаніе. Первымъ такимъ дѣйствіемъ воспріятія является мысль объ «обособленности» (*Besonderheit*) соотвѣтствующаго содержанія, объ отдѣленности его отъ нашего сознанія: «объектъ, который я воспринималъ, есть нѣкоторый особый предметъ самъ по себѣ (*eine besondere Sache für sich*)» ¹⁾. Слѣдовательно, первое, чѣмъ мы обязаны акту чувственнаго воспріятія — это противопоставленіе психическаго акта тому содержанію, на которое онъ направляется, субъекта — объекту. Поэтому мы будемъ называть это первое дѣйствіе воспріятія по отношенію къ самому акту объективированіемъ, а дѣйствіе, оказанное актомъ на содержаніе, — объективностью этого послѣдняго. Второй слѣдъ чувственнаго воспріятія опредѣляется такъ: «простое воспріятіе не требуетъ ничего больше, какъ того, чтобы воспріятое сознавалось предпочтительно передъ другимъ содержаніемъ сознанія, среди котораго оно распознается» ²⁾. Этотъ актъ выдѣленія обусловливаетъ отчетливость (*Deutlichkeit*, рѣже *Klarheit*) воспріятаго чувственнаго содержанія, которую Тэтэнсъ строго отличаетъ отъ интенсивности этого послѣдняго; именно отчетливость, по его ученію, есть результатъ акта воспріятія, въ то время какъ интенсивность присуща самочувственному содержанію и съ отчетливостью не имѣетъ ничего общаго, какъ показываетъ наблюденіе. «Очевидно, говоритъ Тэтэнсъ, что слѣ-

¹⁾ *Philos. Vers.*, I, 274.

²⁾ *Philos. Vers.*, I, 273.

дуетъ точно различать, зависитъ ли отъ насъ неотчетливость и смутность представленія какъ блѣднаго и спутаннаго отображенія предмета, или же она содержится въ мысли какъ таковой, т. е. въ обработанномъ и проникнутомъ сознаниемъ представленіи»¹⁾. Это существенное различіе между отчетливостью и интенсивностью представленій доказывается тѣмъ, что измѣненіе каждаго изъ этихъ психологическихъ моментовъ вообще независимо отъ другого, и бываетъ даже такъ, что, напримѣръ, излишняя интенсивность чувственнаго содержанія мѣшаетъ его отчетливому воспріятію. Такимъ образомъ чисто психологическое наблюденіе, не прибѣгая ни къ какимъ другимъ вспомогательнымъ средствамъ, отмежевываетъ здѣсь другъ отъ друга двѣ самостоятельныя области душевныхъ явленій—психическій актъ, обусловливающий отчетливость представленія, отъ чувственнаго содержанія, которому, какъ таковому, свойственна интенсивность. Кромѣ объективности и отчетливости представленій Тэтэнсъ считаетъ, повидимому, ихъ «предметность» дѣйствіемъ акта воспріятія. «Чѣмъ меньше въ представленіи отчетливости», говоритъ онъ, «чѣмъ болѣе смутно и неясно сознается оно, — тѣмъ больше чувствуемъ мы представленіе какъ наше собственное переживаніе, тѣмъ болѣе видимъ мы образы въ себѣ (in uns), чѣмъ предметъ сквозь нихъ (durch sie). Мы видимъ зеркало, а не вещи, изображенія которыхъ въ немъ видны; мы видимъ оконное стекло, а не внѣшнія тѣла, свѣтъ отъ которыхъ проходитъ черезъ него»²⁾. Это вѣдь значитъ, что съ выпаденіемъ акта воспріятія, на что указываетъ смутность, неотчетливость представленія, теряется и предметность содержанія сознанія. Отсюда выводъ, что именно актъ воспріятія и доставляетъ эту предметность воспріятому чувственному содержанію.

Итакъ, при помощи психологическаго анализа установлены три признака, характерные для акта воспріятія, замѣнены три слѣда, которые онъ оставляетъ на чувственномъ содержаніи. При этомъ выяснилось опредѣленно, что въ составъ того сложнаго переживанія, которое обыкновенно называется воспріятіемъ, кромѣ самого психическаго акта этого имени входятъ еще чувственное содержаніе, надъ которымъ оперируетъ актъ, и пред-

1) Philos. Vers., I, 97.

2) Philos. Vers., I, 99.

метъ, который мы познаемъ здѣсь благодаря акту «сквозь» это чувственное содержаніе. Выяснилось дальше и независимое другъ отъ друга функционированіе акта воспріятія и соотвѣтствующаго чувственнаго содержанія (самостоятельность измѣненій отчетливости и интенсивности). Тэтэнсъ положительно склоненъ утверждать независимость акта воспріятія вообще отъ фізіологическаго фактора, во всякомъ случаѣ отъ устройства и состоянія периферическихъ органовъ центральной нервной системы. «На картинѣ, гдѣ профанъ не увидитъ ничего кромѣ пестрыхъ штриховъ», говоритъ онъ: «глазъ знатока различитъ тысячу тонкихъ чертъ, оттѣнковъ, сходствъ, которые ускользаютъ отъ воспріятія перваго, хотя этотъ такъ же хорошо перципируетъ лучи свѣта, какъ и послѣдній, обладающій, быть можетъ, даже болѣе слабымъ зрѣніемъ»¹⁾. Къ аналогичнымъ по количеству и многосторонности результатамъ приводитъ психологическій анализъ другихъ актовъ познанія, а также актовъ чувства и воли. Но для нашей цѣли—проникнуть въ логическую структуру психологическаго ученія Тэтэнса—достаточно уже сказаннаго. Бросимъ теперь общій взглядъ на изложенное нами психологическое ученіе.

Тэтэнсъ, какъ и Боннэ, прежде всего—строгій эмпирикъ: онъ начинаетъ съ непосредственно данныхъ (у него) во внутреннемъ опытѣ фактовъ, тщательно и до микроскопическихъ подробностей анализируя ихъ и при этомъ постоянно отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что онъ все еще находится въ области, доступной самонаблюденію, дальше, онъ вводитъ экспериментъ, какъ вспомогательное средство для самонаблюденія; наконецъ, онъ допускаетъ самые смѣлые выводы изъ наблюденій, аналогіи и гипотезы, но только послѣ того, какъ самонаблюденіе сказало свое послѣднее слово. Тэтэнсъ самъ называетъ свой методъ естественно-научнымъ; онъ далекъ однако отъ того, чтобы просто перенести методологическіе принципы естественныхъ наукъ въ область психологическаго изслѣдованія,—онъ специализируетъ приемы изслѣдованія, приоровляя ихъ къ особенностямъ изслѣдуемаго содержанія (косвенный приемъ наблюденія психическихъ актовъ). Отказавшись собственно отъ естественно-научнаго метода—систематическаго внѣшняго наблюденія, въ виду

¹⁾ Philos. Vers, I, 96.

невозможности съ другой стороны прямого самонаблюденія, Тэтэнсъ вводитъ въ психологію естественный для ея предмета и въ то же время научный методъ—систематическаго косвеннаго самонаблюденія. Этотъ психологическій методъ открываетъ нашему изслѣдователю доступъ въ обширный кругъ проблемъ духовной жизни. Въ то время какъ Боннэ, тамъ, гдѣ онъ остается послѣдовательнымъ психо-физиологомъ, не видитъ ничего за чувственнымъ содержаніемъ нашего сознанія,—Тэтэнсъ имѣетъ возможность констатировать уже въ нашемъ примѣрѣ (чувственнаго воспріятія) принципиальное различіе между чувственнымъ содержаніемъ, актомъ и предметомъ познанія. Отсюда видно, насколько упрощенной представляетъ себѣ Боннэ психическую дѣйствительность, насколько должна быть бѣднѣе проблемами его психологическая наука, чѣмъ наука Тэтэнса. Уже анализъ чувственнаго воспріятія выдвинулъ кромѣ указанной психологической проблемы также вопросы теоріи познанія (познаніе предметовъ «сквозь» чувственное содержаніе) и метафизики (активность воспріятія какъ обнаруженіе духовной субстанціи). Само собою понятно, что кругъ проблемъ косвеннаго систематическаго самонаблюденія значительно расширяется при изслѣдованіи другихъ областей сознанія: анализъ явленій воли и чувства затрагиваетъ вопросы эстетики, педагогики, этики, религіи и т. п.

Едва ли нужно подчеркивать, что психологическое изслѣдованіе Тэтэнса въ основѣ своей является описательнымъ: вѣдь мы видѣли уже, что его психологическій анализъ и начинается, и кончается изложеніемъ фактовъ душевной жизни, онъ именно отмѣчаетъ элементарныя составныя части психическихъ образованій, устанавливаетъ характерныя признаки этихъ послѣднихъ и ихъ взаимную связь. Нѣтъ сомнѣній, что съ изслѣдованіемъ высшихъ интеллектуальныхъ, эмоціональныхъ и волевыхъ процессовъ можетъ выясниться такимъ образомъ внутренній складъ всей душевной жизни, а слѣдовательно, будутъ установлены всѣ признаки, подъ которыми мыслится носитель душевныхъ явленій—субъектъ. Какъ объяснительная психологія Боннэ сводится въ концѣ концовъ къ простому описанію физиологическихъ процессовъ, такъ описательная психологія Тэтэнса обѣщаетъ объяснить намъ всю внутреннюю структуру душевной жизни.

V. Герцъ(Herz). — Ассоціативная психологія.

Изложенными двумя ученіями не исчерпываются разновидности нѣмецкой эмпирической психологіи (Erfahrungsselenlehre) XVIII вѣка. Можно отмѣтить еще два ея направленія, которыя мы вмѣстѣ съ Дессуаромъ будемъ называть ассоціативной и популярной психологіей. Къ сожалѣнію, оба эти направленія не представлены такими сравнительно полными систематическими произведеніями психологической литературы, какія мы имѣли для объяснительной фізіологической психологіи въ сочиненіяхъ Боннэ и для описательной психологіи въ книгѣ Тэтэнса. Поэтому намъ придется нѣкоторыя принципиальныя положенія интересующихъ насъ психологическихъ направленій отмѣтить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и безъ ссылокъ на оригинальные образцы.

Ассоціативная психологія старается соединить характерные моменты двухъ разсмотрѣнныхъ нами выше ученій: вмѣстѣ съ описательной психологіей она признаетъ, что слѣдуетъ опираться на наблюденія явленій душевной жизни, а вмѣстѣ съ фізіологической психологіей она стремится стать въ ряды естественныхъ наукъ объяснительнаго направленія, усвоить приемы и задачи этихъ послѣднихъ: именно ввести измѣреніе какъ вспомогательное средство въ психологическое изслѣдованіе и выразить всю закономерность душевной жизни въ отношеніяхъ причинной зависимости. Маркъ Герцъ (Marcus Herz) въ своемъ специальномъ изслѣдованіи: «Versuch über den Schwindel» (1791 г.) со строгой послѣдовательностью и большой оригинальностью въ выраженіи мысли касается основныхъ положеній ассоціативной психологіи. Эту работу Герца мы нашли удобной для иллюстраціи логической структуры интересующаго насъ своеобразнаго компромисса чисто психологическихъ и естественно-научныхъ тенденцій. Для нашей задачи цѣлесообразнѣе всего прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ мысли Герца.

Прежде всего Герцъ протестуетъ противъ «метафизическихъ» (собственно-философскихъ) тенденцій психологіи, и отводитъ этой послѣдней мѣсто среди естественныхъ наукъ. Онъ оправдываетъ свою «реформу» тѣмъ соображеніемъ, что явленія того и другого порядка познаются изъ опыта. «Ея основныя положенія», говоритъ онъ о психологіи, «взяты точно такъ же изъ

опыта, какъ и основныя положенія ученія о матеріи; и свойства души познаются точно такъ же въ созерцаніи внутренняго чувства, какъ свойства матеріи познаются въ созерцаніи внѣшнихъ чувствъ»¹⁾.—Существенной разницы между внѣшнимъ и внутреннимъ наблюденіемъ Герцъ не замѣчаетъ; «внутреннее чувство» онъ представляетъ себѣ совсѣмъ по образцу внѣшнихъ чувствъ. Въ такомъ случаѣ само собою понятно, что Герцъ не находитъ нужнымъ прибѣгать къ какому-нибудь специфическимъ приемамъ при психологическомъ изслѣдованіи, какъ это дѣлалъ Тэтенсъ, какъ надъ этимъ задумывался Боннэ. Но уравненіемъ внутренняго и внѣшняго опыта не кончается приведеніе психологіи къ одному знаменателю съ естественными науками. Міры внѣшній и внутренней сравнимы, по мнѣнію Герца, не только какъ явленія, но и въ своихъ основахъ, источникахъ: «вообще съ душевными силами»,—говоритъ нашъ изслѣдователь, «дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ и съ силами матеріи: онѣ дѣйствуютъ только до тѣхъ поръ, пока не встрѣчаютъ сопротивленія, и ослабѣваютъ, если предметъ не обладаетъ достаточной способностью возбуждать ихъ къ дѣйствію»²⁾. Благодаря этому послѣднему сходству является возможность объяснить психическія явленія физическими, установить общую тѣмъ и другимъ закономерность.

Но съ другой стороны Герцъ протестуетъ также и противъ огульнаго перенесенія предикатовъ, относящихся къ явленіямъ внѣшняго міра, на явленія міра внутренняго. Такъ, на примѣръ, по поводу ученія, что ассоціированныя представленія «приводятъ, привлекаютъ другъ друга» (führen, ziehen einander herbei), онъ напоминаетъ, что это лишь образное выраженіе, заимствованное изъ выраженій о явленіяхъ внѣшняго міра, что оно здѣсь ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято въ собственномъ смыслѣ³⁾.

Эти два протеста можно примирить другъ съ другомъ только въ томъ случаѣ, если считать разницу между психическими и физическими явленіями такою же исключительно качественной, какъ, на примѣръ, разница между зрительными и слуховыми явленіями. Тогда, дѣйствительно, можно протестовать какъ противъ

1) Vers. üb. d. Schwindel, 32.

2) Vers. üb. d. Schwindel, 44.

3) Vers. üb. d. Schwindel, 121.

отнесенія тѣхъ и другихъ явленій къ двумъ принципиально различнымъ областямъ, такъ и противъ попытокъ провести между ними полную аналогію.—Утверждая принципиальную однородность психическихъ и физическихъ явленій, Герцъ указываетъ и на общее тѣмъ и другимъ существенное свойство—на ихъ опредѣляемость во времени, которая, будучи положена въ основу психологическаго изслѣдованія, какъ нельзя лучше сообщаетъ ему естественно-научный характеръ. Поэтому временной моментъ и выдвигается въ изслѣдованіи Герца въ роли показателя психической законѣрности. Герцъ фиксируетъ именно нѣкоторый промежутокъ времени терминомъ «Weile» и характеризуетъ его такъ: «я буду пользоваться названіемъ Weile для обозначенія промежутка времени между моментомъ полного воспріятія какого-нибудь представленія и переходомъ вниманія на слѣдующее представленіе»¹⁾. Этотъ промежутокъ времени онъ считаетъ характернымъ для различныхъ состояній сознанія; связь между величиной Weile и характеромъ психическихъ явленій, по его мнѣнію, законѣрна: «Эта Weile во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ у каждаго отдѣльнаго человѣка, подчинена опредѣленнымъ законамъ»²⁾. Такъ, болѣе содержательнымъ, яркимъ и интереснымъ представленіямъ соотвѣтствуетъ и большая величина Weile, чѣмъ представленіямъ болѣе безразличнымъ, слабымъ и бѣднымъ по содержанію. Вполнѣ опредѣленную зависимость можно установить дальше, по мнѣнію Герца, между величиной Weile и различными видами ощущеній и ихъ отношеній другъ къ другу. Величина Weile, наконецъ, должна показывать намъ даже степень нормальности душевныхъ состояній: слишкомъ продолжительныя Weilen характерны для того душевнаго состоянія, которое по-нѣмецки называется *lange Weile* (скука), а слишкомъ короткія Weilen характеризуютъ психическое состояніе при головокруженіи. Такимъ образомъ всѣ процессы душевной жизни можно, какъ думаетъ Герцъ, опредѣлить величиною этихъ временныхъ промежутковъ и выразить въ числахъ, т.-е. качественное разнообразіе конкретной душевной жизни замѣнить отвлеченнымъ количественнымъ единообразіемъ—приблизиться къ идеалу естественно-научнаго изслѣдованія.

¹⁾ Vers. üb. d. Schwind., 47.

²⁾ Vers. üb. d. Schwind., 48.

Но при помощи понятія Weile Герцъ имѣетъ въ виду не только описать качественныя различія психическихъ явленій посредствомъ числовой величины извѣстныхъ промежутковъ времени, но также и объяснить душевныя явленія посредствомъ физиологическихъ факторовъ. При опредѣленіи Weile Герцъ указываетъ также и на то, что такой промежутокъ времени нуженъ какъ бы для возстановленія душевныхъ силъ послѣ израсходованія ихъ на процессъ воспріятія для реализаціи новаго акта вниманія: «подъ Weile я понимаю то время, въ которомъ душа нуждается какъ бы для отдыха, чтобы послѣ момента наиболѣе полного сознанія нѣкотораго представленія вновь сосредоточить свою силу на непосредственно слѣдующемъ представленіи» ¹⁾. При этомъ вмѣсто «душевныхъ силъ» Герцъ часто подставляетъ движенія «нервнаго сока», а въ связи съ этимъ для объясненія привлекаются и соображенія о большей или меньшей цѣлесообразности той или другой величины Weile для отправленій нашего организма, которая собственно и опредѣляетъ прежде всего темпъ, а въ концѣ концовъ и весь складъ нашей душевной жизни. Герцъ не вдается однако въ подробныя психофизиологическія построенія, извиняясь ограниченностью своихъ знаній въ этой области ²⁾.

Итакъ, отправившись отъ наблюденія психическихъ явленій, установивши законмѣрную связь между содержаніемъ душевной жизни и величиной тѣхъ промежутковъ времени, которые нужны для «отдыха души» отъ энергичной работы вниманія, Герцъ переходитъ къ физиологическому объясненію смысла этого «отдыха». Мы видимъ здѣсь сочетаніе чисто психологическаго описательнаго элемента съ физиологическимъ объяснительнымъ, сочетаніе, проникнутое убѣжденіемъ въ полной однородности психическихъ и физическихъ явленій. Естественно, что для такого научнаго изслѣдованія самой благодарной должна быть та область душевныхъ явленій, гдѣ чистопсихологическая законмѣрность носить характеръ механичности (значить, легко объ-

¹⁾ „Unter der Weile verstehe ich diejenige Zeit, deren die Seele gleichsam zur Erholung bedarf, um nach dem Augenblicke der vollständigsten Fassung einer Vorstellung ihre Kraft auf die unmittelbar folgende von neuem anzustrengen“. (Vers. üb. d. Schwind., 48).

²⁾ „Lauter Umstände, in Ansicht deren wir gerade nur die eingeschränkte Erkenntnis haben“. (Vers. üb. d. Schwind., 58).

ясняется зависимостью отъ физиологическихъ факторовъ) и гдѣ она, дѣйствительно, можетъ быть переведена на закономерность временныхъ отношеній. Такою областью, какъ показали изслѣдованія послѣдняго времени, является область ассоціаціи представлений. Герцъ именно на ученіе объ ассоціаціи представлений и указываетъ какъ на «основное ученіе всей психологіи» (die Grundlehre der ganzen Psychologie). При этомъ онъ однако заявляетъ, что такими чисто психологическими законами, какъ законы ассоціаціи представлений, удовлетвориться нельзя, что нужно проникнуть затѣмъ въ смыслъ этихъ законовъ.

Въ заключеніе находимъ нужнымъ отмѣтить особенное положеніе ассоціативной психологіи. Занимая среднюю позицію между ученіями Боннэ и Тэтэнса, не увлекаясь слишкомъ ни физиологическимъ объясненіемъ, ни психологическимъ описаніемъ, но все же въ значительной мѣрѣ проводя и то и другое, ученіе Герца ставитъ свое изслѣдованіе въ очень стѣснительныя условія, такъ какъ доступная ему область параллелизма психологіи и физиологіи оказалась очень ограниченной. Зато Герцъ, дѣйствительно, нашелъ ту область психологіи, гдѣ господствуетъ естественно-научная закономерность.

VI. (Mauchart). Популярная психологія.

Съ 1783 г. въ Берлинѣ сталъ выходить психологическій журналъ, на заглавномъ листѣ котораго значилось: «*Гуѡдъ саутѡ* oder *Magazin zur Erfahrungsseelenkunde*» (Познай самого себя, или магазинъ для опытнаго душевѣдѣнія). Въ этомъ журналѣ, редакторомъ котораго былъ извѣстный въ то время психологъ Морицъ (Moritz), помѣщались разнообразныя по содержанію данныя эмпирической психологіи субъективнаго направленія. Для окончанія общей характеристики замѣтимъ еще, что предметомъ изслѣдованія служили здѣсь очень сложныя переживанія, взятые изъ обыденной жизни, а задача изслѣдованія была преимущественно практическая—добыть полезныя съ житейской точки зрѣнія психологическія свѣдѣнія. Этотъ практическій характеръ мы лишь считаемъ первичнымъ признакомъ новаго психологическаго направленія, а всѣ прочія особенности ставимъ въ зависимость отъ него. Чтобы уяснить себѣ внутреннюю связь всѣхъ принципиальныхъ особенностей популярной психологіи на оригиналь-

ныхъ произведеніяхъ ея, мы рассмотримъ сборникъ Mauchart'a, «Allgemeines Repetitorium für empirische Psychologie und verwandte Wissenschaften» (1792 г.), такъ какъ книга эта содержитъ очень разнообразный психологическій матеріалъ и въ свое время пользовалась вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ среди читателей «психологическихъ магазиновъ».

Во введеніи къ упомянутому выше журналу Морица подчеркивается положеніе: «Facta, aber kein moralisches Geschwätz» (факты и безъ назидательной болтовни),—изслѣдованіе «психологическихъ магазиновъ» желаетъ быть эмпирическимъ, руководиться данными опыта. Но каковы именно эти факты?—Мы уже указывали, что содержаніе, надъ которымъ оперируютъ авторы статей, помѣщенныхъ въ популярно-психологическихъ журналахъ, берется изъ переживаній повседневной жизни. Выбранный нами для разбора сборникъ Mauchart'a прекрасно иллюстрируетъ наше указаніе: тутъ есть и психологическая характеристика различныхъ возрастовъ, и исторія одной мести, и исторія одного пророка, и случай раздвоенія личности, и рассказъ о вѣщемъ сновидѣніи и т. п. Само собою разумѣется, что научный матеріалъ при изслѣдованіяхъ подобнаго рода не можетъ быть добытъ изслѣдователемъ исключительно лабораторнымъ путемъ или путемъ собственнаго самонаблюденія, какъ это было возможно для трехъ уже знакомыхъ намъ направленій эмпирической психологіи,—сообразно съ популярностью изслѣдуемаго психологическаго содержанія приходится прибѣгать и къ популярнымъ приемамъ при собираніи матеріала. Такъ, для характеристики различныхъ возрастовъ привлекаются мнѣнія Аристотеля и Горация, для доказательства, что сумасшествіе не затрагиваетъ разсудка, приводятся мѣста изъ произведеній Шекспира и Вольтера; исторія одного пророка составлена по сочиненіямъ и біографіи этого послѣдняго, а вѣщій сонъ рассказанъ другимъ издателемъ. Сообразно съ такой разносторонностью затрагиваемыхъ вопросовъ для разрѣшенія ихъ привлекаются въ широкихъ размѣрахъ и данныя другихъ наукъ, въ особенности же физиологіи и психіатріи.

Изъ такихъ источниковъ, какъ вышеупомянутые, долженъ, естественно, получиться весьма отрывочный фактический матеріалъ, притомъ очень сомнительной достовѣрности. Поэтому изслѣдователямъ приходится взять на себя кромѣ собиранія матеріала также

задачу пополнить образовавшіеся большіе пробѣлы и провѣрить правдивость полученныхъ сообщеній. На нихъ же лежитъ обязанность извлечь теоретическія или практическія положенія общаго характера на основаніи добытыхъ и обработанныхъ фактическихъ данныхъ.

Для пополненія собранныхъ психологическихъ свѣдѣній изслѣдователи или прибѣгаютъ просто къ болѣе полному изложенію уже имѣющихся въ ихъ распоряженіи наблюденій (*Ausmalung der einzelnen Züge*)¹⁾, или они обогащаютъ эти наблюденія собственными соображеніями, крайняя субъективность которыхъ видна, напримѣръ, изъ слѣдующаго отрывка (предшествовало изложеніе натянутыхъ отношеній между выступающими въ отрывкѣ лицами): «Его состояніе опьянѣнія, неожиданная встрѣча съ ученикомъ, котораго онъ, *можетъ быть*, рассчитывалъ найти уже давно спящимъ и со стороны котораго онъ *долженъ былъ* бояться новыхъ разоблаченій передъ хозяиномъ о своемъ распутствѣ, *въроятно*, также и прилежаніе мальчика, представляющее столь рѣзкій контрастъ его образу жизни, и его давнишнее намѣреніе отомстить,—все это *могло* содѣйствовать осуществленію его намѣренія»²⁾. Какъ видно изъ этого отрывка, сами изслѣдователи мало заботятся о повышеніи достовѣрности полученныхъ свѣдѣній; они скорѣе понижаютъ объективность такъ или иначе установленныхъ фактическихъ данныхъ. Наконецъ, для выясненія связи между различными явленіями изслѣдуемой области, для «раціоналистическаго» освѣщенія психологическихъ фактовъ повседневной жизни сотрудники «психологическихъ магазиновъ» въ качествѣ вспомогательнаго средства пользуются въ широкихъ размѣрахъ самыми поверхностными аналогіями: напримѣръ, сумасшествіе подводится подъ одну рубрику съ состояніями бреда, опьянѣнія, сновидѣнія и т. д., а затѣмъ на него распространяются правила, примѣнимыя къ какому-нибудь одному изъ этихъ послѣднихъ состояній. Этотъ «раціоналистическій» элементъ не играетъ существенной роли въ изслѣдованіи потому, что цѣль выводовъ—не пониманіе изучаемыхъ явленій, а использование ихъ въ цѣляхъ культурнаго совершенствованія. Этой практичностью направленія популярной психологіи объ-

1) Repetitorium, 51.

2) Repetitorium, 117.

ясняются, повидимому, и остальные крупные недочеты ея эмпирическаго изслѣдованія. Разъ цѣнность изслѣдованія опредѣляется главнымъ образомъ его примѣнимостью къ разрѣшенію вопросовъ личной, семейной и общественной культуры, а не идеаломъ законченной логической системы выводовъ изъ наблюдений, то само собою отпадаетъ и требованіе точности добытыхъ свѣдѣній и строгой послѣдовательности опирающихся на нихъ разсужденій. Зато примѣненіе добытыхъ психологическихъ свѣдѣній практикуется популярной психологіей въ очень широкихъ размѣрахъ. Такъ, въ книгѣ Mauchart'a за отдѣломъ эмпирической психологіи слѣдуютъ опирающіеся на нее отдѣлы психологической этики, педагогики, эстетики и т. д. Очень много мѣста удѣляется въ сборникахъ подобнаго рода психопатологіи. Но всѣмъ этимъ пограничнымъ съ психологіею научнымъ дисциплинамъ изслѣдованія «психологическихъ магазиновъ» не доставляютъ даже строго проанализированныхъ элементарныхъ психологическихъ понятій,—весь результатъ ихъ работы сводится къ выраженію сложныхъ психическихъ переживаній въ такихъ ненаучныхъ понятіяхъ, какъ: слабоуміе, память, разсудокъ, мстительность, легкомысліе, благотворительность, эстетическій вкусъ и т. п.

Для сопоставленія популярной психологіи съ знакомыми уже намъ психологическими ученіями отмѣтимъ у нея ту существенную черту сходства съ психологіей Тэтэнса, на основаніи которой мы можемъ и ее назвать также описательной. Это частное сходство однако, вслѣдствіе его существенной роли въ принципиальной структурѣ той и другой психологіи, позволяетъ намъ вообще провести здѣсь нѣкоторую аналогію. Какъ у Тэтэнса, такъ и у популярныхъ психологовъ предметомъ изслѣдованія является субъективное содержаніе душевной жизни; какъ тамъ, такъ и здѣсь изслѣдованіе отправляется отъ сложныхъ переживаній и стремится къ относительно (у Тэтэнса) и къ абсолютно простымъ, отмѣчая по возможности всѣ существенныя составныя части разбираемыхъ психическихъ комплексовъ; то и другое направленіе претендуетъ быть эмпирическимъ базисомъ для наукъ о духѣ, въ особенности философскихъ наукъ. Но отсутствіе самодовлѣющихъ задачъ изслѣдованія у популярной психологіи было по существу причиной научной непригодности ея фактическаго матеріала и несовершенства теоретической обработки этого послѣд-

няго, и, въ результатѣ, низвело «психологическіе магазины» на роль калейдоскоповъ ходячихъ психологическихъ представленій и мнѣній.

VII. Заключение.

Оглядываясь на содержаніе нашего обзора, мы не считаемъ возможнымъ дѣлать широкія обобщенія, но находимъ все же достаточно оснований для подтвержденія мысли, высказанной нами во введеніи къ этой статьѣ, т.-е. что каждая разновидность эмпирической психологіи не случайна, а обладаетъ характерной только для нея принципиальной структурой, составные элементы которой стоятъ другъ къ другу въ отношеніи логической необходимости: одинъ только уклонъ отъ общихъ положеній научнаго эмпиризма въ ту или другую сторону—и измѣняется все направленіе психологическаго изслѣдованія, новый характеръ котораго легко объясняется именно этимъ первичнымъ уклономъ. Такъ, принципиальныя очертанія психологіи Боннэ опредѣляются желаніемъ изслѣдователя уклониться отъ пріема интроспекціи ради преимуществъ естественно-научнаго метода систематическаго внѣшняго наблюденія, характеръ ученія Тэтанса—его строгимъ психологическимъ пуризмомъ, особенности ассоціативной психологіи—ея стремленіемъ уравнивать психическія явленія съ физическими какъ при описаніи, такъ и при объясненіи ихъ; наконецъ, крупные недочеты популярной психологіи—ея практической тенденціей.

Этимъ положеніемъ общаго характера мы пока и ограничимся, предоставивши аналогичному разсмотрѣнію психологическихъ ученій XIX вѣка, которыя гораздо богаче данными по частнымъ принципиальнымъ вопросамъ интересующихъ насъ научныхъ направленій, установить специфическіе структурные законы разновидностей эмпирической психологіи, на которые мы отчасти уже указывали и въ данномъ обзорѣ какъ выборомъ излагаемаго содержанія, такъ и собственными критическими замѣтками.

А. Болтуновъ.

Къ вопросу о свободѣ воли.

Лишь недавно мы стояли передъ картиной полного пораженія индетерминистической мысли и, казалось, вѣковой споръ навсегда законченъ въ пользу детерминизма. Трудно было предположить, что слабый огонекъ «свободы», который поддерживали лишь немногіе жрецы отъ философіи—метафизики *par excellence* и индетерминисты по обязанности—теологи католической церкви, вновь разгорится. Но фактъ на лицо. Мы безусловно присутствуемъ при явленіи воскресенія индетерминизма, при чемъ процессъ этотъ идетъ такимъ темпомъ, что стадія робкой защиты имъ уже пройдена, и онъ все чаще и чаще переходитъ къ нападенію ¹⁾.

Прослѣдить современную борьбу детерминизма съ индетерминизмомъ представляется далеко не такъ легко, какъ это было раньше. Универсальное средство, предложенное Адикесомъ въ видѣ вопроса: «могъ ли бы опредѣленный поступокъ не свершиться или вообще быть замѣненъ другимъ поступкомъ при тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ и при томъ же психо-физическомъ состояніи автора поступка...» ²⁾, чтобы въ зависимости отъ положительнаго или отрицательнаго отвѣта на него поставить діагнозъ, имѣемъ ли мы дѣло съ детерминистомъ или индетерминистомъ,—сейчасъ далеко не всегда приложимо. Ибо перефразированная Адикесомъ Шопенгауэровская формула: «каждое слѣдствіе изъ опредѣленной причины есть необходимость и ка-

1) См. книгу *Müffelmann*, *Das Problem der Willensfreiheit in der neusten deutschen Philosophie*, Leipzig, 1902.

2) *Erich Adikes*, *Ethische Principienfragen*, *Zeitschr. f. Philos. u. phil. Kritik*, 1900, Bd. 116, S. 189.

ждая необходимость есть слѣдствіе изъ опредѣленной причины»¹⁾, лишь постольку могла служить—по признаку отношенія къ ней—безошибочнымъ распознавательнымъ средствомъ для установленія точныхъ границъ детерминизма и индетерминизма, поскольку между послѣднимъ и непризнаваніемъ закона каузальности по отношенію къ волевымъ актамъ стоялъ знакъ равенства.

Не такъ обстоитъ дѣло сейчасъ, гдѣ на ряду съ индетерминизмомъ чистой воли, желающимъ видѣть волю не подчиненною каузальному закону, народилось, выросло и окрѣпло новое теченіе, не оспаривающее общеобязательности закона причинности, не пытающееся доказать существованіе такъ называемыхъ «свободныхъ причинъ», т.-е. причинъ, которыя сами не суть слѣдствія другихъ причинъ,—а наоборотъ, старающееся примирить законъ причинности съ свободой воли, разрушить традиціонную связь индетерминизма съ внѣкаузальностью. Предметъ спора здѣсь далеко не такъ ясенъ и легко фиксируемъ, какъ въ первомъ случаѣ. Аргументы убѣдительные, будучи направлены противъ внѣкаузальнаго индетерминизма, бьютъ здѣсь часто мимо цѣли.

Задача этой статьи провести точную грань между внѣкаузальнымъ индетерминизмомъ и каузальнымъ, т.-е. желающимъ опереться на законъ причинности, и подвергнуть теоретическому анализу послѣдній. Каузальный законъ, какъ общая посылка познаваемости (*der Begreiflichkeit*), гласитъ: все, что существуетъ, обусловлено; всякое дѣйствіе должно имѣть соответствующую, его вызвавшую причину, или короче,—нѣтъ въ феноменальномъ мірѣ ничего безпричиннаго. Онъ заключаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, чисто *формальное* утвержденіе и оставляетъ вопросъ о томъ, что въ конкретномъ случаѣ есть матеріальная причина, совершенно открытымъ: это дѣло опытнаго, примѣнительно къ каждому отдѣльному случаю, познанія.

Отношеніе къ каузальному закону только тогда могло бы быть безошибочнымъ пробнымъ камнемъ для различенія детерминизма отъ индетерминизма, если бы ученіе перваго всецѣло¹⁾ исчерпывалось бы однимъ формальнымъ утвержденіемъ: желанія, какъ все въ доступной опыту дѣйствительности, каузально

¹⁾ *Schopenhauer*, Die beiden Grundprobleme der Ethik, 2. Aufl., Leipzig, 1860, S. 9.

обусловлены, детерминированы. Но, какъ извѣстно, детерминизмъ далеко не покрывается этой формальной посылкой, а касается и *матеріальной* стороны вопроса; суть его, его основной смыслъ заключается не только въ томъ, что онъ подчиняетъ волю, на ряду со всѣмъ лежащимъ въ предѣлахъ опытнаго познанія, закону причинности, а также и, пожалуй главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ фиксируетъ сами причины, указывая на *мотивы*, какъ на таковыя. Всякій волевой актъ должно разсматривать какъ необходимое слѣдствіе дѣйствія определенныхъ мотивовъ, такъ что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, одинаковые мотивы вызываютъ одинаковыя желанія, разные—разныя; при коллизіи мотивовъ желанія слѣдуютъ болѣе сильному изъ нихъ,—такова, въ своей долгой исторіи почти не знавшей варіацій, концепція детерминизма.

Борьба противъ детерминизма возможна, согласно выше сказанному, въ двухъ плоскостяхъ: можно спорить противъ *формальной стороны* его, т.-е. разсматриванія волевыхъ явленій сквозь призму каузальности, и противъ *матеріальнаго примѣненія* каузальной категоріи въ данномъ конкретномъ случаѣ.

Детерминизмъ, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ два утвержденія и согласно этому выдвигаетъ двѣ самостоятельныя проблемы: должно ли подчинить волевые акты дѣйствію закона причинности и во-вторыхъ — суть ли мотивы то звено, которое имъ въ каузальной цѣпи непосредственно предшествуетъ.

Поскольку споръ велся въ первой плоскости, онъ былъ однимъ изъ самыхъ бесплодныхъ, какіе только знаетъ философія, такъ какъ фактически противостояли другъ другу не двѣ научныя теоріи, или хотя бы гипотезы, которыя теоретически могли бы оспаривать пальму научнаго первенства, а скорѣе два, въ извѣстной степени равноправныхъ, рѣшенія одной и той же проблемы съ двухъ принципиально различныхъ точекъ зрѣнія. Не наука съ наукой, а метафизика съ наукой вели свой безконечный споръ.

Лучшей иллюстраціей этой мысли можетъ служить одновременное рѣшеніе проблемы свободы воли въ детерминистическомъ и индетерминистическомъ смыслѣ Кантомъ, въ зависимости отъ того, исходилъ ли онъ изъ эмпирическаго или интеллигибельнаго характера, что, въ свою очередь, обусловлено было тѣмъ,

разсматривалъ ли онъ человѣка какъ феноменъ, какъ «явленіе» или какъ «вещь въ себѣ» ¹⁾).

Но и Шопенгауэръ, который больше всѣхъ сдѣлалъ для научнаго обоснованія детерминизма, заканчиваетъ свою конкурсную работу на тему о свободѣ воли словами: «свобода, такимъ образомъ, моимъ изложеніемъ не уничтожена, а только перенесена въ другія сферы, именно изъ области отдѣльныхъ поступковъ, гдѣ она доказуемо не находится, въ высшіе, но нашему познанію не такъ легко доступныя области, т.-е. она трансцендентальна» ²⁾).

Что не подчиняющаяся каузальному закону воля есть нѣчто сверхъэмпирическое, лежащее по ту сторону теоретическаго разума, выражаясь терминологіей Канта, не составляло секрета и для болѣе проникновенныхъ индетерминистовъ. Такъ говоритъ, наприимѣръ, Лотце, что жалоба детерминистовъ на то, что свободное рѣшеніе есть нѣчто непостижимое, смѣшна, «такъ какъ апріорно совершенно ясно, что волевое рѣшеніе, поскольку оно ни отъ какихъ причинъ согласно общимъ законамъ не зависитъ, должно быть непостижимымъ» ³⁾).

Не менѣе откровенны Курдъ Ласвицъ и Рудольфъ Эйкенъ. «Естественная законосообразность», говоритъ первый, «и свобода лежатъ въ совершенно другъ отъ друга независимыхъ сферахъ» ⁴⁾; «никакая свобода невозможна», вторитъ ему Эйкенъ, «безъ метафизическаго основанія, безъ столкновенія разныхъ міровъ въ человѣкѣ, безъ возвышенія человѣка надъ просто человѣческимъ» ⁵⁾. Не отрицаютъ сверхъэмпирическаго характера постулируемой ими свободы воли и философы права. «Свобода», говоритъ Сталь, «есть сила абсолютнаго начала, абсолютной каузальности» ⁶⁾; «свободу», утверждаетъ Биндингъ, «нужно искать въ неподсудномъ каузальному закону Бытію» ⁷⁾;

¹⁾ См. интересную критику: *Windelband*, Ueber Willensfreiheit, Tübingen u. Leipzig 1904, S. 176 ff.

²⁾ *Schopenhauer*, указ. соч. стр. 98.

³⁾ *Lotze*, Grundzüge der praktischen Philosophie, Leipzig 1882, S. 22.

⁴⁾ *Kurd Laswitz*, Wirklichkeiten, Berlin 1900, S. 174.

⁵⁾ *Rudolf Eucken*, Geistige Strömungen der Gegenwart, 3 Aufl. Leipzig 1904, S. 375.

⁶⁾ *Stahl*, Die Philos. d. Rechts, Bd. II, Tübing. u. Leipz. 1878, S. 114.

⁷⁾ *Binding*, Die Normen u. ihre Uebertretung, Leipzig 1877, Bd. II, S. 10. Сравни S. 23.

«свободу», говорить, наконецъ, компетентно Коллеръ, «можно понять только съ точки зрѣнія безконечности», ибо, «свободная воля есть сама нѣчто безконечное» ¹⁾.

Ошибка этого, можетъ быть, единственнаго до конца продуманнаго индетерминистическаго ученія заключается въ смѣшеніи *эмпирической* реальной воли съ постулируемой имъ *метафизической*, въ примѣненіи предполагаемыхъ за метафизической волей «качествъ» къ эмпирической ²⁾. Какъ въ извѣстной библейской легендѣ тощія коровы поглотили тучныхъ, такъ и у вышеуказанныхъ индетерминистовъ интеллигибельная воля безъ остатка поглотила феноменальную.

Если нельзя спорить противъ внѣкаузальности метафизической воли, такъ какъ послѣдняя, какъ все сверхъэмпирическое, есть дѣло не знанія, а вѣры—области, гдѣ априорно все недоказуемо, то, съ другой стороны, нельзя не спорить противъ разсматриванія реальной воли, конкретныхъ волевыхъ актовъ сквозь метафизическіе очки. Ибо въ самомъ утвержденіи: «волевые акты безпричинны», заключается логическое противорѣчіе, *contradictio in adjecto*. Утверждая внѣкаузальность воли, авторы не замѣчаютъ того, что сами примѣняютъ категорію каузальности, которая какъ постулатъ познанія совершенно уничтожается, теряетъ всякій *raison d'être*, какъ только одинъ изъ лежащихъ по сю сторону теоретическаго разума—и слѣдовательно доступный научному познанію—феноменовъ признается внѣкаузальнымъ. «Для научнаго изслѣдованія», замѣчаетъ справедливо Виндельбандъ, «обязательность каузальнаго закона въ познаніи духовной жизни не должна быть самостоятельно обоснована, а предполагается сама собой, ибо законъ каузальности былъ бы уничтоженъ, какъ только въ процесѣ доступныхъ опыту явленій хотя бы одно изъ нихъ не было признано законно-не-

¹⁾ *Josef Kohler*, Einführung in die Rechtswissenschaft, Leipzig 1905, S. 150.

²⁾ Съ генетической своей стороны ошибка эта безусловно стоитъ въ связи съ непослѣдовательностью въ данномъ вопросѣ Канта. Допустивъ въ волю превращеніе интеллигибельнаго въ феноменальное, онъ совершенно затуманевалъ точныя границы эмпирическаго и метафизическаго. (См. *Kuno Fischer*, Immanuel Kant, Heidelberg 1899, 4 Aufl., Bd. V, Kap. VII). Изъ критической литературы ср. *Schopenhauer*, указ. соч. стр. 95, 174 слѣд., *Wundt*, Ethik, 3 Aufl., Bd. II, Stuttgart 1903, S. 83, 84; *Windelband*, указ. соч. стр. 176 слѣд.

обходимымъ слѣдствіемъ изъ его причинъ» ¹⁾). Отсюда роковая альтернатива: либо все феноменальное—каузально, либо самъ каузальный законъ—миоѣ. На послѣднее же признаніе не могутъ рѣшиться даже самые «смѣлые» индетерминисты, такъ какъ оно съ логической необходимостью влечетъ за собой отрицаніе возможности науки (а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственныхъ «научныхъ» утверждений!), ибо послѣдняя въ конечномъ счетѣ только въ томъ и состоитъ, что суммируетъ, систематизируетъ результаты, данные примѣненіемъ каузальной категоріи къ міру внутреннему и внѣшнему. Изъ причинъ выводить слѣдствія и изъ слѣдствій заключать къ причинамъ—въ этомъ двухстороннемъ процессѣ заключается все человѣческое познаніе. Онъ же, наконецъ, служитъ и тѣмъ мостомъ, который переброшенъ между знаніемъ и вѣрой, ибо и вѣра въ послѣднемъ итогѣ базируется на имманентномъ человѣческому разуму законѣ: для cadaго слѣдствія искать соотвѣтствующія ему причины. Тамъ, гдѣ—вслѣдствіе ли случайной ограниченности знанія, или прочныхъ и вѣчныхъ границъ, поставленныхъ познанію—человѣкъ эти причины не находитъ, ихъ создаетъ, творитъ его фантазія. Научныя гипотезы и религіозныя ученія—отпрыски одного и того же генетическаго ствола.

Это теченіе индетерминизма, характерное полнымъ игнорированіемъ реальной природы человѣческихъ желаній, было все же, взятое подъ охрану католической церкви, долгое время господствующимъ.

Два фактора сыграли рѣшительную роль для переоцѣнки цѣнностей въ этой области. Во-первыхъ, начавшаяся критика этого ученія въ самомъ религіозномъ лагерѣ, во-вторыхъ—что болѣе существенно—радикальная эволюція, происшедшая въ психологіи,—эволюція, крайне неблагоприятная вышеуказанной индетерминистической концепціи.

Если первый факторъ далъ толчокъ къ критикѣ, то второй далъ возможность поднять ее изъ плоскости спора о «возможности грѣха» на принципиальную теоретическую высоту.

Дѣло въ томъ, что данное индетерминистическое ученіе исторически и логически связано съ опредѣленнымъ взглядомъ на психическую жизнь человѣка, конкретнѣе—съ опредѣленной

¹⁾ *Windelband, Präludien, 2 Aufl., Tübing. u. Leipzig 1903, S. 256, 257.*

психологической школой, именно той, которая признаетъ существованіе отдѣльныхъ психическихъ способностей (*Vermögenspsychologie*).

Современная психологія, въ корнѣ враждебная взгляду на психическую жизнь какъ на конгломератъ принципиально различныхъ процессовъ, провозгласившая въ нѣкоторомъ родѣ монистическое начало, объявивъ каждую изъ трехъ традиціонно принятыхъ категорій психической жизни: мышленіе, волю и чувство разными сторонами единого процесса (отличающимися другъ отъ друга не качественно, а количественно: лишь по признаку обладанія одного изъ трехъ элементовъ),—современная психологія лишила почвы всякую теорію, которая исходила при своихъ построеніяхъ изъ представленія объ абсолютномъ дѣленіи психической жизни.

Отдавши примать одной сторонѣ психической жизни—волевой надъ другими, объявивъ волю внѣкаузальной, не оспаривая въ то же время детерминированности мышленія и чувства, индетерминизмъ лишь постольку могъ имѣть нѣкоторую теоретическую базу въ психологіи, поскольку такое дѣленіе и выдѣленіе послѣднею допускались, поскольку она сама разсматривала разныя стороны психической жизни какъ принципиально различныя явленія, имѣющія самостоятельное существованіе, а потому и могущія подлежать специальнымъ, ихъ регулирующимъ законамъ.

Эта необходимостью внутренней логики диктуемая связь эмпирическаго внѣкаузальнаго индетерминизма съ вулгарной психологіей, полная неспособность его примириться съ уравнительной тенденціей современной психологіи, вполне уже были осознаны извѣстнымъ философомъ и психологомъ—индетерминистомъ Лотце. Данной антиноміей только и можно объяснить ту компромиссную точку зрѣнія, которую онъ занялъ въ психологіи, отрицая существованіе отдѣльныхъ «способностей» мышленія и чувства и признавая въ то же время «способность желать» (*das Wollensvermögen*) ¹⁾.

Конечно, на такой шаткой позиціи долго не удержишься, и радикальный пересмотръ историческаго наслѣдія съ тѣмъ, чтобы

¹⁾ *Hermann Lotze*, *Mikrokosmos*, Leipzig 1856, Bd. I, S. 182 слѣд., 188. Такую же непринципальную точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ защищаетъ и ученикъ *Lotze*—*Hugo Sommer* въ его книгѣ: „*Ueber das Wesen und die Bedeutung der menschlichen Freiheit*“, Berlin 1895, 2 Aufl.

спасти то, что еще поддается спасенію, сдѣлался для индетерминизма жизненной необходимостью.

Пересмотръ этотъ начался почти одновременно въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, намѣтилось стремленіе такъ интерпретировать каузальный законъ, чтобы сгладились вышеуказанныя противорѣчія; съ другой—направить свою критику противъ матеріальнаго утвержденія детерминизма, не оспаривая, а, наоборотъ, вмѣстѣ съ нимъ подчеркивая правильность его формальной посылки, сводящейся къ признанію общеобязательности закона причинности.

Что касается перваго теченія въ индетерминизмѣ, то оно, помимо тонкихъ діалектическихъ упражненій, ничего существеннаго въ споръ не внесло ¹⁾.

Болѣе интереснымъ и научно выдержаннымъ является второе теченіе, направившее свою критику въ сторону, которая, какъ мы видѣли, а priori критику допускаетъ, можетъ быть, болѣе того—является одной изъ самыхъ слабо защищенныхъ позицій детерминизма.

Это направленіе индетерминистической мысли до сихъ поръ не подвергалось серьезной критикѣ. Съ нимъ чаще всего сражались старымъ, въ борьбѣ съ нимъ совершенно непригоднымъ оружіемъ, или отдѣлывались пустой фразой, что индетерминизмъ этотъ представляетъ собою непослѣдовательный, недодуманный до конца детерминизмъ.

Ось, вокругъ которой вращается споръ каузальнаго индетерминизма съ детерминизмомъ, какъ уже указано, составляетъ во-

¹⁾ Интересующихся этимъ направленіемъ мы отсылаемъ къ двумъ книгамъ, безусловно шедеврамъ въ этой области: *Karl Joël, Der freie Wille, München 1908*; *Heinrich Gomperz, Das Problem der Willensfreiheit, Iena 1907*. Что касается первой книги, то она представляетъ громадный интересъ еще какъ удачная сводка всѣхъ аргументовъ въ каузальнаго индетерминизма. То вниманіе, которое она обратила на себя, думаю, объясняется главнымъ образомъ удивительно „смѣлымъ“ тономъ, въ которомъ она написана. Такъ, конфликтъ съ современными взглядами въ психологіи разрѣшается сверхрадикально: изъятіемъ всей психической жизни изъ сферы дѣйствія каузальнаго закона. „Свобода воли,—говоритъ Joël,—всецѣло обусловлена свободой мышленія“ (стр. 423). Чувство—о чемъ свидѣтельствуетъ заглавіе соответствующей главы „Свобода духа“ (*Geistesfreiheit*)—не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Также радикально разрѣшается и вопросъ, что такое свобода. Раньше всего общепринятый взглядъ на свободу, какъ на понятіе отрицательное, имъ отвергается (стр. 245, 246). Далѣе, свобода не признается болѣе состояніемъ (*Zustand*), а возводится въ рангъ силы (*Kraft*), стр. 675 и т. д.

прось, являются ли мотивы достаточной, волевыя явленія вполне объясняющей причиной или нѣтъ. Детерминизмъ даетъ на это положительный, индетерминизмъ ¹⁾—отрицательный отвѣтъ.

Если обозначить мотивы знакомъ *x*, то утвержденія индетерминизма сводятся въ конечномъ счетѣ къ тому, что не только «*x*», но и нѣкоторая величина «*y*» принимаетъ участіе въ процессѣ детерминированія волевыхъ актовъ.

Чтобы разобратъся въ теоретической правотѣ представленныхъ двухъ мнѣній, необходимо выяснитъ себѣ три вопроса: что должно понимать подъ «мотивомъ», есть ли вводимый индетерминистами, какъ вторая детерминанта, «*y*» реальная или только гипотетическая величина, и въ послѣднемъ случаѣ—есть ли теоретическая необходимость въ постулированіи таковой.

Недоразумѣнія, которыя нерѣдко встрѣчаются у поборниковъ индетерминизма въ критикѣ ихъ детерминистическаго ученія, могли бы быть сведены въ большей своей части къ неясности въ пониманіи того, что такое *мотивъ*, какова его реальная, психическая природа. Почти у каждаго индетерминиста—и въ этомъ случаѣ безъ различія признаетъ ли онъ или отрицаетъ общеобязательность каузальнаго закона—можно найти утвержденіе, которое Рудольфъ Эйкенъ формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: «независимо отъ того, рассматривается ли детерминизмъ космически, религіозно, эмпириконатуралистически—всегда онъ переноситъ силу, которая движетъ человѣка во внѣшній міръ» ²⁾. Такъ какъ по концепціи детерминизма человѣкомъ «движутъ» мотивы, то сказанное равнозначимо утвержденію, что мотивы есть по отношенію къ внутреннему «я» человѣка нѣчто объективное, что можетъ быть, слѣдовательно, ему противопоставлено и въ данномъ случаѣ, какъ активное, всецѣло имъ управляющее начало. Изъ этой посылки уже съ полнымъ логическимъ правомъ дѣлается цѣлый рядъ умозаключеній, неблагоприятныхъ детерминизму. На нихъ мы останавливаться не будемъ, ибо несостоятельность большой посылки, которую мы сейчасъ постараемся доказать, уничтожаетъ и всѣ силлогизмы, на ней построенные.

Совершенно не нужно углубляться въ психологическій ана-

¹⁾ Подъ понятіемъ „индетерминизмъ“ какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшемъ, разумѣется „каузальный индетерминизмъ“.

²⁾ *Rudolf Eucken*, указ. соч. стр. 367; ср. *Karl loël*, указ. соч. стр. 276, слѣд.

лизъ мотивовъ, чтобы убѣдиться, что подобныя утверженія базируются исключительно на рабствѣ извѣстнаго словоупотребленія. Только потому, что въ обыденной рѣчи встрѣчаются такія выраженія, какъ: «я сдѣлалъ это подъ давленіемъ такого-то мотива», «меня заставили это сдѣлать такіе-то мотивы», могло создаться и въ наукѣ такое не выдерживающее ни малѣйшаго прикосновенія критики представленіе о характерѣ мотивовъ. Только въ томъ случаѣ могъ бы мотивъ—по своему характеру исключительно субъективный, внутренней процессъ, которому не присуще абсолютно ничто объективное—разсматриваться, если не по формѣ, то по содержанію своему, какъ нѣчто по отношенію къ человѣку объективное, если бы одинаковыя внѣшнія, т.-е. идущія изъ объективнаго міра побужденія, импульсы вызывали бы во всѣхъ людяхъ одинаковыя, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, мотивы. Но въ дѣйствительности всякое побужденіе, если оно и является изъ міра объективнаго, преломляется сквозь индивидуальную призму—человѣческой характеръ—и получаетъ лишь тогда свою специфическую окраску и опредѣленное выраженіе: дѣлается мотивомъ. Какъ одна и та же картина въ разныхъ людяхъ, въ зависимости отъ уровня ихъ эстетической восприимчивости, вызываетъ различныя чувства, точно такъ же одно и то же внѣшнее побужденіе, въ зависимости отъ характера человѣка, ведетъ часто къ мотивамъ разной интенсивности или даже къ разнымъ мотивамъ. И точно такъ же, какъ эстетическое переживаніе не теряетъ своего чисто субъективнаго характера отъ того, что оно каузально вызвано явленіемъ объективнымъ, не теряютъ его и мотивы.

Индивидуальный характеръ есть та лабораторія, въ которой долженъ побывать всякій внѣшній импульсъ, всякое извнѣ приходящее побужденіе, чтобы, ассимилировавшись и индивидуализировавшись тамъ, сдѣлаться мотивомъ. При этомъ подъ характеромъ не должно разумѣть нѣчто трансцендентальное, надѣленное сверхъэмпирическимъ качествомъ. Какъ всякое физическое дѣйствіе оставляетъ послѣ себя нѣкоторый слѣдъ, который въ томъ выражается, что это же дѣйствіе вторично легче произвести, точно такъ же не остается для человѣка безслѣднымъ и проявленіе его психической дѣятельности. На этомъ фактѣ базируется всякое психическое упражненіе, воспитаніе какъ въ

области мышления, такъ чувства и воли. Изъ него же съ очевидностью вытекаетъ и то, что всякая новая мысль, всякое новое чувство, желаніе стоятъ не изолированно, а въ нѣкоторомъ родѣ предопредѣлены предшествующей психической дѣятельностью даннаго человѣка, предопредѣлены въ томъ смыслѣ, что они съ этой дѣятельностью тѣснѣйшимъ образомъ связаны и отъ нея каузально зависятъ.

Едва ли можно болѣе удачно опредѣлить характеръ, чѣмъ это сдѣлалъ Вундтъ, говоря, что «подъ характеромъ мы разумѣемъ общій результатъ предшествовавшей психической каузальности, который въ свою очередь вновь принимаетъ участіе какъ причина во всякомъ новомъ явленіи» ¹⁾.

Этотъ «общій результатъ» предшествующей психической дѣятельности, несмотря на то, что онъ каждый моментъ иной, такъ какъ вмѣстѣ съ человѣкомъ принимаетъ участіе въ перманентномъ процессѣ его развитія, все же благодаря своей непрерывности является тѣмъ въ человѣкѣ, что дѣлаетъ его самостоятельнымъ, отъ другихъ отличающимся существомъ, что дѣлаетъ его индивидуальностью.

Съ выясненіемъ значенія характера при образованіи мотивовъ, несостоятельность взгляда, разсматривающаго послѣдніе какъ явленія объективныя, не можетъ представлять сомнѣній.

Возможно ли въ самомъ дѣлѣ, не покидая почвы абстракціи, представить себѣ человѣка внѣ его мотивовъ? Не есть ли мотивъ скорѣе та сторона психическаго выявленія, которая больше всѣхъ другихъ органически связана со всей индивидуальностью человѣка, какъ мыслящаго, чувствующаго и желающаго существа? Не правъ ли, наконецъ, Геффдингъ, который говоритъ, что *мотивъ это—самъ человѣкъ*, являющійся намъ въ опредѣленной формѣ или съ извѣстной стороны ²⁾.

Установивши правильный взглядъ на характеръ мотивовъ, мы въ значительной степени облегчаемъ себѣ работу для разрѣшенія второго выше намѣченнаго вопроса: есть ли указанные индетерминистами факторы, долженствующіе наряду съ мотивами участвовать въ процессѣ детерминированія воли, поддающіяся эмпирическому учету реальныя величины или нѣтъ.

¹⁾ *Wundt*, указ. соч. т. II, стр. 85.

²⁾ *Höffding*, *Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung*, Leipzig 1887, S. 439.

Къ сожалѣнію, индетерминисты въ вопросѣ о томъ, что должно разсматривать какъ факторъ, параллельно дѣйствующій съ мотивами, не единодушны и намъ приходится привести и подвѣгнуть критикѣ мнѣніе каждаго изъ нихъ отдѣльно, ограничиваясь при этомъ болѣе видными представителями.

Начнемъ съ родоначальника этого теченія, вліяніе котораго на болѣе современныхъ представителей не можетъ подлежать сомнѣнію,—съ Густава Римелина.

«Всякій человѣческій поступокъ», говоритъ онъ, «есть, конечно, явленіе измѣненія существующаго и не можетъ составлять исключенія изъ каузальнаго закона; всякое дѣйствіе должно поэтому быть обусловлено или имѣть основаніе... Но что въ различныхъ областяхъ существующаго является и можетъ являться причиной, — объ этомъ каузальный законъ ничего не говоритъ, ибо это дѣло опыта»¹⁾.

Противъ здѣсь выраженной мысли, какъ уже выше указано, трудно спорить, ибо она лишь вводитъ понятіе каузальнаго закона въ его естественныя границы чисто *формальной* посылки познаваемости, справедливо указавъ, что матеріальное содержаніе ея въ каждомъ конкретномъ случаѣ различно и можетъ быть установлено лишь путемъ спеціальнаго, къ данному случаю примѣннаго опыта.

Напротивъ, трудно не оспаривать дальнѣйшаго утвержденія Римелина, которое гласитъ, что «воля» есть причина, правильнѣе частичная причина волевыхъ актовъ, которая наряду съ мотивами принимаетъ участіе въ процессѣ ихъ детерминированія²⁾. Ибо опытное познаніе, къ которому апеллируетъ Римелинъ, ничего помимо отдѣльныхъ волевыхъ актовъ не знаетъ, такъ какъ сфера его компетентности именно и кончается у границъ логически постулируемаго «носителя» этихъ актовъ—«воли», внѣ отдѣльныхъ волевыхъ актовъ, «воли», противопоставляемой имъ. Ограничиваясь опытомъ мы не можемъ за «волей» признать реальности, какъ мы не можемъ признать таковой за «физической силой», лежащей внѣ отдѣльныхъ физическихъ проявленій, служащей ихъ источникомъ. Научное опредѣленіе

¹⁾ *Gustav Rümelin* „Reden und Aufsätze“ Neue Folge, Freiburg i. Br. u. Tübingen 1881, S. 62, 63.

²⁾ „Почему,—говоритъ Римелинъ—не быть волѣ такой причиной?.. Что можетъ въ этомъ противорѣчить каузальному закону?“ (Указ. соч. стр. 63).

воли, если только воздержаться отъ метафизическихъ спекуляцій въ области построения «вещи въ себѣ» волевыхъ актовъ, будетъ гласить: воля есть *понятіе* или, говоря словами Виндельбанда, «родовое понятіе для опредѣленнаго рода душевной дѣятельности», понятіе, которое выражаетъ общую форму той дѣятельности, которую мы называемъ волевой, абстрагируя отъ всякаго конкретнаго содержанія¹⁾. Понятіе же, конечно, не можетъ разсматриваться какъ реальный факторъ, принимающій наряду съ мотивами участіе въ процессѣ обусловливанія конкретныхъ человѣческихъ желаній. Разсматриваніе воли какъ детерминанты волевыхъ актовъ возможно исключительно на почвѣ *Vermögenspsychologie* и совершенно недопустимо съ точки зрѣнія современныхъ взглядовъ въ психологіи. Это положеніе не оспаривается сейчасъ даже нѣкоторыми индетерминистами старой формации, которые постулируютъ исключеніе для воли въ смыслѣ общей подчиненности закону причинности. Такъ, одинъ изъ видныхъ представителей этого течения, ученикъ Германа Лотце—Зоммеръ говоритъ: «фактическая почва, которую не должно покидать научное изслѣдованіе этого вопроса (т.-е. вопроса о свободѣ воли.—Е. Р.) если оно не желаетъ выродиться въ чисто умственные спекуляціи, есть почва отдѣльныхъ актовъ воли, которые мы непосредственно переживаемъ»²⁾.

Все сказанное о Римелинѣ примѣнимо въ полной мѣрѣ къ Гутберлэ, представителю такъ называемаго католическаго течения, который ставитъ детерминизму упрекъ, что онъ, настаивая на томъ, что мотивы желанія опредѣляютъ его (желаніе), что равнымъ мотивамъ должны, согласно закону причинности, слѣдовать равныя желанія, разнымъ—разныя, совершенно забываетъ одну часть «причинности», именно «способность желать» (*Fähigkeit zu Wollen*)³⁾.

Болѣе интересную попытку освободить волю отъ исключительной подвластности мотивамъ сдѣлалъ Зибекъ въ своей книгѣ «Философія религіи».

Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ процессомъ персонифицирова-

1) Срв. *Sigwart*, Der Begriff des Wollens und sein Verhältniss zum Begriff der Ursache, Kleine Schriften Bd. II, 1881, S. 119; *Wundt*, ук. соч. т. II стр. 33.

2) *Sommer*, ук. соч. стр. 6.

3) *Gutberlet*, Die Willensfreiheit und ihre Gegner, Fulda 1907, 2 Aufl., S. 9.

нія понятій, какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ, и надѣленіемъ этихъ абстрактныхъ существъ реальными качествами, а съ несомнѣнной реальностью: съ *самосознаніемъ личности*. «Самосознаніе личности», думаетъ Зибекъ, «благодаря данной ей характеромъ конкретной опредѣленности, само принимаетъ участіе какъ сторона, или, болѣе того,—образуетъ ту инстанцію, отъ которой зависитъ, какому изъ конкурирующихъ мотивовъ дать преимущество» ¹⁾).

Въ основѣ этого разсужденія лежитъ безусловно правильная мысль, именно та, что всякое желаніе не стоитъ изолированно, а находится въ тѣснѣйшей преемственной связи со всей предшествующей психической дѣятельностью человѣка, съ созданными ею постоянными, уже мало варьирующими наклонностями, предрасположеніемъ, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, что мы называемъ характеромъ.

Этотъ вполнѣ правильный взглядъ на каузальную преемственность въ сферѣ психической дѣятельности, — взглядъ, который всегда особенно выдвигался детерминистами ²⁾, — все же привелъ Зибека, благодаря ложному представленію о существѣ мотивовъ, изъ котораго онъ исходилъ, къ совершенно неприемлемымъ выводамъ.

Самосознаніе личности въ данной ей характеромъ «конкретной опредѣленности» безусловно играетъ роль опредѣляющаго, основнаго фактора всей дальнѣйшей психической дѣятельности, въ томъ числѣ и волевой. Но роль эта не въ томъ, какъ думаетъ Зибекъ, что самосознаніе, какъ самостоятельная величина, принимаетъ участіе въ образованіи новаго желанія наряду съ уже имѣющимися мотивами, конкурируя съ ними, а въ томъ, что оно принимаетъ участіе въ процессѣ самого созданія мотивовъ. Внѣшнія и внутреннія побужденія, первоначально рождающіяся какъ представленія, лишь пройдя сквозь призму накопленнаго предшествующей психической дѣятельностью опыта — поскольку онъ отражается въ сознаніи—претворяются въ мотивы, дѣлаются источникомъ проявленія извѣстной активности.

Такимъ образомъ, противопоставленіе мотивовъ самосознанію

¹⁾ *Siebeck*, Religionsphilosophie, Freib. u. Leipzig 1893, S. 323.

²⁾ См. *Sigwart*, ук. соч. стр. 157, 160; *Wundt*, ук. соч. стр. 85; Ed. v. *Hartmann*, ук. соч. стр. 451.

какъ гетерогенныхъ величинъ является въ корнѣ неправильнымъ. Самосознаніе не есть самостоятельный, отъ мотивовъ могущій быть отличеннымъ факторъ, а конститутивный моментъ мотивовъ, ихъ образующее начало ¹⁾).

Совершенно изъ другой точки зрѣнія исходитъ въ своихъ построеніяхъ Германъ Шварцъ въ обратившей на себя вниманіе книгѣ «Психологія воли». Онъ открыто признаетъ себя детерминистомъ, поскольку подъ этимъ понятіемъ разумѣютъ только детерминированность волевыхъ актовъ въ отличіе отъ ихъ свободного происхожденія ²⁾),—но всецѣло становится на сторону индетерминистовъ, поскольку детерминисты между детерминированностью и детерминированностью мотивами ставятъ знакъ равенства. По егò мнѣнію, должно различать два рода волевыхъ актовъ: низшіе и высшіе; низшіе—подлежащіе мотивационному, высшіе—нормативному принужденію ³⁾).

Послѣдніе базируются на чемъ-то по отношенію къ волѣ апіорномъ, на—пользуясь собственной терминологіей Шварца—«аріогі воли». Этому «аріогі» онъ даетъ особое названіе: законъ аналитическаго или синтетическаго предпочтенія (*Gesetz des analytischen oder synthetischen Vorziehens*) ⁴⁾. Въ немъ должна

¹⁾ По характеру тождественную и лишь терминологически отъ изложеній Зибекъ отличную попытку теоретическаго обоснованія каузальнаго индетерминизма сдѣлалъ Горнъ (Арнольдъ), неизвѣстный въ лагерѣ чистыхъ философовъ, но обратившій на себя въ послѣднее время нѣкоторое вниманіе въ лагерѣ правовѣдovъ. То, что Зибекъ называетъ самосознаніемъ личности, Горнъ именуетъ „das Ich-Subjekt“. Какъ Зибекъ самосознанію, такъ Горнъ своему „Ich-Subjekt“ приписываетъ роль активнаго фактора („aktive Potenz“) въ процессѣ обусловливанія актовъ воли. (См. *Horn Arnold*, „Erörterungen zu Willenshandlung und Willensfreiheit“. Gerichtssaal, Bd. 63, 1904, особенно стр. 169, 171, 177).

²⁾ *H. Schwarz*. Psychologie des Willens, Leipzig, 1900, S. 371.

³⁾ Тамъ же, стр. 371. Нельзя не замѣтить родственной связи между этимъ противопоставленіемъ и тѣмъ, которое дѣлаетъ Иерингъ, подчиняющій волю въ видѣ исключенія не закону причинности, а цѣлесообразности: „человѣческая воля обозначаетъ границу егò (т.-е. закона причинности—*E. P.*) владѣній: гдѣ ея территория начинается,—прекращается егò. Ударъ волны отъ причины къ слѣдствію, который въ мірѣ умственномъ идетъ въ безконечность, разбивается о каждое человѣческое желаніе; здѣсь безсилень законъ причинности, здѣсь царитъ законъ цѣлесообразности“ (*Jhering*, *Der Zweck im Recht*, 3 Aufl., Leipzig, 1893, Bd. I, S. 23, 24.

⁴⁾ Указ. соч., стр. 371.

лежать «основа желающаго, какъ въ аргіогі разума—познающаго индивидуума» ¹⁾. Отсюда дѣлается выводъ: «подобно тому какъ логическое мышленіе не зависитъ отъ ассоціаціоннаго принужденія, не можетъ зависѣть и аналитическій, и синтетическій выборъ (Wählen) отъ мотиваціоннаго принужденія» ²⁾.

Оставляя въ сторонѣ теоретическую выдержанность этого своеобразнаго волевого апріоризма, можно безъ особыхъ трудностей доказать внутреннюю несостоятельность, искусственность всей выше приведенной аргументаціи.

«Аргіогі» практическаго разума, какъ таковыя теоретическаго, не могутъ быть мыслимы, согласно духу кантіанизма, какъ нѣчто, имѣющее опредѣленное матеріальное содержаніе, а лишь какъ форма, организующая матерію, какъ внутреннее субъективное начало, ассимилирующее все идущее изъ міра объективнаго. Если поэтому и допустить, что «способность выбора» есть аргіогі воли,—какъ ни нелѣпо такое своеобразное оперированіе апріоризмомъ, ибо съ тѣмъ же правомъ можно «способность ѣсть» разсматривать какъ аргіогі актовъ ѣды, «способность дышать» — процессы дыханія и т. д.,—все же нельзя, какъ это дѣлаетъ Шварцъ, между «способностью» выбора и результатомъ, слѣдствіемъ его—нормативнымъ рѣшеніемъ,—ставить знакъ равенства. Норма, какъ таковая, т.-е. представленіе должнаго, не можетъ имѣть апріорнаго характера, какъ бы наивно апріоризмъ ни понимать, а только апостеріорный. Между нормами и, скажемъ, страстями, инстинктами и другими источниками, дѣйствующими какъ мотивы, нѣтъ никакого принципиальнаго различія въ смыслѣ ихъ происхожденія: какъ первыя, такъ и вторыя земнаго, апостеріорнаго характера. Если поэтому и допустить дѣленіе актовъ воли на высшіе и низшіе, то первыя только тѣмъ могутъ отличаться отъ вторыхъ, что выборъ у нихъ производится между мотивами ненормативнаго характера съ точки зрѣнія какой-нибудь нормы, или, конкретнѣе, что опредѣленная норма дѣлается у нихъ *рѣшающимъ мотивомъ* среди другихъ мотивовъ ненормативнаго происхожденія.

Допуская возможность такого ретроспективнаго взгляда на волевые акты и соотвѣтствующую оцѣнку ихъ, мы тѣмъ энер-

¹⁾ Тамъ же, также стр. 356.

²⁾ Указ. соч., стр. 357.

гичнѣ должны отвергнуть противопоставленіе мотивационнаго принужденія нормативному,—противопоставленіе, которое составляетъ основу всѣхъ выводовъ Шварца,—ибо норма, пусть она религіознаго, правового или чисто нравственнаго происхожденія, только тогда дѣлается нормой для насъ, нормой въ субъективномъ смыслѣ, когда она нами ассимилирована, т.-е. когда она претворена въ мотивъ нашихъ желаній. Такимъ образомъ, норма не есть нѣчто гетерогенное мотивамъ (мы имѣемъ въ виду конечно, норму въ субъективномъ смыслѣ), а напротивъ — одна изъ разновидностей послѣднихъ, именно та, которая рождается въ процессѣ приспособленія человѣка къ окружающей его социальной средѣ.

Въ реальной жизни нельзя найти ни такого идеальнаго существа, которое въ своихъ желаніяхъ, а слѣдовательно, и поступкахъ, направлялось бы исключительно мотивами нормативнаго происхожденія, ни такого изверга, которому были бы знакомы лишь ненормативные мотивы. Какъ первый, такъ и второй, если допустить гипотетически ихъ существованіе, были бы по ту сторону добра и зла, внѣ сферы этической оцѣнки. Ибо всякое представленіе о нравственности предполагаетъ два начала въ человѣкѣ и дѣлается совершенно невозможнымъ на тѣхъ крайнихъ полюсахъ, гдѣ господствуетъ лишь одно.

Приведенныхъ мнѣній, я думаю, вполне достаточно, чтобы показать теоретическую бесплодность предпринятыхъ поисковъ за добавочной детерминантой, съ какой бы тщательностью эти поиски ни производились. Мы видѣли, что все, что въ результатѣ такихъ исканій выдавалось за реальный факторъ, равнозначущій, съ точки зрѣнія каузальной обусловливаемости, мотивамъ, въ дѣйствительности, при болѣе критическомъ отношеніи къ нему, оказывалось фикціей, продуктомъ гипостазированія рожденныхъ логическимъ мышленіемъ абстракцій и возведенія ихъ въ рангъ реальностей. Эмпирический анализъ волевой жизни человѣка не можетъ открыть помимо мотивовъ никакой другой силы его движущей, никакой другой причины ее обусловливающей.

Съ принятіемъ этого положенія мы ставимъ себя передъ послѣднимъ, выше намѣченнымъ, пожалуй, самымъ кардинальнымъ вопросомъ всей проблемы: не существуетъ ли теоретическая необходимость, вопреки отрицательному свидѣтельству опыта, все же,

въ видѣ самой удовлетворительной гипотезы, *постулировать* существованіе такой причины? Другими словами, можетъ недостаточность мотивовъ для каузальнаго объясненія волевой жизни настолько ясна, что менѣе грѣшитъ противъ истины гипотеза, допускающая существованіе еще нѣкоторой причины на ряду съ мотивами,—пусть и неуловимой грубыми средствами эмпириі,—чѣмъ утвержденіе, что одни мотивы детерминируютъ волю?

Въ теоретическомъ арсеналѣ индетерминизма (и въ данномъ случаѣ безъ различія оттѣнковъ, начиная съ внѣкаузальнаго черезъ «релятивный» вплоть до каузальнаго) имѣются всего два аргумента, которые выдвигаются въ защиту указаннаго положенія: 1) свидѣтельство нашего внутренняго опыта (т. н. «индетерминистическое сознание»); 2) способность человѣка дѣлать выборъ при наличности мотивовъ равной интенсивности, дѣйствующихъ въ противоположныхъ другъ другу направленіяхъ (т. н. «индифферентные случаи»). Проанализируемъ каждый изъ нихъ отдѣльно.

Нѣтъ болѣе вѣрнаго свидѣтеля по вопросу о характерѣ и свойствахъ нашихъ психическихъ переживаній, чѣмъ *непосредственный* внутренній опытъ. Опытъ же этотъ, т. е. *непосредственное чувство*, утверждаютъ индетерминисты, ясно и недвусмысленно говоритъ всякому человѣку: *ты свободенъ*. Передъ этимъ фактомъ должны смолкнуть всѣ сомнѣнія. «Нѣтъ болѣе вѣрнаго факта нашего сознанія, какъ тотъ, что мы носимъ въ себѣ чувство свободы и вѣримъ, что свободны. Между всѣми аргументами противъ детерминизма я считаю этотъ самымъ убѣдительнымъ, такъ какъ детерминизмъ, въ обычномъ пониманіи этого термина, даже имъ самымъ неоспариваемый фактъ всѣмъ присущаго сознанія долженъ объявить неизбежной иллюзіей», говоритъ Римелинъ¹⁾. «Всѣ люди», вторитъ ему Гутберлэ, «поскольку они не находятся подъ вліяніемъ систематическихъ апріорныхъ предубѣждений, имѣютъ твердую увѣренность въ томъ, что воля свободна»²⁾. «Мы знаемъ», утверждаетъ также Лихтенбергъ, «съ большей точностью, что наша воля свободна, чѣмъ то, что все, что происходитъ, должно имѣть причину»³⁾. Такихъ утверждений

1) *Rümelin*, указ. соч. стр. 66, 67.

2) *Gutberlet*, указ. соч. стр. 31.

3) *Lichtenberg*, *Vermischte Schriften*, Göttingen, 1884, Bd. I, S. 70.

можно было бы привести безъ конца ¹⁾, но и приведенныхъ достаточно, чтобы увидѣть ту силу убѣдительности, которую предполагаютъ индетерминисты за этимъ аргументомъ.

Что же такое это «индетерминистическое сознаніе», эта безапелляціонная инстанція, передъ которой призывается покорно склонить свою голову детерминизмъ? Есть ли оно дѣйствительно положительное свидѣтельство непосредственного опыта, или скорѣе—какъ бы это вначалѣ ни казалось парадоксальнымъ—положительное умозаключеніе, построенное на фактѣ отсутствія опыта? Попробуемъ въ этомъ разобраться.

Свобода, какъ извѣстно, есть съ одной стороны понятіе *релятивное*, ибо явленія абсолютно свободнаго, стоявшаго внѣ всякой зависимости, міръ феноменовъ не знаетъ; съ другой—понятіе *негативное*, ибо служитъ всегда отрицаніемъ какой-нибудь зависимости, какого-нибудь ограниченія ²⁾. Изъ перваго свойства даннаго понятія логически вытекаетъ, что взятое внѣ конкретной зависимости, которая отрицается, оно дѣлается безсодержательнымъ; изъ втораго,—что познать свободу непосредственнымъ опытомъ нельзя, ибо опытъ—будь то внутренній или внѣшній—можетъ имѣть своимъ объектомъ только нѣчто положительное. До представленія о свободѣ чего-нибудь мы доходимъ только логическимъ путемъ, методомъ умозаключенія. Познанію первобытнаго человѣка поэтому навѣрно совершенно недоступенъ былъ бы смыслъ всѣхъ, такъ называемыхъ, правъ человѣка и гражданина, ибо, будучи отрицаніемъ существовавшихъ до того ограниченій, познаніе этихъ правъ предполагаетъ въ прошломъ позитивный опытъ, отсутствіе котораго въ настоящемъ нами воспринимается какъ благо и закрѣпляется правомъ.

Что въ такомъ случаѣ можетъ значить утвержденіе: «мы чувствуемъ нашу свободу», «непосредственный опытъ намъ говорить о свободѣ» и т. д.? Во всякомъ случаѣ—не то, что мы дѣйствительно непосредственнымъ чувствомъ переживаемъ свободу,—а самое большое, что мы не переживаемъ нашей зависи-

¹⁾ Изъ новѣйшей литературы сравни *Ioël*, указ. соч. стр. 263.

²⁾ Почти общее мнѣніе. Ср.: *Schopenhauer*, указ. соч. стр. 3; *Ed. v. Hartmann*, указ. соч. стр. 372; *Windelband*, *Ueber Willensfreiheit*, стр. 11, 12; *Windt*, указ. соч. т. II, стр. 69. Противъ негативнаго опредѣленія понятія свободы изъ посл. лит. см.: *Ioël*, указ. соч. стр. 245, 246, 675.

мости, не чувствуемъ мотивационнаго принужденія. То, что такимъ образомъ выдается за непосредственный опытъ, есть умозаключение, основанное на фактѣ отсутствія опыта. Эту психологическую ошибку, столь принципиальнаго значенія, впервые правильно отмѣтилъ Гартманъ. «Если кто-нибудь утверждаетъ,—говоритъ Гартманъ,—что онъ изъ свидѣтельства непосредственнаго внутренняго опыта своего знаетъ, что его воля свободна, то ему можно возразить, что утвержденіе его является постольку формально ложнымъ, поскольку онъ негативное свидѣтельство своего сознанія смѣшиваетъ съ поспѣшнымъ умозаключеніемъ, сдѣланнымъ изъ него»¹⁾. Поспѣшнымъ это умозаключеніе является уже хотя бы потому, что воля не представляетъ въ данномъ случаѣ исключенія изъ другихъ областей психической жизни—мышленія и чувства, детерминированность которыхъ за немногими исключеніями—не оспаривается²⁾. Можно идеально знать законы ассоціацій и все же не разъ стоять безпомощно передъ вопросомъ: какимъ образомъ родилась та или другая мысль. Еще печальнѣе обстоитъ дѣло въ области чувствъ. Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ быть подведенъ достаточный каузальный учетъ всей сложной игрѣ, всѣмъ тонкимъ нюансамъ переживаній радости и горя? Не констатируемъ ли мы, наоборотъ, словами, такъ часто употребляемыми: «я не знаю, что со мной сегодня»—тотъ фактъ, что извѣстное переживаніе мы не можемъ свести къ причинамъ, его достаточно объясняющимъ?

Если такъ, т.-е. если детерминированность мышленія и чувства тоже не всегда поддается регистраціи непосредственнаго опыта, то является вполне законнымъ вопросъ: почему декретируется только свобода воли, а не всей психической дѣятельности? Причина этого, конечно, не въ томъ, какъ думаетъ Лотце³⁾, что слѣды законмѣрности въ сферѣ мышленія и чувства достаточно явно выступаютъ (ибо слѣды законмѣрности и при желаніяхъ иногда достаточно рельефны), а исключительно

¹⁾ *Ed. v. Hartmann*, указ. соч. стр. 456. Эта же мысль, но болѣе туманно выраженная, встрѣчается и у *Paul Rée*, въ его книгѣ: „Die Illusion der Willensfreiheit“, Berlin 1835, S. 17 сл.

²⁾ См. *Ziehen*, Leitfaden der Physiologischen Psychologie, 3 Aufl., Jena S. 223.

³⁾ *Lotze*, Mikrokosmos, Bd. I, S. 159.

въ нѣкоторой своеобразной средѣ дѣйствія актовъ воли. Въ то время какъ мышленіе и чувство въ своемъ выявленіи заключены въ кругу внутреннихъ процессовъ, и лишь *посредственно*—черезъ волю, которую они мотивационно обуславливаютъ, дѣйствуютъ каузально на внѣшній міръ,—воля дѣйствуетъ *непосредственно*.

Психологически это ведетъ къ тому, что мы присутствіе желанія, его направленіе, интенсивность опредѣляемъ часто не путемъ внутренняго анализа, т.-е. самонаблюденія, а по внѣшнимъ признакамъ: по поступку. Презумпціей правильности такого метода служитъ установленное опытомъ—для нормальнаго, конечно, случая—соотвѣтствіе между желаніемъ и поступкомъ. Какъ правовая, такъ и чисто нравственная оцѣнка исходитъ изъ этой презумпціи и требуетъ для допущенія исключенія въ конкретномъ случаѣ особыхъ доказательствъ. Постоянство отношенія между желаніемъ и поступкомъ ведетъ въ концѣ-концовъ къ тому, что *психологически* эти два явленія, лишь каузально другъ съ другомъ связанныя, недостаточно строго различаются, и признаки, характерные для одного, приписываются другому. «Если спросить», справедливо замѣчаетъ Шопенгауэръ, «человѣка, совершенно свободнаго отъ всякаго предвзятаго мнѣнія, то онъ то непосредственное сознаніе, которое такъ часто ошибочно отождествляется съ свободой воли, выразитъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: «я могу *дѣлать*, что я хочу, хочу я пойти направо—я иду направо, хочу направо пойти—иду направо это зависитъ исключительно отъ моего желанія: я такимъ образомъ свободенъ» ¹⁾. Изъ неоспоримаго факта свободы дѣйствія, т.-е. изъ факта относительной автономности человѣка въ сферѣ дѣйствія, ложно умозаключается къ таковой въ сферѣ желанія. Эта психологическая aberrация была уже правильно замѣчена и отмѣчена какъ Локкомъ, такъ и Юмомъ, что съ очевидностью явствуетъ изъ данныхъ ими опредѣленій понятія—свобода. «Свобода,—говоритъ первый,—есть способность дѣлать то, что желаешь, но человѣкъ необходимо долженъ одно или другое желать» ²⁾. «Мы не можемъ,—говоритъ второй,—подъ свободой ничего другого понимать, какъ способность согласно рѣшеніямъ воли поступать или не поступать: хотимъ мы

¹⁾ *Schopenhauer*, указ. соч., стр. 18.

²⁾ *Locke*, An essay concerning human understanding, V. II, Chap. XXI, § 23.

остаться въ покоѣ—мы остаемся, предпочитаемъ мы двигаться—мы движемся» ¹⁾).

Это ясное разграниченіе свободы дѣйствія отъ такъ часто съ ней отождествляемой свободы желанія все чаще и чаще подчеркивалось въ дальнѣйшей детерминистической литературѣ и сдѣлалось въ ней наконецъ общимъ мѣстомъ ²⁾). Тѣмъ не менѣе оно не было усвоено представителями индетерминизма и за немногими исключеніями—путаница двухъ принципиально различныхъ понятій продолжаетъ украшать страницы ихъ писаній.

Сказанное о т. н. индетерминистическомъ сознаниіи можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ:

1. Непосредственнаго внутренняго опыта, который свидѣтельствовалъ бы о свободѣ нашихъ желаній, нѣтъ и быть не можетъ;

2. То что выдается за таковой, есть умозаключение изъ факта отсутствія опыта детерминированности, принужденія;

3. Недоступность фиксаціи непосредственнымъ опытомъ каузальной обусловленности желаній (также мышленія и чувства) объясняется тѣмъ, что въ нашемъ распоряженіи находятся слишкомъ грубыя орудія, чтобы прослѣдить безконечную цѣпь причинной зависимости въ психическихъ процессахъ;

4. Тотъ фактъ, наконецъ, что изъ отрицательнаго свидѣтельства нашего опыта дѣлается положительный выводъ только въ пользу свободы воли, а не одновременно мышленія и чувства,—поскольку, конечно, это явленіе не объясняется чисто практическими соображеніями: желаніемъ «спасти» мораль, право, религію и т. д.,—находить свое исключительное объясненіе въ томъ, что, благодаря почти постоянной адекватности между желаніемъ и поступкомъ, психологически отождествляютъ свободу дѣйствія съ свободой желанія.

Второе доказательство противъ основнаго положенія детерминизма, что мотивы вынуждаютъ къ дѣятельности волю, видятъ въ способности человѣка принять рѣшеніе при одновременномъ дѣйствіи разныхъ мотивовъ равной интенсивности. Отбросивъ гипотезу наличности такъ наз. «*liberum arbitrium indifferentiae*», которому

¹⁾ *David Hume, An enquiry concerning human understanding ed. by Green and Groose, London, 1889, p. 78.*

²⁾ Ср.: *Windelband, Ueber Willensfreiheit, S. 33, 34.*

въ данномъ случаѣ предписывалась инициатива выбора, каузальный индетерминизмъ считаетъ нужнымъ найти ему замѣстителя. Разъ человѣку незнакомы ситуации «буриданова осла», то законно предположеніе, что на ряду съ мотивами существуетъ еще нѣкая причина, которая и выводитъ человѣка изъ трагическихкихъ коллизій.

Это простое соображеніе было долгое время, на ряду съ мнимымъ свидѣтельствомъ непосредственного опыта, непобѣдимымъ козыремъ индетерминизма, въ какой бы цвѣтъ послѣдній не былъ окрашенъ. Чисто логически такое построеніе казалось, а многимъ и сейчасъ кажется, прямо безупречнымъ. Двѣ одинаковыя во всѣхъ отношеніяхъ дороги ведутъ къ одной цѣли. Человѣкъ, движимый исключительно мотивами, стоялъ бы безпомощно на перепутьи, не будучи въ силахъ, въ виду одинаковой притягательности обѣихъ дорогъ, сдѣлать выборъ. Предвидя такіе примѣры въ закрѣпленіе своего апіорно выставленнаго положенія, индетерминисты, чаще всего безсознательно, путаютъ явленія двухъ принципиально различныхъ категорій: поступки чисто *механическіе*, т.-е. которые дѣлаетъ нашъ организмъ произвольно, автономно въ виду отсутствія конкретнаго желанія, которому онъ долженъ былъ бы подчиниться,—съ поступками *волевыми*, т.-е. такими, которые предполагаютъ выборъ, которые служатъ реализаціей его.

Въ безконечномъ количествѣ случаевъ, когда одинаковыя средства ведутъ къ одной и той же цѣли, мы не дѣлаемъ выбора, не рѣшаемъ, какому изъ средствъ отдать предпочтеніе, а представляемъ это для насъ безразличное дѣло всецѣло игрѣ механизма, съ точки зрѣнія нашихъ желаній—слѣпому случаю. «Что въ такомъ случаѣ въ дѣйствительности происходитъ», говоритъ Виндельбандъ, «это не рѣшеніе путемъ выбора въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе отказъ отъ выбора, благодаря чему рѣшеніе представляется игрѣ механизма» ¹⁾.

Остается такимъ образомъ изслѣдовать тѣ случаи, гдѣ дѣйствительно происходитъ выборъ. Какъ тогда, если два противоположныхъ мотива одинаковой интенсивности участвуютъ въ мотиваціонномъ процессѣ? Раньше всего нужно замѣтить, что эта теоретическая возможность таковой и остается и что въ

¹⁾ *Windelband, Ueber Willensfreiheit, S. 45.* Сравн. также *Höffding, Grundlagen der humanen Ethik, Bonn 1880, S. 81.* слѣд.

мірѣ конкретныхъ явленій ей мѣста нѣтъ. Какъ идеальныйъ кругъ, всѣ точки котораго находились бы на одинаковомъ разстояніи отъ центра, такъ и два идеально равныхъ мотива существуютъ только въ человѣческой абстракціи. Въ реальной жизни мы сталкиваемся не съ абсолютами, а съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ нимъ. И здѣсь повседневная практика не противъ детерминизма, а за детерминизмъ. Факты нерѣшительности, колебанія, которые знакомы всякому человѣку, если и могутъ быть объяснимы психологически, то только съ точки зрѣнія детерминизма, который въ такомъ случаѣ предполагаетъ дѣйствіе разныхъ мотивовъ съ незначительнымъ—часто совершенно не учитываемымъ нашимъ сознаніемъ—различіемъ въ интенсивности. Чѣмъ различіе это меньше, чѣмъ оно больше приближается къ своему математическому предѣлу—нулю, тѣмъ колебанія становятся мучительнѣе: *die Wahl wird zur Qual*. Если не ко всей волевой жизни, какъ думалъ Шопенгауэръ, то безусловно къ этимъ исключительнымъ моментамъ примѣнимы слова его: «здѣсь мы находимся какъ бы за кулисами и познаемъ тайну, какъ по сокровеннѣйшему существу своему причина вызываетъ слѣдствіе»¹⁾.

Такимъ образомъ, и второй аргументъ индетерминизма при болѣе внимательномъ отношеніи къ нему не въ состояніи внушить сомнѣнія въ правильности матеріальной стороны детерминистической концепціи, гласящей, что мотивы и только они обусловливаютъ волю.

Но не значить ли это, что человѣкъ принуждается къ своимъ желаніямъ, что не онъ, а мотивы рѣшаютъ судьбу ихъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ правильный анализъ природы мотивовъ. Отдѣлавшись отъ вульгарнаго взгляда на нихъ, какъ на объективныя, чуть ли не геторогенныя человѣческой природѣ явленія, мы ясно познаемъ искусственность противопоставленія человѣка его мотивамъ, т.-е. части цѣлому. Если говорятъ: «человѣкъ *принуждается* мотивами къ извѣстному желанію», то создаютъ этимъ самымъ ложную фикцію дуалистическаго существа человѣка. Говорить же: «я принуждаюсь самимъ собою»—значить лишать понятіе принужденія его естественнаго смысла, обращать его въ его собственную противоположность: свободу.

Е. Романова.

¹⁾ *Schopenhauer*, Die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde, Leipzig 1864, 3 Aufl. S. 145.

Случай и бессознательное.

§ 1. Теорія вѣроятностей и будущее.

По теоремѣ Якова Бернулли, по вѣроятности какого-либо событія можно судить о томъ, насколько часто будетъ появляться это событіе при предстоящемъ рядѣ испытаній. Если вѣроятность игрока выиграть партію равна $\frac{1}{2}$, то слѣдуетъ ожидать на двѣ партіи одного выигрыша.

Если послѣднее правило будетъ *систематически* нарушаться, если у игрока будутъ непрерывныя *полосы* проигрышей по 20—30 разъ, то мы сочтемъ такое явленіе настолько исключительнымъ, настолько противорѣчающимъ выводамъ теоріи вѣроятностей, которая въ подобныхъ элементарныхъ выводахъ является здравымъ смысломъ, выраженнымъ математическими формулами, что будемъ вынуждены притти къ убѣжденію, что не случай опредѣляетъ исходъ событій, а нечестныя дѣйствія партнеровъ.

Вѣроятность есть отношеніе числа благопріятныхъ событій случаевъ къ числу всѣхъ единственно возможныхъ случаевъ, при чемъ *всѣ случаи предполагаются равновозможными*. Если въ урнѣ 10 бѣлыхъ и 10 черныхъ шаровъ, то вѣроятность вынуть черный (или бѣлый) шаръ равна $\frac{10}{20} = \frac{1}{2}$. При этомъ предполагается, что вѣроятность выхода *опредѣленную* шара одна и та же. Но если игрокъ *сознательно* вынимаетъ бѣлый шаръ, руководствуясь осязаніемъ по царапинамъ, предварительно нанесеннымъ на каждомъ изъ черныхъ шаровъ, то уже равно-возможность случаевъ не имѣетъ мѣста, вѣроятность уже не опредѣляется числомъ $\frac{1}{2}$, и бѣлый шаръ не слѣдуетъ ожидать 1 разъ на 2 выхода.

Равновозможность случаевъ мы устанавливаемъ при предположеніи *совершенно идеальной* обстановки, предполагая отсутствие

какихъ-либо факторовъ, дѣйствующихъ въ строго опредѣленномъ направленіи, въ сторону появленія событій какой-либо опредѣленной категоріи. При опредѣленіи вѣроятности выхода чернаго шара изъ урны, гдѣ находятся какъ черные, такъ и бѣлые шары, мы предполагаемъ, что мы не видимъ эти шары, что мы не можемъ осязаніемъ различить чернаго отъ бѣлаго, что шары не положены въ урну преднамѣренно нами же въ такомъ порядкѣ, что бѣлые шары оказываются наверху, а черные—внизу, и потому бѣлые первыми попадаютъ подъ руку.

Несходство дѣйствительно наблюдаемаго числа появленій событій, напр. появленія чернаго шара при послѣдовательныхъ выниманіяхъ шаровъ изъ урны, съ тѣмъ, которое дается теоріей вѣроятностей, указываетъ на наличность факторовъ, нарушающихъ эту идеальную обстановку, которыми мы при нашемъ вычисленіи вѣроятности и предвычисленіи ожидаемаго числа появленій событія не могли пренебречь вслѣдствіе значительнаго ихъ вліянія.

Обстановка, при которой производились испытанія, оказывается значительно отклоняющейся отъ той *математической схемы*, съ которой она отождествляется въ теоріи вѣроятностей.

Теорія вѣроятностей учитъ, что вѣроятность послѣдовательнаго появленія счастливой карты равняется произведенію изъ вѣроятностей ея появленія въ каждой изъ партій, что эта вѣроятность мала, что *случаи, когда шрокъ вышрываетъ нѣсколько разъ подрядъ, очень рѣдки*. Если вѣроятность выигрыша при одной партіи a , то вѣроятность послѣдовательныхъ выигрышей при n партіяхъ равна a^n . Но теорія вѣроятностей смотритъ на вѣроятность событій, какъ геометръ—на тѣла, или какъ механикъ—на движеніе, принимая въ расчетъ только наиболѣе значительныя силы. Теорія вѣроятностей предполагаетъ, что ходъ игры зависитъ только отъ числа благопріятныхъ комбинацій картъ и пренебрегаетъ тѣми факторами, которые, хотя и имѣютъ мѣсто, ибо мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, а не съ идеальной схемой, но оказываютъ слишкомъ слабое вліяніе на исходъ игры.

§ 2. Математическая схема жизни и дѣйствительность.

Но столь ли незначительны тѣ силы, которыя выводятъ дѣйствительность за рамки этой геометрической схемы? Факты, о

которых говорить и народная мудрость, и горькій опытъ тѣхъ, которые имѣютъ постоянное дѣло съ случаемъ, иногда рѣзко идутъ противъ принциповъ теоріи вѣроятностей, указывая, что геометрическая схема слишкомъ тѣсна для жизни, мрачную глубину которой нельзя ни измѣрить, ни вычислить.

Они учатъ о *полосахъ счастливыхъ и несчастныхъ случаевъ*, о неумолимой и капризной судьбѣ, имѣющей своихъ любимцевъ и пасынковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны признать дѣйствіе силы, которую теорія вѣроятностей не въ состояніи изловить и выразить въ числахъ.

Если вѣроятность выиграть въ первую партію a , то, по теоріи вѣроятностей, вѣроятность послѣдовательныхъ выигрышей въ n партий равна a^n . Но, вслѣдствіе дѣйствія невѣдомаго фактора, склоняющаго судьбу въ сторону игрока, вѣроятность во вторую партію не a , а $a + \epsilon_2$, гдѣ ϵ_2 хотя и малая, но нѣкоторая, отличная отъ нуля, положительная величина, при третьей партіи вѣроятность не a и не $a + \epsilon_2$, а $a + \epsilon_3$, гдѣ $\epsilon_3 > \epsilon_2$, затѣмъ $a + \epsilon_4$, $\epsilon_4 > \epsilon_3$ и т. д. Вѣроятность n послѣдовательныхъ выигрышей

$$a (a + \epsilon_2) (a + \epsilon_3) \dots (a + \epsilon_{n-1}) > a^n$$

и можетъ быть значительно больше a^n и даже очень велика, если члены ряда

$$\epsilon_2, \epsilon_3 \dots \epsilon_{n-1}$$

быстро возрастаютъ. Подъ дѣйствіемъ такой силы, вѣроятность выигрыша (или проигрыша) при послѣдовательныхъ партіяхъ возрастаетъ.

Но такое дѣйствіе, какъ учить горькій опытъ, имѣетъ мѣсто лишь пока полосы несчастныхъ и счастливыхъ событий продолжаютъ. Какъ извѣстно каждому, эти полосы *обрываются сразу*, игрокъ подобенъ канатному плясуну, который каждую минуту рискуетъ оборваться; онъ движется шагъ за шагомъ, счастливый шагъ даетъ ему увѣренность въ новомъ шагѣ, пока не дойдетъ до послѣдняго рокового шага, который и свергнетъ его въ пропасть. Счастье игрока подобно пріятному сновидѣнію, которое внезапно обрывается, возвращая его къ прежней дѣйствительности.

Посмотримъ, что говорить «игрокъ» Достоевскаго.

«Не помню я ужъ тутъ ни разчета, ни порядка моихъ ставокъ. Помню только, какъ во снѣ, что я уже выигралъ, кажется,

тысячъ шестнадцать флориновъ, вдругъ *тремя* несчастными ударами спустилъ изъ нихъ двѣнадцать: потомъ двинулъ послѣднія четыре тысячи въ «разъ» (но уже почти ничего не ощущалъ при этомъ, я только былъ какимъ-то механизмомъ безсмысленнымъ) онять *вышралъ, затѣмъ вышралъ 4 раза сряду*. Помню только, что я забиралъ деньги тысячами, запоминаю я тоже, что *чаще встѣхъ выходило двѣнадцать среднихъ*, къ которымъ я и привязывался. Они выходили какъ-то *регулярно, непременно раза три, четыре сряду*, потомъ исчезали на два раза и потомъ возвращались опять раза на три или четыре сряду. Эта удивительная регулярность встрѣчается иногда *полосами* и вотъ это-то и сбиваетъ съ толку записныхъ игроковъ, рассчитывающихъ съ карандашемъ въ рукахъ».

Эти факты отнюдь не приводятъ насъ къ признанію метафизическаго элемента, дѣйствія трансцендентной сущности, живущей внѣ времени и пространства и направляющей судьбу игрока разумно къ выполнению своихъ, намъ невѣдомыхъ цѣлей.

Намъ представляется совершенно *безцѣльнымъ и бессмысленнымъ* распредѣленіе даровъ фортуны, какъ между различными людьми, такъ и для одного человѣка въ различное время.

Эти полосы счастливыхъ и несчастныхъ случаевъ представляютъ *нелѣпыя подражанія однажды происшедшему*, при чемъ не носятъ на себѣ никакой печати разумной цѣлесообразности и какого-либо интереса къ тому, несутъ ли они счастье или гибель человѣку.

Здѣсь невольно возникаетъ образъ обезьяны или идиота, который тупо повторяетъ тѣлодвиженія стоящаго передъ нимъ человѣка.

«Математическая» точка зрѣнія устанавливается теоріей вѣроятностей и на всю человѣческую жизнь, которую можно разсматривать, какъ рядъ игръ въ томъ широкомъ смыслѣ слова, какимъ пользуется теорія вѣроятностей, гдѣ игрокомъ является самъ человѣкъ, ставящій себя на карту по своему желанію или по принужденію безжалостныхъ случайныхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ попадаетъ на жизненномъ пути. Съ этой «математической» точки зрѣнія судьба не представляется жестокимъ существомъ; она можетъ блестяще оправдать себя отъ неприятныхъ обвиненій съ помощью теоріи вѣроятностей.

Вотъ два человѣка: Павелъ и Петръ, приблизительно одной

и той же среды, съ одной и той же жизнеспособностью. Павелъ и Петръ, это два игрока, выигрышъ которыхъ опредѣляется выходомъ перваго—бѣлыхъ, втораго—черныхъ шаровъ изъ урны, при чемъ въ урнѣ одинаковос число бѣлыхъ и черныхъ шаровъ. Если на голову Павла валятся несчастья, то причиной этому не гнѣвъ боговъ, а только то, что этотъ человѣкъ или слабъ и не можетъ вынести то, что другіе выносятъ, не можетъ побѣждать и долженъ быть побѣжденъ, или то, что онъ безумно смѣлъ и рискуетъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ рисковать.

Василій Оивейскій не укладывается въ математическую схему, какъ и бѣдный Макаръ русской пословицы.

Но жизнь много глубже, много трагичнѣе и злѣй, чѣмъ наша схема, въ которую мы желаемъ ее всунуть. Она смѣется надъ математическими расчетами тамъ, гдѣ результаты послѣдняго ожидаются съ наибольшей увѣренностью. Иногда съ жестокой настойчивостью тянутся полосы удачъ и неудачъ, и всѣ усилія человѣка порвать ихъ не достигаютъ цѣли. Перстень Поликрата, брошенный въ море, возвращается снова къ Поликрату хотя бы чудеснымъ путемъ.

§ 3. Мое и не мое.

Всякое сознательное дѣйствіе слагается изъ элементарныхъ актовъ, изъ которыхъ только часть сознается, большинство же находится подъ порогомъ сознанія. Когда я иду по дорогѣ къ напередъ намѣченному мною мѣсту, то совершаю рядъ шаговъ, изъ которыхъ большинство совершается бессознательно, какъ движеніе смычкомъ музыканта. Во время ходьбы мое сознаніе можетъ быть всецѣло занято какимъ-либо размышленіемъ, которое прерывается время отъ времени въ тѣ моменты, когда процессъ ходьбы всплываетъ въ сознаніе. Встрѣченный по дорогѣ человѣкъ, передъ которымъ слѣдуетъ посторониться, неровная почва, препятствующая ровной ходьбѣ, и т. д. являются причинами такихъ разрывовъ. Независимо отъ прогресса мышленія, протекающаго въ сознаніи, бессознательная мысль свершаетъ свою работу, управляя ходьбой, какъ бы по данному приказанію и инструкціямъ сознанія, и только въ исключительныхъ случаяхъ обращается за помощью къ высшей инстанціи.

Всю цѣпь элементарныхъ актовъ, изъ которыхъ слагаются наши дѣйствія, можно представить себѣ въ видѣ неровнаго дна

рѣки, то поднимающагося надъ уровнемъ воды, то опускающагося вглубь.

Направленіе нашихъ безсознательныхъ шаговъ, даже, болѣе того, средняя ихъ скорость опредѣляется нѣкоторой сознательной цѣлью, которая опредѣляетъ сознательное дѣйствіе.

Но, конечно, сознание заинтересовано только общимъ направлениемъ шаговъ, въ иныхъ случаяхъ ихъ скоростью, но для него являются *безразличными* детали, оно допускаетъ *произвольность въ известныхъ границахъ*; шаги могутъ быть то меньше, то больше, движеніе можетъ отклоняться то влѣво, то вправо, не направляясь съ геометрической точностью по одному направленію, отмѣченному сознательной волей.

Такимъ образомъ *элементарные акты опредѣляются сознаниемъ не вполне, а только частично*. Чѣмъ опредѣляется эта остающаяся, независимая отъ сознанія часть?

Слѣдуетъ ли предполагать, что безсознательная дѣятельность только слѣпо выполняетъ то, что ей приказываетъ сознание, что, напримѣръ, при ходьбѣ ея дѣятельность сводится только къ производству шага въ данномъ направленіи и съ данной скоростью, намѣченными сознаниемъ? Слѣдуетъ ли думать, что, если одинъ изъ ряда актовъ отличается отъ другого, то это только вслѣдствіе того, что тотъ механизмъ, который находится въ распоряженіи безсознательной психики, не вполне совершенъ и не даетъ возможности въ точности выполнять ей велѣнія высшей инстанціи?

Или, наоборотъ, слѣдуетъ предположить нѣкоторую *автономность* въ дѣятельности безсознательной психики, признать, что существуетъ нѣкоторая область, на которую не распространяется власть сознанія, въ которой *безсознательное эманципируется*, гдѣ направленіе и характеръ дѣйствій опредѣляется не выставленной сознаниемъ цѣлью, а другими цѣлями, лежащими ниже порога сознанія?

§ 4. Механизмъ безсознательныхъ актовъ.

Для рѣшенія этого вопроса намъ кажется необходимымъ установить особую точку зрѣнія на безсознательные процессы. Намъ представляется, что только тогда введеніе въ разсмотрѣніе безсознательныхъ актовъ является въ наукѣ плодотворнымъ, если.

предполагать, что механизм ихъ совершенно тотъ же, что механизмъ сознательныхъ актовъ. Мы должны совершенно отбросить взглядъ на бессознательную психическую дѣятельность, какъ на непосредственное проявленіе Абсолюта, этотъ источникъ самыхъ серьезныхъ заблужденій. По этому ученію подъ порогомъ сознанія мы носимъ какого-то бога, который безошибочно, съ искусствомъ, завиднымъ для вѣчно колеблющагося и полного ошибокъ сознанія, работаетъ для своихъ метафизическихъ цѣлей. Это драгоценное свойство бессознательной дѣятельности, служащее печатью трансцендентнаго происхожденія бессознательной психики, должно быть разъ навсегда отвергнуто. Если мы теперь прослѣдимъ всѣ тѣ случаи, гдѣ является необходимымъ для объясненія введенія бессознательныхъ процессовъ, то легко увидимъ необходимость представленія ихъ вполне аналогичными сознательнымъ, съ единственнымъ различіемъ въ томъ, что въ нихъ отсутствуетъ сознаніе. Приходится говорить и о бессознательномъ мышленіи, и о бессознательныхъ волѣ и ощущеніи.

«Бессознательная дѣятельность,—говоритъ Геффдингъ¹⁾,—несетъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ же принциповъ и законовъ, которые управляютъ и сознательной работой».

Противникамъ введенія въ психологію понятія о бессознательной психической дѣятельности можетъ показаться необходимость признанія бессознательнаго ощущенія на ряду съ сознательнымъ мышленіемъ, съ которымъ еще, можетъ быть, ихъ можно, хотя и съ трудомъ, примирить доказательствомъ *Reductio ad absurdum* ложности этого ученія. Можно ли ощущать, не сознавая этого ощущенія? Не представляется ли это воплощеннымъ абсурдомъ, такъ какъ сознаніе должно явиться неотъемлемой частью каждаго ощущенія, и только черезъ сознаніе мы узнаемъ, что такое ощущеніе?

§ 5. Низшія сознанія.

Въ спорѣ о бессознательномъ возможно примиреніе во многихъ отношеніяхъ между противными сторонами. Если сгладить и послѣднее различіе между бессознательной и сознательной

¹⁾ Психологія, стр. 83.

психической дѣятельностью, если признать, что то, что мы называемъ безсознательной дѣятельностью лишено не вообще сознанія, а того сознанія, которое опредѣляетъ единство нашей личности, если признать, что порогъ сознанія не указываетъ конецъ сознанія, что тѣ ощущенія, интенсивность которыхъ опускается ниже границы, отвѣчающей порогу сознанія, могутъ существовать въ области низшаго порядка сознанія. На этой точкѣ зрѣнія и становится Э. Гельманъ въ своемъ ученіи объ относительномъ безсознательномъ въ противоположность Абсолютному.

Тотъ же выводъ дѣлаетъ и Геффдингъ, основываясь на психофизическомъ параллелизмѣ. «Безсознательное, по его мнѣнію, какъ таковое, понятіе чисто отрицательное, ничего не объясняющее; положительное въ этомъ понятіе есть *сознательная душевная жизнь въ низшихъ центрахъ сознанія*, и только послѣ признанія этого положенія безсознательное становится положительнымъ объяснительнымъ принципомъ. Физиологически это объясняется тѣмъ, что каждое раздраженіе, доходящее до большого мозга, развѣтвляясь на пути, вызываетъ также и въ подчиненныхъ нервныхъ центрахъ возбужденія, которыя отчасти самостоятельно превращаются въ движенія, а отчасти вновь посылаютъ модифицированныя раздраженія къ большому мозгу». Того же мнѣнія придерживается и Паульсенъ.

→ Итакъ на ряду съ главнымъ, властвующимъ, царственнымъ сознаніемъ мы признаемъ другія сознанія низшихъ порядковъ.

Мы разсматриваемъ психическую жизнь, состоящей изъ цѣлаго ряда психическихъ центровъ, около которыхъ группируются системы психическихъ актовъ.

Да не покажется страннымъ признаніе такихъ ощущеній, которыя *мы не сознаемъ*, но, которыя тѣмъ не менѣе *сознаются*. Ощущенія Павла не сознаются Петромъ, но тѣмъ не менѣе Петръ не имѣетъ основанія отрицать ощущенія Павла. Въ то время, какъ то, что называютъ сознательной психической дѣятельностью, представляетъ систему основного центра С, совокупность низшихъ центровъ опредѣляетъ безсознательную или, лучше сказать, подсознательную жизнь.

Взаимоотношенія между этими центрами должно понимать отнюдь не въ смыслѣ какой-либо социалистической общины, каждый членъ которой пользуется равными правами или, лучше

сказать, равнымъ безправіемъ, служа всецѣло безопасности и благосостоянію этой общины. *С* представляетъ *тирана*, *захватившаго власть*, но каждый моментъ рискующаго потерять ее, если не во всемъ своемъ царствѣ, то хотя бы въ небольшихъ ея частяхъ. Борьба съ самимъ собой—вотъ главное содержаніе жизни. Это—борьба ангеловъ и діаволовъ, живущихъ не внѣ насъ, а въ насъ самихъ, это война различныхъ душъ, различныхъ сознаний. Это рядъ договоровъ рабовъ противъ повелителей, усмиреніе ихъ или гибельная для господина и ихъ самихъ побѣда! Но даже безправный рабъ имѣетъ свое, хотя бы и весьма жалкое имущество, имѣетъ хотя бы и весьма узкую область, въ которой онъ уже является неограниченнымъ владыкой. Низшее сознание, или, какъ мы будемъ называть, низшая психика въ силу присущей ей воли къ власти должна захватить ту область, которая оставлена ея господиномъ безъ вниманія. *То, что въ элементарныхъ актахъ не определяется центральнымъ сознаниемъ, принадлежитъ низшимъ сознаниямъ.* Итакъ моимъ тѣломъ владѣетъ не одно *Я*, а многія, ведя время отъ времени борьбу за обладаніе, и не инстинктъ самосохраненія, а воля къ власти—главный факторъ этой борьбы. Какъ богачъ, занявъ квартиру въ двѣнадцать комнатъ, загоняетъ бѣдняка въ подвальную коморку, такъ и центральное *Я*, овладѣвъ главной частью организма, оставляетъ низшему *Я* незамѣтную ему область, которая тѣмъ не менѣе можетъ таить въ себѣ то, что можетъ послужить къ его гибели.

§ 6. Гиперстезія низшихъ сознаний.

Есть области, гдѣ порогъ сознания низшей психики ниже, чѣмъ для *С*, и это является причиной того, что эти ощущенія нами не сознаются. Низшая психика можетъ слышать и видѣть, когда *С* ничего не видитъ и не слышитъ. Какъ центральная психика въ своей широкой области, такъ и низшія въ своихъ узкихъ эволюционируютъ, и низшая психика, связанная, напр., съ нервами осязанія, можетъ, будучи въ остальномъ неизмѣнимо ниже центральной, лучше осязать и знать то, что не знаетъ эта послѣдняя.

Орель съ своимъ ничтожнымъ мозгомъ обладаетъ зрѣніемъ, о которомъ не можетъ мечтать ни одинъ человекъ, и которое служить ему не для раскрытія тайнъ пестрой природы, его

окружающей, а для выслѣживанія съ тѣхъ огромныхъ высотъ, на которыя онъ подымается, тѣхъ жертвъ, которыя служатъ ему пищей.

Что такое предчувствіе, какъ не результатъ большей чувствительности одной изъ низшихъ психикъ? Начало процесса — первое ощущеніе и рядъ умозаключеній находится подъ порогомъ сознанія, только конецъ, то сильное чувство, которое является какъ бы заключительнымъ аккордомъ, всплываетъ, какъ туманное предчувствіе, въ область сознанія.

Этотъ взглядъ даетъ возможность представить въ ясной формѣ то объясненіе вѣщихъ сновъ, которое даетъ Вундтъ, опираясь на фактъ безсознательной психической жизни.

Вундтъ рассказываетъ о библіотекарѣ, который три ночи подрядъ видѣлъ во снѣ пожаръ ввѣренной ему библіотеки, пока, наконецъ, не замѣтилъ одно мѣсто на полкѣ, гдѣ книги, прилегающія къ печной трубѣ, начинали тлѣться. Такимъ образомъ во снѣ библіотекаръ получилъ какъ бы предупрежденіе и, если бы онъ, подъ вліяніемъ сновидѣнія, не произвелъ тщательнаго осмотра, то сонъ могъ бы оказаться вѣщимъ.

Явленіе это объясняется такъ. Запахъ гари былъ настолько слабъ, что не могъ быть ощущаемъ библіотекаремъ въ бодрственномъ состояніи. Запахъ гари былъ *недоступенъ сознанію, но тотъ же запахъ ощущался низшимъ сознаніемъ*, которое и создавало рядъ отвѣчающихъ ему образовъ.

Во снѣ произошло колебаніе порога сознанія С, и въ него устремилось содержимое низшаго сознанія.

Во снѣ имѣетъ мѣсто пониженіе дѣятельности только главной, основной психики, по психики низшихъ порядковъ могутъ проявить, наоборотъ, повышенную въ сравненіи съ нормальной дѣятельность. Когда хозяинъ спитъ, слуги чувствуютъ себя хозяевами.

Во снѣ колеблется единство личности; въ сознаніе выплываютъ такіе образы, ощущенія и мысли, которые не могутъ быть связаны со всей системой психическихъ элементовъ, образующихъ нашу личность. Эти образы, ощущенія и мысли принадлежатъ низшимъ психикамъ. Изъ темныхъ нѣдръ души на свѣтлую поверхность сознанія происходятъ изверженія.

Случается, что во снѣ предлагаютъ намъ какой-либо вопросъ или загадку, на которую мы не можемъ отвѣтить, но на нее

отвѣчаютъ другіе, и въ вѣрности ихъ отвѣта мы точно убѣждаемся во снѣ или по пробужденіи.

Можно было бы стараться объяснить это воспоминаніемъ. Загадку, можетъ быть, мы знали раньше и знали также и ея рѣшеніе. Въ образахъ сновидѣнія проэктируются только наши воспоминанія.

Но подобное объясненіе является неправильнымъ въ томъ случаѣ, когда навѣрняка извѣстно, что такой загадки мы не могли прочесть и весьма мало вѣроятно, чтобы могли ее отъ кого-либо услышать.

Автору пришлось увидѣть слѣдующее сновидѣніе: войдя въ комнату, онъ увидѣлъ своихъ братьевъ, которые предложили ему шараду: «Первый слогъ—извѣстный трагикъ, второй—предлогъ, третій—мѣстоимѣніе, а все—лошадь» и, когда авторъ по размышленіи не смогъ отвѣтить, ему была дана разгадка: «Россинато». Очевидно, въ этой шарадѣ ошибка: лошадь Донъ-Кихота—не Россинато, а Россинантъ, «нан» не можетъ быть предлогомъ. Такой шарады, конечно, не приходилось ни читать, ни слышать и врядъ ли приходилось и самому сочинять, такъ какъ тотчасъ, по пробужденіи, была найдена ошибка. Продолжая начатую сознаниемъ передъ началомъ сна работу, низшая психика продолжала ее тогда, когда сознаніе было полно образами сновидѣній.

Колеблясь около порога сознанія, мыслительная работа низшей психики только частью проникла въ сознаніе. Сперва проникло заданіе загадки и проэктировалось въ образы сновидѣній, затѣмъ, подъ давленіемъ теченія образовъ всплываетъ и разгадка.

Строеніе низшей психики то же, что и высшей. Она желаетъ, ощущаетъ и мыслитъ. Будучи въ общемъ ниже по развитію, она можетъ тѣмъ не менее проявить нѣкоторыя спеціальныя способности, равныя и даже превосходящія соотвѣтствующія способности высшей психики.

§ 7. Убожество низшей психики.

Мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть тотъ фактъ, что общее развитіе низшей психики очень низко.

Изъ того, что въ величайшихъ открытіяхъ принимала участіе бессознательная мысль, не слѣдуетъ ей, главнымъ образомъ, при-

писывать въ этомъ заслугу. Выстроены тысячами рабочихъ храмъ, но не рабочихъ, а архитектора мы должны признать творцомъ этого храма. Выиграно сраженіе, кто же главнымъ образомъ побѣдитель: сражавшіеся солдаты или ихъ гениальный полководецъ? Архитекторъ безъ рабочихъ, полководецъ безъ солдатъ—ничто, такъ какъ идеи его остаются неосуществленными.

Безспорно, что огромная часть мыслительной работы совершается въ тайникахъ подсознательной жизни, рядомъ съ главной психикой прядуть свою пряжу и низшія психики. Но работа послѣднихъ опредѣляется высшей. Если задача, не рѣшенная сознаниемъ, рѣшается въ подсознательной области, то отнюдь не потому, что за порогомъ сознанія сидитъ лучший, болѣе смысленный работникъ, а только потому, что здѣсь, хотя и лучший, да только одинъ, а тамъ ихъ тысячи, хотя эти тысячи хуже мыслятъ и кругозоръ ихъ уже, но на тысячу неудачъ можетъ быть одна удача, и эта-то удача и всплываетъ въ сознаніе. Вотъ, какъ характеризуетъ Бинэ ¹⁾ бессознательную жизнь нормальнаго человѣка: «ходить, садиться, перевернуть страницу книги,—это все акты, которые мы совершаемъ, не думая, но довольно трудно изучить у человѣка нормальнаго бессознательную дѣятельность: и, болѣе того, эта дѣятельность представляется консервативной, состоящей изъ *привычекъ, живущей повтореніями*; вообще она выдумываетъ мало, иногда кажется судящей и разсуждающей, но эти сужденія и заключенія—старья, которыя она *повторяетъ*, и почти никогда не возвышается до ступени независимой личности».

§ 8. Вторичное Я истеричныхъ.

Въ нормальномъ состояніи центральное Я властвуетъ надъ другими низшими Я, властвуетъ, какъ неограниченный монархъ. Но можетъ случиться, что рядомъ съ тираномъ встанетъ узурпаторъ части или даже всей его власти. Обѣ руки поднимаются вѣлѣніемъ основнаго центральнаго сознанія. Боль отъ укола руки доходить до него, какъ сигналъ объ опасности, и въ свою очередь мышцы производятъ то, что отвѣчаетъ рѣшенію, принятому главнымъ Я для отраженія опасности. Но, когда равно-

¹⁾ A. Binet. Les altérations de la personnalité. 1892.

вѣснѣ нервной системы нарушено, когда мы имѣемъ не нормальнаго, здороваго человѣка, а истерика, то можетъ случиться, что рука не почувствуетъ боли и не будетъ повиноваться сознательному желанію.

Власть надъ ней отнята отъ центральнаго Я. Она не принадлежитъ ему. Владѣнія тирана раздѣлены. Здѣсь мое, но рядомъ съ моимъ есть то, что не Я, что другое Я считаетъ своимъ.

Нечувствительная рука истеричнаго нечувствительна только для центральнаго сознанія, но она чувствительна для другого сознанія, для того, которое узурпировало власть главной психики. Именно на эту точку зрѣнія становится Бинэ при своихъ объясненіяхъ явленій сонambuлизма.

Въ явленіяхъ истеричной нечувствительности, когда, по мнѣнію Бинэ, мы имѣемъ, такъ сказать, передъ нашими глазами два сознанія, одно, хотя и потеряло часть своей власти, но еще настолько сильно, что составляетъ независимую личность, другое находится наполовину въ эмбриональномъ состояніи, подобное ребенку, который, выйдя изъ утробной жизни, еще не все видитъ и не все слышитъ. И вотъ, изучая эти сознанія, мы можемъ, такъ сказать, воочию наблюдать подтвержденія того, что выше сказано о низшихъ психикахъ.

Прежде всего рѣзко выступаетъ возможность *иперстезіи*. Низшія психики могутъ лучше видѣть, лучше слышать, чѣмъ основныя.

«Въ явленіяхъ отрицательныхъ галлюцинацій (или, какъ ее называетъ Бинэ ¹⁾), систематической анестезіи) субъектъ по внушенію, сдѣланному ему въ гипнотическомъ состояніи, не видитъ опредѣленныхъ, указанныхъ въ этомъ состояніи предметовъ.

Такъ, напримѣръ, не видитъ изъ пяти картъ одну опредѣленную карту, напр. туза пикъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Бинэ, что для того, чтобы субъектъ не видѣлъ опредѣленной карты, необходимо, чтобы онъ предварительно ее узналъ, необходимо, чтобы подсознательное Я его видѣло. Все это доказываетъ весьма ясно, говоритъ Бинэ, что субъектъ поступаетъ, какъ личность, имѣющая желаніе, волю не видѣть невидимый объектъ, онъ устанавливаетъ себя такъ, чтобы не видѣть, онъ приспособляетъ себя къ этому: и онъ стремится въ особен-

¹⁾ Binet, p. 275.

ности не смѣшать его съ тѣмъ, который ему оставленъ, онъ различаеъ его отъ другихъ, онъ его узнаеъ, но иногда ошибается, это значитъ — не узналъ его».

§ 9. Тенденція къ подражанію низшей психики.

Въ тѣхъ же явленіяхъ видно и общее низкое развитіе вторичнаго сознанія въ сравненіи съ главнымъ. Дѣйствія его опредѣляются большей частью не сознательными цѣлями, а только волевыми представленіями. Образъ или идея влечетъ ее къ соотвѣтствующему дѣйствию также, какъ движенія человѣка влекутъ обезьяну или ребенка къ подражанію имъ или взглядъ съ высоты горы или высокой башни влечетъ насъ къ паденію. Въ основѣ недоразвита и только односторонне гиперстезированная низшая психика обнаруживаетъ рѣзко склонность къ *подражанію* и *повторенію*. Вотъ простѣйшіе опыты надъ истеричными, о которыхъ упоминаетъ Бинэ ¹⁾.

«Пусть нечувствительная рука субъекта спрятана за экраномъ. Дадимъ этой рукѣ медленное или быстрое правильное движеніе, напримѣръ движеніе ко рту и обратно, или будемъ вертѣть руку около локтя или будемъ сгибать палецъ. Если мы теперь внезапно остановимъ членъ во время движенія, то увидимъ продолжающимся нѣкоторое время движеніе, которое будетъ различно для разныхъ субъектовъ. У однихъ сообщенное движеніе продолжается очень мало, палецъ, который сгибали, нѣсколько разъ разгибается очень трудно, если его оставить: движеніе слабо и неустойчиво. Наоборотъ, у другихъ больныхъ сообщенное движеніе можетъ повторяться нѣсколько разъ подрядъ, и мы видѣли истеричныхъ, гдѣ повтореніе имѣло мѣсто 100 разъ безъ перерыва».

Эта склонность къ повторенію замѣчается и при болѣе высокихъ актахъ подсознательнаго. Это можно усмотрѣть и въ автоматическомъ письмѣ истеричныхъ.

Особа пишетъ по нѣсколько разъ одну и ту же букву.

Въ указанныхъ нами опытахъ подсознательное повторяло свое, но можно указать случаи, когда оно повторяетъ то, что начало сознательное ²⁾. Можно попросить истеричнаго написать нѣ-

¹⁾ Binet, p. 81.

²⁾ Binet, p. 93.

сколько разъ букву А, и затѣмъ остановить, вопреки его желанію рука продолжаетъ писать, и часто можно прекратить это, лишь отбросивъ перо въ сторону. Если чувствительная рука истеричнаго выводитъ какія-либо буквы, то нечувствительная рука вложеннымъ въ нея карандашомъ пишетъ, тѣ же буквы.

Низшее сознание, управляющее ею, не понимаетъ ихъ, оно не можетъ о нихъ судить и разсуждать, оно только тупо подражаетъ тому, что дѣлаетъ главное сознание.

§ 10. Раздвоение личности.

Можетъ случиться, что гордый тиранъ, сверженный узурпаторомъ, уступитъ хотя бы на короткое время свое мѣсто этому послѣднему. Тогда прежнее Я замѣнится новымъ Я, и это новое Я, какъ и прежнее, обратится въ личность, оно притянетъ къ себѣ иные, чѣмъ прежнее Я, элементы, оно начнетъ новую жизнь въ чужомъ жилищѣ. Мы будемъ имѣть тогда не два сознанія, а двѣ личности, мы будемъ имѣть двѣ жизни и въ одномъ тѣлѣ, послѣдовательно другъ друга смѣняющихся. Сегодня эта голова, эти руки и эти ноги принадлежали А, который имѣетъ свой характеръ, завтра это же принадлежитъ В, который не знаетъ А, который помнитъ то, что не помнитъ В, который веселъ, когда А угрюмъ, который нравственъ, когда А полонъ самыхъ грязныхъ пороковъ. Во многихъ психологическихъ сочиненіяхъ можно найти описаніе извѣстныхъ наблюдений доктора Азама надъ нѣкоей Федицей, которая жила двумя жизнями, раздѣленными между собой истеричнымъ припадкомъ и сномъ. То же случилось и съ одной американкой. При этомъ при переходѣ изъ одного состоянія въ другое ей приходилось всему снова учиться, такъ что вторичное сознание все-таки и по одержаніи полной побѣды осталось значительно ниже развитымъ въ сравненіи съ первичнымъ.

§ 11. Уроды.

Тамъ, гдѣ само высшее сознание не высоко, низшее сознание можетъ по его исчезновеніи легко занять его мѣсто, хотя бы на короткое время. Организмъ будетъ продолжать жить совершенно такъ, какъ продолжаетъ существовать и идти къ цѣли

отрядъ солдатъ, въ которомъ убитаго офицера замѣщаетъ одинъ изъ солдатъ.

Животное ¹⁾, лишенное всего головнаго мозга, можетъ приспособлять свои движенія къ измѣнившимся внѣшнимъ условіямъ и притомъ приспособлять такъ, что, если бы мы имѣли право видѣть здѣсь сознание и волю, мы должны были предположить у лягушки полнае знаніе положенія какъ всего тѣла, такъ и отдѣльныхъ его частей.

Если у лягушки отрѣзана нога на той сторонѣ, на которой дѣйствуетъ на тѣло кислота, то лягушка сначала дѣлаетъ безплодныя попытки стереть раздражающую жидкость культией, но потомъ употребляетъ ножку другой стороны тѣла. Если положить обезглавленную лягушку на спину и помазать кислотой внутреннюю сторону одного изъ бедеръ, то она, стараясь удалить кислоту, третъ бедрами другъ о друга: если при этомъ оттянуть одно бедро въ сторону, то, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ въ прежнемъ родѣ, она вытягиветъ другое бедро по направленію къ первому и снова достаетъ имъ до раздраженнаго мѣста и т. д.

Но самостоятельное положеніе двухъ сознаний въ однихъ и тѣхъ же областяхъ можетъ проявиться и одновременно, именно тогда, когда анатомическое строеніе организма даетъ повторенія однихъ и тѣхъ же органовъ, т.-е., когда мы имѣемъ дѣло съ уродомъ.

«У уродовъ паразитнаго типа», говоритъ Рибо, «по мѣрѣ того, какъ организація дѣлается почти единичною, всѣ жизненныя отправленія, всѣ проявленія воли совершаются почти также, какъ и у нормальныхъ существъ. Малый изъ двухъ индивидуумовъ, являясь придаткомъ и инертной частью большого, имѣетъ на него лишь очень слабое вліяніе, ограничивающееся самыми малыми изъ отправленій».

Уродъ, извѣстный подъ названіемъ «*Ericone de Nome*», имѣлъ одну паразитную голову, которая представляла лишь весьма несовершенный очеркъ нормальной жизни. «Я не есть», заключаетъ Рибо, «сущность, дѣйствующая какъ и гдѣ ей угодно, произвольно управляющая органами и произвольно ограничивающая свою

¹⁾ Вундтъ, «Физиологическая психологія».

²⁾ Рибо. „Болѣзни личности“. Спб. стр. 66, стр. 77.

область... Область ея опредѣляется анатомическими связями съ мозгомъ, и оно представляетъ то цѣлое тѣло за изъятіемъ одной нераздѣльной части, то половину тѣла, то такую ничтожную область, какъ у уродовъ паразитнаго типа, что не можетъ существовать и обрѣчено на гибель».

§ 12. Низшая психика въ элементарныхъ дѣйствіяхъ.

Для того, чтобы уяснить, какимъ образомъ можно найти факторъ, измѣняющій вѣроятности случаевъ видимо равно возможныхъ и создающій полосы счастья и несчастій—въ безсознательной жизни, въ дѣятельности тѣхъ низшихъ психикъ, о которыхъ мы говорили, возьмемъ сперва явленіе, такъ сказать, простѣйшаго механизма. Возвратимся къ процессамъ ходьбы. Предположимъ, что, свершая свой обычный путь отъ квартиры до университета, я однажды споткнулся на какомъ-либо мѣстѣ. Неудачный шагъ былъ также (относительно) безсознателенъ, какъ и большинство остальныхъ шаговъ. Вина въ неудачномъ шагѣ лежитъ на низшемъ сознаниі, которое, какъ мы уже не разъ утверждали, можетъ ошибаться также, какъ и главное сознание. Расчетъ длины шага былъ неправильно сдѣланъ. Если эта ошибка повторится второй разъ, то она *еще легче* повторится и третій, а затѣмъ и четвертый разъ, если только не вмѣшается сознание, т.-е., я не обращаю на это вниманіе, *сознательно* не сдѣлаюсь болѣе осторожнымъ. Опытъ показываетъ, что низшая психика имѣетъ склонность повторять ошибки, дѣйствовать не въ направленіи пользы и безопасности всего организма, а слѣпо воспроизводитъ нѣсколько разъ свершившееся вредное дѣйствіе. Такимъ образомъ поступаетъ низшая психика Горбуновскаго ящика, сваливающаго тарантасъ «кажинный разъ на этомъ мѣстѣ».

Такая повторяемость является возможной вслѣдствіе *автономности* низшей психики въ извѣстныхъ границахъ, правда довольно тѣсныхъ. Сознание С, какъ нами было показано, не интересуется деталями, оно требуетъ ряда шаговъ, свершаемыхъ въ намѣченномъ направленіи, не интересуясь механизмомъ каждаго шага. Споткнуться или не споткнуться, пока сознательное вниманіе не направлено на движеніе ноги, всецѣло зависитъ отъ психики низшаго порядка.

Если эта послѣдняя находится подъ властью какого-либо до-вольно сильнаго представленія, способнаго вызвать соотвѣтствующій ему волевой импульсъ, то дѣйствіе ея можетъ оказаться вполне неразумнымъ. Она можетъ направить все то, что поручено ей высшей психикой, къ опасности. Она можетъ подъ очаровывающимъ дѣйствіемъ какого-либо образа увлечь ее и себя на окончательную гибель.

§ 13. Въ силѣ подсознательнаго.

Передо мной опять находится урна съ 10 бѣлыми и черными шарами. Вѣроятность вынуть бѣлый шаръ равна вѣроятности вынуть черный. Вынимая послѣдовательно наудачу одинъ шаръ за другимъ и возвращая его въ урну, я долженъ разсчитывать, что черный и бѣлый шаръ будутъ выходить одинаково часто. Условившись съ кѣмъ-либо получать съ него 1 рубль за бѣлый и отдавать 1 рубль за черный, я долженъ ожидать, что не буду ни въ большомъ проигрышѣ, ни въ большомъ выигрышѣ. Такая игра должна быть признана безобидной и для меня и для моего партнера. И мы выше указали, что такіе выводы имѣютъ мѣсто только, если выходомъ руководить *случай*, если дѣйствительность близко подходитъ къ математической схемѣ, если *Я* не знаетъ, гдѣ бѣлый и гдѣ черный шаръ, или, точнѣе, если никто изъ власть имущихъ надъ моей рукой не знаетъ.

Но то, чего не знаетъ главное *Я*, то можетъ быть извѣстно низшему *Я*, что не извѣстно начальству, то можетъ знать подчиненный. Движенія руки въ урнѣ, которыя приводятъ къ поднятію того или другого шара, это и есть тѣ малыя движенія, которыя не подчинены центральному *Я*, но про которыя еще нельзя сказать, что это движенія чисто механическія, что человѣкъ въ этихъ движеніяхъ автоматъ наподобіе Декартовыхъ животныхъ.

Эта область принадлежитъ низшему *Я*, это тотъ уголъ, въ который побѣдитель, торжествующій своей неограниченной властью, центральное *Я*, загналъ своего побѣжденнаго врага. Но тамъ, въ этомъ темномъ углу, въ этой скрытой засадѣ, врагъ *лучше видитъ* и *больше знаетъ*, чѣмъ его побѣдитель. Онъ можетъ оказаться именно такимъ низшимъ сознаниемъ, которое въ извѣстныхъ отношеніяхъ обладаетъ большей силой, гипер-

стезіей какихъ-либо способностей. Какъ вторичное Я спящаго или сомнамбула оно можетъ обладать болѣе тонкимъ осязаніемъ, различающимъ поверхность чернаго шара отъ поверхности бѣлаго, можетъ имѣть и такія способности, которыя у главнаго Я или въ эмбриональномъ состояніи или даже совершенно отсутствуютъ.

Гдѣ бѣлый и гдѣ черныя шары? Центральное Я этого не знаетъ. Но вѣдь «Я» библіотекаря, о которомъ мы выше говорили, не слышало того запаха, что было доступно другому Я, вызвавшему образы его въ сновидѣніи!

Низшее Я, властитель моей руки, которое по существу ничѣмъ не отличается въ тотъ моментъ, когда я вынимаю шаръ, отъ вторичнаго Я сомнамбула; оно именно и является помѣхой для законовъ случайности. Вмѣшательство этого низшаго Я и нарушаетъ приблизительную правильность поочередныхъ выходовъ бѣлаго и чернаго шара, создавая полосы послѣдовательныхъ удачъ и неудачъ.

Оно знаетъ, что сейчасъ вышелъ черныя шаръ два раза, и его тянетъ направить руку, чтобы снова вышелъ черныя шаръ, мѣсто котораго оно знаетъ. И опять за выходомъ чернаго шара оно направляется къ новому черному шару и продолжаетъ такъ, пока не ошибется, ибо ему свойственно ошибаться также, какъ и высшему Я. Но если низшее Я знаетъ, гдѣ бѣлый и гдѣ черныя шаръ, если оно можетъ вынуть тотъ, который оно пожелаетъ, то отчего же оно не вынимаетъ тотъ, который является наиболѣе желательнымъ центральному Я и тотъ, который, можетъ быть, является необходимымъ и полезнымъ всѣмъ Я, какъ высшему, такъ и низшимъ. Это происходитъ только потому, что это Я именно *низшее* и не только низшее въ томъ смыслѣ, какъ низшимъ является подчиненный къ своему начальнику, но и въ томъ смыслѣ, что въ общемъ (а не въ нѣкоторомъ специальномъ направленіи) оно менѣе развито, оно не можетъ такъ мыслить, какъ мыслить центральное Я. Если оно поступаетъ предательски, то не потому, чтобы оно желало сгубить своего монарха и себя самого; оно поступаетъ такъ потому, что на той низкой степени развитія, на которой оно находится, оно не можетъ иначе поступать, оно, какъ вторичное Я сомнамбула, главнымъ образомъ должно *повторять* въ своей автономной области.

При этомъ эта тенденція къ повторенію тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе тотъ образъ чернаго шара, который опускается въ низ-

шее Я изъ сознательнаго Я, все болѣе и болѣе волнующагося то страхомъ, то отчаяніемъ, при слѣдующихъ другъ за другомъ проигрышахъ, и все возрастая, онъ выступаетъ все болѣе и болѣе могущественной силой противъ случая. Но весь ужасъ, какъ грозная туча окружающій въ сознаниі образъ чернаго шара, весь остается наверху, ибо низшее Я уже не способно ни бояться, ни отчаиваться такъ, какъ боится и отчаивается его властитель. Происходитъ то же, что съ рукой сомнамбула, но только въ обратномъ направленіи. Анестезированную руку сомнамбула подвергаютъ девяти уколамъ, въ сознаниі его ярко возникаетъ *идея девяти*, которую онъ не знаетъ, куда отнести. Въ автоматическомъ письмѣ ¹⁾ главное сознаниі думаетъ о словѣ, а вторичное сознаниі пишетъ слово; ассоціація идей совершается между сознаниями, но оба сознаниа, каждое остается въ своихъ границахъ: сознаниі Аничего не знаетъ объ идеяхъ и движеніи, производимыхъ въ В. Изъ А въ В проникаетъ только *очищенная* идея, безъ указанія на то, что ее окружаетъ, и она въ В производитъ дѣйствіе, ей отвѣчающее. Сомнамбуль иногда вспоминаетъ явленія бодрственной жизни, но не приписываетъ ихъ себѣ, онъ говоритъ о бодрственной личности, какъ посторонней, онъ вспоминаетъ ее, *какъ друиу*, ибо въ сознаниі его проникли лишь образы изъ жизни послѣдней, очищенные отъ чувствъ, съ ними связанныхъ.

Совершенно такое же явленіе наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда страхъ передъ какимъ-либо явленіемъ и всѣ вытекающія отсюда старанія центральнаго сознаниа избѣгнуть его роковымъ образомъ разбиваются при встрѣчѣ съ какой-то болѣе могучей силой, которая быстро возрастаетъ вмѣстѣ со страхомъ.

Достигая необычайной яркости при конвульсивныхъ постоянныхъ возвращеніяхъ по нему трепещущаго подъ давленіемъ ужаса сознаниа, представленіе опускается въ низшее сознаниі, обращаясь въ волевое представленіе, влеча послѣднее къ дѣйствію, соотвѣтствующему ему. Идіотъ Достоевскаго боится разбить китайскую вазу, столь дорогую Аглаѣ, и вотъ страхъ роковымъ образомъ приводитъ къ тому, что то изъ движеній его, которое было для него безсознательнымъ, свершаетъ столь страшную для него катастрофу.

¹⁾ Binet, p. 319.

Итакъ, мы видимъ, что сознание, отдавая себя случаю, отдаетъ себя во власть низшимъ сознаніямъ, незамѣтно для себя выпускающая изъ клѣтки дикихъ звѣрей, добычей которыхъ и дѣлается. Подобно тому, какъ стадо коровъ, убѣжавъ отъ пастуха, мчится по полотну желѣзной дороги, влекомое не инстинктомъ самосохраненія, а очарованное огненными глазами приближающагося чудовища, подъ вліяніемъ одного, все время возрастающаго образа, сознание низшаго порядка съ упорствомъ воспроизводитъ все тѣ же дѣйствія въ той узкой области, которая была обойдена вниманіемъ его властителя и отъ которой зависитъ теперь его судьба, съ упорствомъ движется навстрѣчу тѣмъ событіямъ, которыя несутъ гибель ему вмѣстѣ съ его опрометчивымъ господиномъ.

Д. Мордухай-Болтовской.

Новая форма философскаго критицизма.

(По поводу книги проф. А. И. Введенскаго „Логика, какъ часть теоріи познанія“¹⁾).

I. Очеркъ системы.

Безъ сомнѣнія, всѣ любители философіи въ Россіи съ радостью встрѣтили появленіе книги профессора С.-Петербургскаго университета А. И. Введенскаго «Логика, какъ часть теоріи познанія», изданной, наконецъ, въ изложеніи самого профессора, а не по записямъ слушателей. Особенно горячо должны были привѣтствовать эту книгу многочисленные бывшіе и настоящіе ученики почтеннаго профессора, знающіе, что опубликованная имъ система логики есть дѣло всей его жизни. И въ самомъ дѣлѣ, достоинства книги проф. Введенскаго очень велики. Прежде всего необходимо отмѣтить, что рассматриваемая «Логика» есть послѣдовательное выраженіе одной изъ вѣтвей кантіанства, какой это будетъ видно ниже. Какъ бы кто ни относился къ кантіанству, всякій признаетъ, что строго послѣдовательное, до мелочей систематическое осуществленіе логики въ духѣ этого направленія есть подвигъ, содѣйствующій дальнѣйшему развитію философіи, отчетливо вскрывающій сильныя и слабыя стороны кантіанства, хотя бы въ одномъ изъ его развѣтвленій.

Познакомимся прежде всего съ общимъ строеніемъ системы проф. Введенскаго и тогда уже приступимъ къ обсужденію ея достоинствъ и недостатковъ.

Опредѣленіе логики таково: «Логика есть наука о правильномъ мышленіи. Правильнымъ называется мышленіе, пригодное для расширенія знанія» (стр. 1). При этомъ необходимо имѣть

¹⁾ Второе изданіе. Спб. 1912 г.

въ виду, что логика изслѣдуетъ не пути для *открытій* (стр. 2—4), а только средства для *провѣрки* сдѣланныхъ уже открытій (возникшихъ уже «догадокъ»); другими словами, логика изучаетъ *доказательства*, разумѣя подъ этимъ словомъ «*оправданіе сужденія посредствомъ умозаключеній*» (стр. 115).

Логика есть наука, независимая ни отъ какой другой науки, основанная только на самой себѣ (стр. 5, 71). Прежде всего слѣдуетъ отграничить ее отъ психологіи, которая изучаетъ мышленіе безоцѣнно, какъ фактъ, тогда какъ логика «*разсматриваетъ мышленіе только оцѣночнымъ образомъ, оцѣнивая идность каждаго способа мышленія для расширенія знанія*» (стр. 6).

Нельзя не привѣтствовать *намѣреніе* рѣшительно отдѣлить логику отъ психологіи. Какъ извѣстно, устраненіе психологизма изъ логики и гносеологіи есть наиболѣе увлекательная очередная задача философіи. Но проф. Введенскій идетъ еще дальше: его логика стремится быть независимою также и отъ гносеологіи или, вѣрнѣе, быть *первою* частью *гносеологіи* (стр. 39).

Основное значеніе для разсматриваемой системы логики имѣетъ ученіе о *логической связи и логической необходимости*. Логическая связь, согласно опредѣленію проф. Введенскаго, «*есть ничто иное, какъ связь, требуемая законами противорѣчія и исключеннаго третьяго*». На ней основывается логическая необходимость или неизбѣжность: «*логически необходимо то, чего нельзя отрицать безъ появленія противорѣчія въ нашихъ мысляхъ (само же появленіе противорѣчія становится неизбѣжнымъ въ силу закона исключеннаго третьяго)*» (стр. 234).

Логическая связь существуетъ между посылками и выводомъ всякаго правильнаго умозаключенія. Примѣромъ можетъ служить силлогизмъ «ртуть—жидкость; а всѣ жидкости упруги, слѣдовательно, и ртуть упруга». Согласившись съ посылками, приходится согласиться и съ выводомъ: въ противномъ случаѣ «придется считать противорѣчіе осуществленнымъ», и всѣ жидкости упруги, и есть неупругія жидкости (232). Итакъ, обязанность соглашаться съ правильнымъ выводомъ основывается на законѣ противорѣчія, конечно, въ связи съ закономъ исключеннаго третьяго (233).

Логическая связь встрѣчается также «и помимо силлогизмовъ, напр., нерѣдко она бываетъ между двумя понятіями» (234). Такъ, она существуетъ между субъектомъ и предикатомъ ана-

литического сужденія; поэтому «всякое аналитическое сужденіе логически необходимо». *«Что же касается синтетических сужденій, то въ нихъ нѣтъ никакой логической необходимости, т.-е. каждое изъ нихъ можно отрицать безъ всякаго противорѣчія съ содержаніемъ понятій, образующихъ данное сужденіе»* (234). Конечно, *«не слѣдуетъ смѣшивать логическую необходимость соглашаться съ сужденіемъ съ логической необходимостью самого сужденія»*; «логически необходимо соглашаться съ каждымъ правильно доказаннымъ синтетическимъ сужденіемъ, но въ немъ самомъ нѣтъ никакой логической необходимости» (235).

Законъ противорѣчія и исключеннаго третьяго объясняютъ обязательность вывода, но не даютъ еще отвѣта на вопросъ: «почему выводъ правильныхъ силлогизмовъ долженъ быть такимъ, а не другимъ, и получается только при такихъ, а не другихъ посылкахъ, т.-е. почему лишь нѣкоторые изъ силлогизмовъ оказываются правильными» (231). Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается закономъ достаточнаго основанія, *запрещающимъ* выводы, для которыхъ «нѣтъ никакого основанія въ посылкахъ» (напр., ртуть—жидкость, всѣ жидкости упруги, слѣдовательно, капуста кругла) (235). Наконецъ, на вопросъ, «почему вообще возможны силлогизмы?» (231) отвѣчаетъ законъ тождества; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *мышленіе подчинено такому закону, что отождествляетъ съ ней самой всякую мысль (понятіе и сужденіе), сколько бы разъ она ни повторялась, и въ связи съ какими бы мыслями ни встрѣчалась она въ нашемъ сознаниі»* (239).

Законъ тождества и исключеннаго третьяго принадлежать къ числу *естественныхъ* законовъ мышленія. Законъ достаточнаго основанія—*нормативный* (245—249).

Что же касается закона противорѣчія, проф. Введенскій считаетъ его естественнымъ для представленій и нормативнымъ для мышленія, полагая, что противорѣчіе неосуществимо лишь въ представленіяхъ, но не въ мышленіи. Мы понимаемъ названіе «круглый квадратъ», слѣдовательно, «мы мыслимъ обозначаемое имъ понятіе, хотя въ немъ несомнѣнно содержится противорѣчіе». Отсюда вытекаетъ, что *«мышленіе само по себѣ еще не подчиняется закону противорѣчія, но лишь приводится къ этому подчиненію нашими стараніями и усиліями»* (252).

Изложенное ученіе о логическихъ законахъ мышленія и роли ихъ въ умозаклученіи приводитъ къ важнымъ гносеологическимъ

слѣдствіямъ. Такъ какъ обязательность вывода въ правильномъ умозаключеніи обусловлена, между прочимъ, закономъ противорѣчія, то пользоваться умозаключеніями *«умъстно и логически позволительно только въ примъненіи къ такимъ предметамъ, относительно которыхъ мы уже знаемъ, что они подчинены закону противорѣчія»* (262).

Какіе же это предметы?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ. «Относительно любого представленія, какое бы ни пришло намъ въ голову, мы тотчасъ же удостоверяемся, что въ немъ противорѣчія, дѣйствительно, несуществимы, что оно, дѣйствительно, подчинено закону противорѣчія, какъ своему естественному закону (см. выше стр. 251). Но у насъ нѣтъ никакихъ средствъ удостовѣриться, что закону противорѣчія подчинено также и истинное бытіе, т.-е. вещи въ себѣ. Вѣдь изъ того, что противорѣчіе *непредставимо*, т.-е. несуществимо въ *представленіяхъ*, разумѣется еще нельзя дѣлать ровно никакихъ заключеній о бытіи, какъ оно существуетъ само по себѣ, независимо отъ нашихъ *представленій*, т.-е. независимо отъ того, представляется ли оно нами и какимъ именно» (263). Слѣдовательно, *«умозаключенія умъстны и логически позволительны только въ примъненіи къ нашимъ представленіямъ о бытіи или о вещахъ, т.-е. только въ примъненіи къ тому, какъ намъ представляются бытіе или вещи, но отнюдь не въ примъненіи къ истинному бытію или къ вещамъ въ себѣ»* (264).

Изъ этого ученія о границахъ «логически позволительнаго употребленія умозаключеній» вытекаютъ два важныя слѣдствія, одно—для математики и естествознанія, другое—для метафизики. Математика и естествознаніе невозможны безъ опосредствованнаго знанія. Поэтому, *«если мы считаемъ математику и естествознаніе (за вычетомъ какихъ бы то ни было гипотезъ, но съ присоединеніемъ къ нимъ всѣхъ наукъ о данныхъ опыта: и психологіи, и лингвистики, и т. д.) знаніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы (и пространство, и время, и всѣ данныя опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго) не вещами въ себѣ, не самимъ истиннымъ бытіемъ, но нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, изъ которыхъ (представленій), правда, многія (именно—данныя внѣшняго опыта) кажутся существующими независимо отъ того, переживаются ли они нами, или нѣтъ»* (265).

Эту же мысль можно выразить иначе, пользуясь словами «субъективный» и «объективный» или «трансубъективный» и определяя их слѣдующимъ образомъ: *«субъективнымъ называется все, что входитъ въ составъ душевной жизни; таковы, напр., боль, наслажденія, представленія, какъ произвольныя, такъ и невольныя и т. д. Объективнымъ же, иначе—трансубъективнымъ, называется все, что существуетъ само по себѣ, независимо отъ того, существуетъ ли душевная жизнь, или же ея нѣтъ»* (267).

Въ этихъ терминахъ предыдущая мысль получаетъ слѣдующее выраженіе: *«если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то все изучаемые ими предметы, т.-е. все данныя опыта, не только внутренняго, но и внѣшняго, включая въ нихъ и пространство съ временемъ, логически обязаны считаться субъективными, хотя часть ихъ кажется объективными или трансубъективными»* (268). Нужно, однако, имѣть въ виду слѣдующее: *«нѣтъ никакого доказательства, что математика и естественныя науки съ логической необходимостью должны считаться знаніемъ. Здѣсь дѣло ограничивается исключительно выясненіемъ условія, при которомъ онѣ имѣютъ логическое право называться знаніемъ»* (266).

Второе слѣдствіе изъ ученія о логическихъ законахъ мышленія относится къ метафизикѣ. Эта наука, изучая истинное, а не только кажущееся, только представляющееся намъ бытіе, принуждена *«состоять только изъ опосредствованнаго знанія»* (269), т.-е. изъ умозаключеній. Но умозаключенія не позволительны въ отношеніи къ тому, что не есть представленіе. Слѣдовательно, *«если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то все содержаніе такого доступнаго намъ знанія, которое хоть какъ-нибудь, да касалось бы истиннаго бытія (иначе—вещей въ себѣ, ноуменовъ), логически вынуждено ограничиваться только такимъ, чисто инсогелогическимъ, а вовсе не метафизическимъ положеніемъ: объ истинномъ бытіи мы ничего не знаемъ и не можемъ знать ничего другою, кромь этой невозможности знанія о немъ, да еще, кромь того, что въ видѣ вѣры можно смѣло, безъ всякаго описанія быть опровергнутымъ со стороны знанія, проповѣдывать объ истинномъ бытіи (иначе о вещахъ въ себѣ, о ноуменахъ) все, что хотимъ»* (269).

Въ защиту метафизики можно возразить, какъ это дѣлаетъ, напр., интуитивизмъ Н. О. Лоссаго, что истинное бытіе дано

въ опытѣ, какъ содержаніе представленія, такъ что метафизикѣ вовсе не приходится быть только опосредствованнымъ знаніемъ ¹⁾. Въ этомъ утвержденіи проф. Введенскій находитъ противорѣчія (стр. 271, 274, 445) и потому остается при своемъ мнѣніи, что метафизика вся сплошь принуждена состоять только изъ опосредствованнаго знанія. Какъ именно проф. Введенскій защищается противъ моего интуитивизма, объ этомъ будетъ сказано ниже.

Перечисленные гносеологическіе выводы совпадаютъ, по словамъ проф. Введенскаго, съ выводами Канта, но получены «другими путями», и «совершенно независимо отъ употребляемыхъ имъ доказательствъ» (273). Въ самомъ дѣлѣ, проф. Введенскій пришелъ къ своему взгляду на математику и естествознаніе, а также на метафизику, исходя изъ своего ученія о логическихъ законахъ мышленія и не пользуясь еще ученіемъ объ апіорныхъ синтетическихъ сужденіяхъ (см. гл. XVII, § 16 «Сохраненіе всей силы нашихъ дополненій къ гносеологіи Канта, даже независимо отъ ученія объ апіорныхъ сужденіяхъ»).

Ученіе объ апіорныхъ синтетическихъ сужденіяхъ есть второй путь для полученія тѣхъ же выводовъ. Къ нему проф. Введенскій подходитъ также изъ логики, именно изъ ученія о способахъ доказательства общихъ синтетическихъ сужденій. На эти сужденія «Логика, какъ часть теоріи познанія» обращаетъ преимущественное вниманіе, такъ какъ только синтетическія сужденія расширяютъ знаніе, при чемъ наибольшее значеніе для знанія имѣютъ *общія* синтетическія сужденія (гл. V, стр. 83—89). Какъ могутъ быть оправданы эти сужденія, вотъ вопросъ, интересующій проф. Введенскаго на всемъ протяженіи его «Логики». Простою установкою данныхъ опыта можно получить только *единичныя* и *частныя* сужденія, а общее синтетическое сужденіе никогда и ни въ какомъ случаѣ, полагаетъ проф. Введенскій, такимъ способомъ получено быть не можетъ, такъ какъ относится къ безконечно большому или неопредѣленно большому числу предметовъ (116).

Отсюда слѣдуетъ, что общія синтетическія сужденія могутъ быть оправданы только *опосредствованнымъ* путемъ, т.-е. не иначе,

1) См. мою статью „Основательно ли Новое и легкое доказательство философскаго критицизма.“ Жур. Мин. Нар. Просв. 1909 г., № 7.

какъ съ помощью умозаключеній. Но каковы должны быть посылки, изъ которыхъ получаются общіе синтетическіе выводы? Пересмотрѣвъ тѣ модусы силлогизмовъ и непосредственныхъ умозаключеній, которые даютъ въ выводѣ общія сужденія, проф. Введенскій доказываетъ, что *«общій синтетическій выводъ можетъ быть правильно полученъ только изъ такихъ посылокъ, среди которыхъ есть, хоть одна, общая синтетическая; изъ однихъ же аналитическихъ посылокъ нельзя правильно получить общій синтетическій выводъ»* (216).

Индуктивныя доказательства не составляютъ исключенія изъ этого правила: въ нихъ общій синтетическій выводъ (доказываемый законъ природы) устанавливается съ помощью принципа единообразія природы, который принадлежитъ къ числу общихъ синтетическихъ сужденій (328).

Итакъ, чтобы доказать общее синтетическое сужденіе, нужно уже имѣть въ качествѣ посылки хоть одно общее синтетическое сужденіе; въ свою очередь, если мы хотимъ доказать и это сужденіе, нужно прибѣгнуть къ умозаключенію, въ числѣ посылокъ котораго было бы хоть одно общее синтетическое сужденіе, и т. д. Такъ какъ этотъ процессъ не можетъ ити въ безконечность (стр. 349), то ясно, что для доказыванія общихъ синтетическихъ сужденій необходимо имѣть въ запасѣ большее или меньшее количество общихъ синтетическихъ сужденій, не оправданныхъ никакъ и допущенныхъ въ системѣ знанія только въ виду ихъ завѣдомой годности служить (наряду съ опредѣленіями и данными опыта) послѣдними или высшими основаніями знанія (стр. 149).

Отсюда вытекаетъ слѣдующее: *«если взять все допускаемое нами, въ видѣ математики и естественныхъ наукъ (въ широкомъ смыслѣ слова), опосредствованное знаніе въ его цѣломъ, то окажется, что въ основѣ его лежатъ, кромѣ данныхъ опыта и опредѣлений, еще большая или меньшая группа такихъ общихъ синтетическихъ сужденій, при прямой или косвенной помощи которыхъ, т.-е. употребляя ихъ въ видѣ высшихъ основаній, можно доказать все опосредствованное знаніе, но которыя сами принуждены оставаться недоказанными, а принятыми не только безъ всякихъ доказательствъ въ данное время, но даже и безъ всякой надежды на возможность доказать ихъ когда либо»* (348). Такія сужденія, недоказуемая и однако завѣдомо годныя служить высшими

основаніями математики и естествознанія, проф. Введенскій называетъ *апріорными*.

Теперь возникаетъ новый чрезвычайно важный вопросъ. При какихъ условіяхъ апріорныя сужденія могутъ быть дѣйствительно завѣдомо годными для знанія, т.-е. «окажутся согласными со всею совокупностью предметовъ, изучаемыхъ при помощи этихъ сужденій» (367). Это согласіе можетъ быть обезпечено только въ томъ случаѣ, если апріорныя сужденія «принуждаютъ предметы, изучаемые при ихъ помощи, подчиняться имъ, какъ законамъ, управляющимъ этими предметами» (стр. 369).

Отсюда (если къ тому же допустить «вмѣстѣ съ Кантомъ», что вещи въ себѣ подчинены логическимъ законамъ мышленія) вытекаютъ три слѣдствія, крайне важныхъ для вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія.

Первое слѣдствіе: *Если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы (и пространство, и время и всѣ данныя опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, т.-е. даже самихъ себя, свое «Я» и все то, что сознается нами, какъ происходящее въ нашей собственной душевной жизни) не вещами въ себѣ, не самимъ истиннымъ бытіемъ, но нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, изъ которыхъ (представленій), правда, многія (именно—данныя внѣшняго опыта, а также пространство и время) кажутся намъ не субъективными, каковы они въ дѣйствительности, а трансубъективнымъ бытіемъ, т.-е. существующими независимо отъ того, переживаются ли они нами или нѣтъ» (стр. 371). Это слѣдствіе профессоръ Введенскій обосновываетъ тѣмъ соображеніемъ, что наши сужденія суть наши мысли, а потому они «могутъ приводить къ согласію съ ними, принуждать быть такими, какъ въ нихъ говорится, только наши же мысли, наши представленія о бытіи или вещахъ, но отнюдь не само истинное бытіе, не вещи въ себѣ, только явленія, феномены, а не ноумены» (371).*

Второе слѣдствіе изъ тѣхъ же предположеній состоитъ въ томъ, что «вещи въ себѣ или истинное бытіе должны считаться исключительно трансцендентными, а отнюдь не имманентными» (373). Избѣгнуть этого вывода можно, по мнѣнію проф. Введенскаго, только путемъ внесенія противорѣчія въ понятіе истиннаго бытія, именно только путемъ утвержденія, что истинное

бытіе и зависимо отъ нашихъ мыслей и не зависимо отъ нихъ (стр. 371); это противорѣчіе, по мнѣнію проф. Введенскаго, присуще моему интуитивизму (373). Если же признать, что мы не имѣемъ оснований утверждать подчиненіе истиннаго бытія логическимъ законамъ мышленія (такъ что истинное бытіе могло бы быть противорѣчивымъ), то въ такомъ случаѣ, какъ это было выяснено выше, (въ главѣ XIII, стр. 271—272), о вещахъ въ себѣ нельзя рѣшить даже вопроса, трансцендентны ли онѣ или имманентны (374).

Наконецъ, въ третьихъ, изъ тѣхъ же предположеній слѣдуетъ, что примѣненіе апріорныхъ сужденій къ вещамъ въ себѣ было бы явнымъ произволомъ (374).

Изъ этихъ трехъ слѣдствій «вытекаетъ полная невозможность метафизики въ видѣ знанія» (375): непосредственнымъ знаніемъ она не можетъ быть въ силу второго слѣдствія, а опосредствованнымъ—въ силу третьяго слѣдствія.

Если бы даже, наряду съ произвольнымъ допущеніемъ, что истинное бытіе подчинено логическимъ законамъ мышленія, мы сдѣлали еще одно произвольное допущеніе, что оно подчинено также апріорнымъ сужденіямъ, прежде всего принципу причинности, то и тогда метафизика ничего не выиграла бы: вслѣдствіе трансцендентности истиннаго бытія она оказалась бы «возможной всего лишь въ видѣ гипотезъ» (379).

Эти гипотезы неравноцѣнны съ имманентными гипотезами, такъ какъ ни при какихъ условіяхъ не могутъ быть превращены въ достовѣрное знаніе и ни одна изъ нихъ не имѣетъ большей степени вѣроятности, чѣмъ другая (380—396); поэтому *метафизическія гипотезы позволительны въ составъ знанія* (о вѣрѣ пока еще умалчиваемъ), *какъ всего лишь рабочія* (т.-е. какъ всего лишь вспомогательное средство или вспомогательное орудіе для разработки знанія)» (380).

Впрочемъ, въ составѣ научно-разработаннаго міровоззрѣнія метафизика можетъ и должна найти себѣ мѣсто, но не въ видѣ знанія, а въ видѣ морально обоснованной *вѣры* (434—438).

Свою систему проф. Введенскій опредѣляетъ, какъ философскій критицизмъ, и видитъ въ ней дальнѣйшее развитіе гносеологии Канта, во первыхъ, путемъ *умлublенія* ея съ помощью ученія о логическихъ законахъ мышленія и, во вторыхъ, путемъ *дополненій* къ ней, которыя перечислены въ главѣ XVII

и состоятъ, главнымъ образомъ, изъ новыхъ доводовъ противъ возможности метафизики, какъ науки. Кромѣ тѣхъ дополненій, которыя перечислены въ XVII главѣ, мы бы указали еще на интересныя и цѣнныя для системы критической философіи изслѣдованія проф. Введенскаго объ аналитическихъ сужденіяхъ, о свойствахъ рациональнаго знанія, доказательство положенія, что общій синтетическій выводъ можетъ быть полученъ только въ томъ случаѣ, если среди посылокъ есть хоть одно общее синтетическое сужденіе, и т. п. Независимо отъ того, соглашаемся ли мы съ системою проф. Введенскаго или нѣтъ, нельзя не признать большой цѣнности осуществленнаго имъ построенія, поскольку существеннымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія философіи служить продумываніе до конца, изживаніе основныхъ философскихъ направленій столь важныхъ, какъ критицизмъ, необходимое, чтобы вскрыть, что въ нихъ жизненно, и что должно умереть. Кромѣ этой заслуги, трудъ проф. Введенскаго имѣетъ право на серьезное вниманіе еще въ виду большого количества цѣнныхъ частныхъ, особенно въ области логики, сохраняющихъ значеніе независимо отъ согласія съ системою въ цѣломъ. Такъ, проф. Введенскій дѣлитъ всѣ правила силлогизмовъ на видныя заранѣе и не видныя заранѣе и, подчеркивая, что вторыя (между прочимъ, особыя правила каждой фигуры) суть простое слѣдствіе первыхъ, открываетъ путь для упрощеннаго изложенія ученія о силлогизмѣ; далѣе, правило «хоть одна изъ посылокъ должна быть общею» доказано *послѣ* особыхъ правилъ каждой фигуры; даны доказательства правилъ качества и количества выводовъ въ каждой фигурѣ силлогизма, установлена сводимость первой фигуры на остальные, а также сводимость вообще каждой фигуры на любую другую фигуру, и т. п. и т. п. Особенно цѣнны упрощенія, произведенныя проф. Введенскимъ въ изложеніи индуктивныхъ методовъ, а также точное опредѣленіе относительности и модальности выводовъ, получаемыхъ съ помощью каждаго изъ простыхъ индуктивныхъ методовъ.

Укажемъ здѣсь же на нѣкоторые частныя недостатки разсматриваемой логики, не стоящіе въ замѣтной связи съ философскою системою автора. Объясненія нѣкоторыхъ изъ заранѣе видныхъ правилъ, (напр., правила качества выводовъ на стр. 189), имѣющія цѣлью сдѣлать ихъ «понятными», въ дѣйствительности сводятся къ повторенію правила другими словами. Въ теоріи

индуктивныхъ доказательствъ ученіе о методахъ Милля развито сначала въ примѣненіи къ причиннымъ связямъ, а затѣмъ на стр. 322 перенесено на доказательства любыхъ законосообразныхъ связей на томъ основаніи, что свойства рода принадлежатъ всякому подчиненному ему виду, между тѣмъ какъ на той же страницѣ показано, что понятіе причинной связи есть видовое въ отношеніи къ понятію законосообразной связи.

Поводомъ къ недоразумѣніямъ можетъ служить также слѣдующая неполнота въ теоріи индуктивныхъ умозаключеній. Утверждая, что въ числѣ основаній всякаго индуктивнаго доказательства лежитъ принципъ единообразія природы, проф. Введенскій изображаетъ строеніе ихъ такъ, что каждое доказательство, состоящее изъ однократнаго примѣненія простаго индуктивнаго метода, легко могло бы быть понято, какъ силлогизмъ первой фигуры; этого ученія однако проф. Введенскій не высказываетъ и вообще обходитъ совершеннымъ молчаніемъ важный и трудный вопросъ о томъ, существуютъ ли индуктивныя *умозаключенія*, какъ особый съ формально-логической точки зрѣнія видъ умозаключеній.

II. Критика логики.

Что представляетъ собою, по ученію проф. Введенскаго, система знаній, накопленныхъ математикою и естественными науками? Она есть цѣлое, состоящее изъ двухъ частей: съ одной стороны, находятся высшія основанія—априорныя сужденія, опредѣленія и данныя опыта, а, съ другой стороны, все, что доказано съ помощью этихъ основаній—теоремы, законы природы, примѣненія законовъ для предсказаній и т. п. *Внутри* этой системы вторая часть *логически обоснована* первой, такъ какъ логически необходимо принять ее, если допущены указанныя основанія. Но въ цѣломъ система знаній лишена логическаго обоснованія, такъ какъ опирается, между прочимъ, на априорныя сужденія, которыя по теоріи проф. Введенскаго *внутри себя*, какъ синтетическія, не содержатъ никакой логической необходимости, и извнѣ также не опираются на логическую необходимость, такъ какъ *ничѣмъ не доказаны и не доказуемы*.

Эти сужденія вовсе не принадлежатъ къ числу такихъ, которыя были бы «понятны сами собою» (стр. 410); сомнѣніе въ нихъ

«не содержитъ въ себѣ никакой явной нелѣпости» (стр. 143); поэтому можно замѣнить аксіому противоположнымъ ей сужденіемъ, вывести изъ него систему слѣдствій и получить новую науку, какъ это сдѣлалъ, напр., Лобачевскій, построившій новую «систему геометріи, которая *нигдѣ не запутывается въ противорѣчійхъ*, т.-е. оказывается не менѣе возможной и мыслимой, а потому и не менѣе допустимой, чѣмъ геометрія Эвклида» (стр. 144). Не значить ли это, что система знанія основывается на вѣрѣ и, слѣдовательно, сама въ цѣломъ есть видъ вѣры? Безъ сомнѣнія, такъ приходится истолковать разсматриваемую теорію науки. Однако, проф. Введенскій рѣшительно протестуетъ противъ этого вывода, говоря, что онъ основанъ на «обывательскомъ» опредѣленіи вѣры, согласно которому область вѣры слагается «изъ мыслей, хотя и недоказанныхъ, а все-таки сопровождаемыхъ увѣренностью въ ихъ истинности» (стр. 420). «Гораздо точнѣе будетъ сказать», говоритъ проф. Введенскій, «что *вѣрой называется остатокъ, получаемый чрезъ вычитаніе всего, что принадлежитъ къ составу знанія, изъ совокупности тѣхъ мыслей, которыя сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности*» (стр. 421).

Чтобы этотъ «остатокъ» сдѣлался хоть сколько-нибудь опредѣленнымъ, необходимо указать, что называется знаніемъ. Эту задачу почтенный профессоръ выполняетъ, прибѣгая къ новому понятію «логическаго мотива»: «*къ знанію принадлежатъ только такія мысли, увѣренность въ истинности которыхъ не поддерживается ровно ничѣмъ, кромѣ логическихъ мотивовъ. Логическіе же мотивы, какъ видно изъ всего предшествующаго изложенія, сводятся, кромѣ логическихъ законовъ мышленія, только къ даннымъ опыта, взятымъ въ ихъ чистомъ видѣ, и апіорнымъ сужденіямъ*» (стр. 421).

Изъ этого опредѣленія вытекаетъ, что къ области знанія относятся теоремы, законы природы, примѣненіе ихъ для предсказаній и т. д., но въ немъ вовсе не указано, что сами «логическіе мотивы» входятъ въ составъ знанія. Повидимому предвидя это возраженіе, проф. Введенскій разсуждаетъ далѣе (на стр. 426), слѣдующимъ образомъ: «если подъ словомъ «вѣра» подразумѣвать остатокъ, получаемый чрезъ вычитаніе всего, что принадлежитъ къ составу знанія, изъ совокупности тѣхъ мыслей, которыя сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности (см. стр. 421), то апіорныя сужденія не могутъ называться вѣрой; ибо, входя въ составъ знанія, какъ его высшія осно-

ванія, они вмѣстѣ съ нимъ окажутся вычтенными изъ этой совокупности мыслей, когда мы путемъ такого вычитанія отыскиваемъ, какія изъ нихъ образуютъ вѣру».

Это разсужденіе подобно слѣдующему: тѣла дѣлятся на организованныя (организмы) и неорганизованныя; неорганизованными тѣлами называется остатокъ, получаемый послѣ вычитанія организованныхъ тѣлъ изъ всего класса тѣлъ; вода принадлежитъ къ классу *организованныхъ* тѣлъ, потому что она *необходима* для питанія организованныхъ тѣлъ, и вмѣстѣ съ ними окажется вычтенною изъ класса тѣлъ, когда мы путемъ такого вычитанія отыскиваемъ, какія тѣла суть неорганизованныя.

Впрочемъ, не будемъ пускаться въ спорный и трудный вопросъ о различіи между вѣрою и знаніемъ. Ограничимся только слѣдующею безспорною характеристикою: согласно теоріи проф. Введенскаго, система математики и естествознанія въ цѣломъ лишена логической необходимости, такъ какъ въ основѣ ея лежатъ недоказуемыя синтетическія сужденія, которыя, какъ всѣ синтетическія сужденія, не содержатъ *въ себѣ* никакой логической необходимости. Правда, проф. Введенскій полагаетъ, что априорныя сужденія логически необходимо допустить въ составъ знанія, если признать, что математика и естествознаніе суть знаніе. Однако, само утвержденіе, что математика и естествознаніе суть знаніе, ставится проф. Введенскимъ всегда или условно, какъ это видно изъ предыдущихъ цитатъ, или въ качествѣ факта, лишеннаго какой бы то ни было логической необходимости ¹⁾. Такъ отбивать систему знанія неизбежно долженъ философъ, не находящій никакой логической необходимости *внутри синтетическаго сужденія* и усматривающій ее лишь въ связяхъ, основанныхъ на законѣ противорѣчія.

Въ самомъ дѣлѣ, противорѣчіе, какъ критерій истины, есть всегда нѣчто вторичное, производное: въ системѣ синтетическихъ сужденій оно можетъ руководить критикою знанія не иначе, какъ *въ отношеніи* къ ранѣе уже принятому въ составъ знанія синтетическому сужденію или группѣ сужденій. Такія основныя синтетическія сужденія, которымъ нельзя противорѣчить, очевидно, сами не могутъ основываться на законѣ противорѣчія; поэтому, по теоріи проф. Введенскаго, не

¹⁾ См., напр., стр. 36 и др., особенно стр. 266.

содержа также и *внутри себя* никакой логической необходимости, они могутъ быть отвергнуты безъ всякой явной нелѣпости (стр. 143). Когда подумаешь, что такой оцѣнкѣ подвергаются даже и столь основныя синтетическія сужденія, какъ « $2 + 2 = 4$ »¹⁾, то начинаешь думать, что вѣдь въ концѣ-концовъ можно было бы утверждать и какую-либо противорѣчивую мысль, упрямо настаивая на томъ, что она не содержитъ въ себѣ никакой явной нелѣпости, т.-е. *не есть ничто логически недопустимое*. Правильнѣе однако будетъ, если мы усомнимся въ томъ, вѣрна ли теорія проф. Введенскаго, именно усомнимся, чтобы можно было построить систему логики, пользуясь лишь узкимъ понятіемъ аналитической необходимости (такъ мы условимся называть для краткости необходимость, основанную на законѣ противорѣчія, и ниже оправдаемъ это названіе) и не установивъ понятія *синтетической* логической необходимости, которая могла бы связывать субъектъ и предикатъ такого сужденія, какъ « $2 + 2 = 4$ ».

Понятіе синтетической логической необходимости стало развиваться въ гносеологій благодаря Канту, но въ логику оно начало проникать только въ ближайшее къ намъ время. Разсматривая исторію развитія этихъ наукъ, нетрудно замѣтить, что препятствіемъ для признанія логической необходимости синтетическихъ сужденій всегда служилъ психологизмъ, превращающій даже содержаніе математическихъ сужденій только въ послѣдовательность психическихъ процессовъ. Яркимъ примѣромъ можетъ служить Милль и его разсужденія объ истинѣ «три есть два и одинъ», какъ о выраженіи *послѣдовательности впечатлѣній*, производимыхъ на внѣшнія чувства собраніями вещей²⁾.

Не содержитъ ли въ себѣ скрытаго психологизма также и «Логика» проф. Введенскаго, рѣзко отрицающая синтетическую логическую необходимость?

Оберечься отъ психологизма на всемъ протяженіи своихъ изслѣдованій по логикѣ можетъ лишь тотъ философъ, который нашелъ точный критерій для разграниченія логики и психоло-

1) Такія сужденія принадлежатъ къ числу синтетическихъ, какъ это показано Кантомъ въ „Критикѣ чист. раз.“, стр. 32, перев. Н. Лосскаго.

2) „Система логики“, кн. II, гл. VI, § 2.

гii. Посмотримъ, какъ различаетъ эти двѣ науки проф. Введенскій.

Психологiя, говоритъ проф. Введенскій, изучаетъ мышленiе «просто какъ данные въ опытѣ факты», *безоцѣночнымъ* образомъ, а логика и гносеологiя (гносеологiя, по крайней мѣрѣ, въ своихъ главныхъ частяхъ) изучаютъ мышленiе «только» *оцѣночнымъ* образомъ, такъ что у всѣхъ этихъ наукъ одинъ и тотъ же предметъ, но разсматриваютъ-то онѣ его съ *разныхъ точекъ зрѣнiя* (стр. 6, 360). Предметъ ихъ, мышленiе, сплошь состоитъ только изъ *душевныхъ явленiй* или элементовъ ихъ, какъ это видно уже изъ контекста на стр. 6 и какъ это установлено окончательно гносеологiею проф. Введенскаго, утверждающаго, что все познаваемое есть не болѣе, какъ явленiя душевной жизни.

Послѣ этого разъясненiя нетрудно показать, что согласно собственнымъ опредѣленiямъ проф. Введенскаго выходитъ, будто логика и гносеологiя сплошь основываются на психологiи. Въ самомъ дѣлѣ логическая и гносеологическая оцѣнка относится не къ какому-то полю, а къ мышленiю, именно къ свойствамъ или законамъ мышленiя, которые раньше, чѣмъ подвергнуться оцѣнкѣ со стороны ихъ годности для расширенiя знанiя, должны быть установлены *безоцѣночнымъ* образомъ.

Такъ, напр., ученiе о логической позволительности умозаключенiй лишь въ отношенiи къ нашимъ представленiямъ о бытiи, а не въ примѣненiи къ истинному бытiю основано на томъ, что *законъ противорѣчiя есть законъ естественный только для представленiй, но не для мышленiя*. Исслѣдованiе, устанавливающее это свойство закона противорѣчiя, само по себѣ имѣетъ, конечно, безоцѣночный характеръ, слѣдовательно, согласно собственнымъ опредѣленiямъ проф. Введенскаго, оно относится къ психологiи, и то, что оно использовано впоследствии въ гносеологiи для ученiя о позволительности умозаключенiй, не выдѣляетъ его изъ области психологiи, а только показываетъ, что проф. Введенскій принужденъ считать свою гносеологiю основанною на психологiи. Пояснить сказанное можно съ помощью слѣдующей аналогiи: представимъ себѣ, что психологiя установила законъ «гнѣвъ приводитъ къ спутанности сознанiя», а этика, имѣя въ виду это свойство гнѣва, признаетъ поведение человѣка, поддающагося безъ борьбы гнѣву, предосудительнымъ; очевидно, такая оцѣнка гнѣва немыслима безъ знанiя психологiи гнѣва.

Не только гносеология, но и вся логика проф. Введенского полна безоцѣночныхъ изслѣдованій о свойствахъ различныхъ способовъ мышленія, и результаты этихъ изслѣдованій въ связи съ оцѣночными посылками служатъ основаніемъ оцѣнки годности различныхъ способовъ мышленія для расширенія знанія. Законъ исключеннаго третьяго, очевидно, не содержитъ въ себѣ никакой оцѣнки. Законъ тождества не только не содержитъ въ себѣ никакой оцѣнки, но даже и самъ проф. Введенскій считаетъ его психологическимъ, а между тѣмъ на немъ основывается самая возможность силлогизмовъ (стр. 232, 239).

Разсмотримъ, наконецъ, любое рассужденіе слѣдующаго типа: умозаключенія, дающія въ выводѣ аналитическое сужденіе, не пригодны для расширенія знанія; умозаключенія, состоящія изъ однихъ лишь аналитическихъ посылокъ, даютъ въ выводѣ аналитическое сужденіе; слѣдовательно, такія умозаключенія не пригодны для расширенія знанія. Въ этомъ рассужденіи меньшая посылка (вторая) безоцѣночна; слѣдовательно, она получена, по теоріи проф. Введенскаго, изъ психологіи. Рассужденія въ родѣ приведеннаго наполняютъ всякую систему логики; въ нихъ безоцѣночныя посылки содержатъ въ себѣ выраженіе важнѣйшихъ законовъ, установленіе которыхъ и составляетъ главную и труднѣйшую задачу логики, а оцѣнка присоединяется къ нимъ, какъ самое легкое дѣло ¹⁾. Стоитъ только замѣтить это, чтобы признать, что проф. Введенскій не нашель, въ чемъ заключается разница между психологіею и логикою, и не объяснилъ, какимъ образомъ логика и гносеологія строятся *независимо* отъ психологіи. Это и понятно; если бы мышленіе сплошь было только психическимъ процессомъ, то тогда никакими способами нельзя было бы разграничить по существу психологію и логику. Многіе кантіанцы, замѣтивъ, что это науки глубоко различныя, но придерживаясь традиціоннаго ученія о сознаніи, какъ совокупности только психическихъ процессовъ въ познающемъ индивидуумѣ, бесплодно бились надъ вопросомъ, какъ объяснить разницу между ними. Сходно съ проф. Введенскимъ рассуждалъ, напр., Когенъ въ то давно прошедшее время, когда онъ былъ кантіанцемъ и писалъ *Kants Theorie der Erfahrung* (2. изд. 1885 г.).

¹⁾ Этотъ характеръ логики превосходно очерченъ *Гуссерлемъ* въ его „Логическихъ изслѣдованіяхъ“, I т., перев. под. ред. С. Франка.

Нельзя не быть благодарнымъ проф. Введенскому, вступившему на этотъ путь: благодаря прозрачности мысли въ его «Логикѣ» нетрудно показать, что этотъ способъ разграниченія логики, гносеологіи и психологіи не ведетъ къ цѣли.

Различіе между этими науками безконечно болѣе глубоко; онѣ изучаютъ не одинъ и тотъ же предметъ, а два разные предмета. Словомъ мышленіе обозначается сложное цѣлое, состоящее, съ одной стороны, изъ психической дѣятельности индивидуума (напр., изъ дѣятельности сравненія), а, съ другой стороны, изъ того, на что эта дѣятельность направлена (изъ мыслимаго посредствомъ мышленія), и что вовсе не обязано быть психическимъ, но можетъ принадлежать къ любому царству бытія, можетъ даже быть идеею въ платоновскомъ смыслѣ (напр., идеею числа три). Первая сторона мышленія (актъ мышленія) *субъективна*, а вторая (мыслимое, т.-е. предметъ и содержаніе мышленія)—*объективна* ¹⁾. Психологія изучаетъ субъективную психологическую сторону мышленія, а гносеологія — объективную сторону его. При этомъ въ объективной сторонѣ сужденія для гносеологіи имѣетъ наибольшее значеніе *идеальная* (въ платоновскомъ смыслѣ) часть его субъективной стороны (количество, функциональная зависимость и т. п., однимъ словомъ, все то, благодаря чему реальный міръ имѣетъ характеръ *системы*), а логика, можно сказать, исключительно имѣетъ дѣло съ *идеальною* стороною сужденія.

Нерѣдко проф. Введенскій такъ излагаетъ логику, какъ будто самъ примыкаетъ къ приведенному выше различію субъективной психической и объективной непсихической стороны мышленія (см., напр., стр. 9), однако, это дѣлается, очевидно, безответно; философъ, дѣйствительно признающій такое разграниченіе, не утверждалъ бы, что логика и психологія имѣютъ *одинъ и тотъ же* предметъ изслѣдованія, не пришелъ бы въ своей гносеологіи къ выводу, что этотъ предметъ состоитъ исключительно изъ *душевныхъ* явленій, и въ особенности не утверждалъ

¹⁾ Она можетъ быть и транссубъективною (когда мыслимое, напр., есть паденіе камня) и субъективною (когда мыслимое есть моя радость и т. п.). Мы, конечно, не считаемъ синонимами термины „объективный“ и „транссубъективный“, какъ это дѣлаетъ проф. Введенскій на стр. 267. Подробное разъясненіе, сдѣланныхъ различій см. въ моемъ „Введеніи въ философію“, стр. 231—252.

бы, что логика есть «только» оцѣночная наука. Выслушавъ приведенныя мною замѣчанія въ засѣданіи Спб. философскаго Общества, проф. Введенскій заявилъ, что они легко будутъ устранены въ третьемъ изданіи книги путемъ вычеркиванія слова «только» (на 6 стр.), т.-е. путемъ признанія, что логика изучаетъ мышленіе отчасти безоцѣночно, отчасти оцѣночно. На дѣлѣ отъ этого положеніе нисколько не улучшится. Выдѣливъ изъ состава логики безоцѣночныя изслѣдованія мышленія и поставивъ ихъ рядомъ съ психологическими безоцѣночными изслѣдованіями мышленія, по какому признаку узнаю я, что принадлежитъ логикѣ и что психологій? Какой бы отвѣтъ ни былъ данъ, онъ обязываетъ къ признанію, что *одни* безоцѣночно установленныя свойства мышленія суть предметъ изслѣдованія психологій, а *другія*—предметъ логики, т.-е. отказаться отъ мысли, будто предметъ этихъ наукъ *одинъ и тотъ же*.

Предыдущими разсужденіями мы вовсе не хотимъ установить, будто система проф. Введенскаго насъвозъ психологистична. Разница между психической и идеальной стороною сужденія такъ громадна, что быть чистымъ психологистомъ въ логикѣ немислимо; можно только по недоразумѣнію считать себя чистымъ психологистомъ, или же можно замѣтить непсихологическій характеръ логики, но не быть въ состояніи объяснить, почему это такъ. Отсюда возникаетъ слѣдующее бѣдствіе: не зная точнаго критерія, отличающаго сферы двухъ наукъ, и руководясь только тактомъ, мы въ частностяхъ (въ изслѣдованіи производнаго) не будемъ психологистами, но при рѣшеніи глубочайшихъ, особенно *новыхъ* проблемъ рискуемъ сбиться съ правильнаго пути и впасть въ психологизмъ. Обезопасить себя отъ этого бѣдствія можно не иначе, какъ обосновывая логику на гносеологій, дающей теорію сознанія, при чемъ эта теорія, во избѣжаніе догматическихъ предпосылокъ, должна слагаться только изъ точнаго *описанія* элементовъ сознанія, полученнаго путемъ *анализа* непосредственно наблюдаемаго *состава* сознанія.

Проф. Введенскій не хочетъ основывать логику на гносеологій, слѣдовательно, хочетъ обойтись безъ всякой теоріи сознанія. Логика, по его мнѣнію, должна опираться на самое себя. Почему?—потому что нужно «раньше всего выяснить условія правильности мышленія» (стр. 39). Но вѣдь логика не можетъ, едва раскрывъ ротъ, въ первомъ своемъ сужденіи высказать, что та-

кое правильное мышление. Въ системѣ проф. Введенскаго эта проблема рѣшается не ранѣе, чѣмъ на 250 стр. Слѣдовательно, даже и начиная съ логики, пришлось на всѣхъ предыдущихъ страницахъ высказывать рядъ ученій, не зная еще условій правильности мышления. Если такъ, то какое же *принципіальное* возраженіе можно выставить противъ того философа, который начинаетъ изслѣдованіе съ *описанія* элементовъ сознанія, отличить въ составѣ *сознаваемого* идеальную сторону его и, точно обособляя ее отъ субъективно-психическихъ элементовъ сознанія, сдѣлаетъ ее предметомъ изученія въ логикѣ? Всякое такое изслѣдованіе кажется проф. Введенскому психологизмомъ. И неудивительно: проф. Введенскій, какъ видно изъ его гносеологическихъ выводовъ, считаетъ сознаніе всего лишь совокупностью *психическихъ* процессовъ; слѣдовательно, въ его глазахъ всякая теорія сознанія принадлежитъ къ области *психологіи*. Кто усмотрѣлъ, что психическое есть только *часть* сознанія, для того ясно, что анализъ состава сознанія есть не психологическое изслѣдованіе. Этотъ анализъ *впервые ограничиваетъ* психическое отъ физическаго, реальное отъ идеальнаго, логическое отъ нелогическаго и т. п.; слѣдовательно, онъ впервые отмежевываетъ область психологіи отъ области физики, область этихъ двухъ наукъ отъ логики и т. д. Только послѣ этого анализа можно не сбиться съ пути, занимаясь логикою.

Проф. Введенскій обходится въ логикѣ безъ теоріи сознанія. Отсюда получается рядъ бѣдствій, прежде всего то, что въ разсматриваемой *гносеологической* логикѣ нѣтъ *никакой теоріи сужденія*. Нельзя же считать теоріею заявленіе, что *сужденіями* логика издавна назвала *такія мысли, въ которыхъ мы что-либо утверждаемъ или отрицаемъ о чемъ-либо* (стр. 7), а между тѣмъ сверхъ этого (на стр. 50 повторено то же самое) о сужденіи вообще проф. Введенскій больше ничего не говоритъ.

Эта черта системы проф. Введенскаго особенно поражаетъ, когда имѣешь въ виду современную литературу по логикѣ, напр., логику Шуппе, Зигварта, Липпса и т. п., гдѣ теорія сужденія наиболѣе усиленно разрабатывается и выдвигается настолько на первый планъ, что граница между сужденіемъ и умозаключеніемъ иногда почти стирается, и теорія умозаключенія вытекаетъ изъ теоріи сужденія въ качествѣ подчиненнаго придатка (такова, напр., логика Шуппе, Липпса, интуитивизма).

Важнѣйшую роль въ теоріи сужденія играетъ вопросъ, какое отношеніе существуетъ между двумя понятіями, входящими въ составъ сужденія. По Джевонсу и многимъ другимъ системамъ логики, это—отношеніе тождества, полного или частичнаго. По Шуппе, сужденіе всегда содержитъ въ себѣ категоріальное отношеніе между двумя понятіями, именно или отношеніе тождества (либо различія) или отношеніе причинной зависимости (кантіанецъ Шуппе сознательно отождествляетъ понятіе логической и причинной необходимой связи ¹). По Липпсу, субъектъ и предикатъ относятся другъ къ другу, какъ основаніе и слѣдствіе. Согласно моему интуитивизму, это — онтологическое отношеніе функциональной зависимости, вошедшее въ составъ объективной стороны сужденія и потому функционирующее, какъ логическая связь основанія и слѣдствія.

Какъ же на этотъ важнѣйшій вопросъ отвѣчаетъ проф. Введенскій? Взявъ два примѣра сужденій «собаки суть животныя», «киты не рыбы», проф. Введенскій говоритъ: «связкой, или отношеніемъ сказуемаго къ подлежащему, въ первомъ служитъ утвержденіе, а во второмъ отрицаніе сказуемаго о подлежащемъ» (стр. 50).

Это ученіе есть или грамматическое, или психологическое, но ни въ коемъ случаѣ не логическое. Въ самомъ дѣлѣ, словами «утвержденіе и отрицаніе чего-либо» обозначается *психическій актъ* согласія (съ сочетаніемъ—«собаки—животныя») или несогласія (съ сочетаніемъ «киты—рыбы»), которое возникаетъ *по поводу* какого-то подлинно логическаго отношенія между понятіями, которое *вынуждаетъ* насъ, если мы стремимся къ познанію истины, съ одними сочетаніями понятій соглашаться, а съ другими не соглашаться ²). Что это за отношеніе, этотъ вопросъ остался неизслѣдованнымъ въ разсматриваемой «Логикѣ», за *исключеніемъ одного случая*, именно аналитическихъ сужденій. Въ нихъ проф. Введенскій находитъ логическую связь между пре-

¹) Schuppe, Erkenntnisstheoretische Logik, стр. 700.

²) Отъ „утвержденія и отрицанія чего-либо о чемъ-либо“ нужно отличать положительность и отрицательность понятій въ отношеніи къ другимъ понятіямъ и сужденій въ отношеніи къ другимъ сужденіямъ. Эта положительность и отрицательность есть логическій элементъ сужденія, но она не отличена отъ психическаго акта утвержденія и не изслѣдована въ книгѣ проф. Введенскаго.

дикатомъ и субъектомъ и потому считаетъ ихъ внутренно логически необходимыми. На примѣрѣ этихъ сужденій становится совершенно яснымъ, что утвержденіе есть не важная для логики, субъективная, психологическая сторона сужденія, надстраивающаяся надъ объективною стороною, надъ объективно-необходимою связью между субъектомъ и предикатомъ сужденія. Такое же изслѣдованіе необходимо было произвести также и въ отношеніи синтетическихъ сужденій. Но проф. Введенскій не произвелъ этой работы и потому, согласно его теоріи, синтетическія сужденія оказались лишенными логическаго элемента въ самой важной своей части, въ отношеніи между субъектомъ и предикатомъ; они оказались охарактеризованными только со стороны психологической, со стороны наличности въ нихъ утвержденія. Но, какъ извѣстно, *психологическій актъ утвержденія* (въ случаѣ пристрастія, легкомыслія и т. п.), а также *грамматическую форму* сужденія можно наложить на какое угодно сочетаніе понятій или даже просто чувственныхъ знаковъ (словъ), напр., можно сказать: «слонъ есть плоскій треугольникъ». Этотъ нелѣпый наборъ словъ приходится отнести къ числу сужденій, согласно теоріи проф. Введенскаго, который изслѣдовалъ только грамматическую и субъективную психологическую сторону синтетическихъ сужденій, и вовсе не коснулся объективной, а тѣмъ болѣе логической стороны ихъ. Отсюда ясно, почему проф. Введенскій полагаетъ, будто ни одно синтетическое сужденіе (даже и $2 + 2 = 4$) не понятно само по себѣ, и каждое изъ нихъ можетъ быть отвергнуто само по себѣ, безъ всякой явной нелѣпости.

Въ свою очередь, намъ непонятно, почему проф. Введенскій считаетъ синтетическія сужденія—сужденіями; какъ они отличаются отъ простыхъ ассоціацій представленій? неужели только тѣмъ, что въ ихъ составѣ есть *психическій актъ согласія* или *несогласія*? неужели, напр., высказываніе «слонъ есть плоскій треугольникъ» благодаря своей грамматической формѣ и психическому акту утвержденія становится тѣмъ специфически логическимъ образованіемъ, которое называется сужденіемъ? *

Такъ какъ проф. Введенскій не довелъ до конца изслѣдованія синтетическихъ сужденій и не нашелъ въ нихъ логической связи, то получилась пропасть между синтетическими сужденіями, съ одной стороны, и аналитическими сужденіями, а

также умозаключеніями (хотя бы изъ синтетическихъ посылокъ), съ другой стороны. Въ самомъ дѣлѣ, въ синтетическихъ сужденіяхъ нѣтъ логической связи, тогда какъ умозаключенія и аналитическія сужденія основаны на логической связи и притомъ *не связи одного и того же типа*, названной нами аналитическою логическою связью. Однако, какъ возможно такое средство между умозаключеніями и аналитическими сужденіями? Вѣдь умозаключеніе должно дать въ выводѣ *новую* мысль въ сравненіи съ посылками, слѣдовательно, связь вывода съ посылками имѣетъ синтетическій, а не аналитическій характеръ. Отсюда, повидимому, прямо вытекаетъ, что умозаключенія не аналогичны аналитическимъ сужденіямъ, и логическая связь вывода съ посылками основана *не на законъ противорѣчія*. Найдемъ, въ чемъ состоитъ эта необходимость, и тогда мы построимъ понятіе синтетической логической необходимости, которое устранить пропасть между синтетическими сужденіями и умозаключеніями.

Начнемъ съ критики ученія проф. Введенскаго о логической связи и необходимости, и прежде всего установимъ, что связь, основанная на законѣ противорѣчія, заслуживаетъ названія *аналитической*.

Въ качествѣ одного изъ примѣровъ логической связи проф. Введенскій приводитъ отношеніе между субъектомъ и предикатомъ аналитическаго сужденія, напр., «квадраты прямоугольны» (стр. 234). Выразивъ схематически такое сужденіе словами « $P \vdash a$ есть P » (какъ это дѣлаетъ самъ проф. Введенскій на стр. 217), нельзя не признать, что отношеніе между субъектомъ и предикатомъ его есть отношеніе тождества (частичнаго) и, слѣдовательно, необходимость признанія такихъ сужденій истинными основывается на законѣ *тождества*. Однако, проф. Введенскій держится иного мнѣнія, именно полагаетъ, что логическая обязательность признанія такихъ сужденій истинными основывается на законѣ *противорѣчія* (вмѣстѣ съ закономъ исключеннаго третьяго) и не допускаетъ, чтобы она основывалась на законѣ тождества, какъ это видно, во-первыхъ, изъ его ученія о полной самостоятельности законовъ тождества и противорѣчія (стр. 241), а во-вторыхъ, вообще изъ его ученія о логическихъ законахъ и ихъ роли въ мышленіи (гл. XII). Какое же мнѣніе слѣдуетъ считать правильнымъ, законъ тождества или законъ

противорѣчія есть принципъ, лежащій въ основѣ аналитическихъ сужденій? ¹⁾).

Какъ это часто бываетъ, оказывается, что оба утверждения одновременно вѣрны въ своей *положительной* части. Признание истинности сужденія « $P \vdash a$ есть P » требуется *одновременно* и закономъ тождества и закономъ противорѣчія, съ тою лишь разницею, что когда мы высказываемъ согласіе съ этимъ сужденіемъ, болѣе замѣтна роль закона тождества, а когда пытаемся отрицать его и усматриваемъ ложность такого отрицанія, то становится болѣе замѣтною роль закона противорѣчія (и исключеннаго третьяго). То же относится и къ отрицательнымъ аналитическимъ сужденіямъ. Допустимъ, что схема этихъ сужденій « $x \vdash a$ не есть $y \vdash \text{non } a$ », данная проф. Введенскимъ на стр. 218, вѣрна (во избѣжаніе спора о мелочахъ не будемъ возражать противъ нея). Здѣсь опять - таки ясно, что признание истинности этого сужденія требуется и закономъ тождества и закономъ противорѣчія. Это совмѣстное дѣйствіе обоихъ или, вѣрнѣе, трехъ законовъ (закона тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго) не указываетъ ли на то, что существуетъ только одинъ законъ, напр., законъ тождества, а два остальные закона представляютъ собою лишь иное словесное выраженіе перваго закона? Противъ такого ученія проф. Введенскій рѣшительно возражаетъ (стр. 241 сл.), и въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ нимъ. Дѣйствительно, передъ нами находятся три различные закона, а не три различныя словесныя формулы одного и того же закона. Не слѣдуетъ, однако, переоцѣнивать самостоятельность этихъ законовъ, что, какъ мы полагаемъ, дѣлаетъ проф. Введенскій (признаюсь, подъ вліяніемъ проф. Введенскаго я въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ преувеличивалъ самостоятельность этихъ законовъ). Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько законовъ могутъ быть самостоятельными въ томъ смыслѣ, что

¹⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, *есть* сужденія имѣютъ синтетическій характеръ, если сравнивать опознанное содержаніе ихъ субъекта и предиката; аналитическія сужденія суть фикція, созданная представителями логики. См. объ этомъ мое „Введеніе въ философію“ стр. 115—118, 247—249 и особенно мою статью „Реформа понятія сознанія въ современной гносеологіи и ея значеніе для логики“ (печатается). Въ дальнѣйшемъ, однако, мы допускаемъ фикцію существованія сужденій, выраженныхъ схемою „ $P \vdash a$ есть P “ и рассматриваемъ, къ чему она обязываетъ.

они говорятъ каждый о различномъ, но это различное есть не что иное, какъ разныя *стороны* одного и того же качества, неразрывно связанныя другъ съ другомъ. Въ такомъ случаѣ выполнение или нарушеніе одного изъ законовъ неразрывно связано съ выполнениемъ или нарушеніемъ остальныхъ законовъ. Именно въ такой связи находятся другъ съ другомъ законъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго.

Эти три логическіе закона параллельны тремъ *онтологическимъ* законамъ, которые неразрывно связаны другъ съ другомъ, такъ какъ выражаютъ съ различныхъ сторонъ одно и то же свойство всего, что существуетъ, и что можетъ стать содержаніемъ сознанія, именно *опредѣленность*, состоящую въ томъ, что, напр., краснота есть краснота и не можетъ быть зеленостью, которая есть не краснота. Исчерпывающее выраженіе этой опредѣленности всего существующаго можетъ быть дано въ слѣдующихъ трехъ законахъ, которые удобнѣе всего выразить съ помощью символа А, такъ какъ трудно найти краткіе однозначные термины для передачи столь абстрактныхъ мыслей: «все, что есть, есть какое-либо опредѣленное А», «ни одно А не есть не А», «все, что есть, есть или А или не-А».

Эти три закона такъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, что, высказывая первый изъ нихъ, характеризующій положительную сторону опредѣленности, именно утверждающій А'товость А, мы неизбежно *думаемъ при этомъ про себя также и о второмъ и третьемъ законѣ*, характеризующихъ эту опредѣленность съ другихъ сторонъ, а потому возникаетъ иллюзія, будто второй и третій законъ суть лишь пересказъ перваго закона другими словами.

Все, что существуетъ, можетъ сдѣлаться предметомъ знанія, т.-е. можетъ войти въ составъ *объективной* стороны сужденія. Въ этомъ случаѣ указанная выше *опредѣленность* функционируетъ, какъ одно изъ важныхъ условій возможности общихъ элементарныхъ методовъ построенія и обоснованія сужденія. Въ виду этой своей функции въ сужденіи она можетъ быть названа *логическимъ* элементомъ сужденія ¹⁾ и можетъ быть вы-

¹⁾ Словомъ „логическій“ я называю всѣ тѣ элементы объективной стороны сужденія, которые служатъ условіемъ возможности общихъ элементарныхъ методовъ обоснованія сужденія (таковы количество, качественная опредѣленность вообще, т.-е. въ отвлеченіи отъ видоизмѣненной ея, функциональ-

ражена въ видѣ слѣдующихъ трехъ *логическихъ* законовъ мышления: «при всѣхъ актахъ сужденія (мышленія) объективное содержаніе А остается тѣмъ же А»; «ни въ одномъ сужденіи (или сочетаніи ихъ) объективное содержаніе А не есть не-А», «всякій элементъ объективнаго содержанія сужденія есть или А или не-А». Эти три закона суть исчерпывающее и точное выраженіе мысли, что всякій элементъ объективной стороны сужденія есть нѣчто строго опредѣленное.

Принадлежать ли перечисленныя положенія къ числу нормъ или законовъ, зависитъ ли исполненіе ихъ отъ воли познающаго субъекта или нѣтъ ¹⁾? Отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ лишь тотъ, кто знаетъ, что такое мышленіе, основываясь на гносеологіи, именно на анализѣ состава сознанія. Согласно интуитивизму, мышленіе есть созерцаніе дѣйствительности, выдѣляющее путемъ различенія (т.-е. анализа, достигнутаго сравненіемъ) синтетическую необходимую связь между элементами дѣйствительности. Актъ созерцанія и сравненія есть *субъективная* сторона мышленія, иными словами, это есть *психическая* дѣятельность познающаго *индивидуума*. Наоборотъ, то, на что направлено созерцаніе и сравненіе, есть объективная сторона мышленія; это есть сама дѣйствительность, либо субъективная (напр., когда созерцаніе и анализъ направлены на «мою радость»), либо транссубъективная (напр., когда созерцаніе и анализъ направлены на такую дѣйствительность, какъ «движеніе поѣзда»). Если въ мышленіи дѣятельность *субъекта* ограничи-

ная зависимость между содержаніями понятій и т. п.); а такъ какъ, согласно моей теоріи (согласно интуитивизму) „объективное содержаніе сужденія есть не что иное, какъ *сами дѣйствительность*“, то отсюда получается сближеніе между логикою и онтологіею: одно и то же содержаніе міра (напр., функциональная зависимость, качественная опредѣленность вообще и т. п.), разсматриваемое, какъ независимое отъ акта сознанія познающаго субъекта, есть онтологическое, а поскольку оно становится содержаніемъ сужденія, оно составляетъ логическую сторону его“, (см. мое „Введеніе въ философію“ стр. 255).

¹⁾ Проф. Введенскій употребляетъ термины „естественный законъ“ и „нормативный законъ“. Однако, неудобно, говоря о столь общихъ законахъ, какъ логическіе, называть ихъ *естественными* законами (т.-е. законами природы). Поэтому вмѣсто слова „естественный законъ“ мы будемъ употреблять просто слово „законъ“, а то, что проф. Введенскій называетъ нормативнымъ закономъ, будемъ называть „нормою“.

вается лишь созерцаніемъ и анализомъ, а то, что дано для созерцанія, есть сама дѣйствительность, подчиненная перечисленнымъ выше онтологическимъ законамъ, т.-е. имѣющая характеръ строгой опредѣленности, то отсюда слѣдуетъ, что мышленіе, пока оно остается мышленіемъ, т.-е. созерцаніемъ и анализомъ, не можетъ нарушить перечисленныхъ логическихъ правилъ: «при всѣхъ актахъ сужденія (мышленія) объективное содержаніе А остается тѣмъ же А» и т. п. Иными словами, эти правила суть логическіе законы мышленія, а не нормы. Противорѣчіе, неотожествленіе А съ самимъ собою и т. п. могутъ явиться на сцену только тогда, когда мышленіе (т.-е. созерцаніе и анализъ) намѣренно или безотчетно осложнились примѣсю какой-либо другой дѣятельности субъекта, напр., фантазирования, высказыванія чисто ассоціативныхъ сочетаній и т. п. Такъ какъ эти дѣятельности субъективны, то, напр., при высказываніи «квадратъ, который я намѣренъ построить, будетъ круглый», противорѣчіе существуетъ не какъ созерцаемое, а какъ задача совершить синтезъ «круглости» и «некруглости»,—задача, о которой я понимаю, что она состоитъ въ томъ, чтобы соединить первое со вторымъ, но которую выполнить нельзя, и поэтому нельзя созерцать осуществленное «круглое некруглое».

Отъ воли человѣка зависитъ, будетъ ли онъ совершать актъ мышленія (т.-е. созерцать и анализировать) или актъ фантазирования и т. п. Поэтому не бесполезно преподавать для воли человѣка, ищущаго истины, рядъ нормъ (совѣтовъ), которыя облегчали бы ему задачу оберегаться, отъ невольной подмѣны мышленія другими дѣятельностями.

Конечно, эти нормы могутъ быть основаны только на существенныхъ признакахъ мышленія, т.-е. на такихъ признакахъ его, которые выражаются въ логическихъ законахъ мышленія. Основываясь на предыдущемъ, можно указать пока три нормы (служащія необходимымъ, но еще не достаточнымъ критеріемъ наличности мышленія, а потому пригодныя лишь какъ несомнѣнный критерій отсутствія мышленія): «утверждай, т.-е. принимай за истину, установленную мышленіемъ, только тѣ высказыванія, въ которыхъ всякій объективный элементъ отождествленъ съ самимъ собою, въ которыхъ нѣтъ противорѣчій и нѣтъ нарушенія закона исключеннаго третьяго».

Вслѣдствіе неразрывной связи соответствующихъ логическихъ

законовъ мышленія перечисленныя нормы также неразрывно связаны другъ съ другомъ, иными словами, нарушеніе одной изъ нихъ неизбежно связано съ нарушеніемъ двухъ остальныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что какой-либо ученый въ началѣ своего изслѣдованія устанавливаетъ, что «S есть P», а въ срединѣ, говоря о *томъ же* предметѣ, утверждаетъ, по неосмотрительности, что «S не есть P». Здѣсь нарушена норма противорѣчія. Но этого мало, здѣсь нарушена также норма тождества: имѣя въ виду *одинъ и тотъ же* предметъ, выраженный въ понятіи S, изслѣдователь *пересталъ* отождествлять содержаніе этого предмета само съ собою, когда призналъ его во второмъ высказываніи за не-P, тогда какъ въ первомъ оно было установлено, какъ P.

Въ защиту мысли, что здѣсь не нарушена норма тождества, можно было бы привести слѣдующее соображеніе: говоря, что «S есть P», а потомъ признавая, что «S не есть P», я *не отмѣняю* *перваго сужденія*, слѣдовательно, выполняю норму тождества, но только *рядомъ съ первымъ сужденіемъ* высказываю еще новое сужденіе «S есть не-P». Однако, это соображеніе невѣрно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, выразимъ критикуемую мысль проще. Если пара приведенныхъ сужденій нарушаетъ норму противорѣчія, то это значить, что въ нихъ рѣчь идетъ о нѣкоторомъ свойствѣ предмета S, рассматриваемаго въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же отношеніи. Значить, высказывая два такія сужденія, какъ вмѣстѣ истинныя, мы признали, что P есть P и вмѣстѣ съ тѣмъ не-P. Здѣсь есть *иллюзія* выполнения нормы тождества, потому что *первый* предикатъ удовлетворяетъ ей. Но вѣдь норма тождества требуетъ, чтобы P'товость *не одинъ* разъ, а *всякій* разъ утверждалась, какъ P'товость, слѣдовательно, благодаря второму предикату, эта норма нарушена. Утверждать, будто она здѣсь выполнена, это все равно, что сдѣлать два хода шахматнымъ конемъ, одинъ правильный, а другой неправильный, и на замѣчаніе противника, что правила игры нарушены, возразить: «нѣтъ, они соблюдены, такъ какъ первый ходъ сдѣланъ мною правильно».

Проф. Введенскій можетъ возразить, что я рассматриваю норму тождества, основанную не на томъ законѣ, который онъ называетъ закономъ тождества. Возьмемъ формулу проф. Введенскаго: *мышленіе подчинено такому закону, что отождествляетъ съ*

ней самой всякую мысль (и понятіе, и сужденіе), сколько бы разъ она ни повторялась, и въ связи съ какими бы мыслями ни встрѣчалась она въ нашемъ сознаниіи (239).

Если эта формула имѣетъ какой-либо опредѣленный смыслъ, то это значитъ, что сколько бы разъ ни встрѣчалось мнѣ Р, я, поскольку я мыслю, признаю его за Р. Сказавъ «S есть Р и не-Р», я обратилъ вниманіе два раза на Р (здѣсь два высказыванія) и въ первомъ случаѣ отождествилъ его съ собою, а во второмъ случаѣ пересталъ отождествлять его съ собою (значитъ, навѣрное совершилъ не актъ мышленія).

Наконецъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ, «S есть Р и не-Р», нарушена также и норма исключеннаго третьяго. Ее (если руководиться формулою закона исключеннаго третьяго, данною проф. Введенскимъ на стр. 233) можно выразить такъ: принимай за истину, установленную мышленіемъ, только такую систему высказываній, въ которой каждое понятіе поставлено или въ утвердительное или въ отрицательное отношеніе къ другому понятію, такъ какъ нельзя мыслить никакое третье отношеніе, которое замѣнило бы собой сразу и то, и другое. Нашъ изслѣдователь, отступивъ отъ нормы тожества и противорѣчія, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушилъ и норму исключеннаго третьяго, такъ какъ выдумалъ третье отношеніе, замѣняющее собою отрицаніе и утвержденіе въ отдѣльности, именно выдумалъ *одновременную комбинацію утвержденія и отрицанія*.

Такъ какъ всѣ три нормы и соотвѣтствующіе имъ законы относятся къ одному и тому же качеству содержаній сознанія, именно къ *опредѣленности* ихъ, и неразрывно связаны другъ съ другомъ, то нельзя давать имъ столь необычайно разнородную характеристику, какъ это дѣлаетъ проф. Введенскій. Нельзя, напр., законъ тожества и «естественный» законъ противорѣчія считать психологическими, а законъ исключеннаго третьяго логическимъ. Нельзя также утверждать, что принципъ тожества и исключеннаго третьяго суть *законы* мышленія, а принципъ противорѣчія есть только *норма* для мышленія ¹⁾.

¹⁾ Въ своей статьѣ „Основательно ли „Новое и легкое доказательство философскаго критицизма“? (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1909 г., июль), пользуясь однородными свойствами закона противорѣчія и исключеннаго третьяго, я поставилъ (на стр. 190) проф. Введенскаго передъ альтернативою: „или признать, что мыслимость противорѣчія имъ не доказана, или при-

Если бы не было определенности содержания мышления, то невозможно было бы различение ихъ, а слѣдовательно, и анализъ ихъ. Отсюда ясно, что указанные три логическіе закона суть условія возможности мышления, какъ *анализа*, выдѣляющаго изъ состава дѣйствительности опредѣленные синтетическія связи опредѣленныхъ элементовъ ея. Поэтому мы называемъ три указанные закона аналитическими логическими законами и связь, а также необходимость, основанную на нихъ, *аналитическою*. Въ самомъ дѣлѣ, если необходимость утверждения или отрицанія какой-либо мысли основана на законѣ противорѣчія (а слѣд., вмѣстѣ съ тѣмъ на законѣ тождества и исключеннаго третьяго), то это значитъ, что она можетъ быть удостовѣрена *однимъ анализомъ* уже имѣющихся мыслей, безъ помощи *новаго* соображаемаго содержанія. Такъ, если въ срединѣ книги какого-либо автора находится высказываніе «S не есть P», то я имѣю право отвергнуть его на основаніи закона противорѣчія, когда путемъ анализа начала изслѣдованія найду въ немъ доказанную мысль «S есть P».

Приступимъ теперь къ критикѣ теоріи умозаключеній проф. Введенскаго.

Ученіе, согласно которому связь посылокъ съ выводомъ основана на законѣ противорѣчія, можно назвать, согласно предвидущему, *аналитическою теоріею умозаключенія*. Въ этомъ вопросѣ проф. Введенскій направляется по традиціонному руслу формальной логики: аналитическія теоріи умозаключеній (въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, то съ подчеркиваніемъ роли закона тождества, то съ подчеркиваніемъ роли закона противорѣчія) за все время существованія логики не сходятъ со сцены и еще до сихъ поръ занимаютъ господствующее положеніе въ логикѣ. Только въ самое послѣднее время замѣчается медленный пово-

знать, что мышленіе не подчинено не только закону противорѣчія, но и закону исключеннаго третьяго“. Проф. Введенскій отклонилъ эту альтернативу указаніемъ на то, что въ приведенномъ мною примѣрѣ („Богъ есть абсолютное“) нарушена не норма исключеннаго третьяго, а норма противорѣчія. Изъ сдѣланныхъ выше разъясненій видно, что нарушение здѣсь нормы противорѣчія не только не мѣшаетъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ была нарушена норма исключеннаго третьяго, а даже требуетъ этого. Слѣдовательно, альтернатива, поставленная мною и губительная для теоріи проф. Введенскаго въ обѣихъ своихъ частяхъ, сохраняетъ свою силу.

ротъ въ новую сторону, какъ это будетъ указано ниже. Между тѣмъ достаточно одного общаго соображенія, чтобы увидѣть, что аналитическая теорія умозаключеній невозможна, и почувствовать въ самой острой формѣ потребность искать новыхъ путей въ логикѣ.

Въ умозаключеніи выводное сужденіе всегда содержитъ въ себѣ мысль, новую въ сравненіи съ посылками. Проф. Введенскій говоритъ: *„въ истинныхъ умозаключеніяхъ выводомъ всегда служитъ сужденіе новое сравнительно съ посылками, а въ кажущихся лишь повтореніе посылокъ въ полномъ или частичномъ видѣ“* (стр. 159).

Это значитъ, что связь между посылками и выводомъ—синтетическая, а не аналитическая: она однородна со связью между субъектомъ и предикатомъ синтетическаго сужденія. Всякое умозаключеніе можно даже выразить посредствомъ синтетическаго сужденія (АВ есть D), въ которомъ субъектомъ служитъ объективное содержаніе посылокъ (АВ), а предикатомъ — новое содержаніе (D), передающее объективный составъ вывода. Такъ, напр., умозаключеніе «ртуть—жидкость; а всѣ жидкости упруги; слѣд., и ртуть упруга» (примѣръ проф. Введенскаго) можно выразить посредствомъ слѣдующаго сужденія: необходимая связь двухъ паръ понятій, «ртуть и жидкость», «жидкое и упругое» сопутствуется необходимою связью пары понятій «ртуть и упруга». Это—сужденіе синтетическое. Отсюда ясно, что логическая обязательность перехода отъ посылокъ къ выводу не основывается ни на законъ противорѣчія, ни на законъ тождества.

Возражать противъ этого довода можно двумя способами. Во-первыхъ, можно согласиться съ тѣмъ, что умозаключеніе однородно съ синтетическимъ сужденіемъ, но утверждать, что отрицаніе вывода, комбинируемое съ болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ новыхъ умственныхъ операций, неизбежно приводитъ къ противорѣчію. Во-вторыхъ, можно отрицать, что умозаключеніе однородно съ синтетическимъ сужденіемъ и настаивать на томъ, что приведенное выше сужденіе, выражающее объективный составъ умозаключенія, имѣетъ аналитическій характеръ.

Разсмотримъ сначала первый способъ обоснованія умозаключеній на законъ противорѣчія. Защитникъ этого пути, очевидно, соглашается съ нами, что сужденіе «ртуть не упруга» (т.-е. отрицаніе вывода) само по себѣ не противорѣчитъ ни первой,

ни второй посылкѣ. Какія же умственные операціи приведутъ къ возникновенію противорѣчія? Можно взять отрицаніе вывода («ртуть не упруга»), соединить его съ одною изъ посылокъ силлогизма («ртуть—жидкость») и получить отсюда (по третьей фигурѣ) новый выводъ «нѣкоторыя жидкости не упруги», противорѣчающій большей посылкѣ *перваго* силлогизма. Однако, здѣсь противорѣчіе получено путемъ *второго* вывода и раньше, чѣмъ принять этотъ выводъ, полученный по третьей фигурѣ, мы должны отдать себѣ отчетъ, на чемъ основана *его* логическая обязательность (если его логическая обязательность не будетъ установлена, то не будетъ и возникновенія противорѣчія вслѣдствіе отрицанія перваго вывода). Ясно, что теперь нужно примѣнить теорію проф. Введенскаго ко *второму* силлогизму (третьей фигуры) и показать, что упрямецъ, говорящій «хотя ртуть не упруга и ртуть есть жидкость, все же я утверждаю, что всѣ жидкости упруги», долженъ придти къ противорѣчію. Какимъ способомъ удастся это сдѣлать? Для этого нужно взять отрицаніе правильнаго вывода (т.-е. сужденіе «всѣ жидкости упруги») соединить его съ посылкою «ртуть—жидкость» и получить опять нашъ первый выводъ (по первой фигурѣ силлогизма). Иными словами, пытаюсь доказать, что логическая обязательность перехода отъ посылокъ къ выводу основана на законѣ противорѣчія, мы возвращаемся въ кругъ. Появленіе круга можно только на короткое время отдалить, сводя отрицаніе вывода третьей фигуры къ противорѣчію посредствомъ второй фигуры («всѣ жидкости упруги, ртуть не упруга...»), но тогда отрицаніе вывода второй фигуры придется сводить къ противорѣчію посредствомъ нашего перваго силлогизма (по первой фигурѣ).

Указаніе проф. Введенскаго (сдѣланное во время преній), что на стр. 232 своей книги онъ имѣлъ въ виду сведеніе къ противорѣчію путемъ «кажущагося вывода», состоящаго въ томъ, что посылки «ртуть не упруга» и «ртуть жидкость» даютъ право на сужденіе «ртуть есть не упругая жидкость», не выводитъ изъ затрудненія. «Кажущимся выводомъ» проф. Введенскій называетъ «повтореніе посылокъ въ полномъ или частичномъ видѣ» (стр. 159). Въ данномъ случаѣ, если бы мы ограничились «кажущимся» выводомъ, т.-е. дѣйствительно только повторили бы посылки, получилось бы сужденіе «ртуть жидка и не упруга», что не противорѣчитъ мысли «всѣ жидкости упруги» (въ родѣ того, какъ

изъ двухъ сужденій «NN красивъ лицомъ» и «NN не красивъ фигурою» получается сужденіе «NN красивъ лицомъ и не красивъ фигурою», въ которомъ «некрасивость» не перенесена на красоту лица). Противорѣчіе впервые получается тогда, когда на основаніи упомянутыхъ посылокъ я говорю «ртуть есть неупругая жидкость», т.-е. переношу свойство неупругости со ртути на жидкость. Это—мысль новая; если она обязательна при данныхъ посылкахъ, то передъ нами подлинное умозаключеніе и опять встаетъ вопросъ, на чемъ основывается логическая обязательность его; иными словами, мы опять попадаемъ въ положеніе, описанное выше ¹⁾).

Слѣдуетъ замѣтить, что если бы описанное пониманіе умозаключеній было правильнымъ, то всѣ доказательства имѣли бы характеръ *апагогическій*. Существенная черта апагогическихъ доказательствъ состоитъ въ томъ, что при нихъ мы прямо не усматриваемъ связи между двумя идеями: намъ указываютъ нѣсколько возможностей и устанавливаютъ, что первая изъ нихъ, вторая и т. п. недопустимы, такъ какъ ведутъ къ противорѣчію, а потому намъ *приходится остановиться* на послѣдней возможности не вслѣдствіе того, чтобы она прямо вытекала изъ содержанія посылокъ, а только потому, что больше некуда, такъ сказать, приклонить голову. Такія доказательства имѣютъ характеръ травли звѣря (убѣждаемаго ума), котораго изгоняютъ изъ каждаго угла, куда онъ забѣжалъ (вскрывая ложь, т.-е. противорѣчіе), и *оставляютъ въ покоѣ* въ послѣднемъ углу, не давая однако никакихъ *положительныхъ* указаній, надежно ли это пристанище. Когда намъ предлагаютъ такимъ способомъ истолковывать логическую обязательность даже столь прямыхъ доказательствъ, какъ «ртуть—жидкость, жидкости упруги, слѣдовательно, ртуть упруга», то эта теорія сразу производитъ впечатленіе натяжки ²⁾).

¹⁾ Замѣчу при этомъ, что и раньше описанное умозаключеніе по третьей фигурѣ, строго говоря, даетъ выводъ „въ нѣкоторыхъ случаяхъ то, что жидко, не упруго“ (въ одной вещи совмѣстимы свойства быть жидкимъ и неупругимъ), что не противорѣчитъ посылкѣ „всѣ жидкости упруги“. Мы привыкли невнимательно относиться къ тончайшимъ вопросамъ логики и терпимъ до сихъ поръ неправильныя общепринятыя формулы выводовъ по третьей фигурѣ. Ср. замѣчанія Шуппе въ его Erkenntnisstheor. Logik. стр. 139 и 343.

²⁾ Соглашаясь, что приведенный силлогизмъ логически обязываетъ къ выводу прямо, безъ ссылки на противорѣчіе при отрицаніи его, многіе пред-

Впрочемъ, выше было указано, что защитники обоснованія вывода на законѣ противорѣчія могутъ пойти инымъ путемъ, чѣмъ проф. Введенскій. Они могутъ утверждать, что отрицаніе вывода вступаетъ въ противорѣчіе съ посылками прямо, безъ помощи всякихъ дополнительныхъ умственныхъ операций надъ ложнымъ выводомъ (безъ помощи третьей фигуры и т. п.). Это значитъ утверждать, что сужденіе, выражающее *составъ умозаключенія*, есть *аналитическое*. Такую мысль можно отстаивать двумя способами.

Во-первыхъ, можно утверждать, что существуетъ частичное тождество прямо между выводомъ и большою посылкою. Для этого нужно понимать большую посылку, общее сужденіе «всѣ жидкости упруги», какъ *коллективное* единство, т.-е. какъ сокращенное обозначеніе связки единичныхъ сужденій: «вода упруга, спиртъ упругъ, ртуть упруга и т. д.» (собственно, для перечисленія настоящихъ единичныхъ сужденій, нужно было бы говорить: «вода въ этомъ стаканѣ упруга, вода въ этомъ ручьѣ теперь и т. д.»). Однако, такъ понимать силлогизмъ нельзя. Это блестяще доказано Миллемъ въ его замѣчательной критикѣ теорій силлогизма, считающихъ большую общую посылку однимъ изъ основаній вывода.

Милль въ этой критикѣ рассматриваетъ общее сужденіе, какъ коллективное единство ¹⁾, и показываетъ, что одно изъ двухъ: либо списокъ единичныхъ сужденій полонъ, и тогда мы *не нуждаемся въ силлогистическомъ умозаключеніи*, такъ какъ интересующее насъ сужденіе уже входитъ *explicité* въ списокъ, или же мы нуждаемся въ силлогистическомъ умозаключеніи (когда интересующее насъ сужденіе еще не оправдано), но тогда у насъ нѣтъ полного списка, т.-е. нѣтъ общей посылки. Эта критика неопровержима, если разумѣть подъ общимъ сужденіемъ *кол-*

ставители логики считаютъ это прямое обоснованіе опирающимся на законъ тождества. На дѣлѣ, если выводное сужденіе расширяетъ знаніе, т.-е. содержитъ въ себѣ *новую* мысль, то логическая обязательность перехода къ ней отъ посылокъ не можетъ быть оправдана закономъ тождества. Подробное рассмотрѣніе этого вопроса сдѣлано мною въ статьѣ «Реформа понятія сознанія въ современной теоріи знанія и значеніе ея для логики» (печатается). Но и въ этой статьѣ дальнѣйшая аргументація противъ обоснованія вывода на законѣ противорѣчія вся приложима также къ закону тождества.

¹⁾ См., напр., «Система логики», кн. II, гл. III, § 4, стр. 217, въ русскомъ перев. Резенера.

активное единство ¹⁾. Недостатокъ ея заключается лишь въ томъ, что Милль принялъ ее за критику, разрушающую *всякую* теорію силлогизма, считающую общую посылку однимъ изъ оснований вывода, и потому пришелъ къ скептической теоріи, сущность которой можно выразить такъ: силлогизмъ есть вѣроятное умозаключеніе отъ частнаго къ частному, контролируемое другимъ вѣроятнымъ умозаключеніемъ отъ *того же* частнаго (служившаго посылкою) къ общему. Для защиты теоріи, по которой общая большая посылка находится въ числѣ оснований вывода и для спасенія отъ скептицизма Милля, существуетъ единственный путь: установить, что общее сужденіе есть не коллективное единство, а *родовая единица*. Сужденіе «всѣ жидкости упруги» служить основаніемъ вывода не какъ утвержденіе, относящееся къ неосуществимой *коллекции всѣхъ жидкостей*, а какъ утвержденіе объ *одномъ единственномъ* предметѣ, именно о содержаніи понятія жидкость, неразрывно связанномъ съ содержаніемъ понятія упругость («жидкое упруго»). Чтобы это установить, необходимо произвести анализъ состава сознанія и найти въ немъ *идеальные* элементы (въ платоновскомъ смыслѣ) въ отличіе отъ потока событий душевной жизни ²⁾.

Силлогизмъ даетъ въ такомъ случаѣ (напр., въ математикѣ, которая легко находитъ необходимыя связи между подлинно идеальными элементами содержанія сознанія) необходимый, а не только вѣроятный выводъ, но уже безъ всякой включенности выводного сужденія въ большую посылку; высказывая его (напримѣръ, «ртуть—жидка, а жидкое—упруго, слѣдовательно, ртуть упруга»), или вовсе не нужно употреблять слово «всѣ» въ большей посылкѣ или можно воспользоваться имъ только, какъ неточнымъ выраженіемъ мысли, что достаточно имѣть со-

¹⁾ Возраженія проф. Введенскаго представляются намъ основанными на неточномъ изложеніи ученія Милля, особенно поскольку проф. Введенскій приписываетъ Миллю игнорированіе роли меньшей посылки; ср. изложеніе Милля, мое приведенное выше толкованіе и критику проф. Введенскаго на стр. 224—226 разсматриваемой „Логики“.

²⁾ Изъ этого примѣра видно, что разсужденія о номинализмѣ, реализмѣ и т. п. совершенно необходимы въ логикѣ и не представляютъ собою *психологическаго* изслѣдованія, какъ это полагаетъ проф. Введенскій, утверждающій, что они „составляютъ чисто-механической, ни къ чему ненужный прирѣзокъ къ логикѣ“ (стр. 71).

держаніе понятія «жидкость», чтобы было налицо и содержа- ніе понятія «упругость».

Теперь остается еще одинъ послѣдній способъ попытаться защитить аналитическую теорію силлогизма. Въ основѣ его ле- житъ иллюзія, являющаяся, по нашему мнѣнію, первоисточни- комъ всѣхъ аналитическихъ теорій въ логикѣ. Можно утвер- ждать, что отрицаніе выводного сужденія противорѣчитъ не большей или меньшей посылкѣ отдѣльно взятымъ, а сочетанію ихъ. Ошибку въ этомъ разсужденіи нетрудно найти. Если сужде- ніе «ртуть упруга» не противорѣчитъ ни посылкѣ «ртуть жид- кость», ни посылкѣ «жидкое упруго», но начинаетъ противо- рѣчить *сочетанію* этихъ двухъ посылокъ, то значитъ сочетаніе ихъ *сопутствуется новымъ сужденіемъ*, которое стоитъ въ отно- шеніи противорѣчія къ сужденію «ртуть не упруга». Это есть сужденіе «ртуть упруга»; оно дѣйствительно противорѣчитъ сужденію «ртуть не упруга» и дѣйствительно слѣдуетъ изъ со- четанія посылокъ, какъ правильный выводъ изъ нихъ *новой* мысли. Итакъ, тотъ, кто отстаиваетъ этимъ способомъ мысль, будто обязательность вывода основана на законѣ противорѣчія, сли- чаетъ не отрицаніе вывода, съ одной стороны, и двѣ посылки, съ другой стороны, т.-е. «ртуть не упруга» и «ртуть жидкость, всѣ жидкости упруги», а отрицаніе вывода и двѣ посылки *вмѣстѣ съ примышленіемъ къ нимъ правильнаго вывода* («ртуть не упруга», съ одной стороны, а, съ другой стороны, «ртуть жидкость, жид- кости упруги, слѣдовательно, ртуть упруга»). Какъ ни груба эта ошибка, легко впасть въ нее потому, что принудительность правильного вывода вслѣдъ за согласіемъ съ посылками громадна и потому, по неосмотрительности, мы склонны, высказывая по-сылки, тотчасъ же примышлять къ нимъ и выводъ.

Такимъ образомъ синтетическій характеръ умозаключенія скрывается отъ насъ, является обманчивая видимость аналитиче- ской природы умозаключенія.

Еще лучше можно уяснить себѣ характеръ этой иллюзіи на примѣрѣ ошибочнаго истолкованія синтетическихъ сужденій, какъ аналитическихъ. Понятіе прямоты линіи (S) неразрывно свя- зано съ понятіемъ кратчайшаго разстоянія (P), поэтому выска- зывая первое, я такъ стремительно и неизбежно присоединяю къ нему второе, что мнѣ можетъ показаться, будто я имѣлъ дѣло не съ синтетическимъ сужденіемъ «S есть P», а съ анали-

тическимъ сужденіемъ «SP есть P», и самъ Кантъ ¹⁾ многихъ не убѣдилъ въ томъ, что они ошибаются, а главное не исцѣлиль отъ наклонности упорно возвращаться къ аналитическимъ теоріямъ тамъ, гдѣ давно уже надо было попытаться построить синтетическую теорію.

Все сказанное приложимо также къ *modus ponens* условно-категорического силлогизма. Особенно легко перенести предыдущія разсужденія на условно-категорическій силлогизмъ, если признать, что *modus ponens* принципиально однороденъ съ первою фигурою, а *modus tollens* со второю фигурою ²⁾.

Въ другихъ опосредствованныхъ умозаключеніяхъ (напр., во второй фигурѣ силлогизма) невозможность свести обязательность вывода къ закону противорѣчія въ такой же мѣрѣ очевидна, и потому логика не можетъ обойтись безъ построенія синтетической теоріи умозаключеній.

Но, можетъ быть, проф. Введенскій строитъ *синтетическую* теорію умозаключенія? Вѣдь для объясненія правилъ вывода проф. Введенскій привлекаетъ, кромѣ трехъ аналитическихъ законовъ, еще законъ достаточнаго основанія. Не есть ли это синтетическій принципъ умозаключенія?

Къ сожалѣнію, на эту точку зрѣнія не можетъ встать тотъ, кто считаетъ всякую логическую необходимость основанною только на законѣ противорѣчія. Такой мыслитель, вводя въ логику законъ достаточнаго основанія, напрасно умножаетъ число законовъ, такъ какъ не можетъ придать новому закону никакого *самостоятельнаго положительнаго* значенія. Въ самомъ дѣлѣ, согласно проф. Введенскому, «когда выводъ бываетъ правильнымъ, посылки служатъ *достаточнымъ* основаніемъ, чтобы въ силу законовъ противорѣчія и исключеннаго третьяго, принудить насъ согласиться съ выводомъ, вытекающимъ изъ нихъ» (стр. 236). Слѣдовательно, «достаточное основаніе» есть все та же анали-

1) Кантъ, Кр. ч. раз. перев. Н. Лоссаго, стр. 32.

2) Принципіальная однородность категорическихъ и условно-категорическихъ силлогизмовъ должна быть признана, если принять въ расчетъ соображенія Липса о природѣ условныхъ сужденій („Основы логики“, перев. Н. Лоссаго, стр. 83—87, 260—271). Изъ этихъ же соображеній становится понятнымъ, почему Зигварту удалось свести категорическіе и условно-категорическіе силлогизмы къ одному принципу (Sigwart. Logik, I, §§ 49—54, русск. перев. Давыдова).

тическая необходимость. Спрашивается, къ чему же тогда было вводить новый законъ? Развѣ только для запрещеній, какъ это признаетъ самъ проф. Введенскій, т.-е. для предостереженія противъ мнимыхъ выводовъ, въ родѣ «ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги, слѣдовательно, собака лаетъ» (стр. 236). Очевидно, для такой цѣли установленіе новаго закона не требуется, а нужно лишь къ ученію о правильномъ выводѣ прибавить слово «только», именно сказать, что «правильный выводъ получается только въ томъ случаѣ, когда согласіе съ нимъ требуется закономъ противорѣчія (вмѣстѣ съ закономъ исключеннаго третьяго).»

Итакъ, аналитическій характеръ теории проф. Введенскаго сохраняется, несмотря на дополненіе ея закономъ достаточнаго основанія, которому тоже придано только аналитическое толкованіе.

Ссылки на этотъ законъ, напр., для объясненія того, почему терминъ, не распредѣленный въ посылкахъ, долженъ быть нераспредѣленнымъ въ выводѣ, только ярче подчеркиваютъ аналитическій характеръ всей теории умозаключеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря прозрачности и послѣдовательности мысли проф. Введенскаго, ярко обрисовывается бесплодіе логическаго обоснованія при такомъ толкованіи его: оно оказывается не болѣе, какъ *тавтологією*, слѣдовательно, не только не даетъ открытій, но даже и не ведетъ къ возрастанію достовѣрности осуществленныхъ открытій. Въ самомъ дѣлѣ, эту теорію логическаго обоснованія можно выразить въ карикатурной формѣ слѣдующимъ образомъ: если я открылъ благодаря опыту или какъ-либо иначе, что «S есть P», то мое знаніе логически вовсе не обосновано; но стоитъ мнѣ предпослать этому сужденію группу мыслей, въ составѣ которыхъ находится это же «S есть P» (опять-таки въ конечномъ итогѣ логически не обоснованное) и я получу неоспоримое право въ силу закона противорѣчія сказать «S есть P, слѣдовательно, логически необходимо признать, что S есть P».

Какая же теорія должна замѣнить аналитическія системы логики? Выше уже намѣчено, какъ найти правильное объясненіе умозаключеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основы для всей системы логики. Связь между выводомъ и посылками безспорно заслуживаетъ названія *логической*. Но эта связь имѣетъ синтетическій характеръ; отсюда слѣдуетъ, что, кромѣ аналитической логической необходимости, существуетъ еще *синтетическая ло-*

ическая необходимость. Природа ея, открываемая наблюдением над умозаключениями, такова: гдѣ есть нѣкоторое определенное объективное содержаніе сужденій, тамъ необходимо есть также и нѣкоторое *новое* содержаніе, способное стать предметомъ высказыванія, т.-е. быть объективною стороною сужденія. Эта синтетическая связь аналогична связи причинной зависимости, а также математической функциональной зависимости; такъ какъ она входитъ въ составъ объективной стороны мышленія, то ее можно назвать, согласно традиціи, связью основанія и слѣдствія, подчеркивая, однако, что необходимость, заключающаяся въ ней, имѣетъ синтетическій характеръ.

Открывъ синтетическую логическую необходимость въ умозаключеніяхъ, необходимо поднять вопросъ, не содержится ли она также и въ синтетическомъ сужденіи, отдѣльно взятомъ, не соединяетъ ли она субъектъ и предикатъ сужденія. Безъ сомнѣнія, это такъ. Вспомнимъ, напр., что обязательность вывода въ разсмотрѣнномъ выше силлогизмѣ («ртуть—жидкость»...) основывается, между прочимъ, на слѣдующемъ свойствѣ его бѣльшей посылки (жидкое упруго): содержаніе понятія «жидкое» неразрывно связано съ содержаніемъ понятія «упругое», такъ что, гдѣ дано первое, тамъ дано и второе.

Здѣсь такая же связь между содержаніемъ двухъ понятій, какъ въ умозаключеніи между содержаніемъ посылокъ и вывода. Поскольку эта синтетическая необходимая связь входитъ въ составъ объективной стороны сужденія и создаетъ впервые *строй сужденія*, она заслуживаетъ названіе *логической связи*, связи основанія и слѣдствія. Составъ *предметовъ опыта* оказывается такимъ, что онъ *выразимъ въ формѣ сужденія*.

Въ еще болѣе яркомъ видѣ находимъ мы такую же связь между содержаніемъ субъекта и предиката сужденій: «прямая линія есть кратчайшее разстояніе между точками», « $7 + 5 = 12$ » и т. п. Не слѣдуетъ, однако, думать, будто отношеніе основанія и слѣдствія связываетъ субъектъ и предикатъ только нѣкоторыхъ синтетическихъ сужденій. Названія сужденія заслуживаютъ только тѣ высказыванія, которыя содержатъ въ себѣ такую связь. Въ самомъ дѣлѣ, признавать высказываніе «S есть P» за сужденіе, это значитъ признавать его истиною, т.-е. ручаться, что въ самомъ дѣлѣ, «гдѣ есть S, тамъ есть P». Иными словами, мы только тогда считаемъ высказываніе сужденіемъ, когда по-

лагаемъ, что содержаніе субъекта и предиката соединено необходимою связью, такъ что, признавъ наличность S, нельзя не признать наличности P. Конечно, здѣсь возможны два случая: или я въ самомъ дѣлѣ совершаю актъ мышленія, т.-е. ограничивался тѣмъ, что созерцалъ и сравнивалъ предметы, такъ что слѣдованіе P за S обусловлено тѣмъ, что наличность S есть достаточное основаніе для наличности P, или же S само по себѣ не есть основаніе для P, такъ что присоединеніе P къ S совершено мною, познающимъ индивидуумомъ, благодаря моей *субъективной* дѣятельности фантазирования и т. п. Но въ такомъ случаѣ мое высказываніе *не было* актомъ мышленія, и потому не заслуживаетъ названія сужденія, хотя бы по внѣшности (напр., по грамматической формѣ) оно и походило на сужденіе.

Законъ, согласно которому предикатъ сужденія имѣетъ свое полное, т.-е. достаточное основаніе въ субъектѣ сужденія, а выводъ умозаключенія имѣетъ достаточное основаніе въ посылкахъ, можно назвать закономъ достаточнаго основанія. Согласно нашему толкованію его, всякое сужденіе, даже и сужденіе воспріятія, содержитъ въ себѣ этотъ логическій элементъ и потому не лишено логическаго обоснованія ¹⁾. Далѣе согласно этой теоріи нѣтъ принципиальной разницы между сужденіемъ и умозаключеніемъ; оба акта мышленія основываются на одномъ и томъ же синтетическомъ логическомъ законѣ ²⁾. Различные виды умозаключеній объясняются, какъ примѣненія различныхъ видоизмѣненій принципа связи основанія и слѣдствія. Такъ, напр., силлогизмъ первой фигуры, въ отличіе отъ аналитической теоріи, непринужденно объясняется тѣмъ, что слѣдствіе слѣдствія есть слѣдствіе основанія, а вовсе не ссылкой на законъ противорѣчія: въ самомъ дѣлѣ, понятія S — M — P связаны въ первой фигурѣ, какъ основаніе S, изъ котораго слѣдуетъ необходимо M, а изъ M слѣдуетъ P ³⁾.

1) См. „Обоснованіе интуитивизма“, гл. VII, а также мое „Введеніе въ философію“, стр. 256—259.

2) Такъ построена система Липпса въ его „Основахъ логики“.

3) Послѣдовательное и замѣчательное примѣненіе этой мысли дано въ брошюрѣ Ф. Эргардта „Der Satz vom zureichenden Grunde als Princip des Schliessens“. Зигвартъ въ своей „Логикѣ“ также вступаетъ на этотъ путь, но еще не достаточно опредѣленно.

III. Критика гносеологических выводовъ.

Ученіе о томъ, что умозаключенія позволительны только о нашихъ представленіяхъ, проф. Введенскій выводитъ изъ своей разсмотрѣнной выше теоріи умозаключеній, присоединяя сюда еще утвержденіе, что законъ противорѣчія есть законъ только для представленій, а для мышленія онъ только норма. Однако, выше показано, что умозаключенія основаны не на законѣ противорѣчія. Кромѣ того, въ статьѣ «Основательно ли Новое и легкое доказательство философскаго критицизма?» я указалъ на безвыходныя для теоріи проф. Введенскаго затрудненія, связанныя съ ученіемъ о неподчиненности мышленія закону противорѣчія (напр., какъ проф. Введенскій мыслить о мышленіи, не согласованномъ съ представленіями? Журн. Мин. Нар. Просв., стр. 188—190). Такимъ образомъ ограниченіе умозаключеній лишь сферою представленій не обосновано. Но этого мало; въ той же статьѣ показано, что если даже принять ученіе проф. Введенскаго о законѣ противорѣчія, все же изъ него вытекаетъ только, что все познаваемое должно быть представимымъ, но этимъ еще не доказано, что всѣ предметы знанія суть *душевыми* явленія.

Чтобы имѣть право на это утвержденіе, нужно опровергнуть такихъ противниковъ, какъ, напр., интуитивизмъ, согласно которому содержаніемъ внѣшняго воспріятія служитъ подлинный транссубъективный міръ, а не мой психическій процессъ, только кажущійся мнѣ транссубъективнымъ. Согласно этой теоріи значительная часть знаній о транссубъективномъ мірѣ получается вовсе не путемъ умозаключеній, а прямо изъ опыта путемъ созерцанія.

Борьбѣ съ моею теоріею, съ интуитивизмомъ, посвящены многія страницы «Логики» проф. Введенскаго. Главныхъ возраженій въ ней три. Первое изъ нихъ, повидимому, самое важное, потому что проф. Введенскій часто возвращается къ нему въ своей книгѣ (см. напр., стр. 272, 445), таково: интуитивизмъ вноситъ противорѣчіе въ понятіе истиннаго бытія, такъ какъ оно оказывается сразу и нашимъ представленіемъ и независимымъ отъ представленій (272).

На дѣлѣ такого противорѣчія въ интуитивизмѣ нѣтъ. Согласно моей теоріи, представленіе сложено всегда изъ двухъ сторонъ:

изъ акта представленія и содержанія представленія, т.-е. того, что представлено (какое-либо В). Когда я наблюдаю паденіе камня, къ области акта представленія относится, напр., напряженіе вниманія, а къ области содержанія (видимое) паденіе камня. Первая сторона представленія есть индивидуально-психическій процессъ, *зависимый* отъ наблюдающаго субъекта, а вторая сторона (въ случаѣ внѣшняго воспріятія, напр., паденія камня) есть *бытіе, независимое* отъ познающаго субъекта, присоединяющееся къ кругозору его сознанія, лишь посколькѣ на него направлено вниманіе субъекта ¹⁾. Кто не различилъ субъективной и объективной стороны представленія, тотъ, зная, что въ сложномъ представленіи (а+В) есть несомнѣнно субъективная (психическая) сторона (а), ошибочно переноситъ свойства субъективной стороны на объективную (на В) и полагаетъ, будто весь составъ представленія слагается изъ психическихъ процессовъ (напр., зная, что вниманіе есть психическій процессъ, мы ошибочно воображаемъ, будто и все, на что вниманіе направлено, обязано быть психическимъ) ²⁾. Мною это различеніе произведено; слѣдовательно, мои разсужденія не содержатъ въ себѣ *quaternio terminorum*, въ которомъ проф. Введенскій упрекаетъ меня на стр. 278 своей книги.

Второе противорѣчіе, находимое проф. Введенскимъ въ интуитивизмѣ, состоитъ въ томъ, что «истинное бытіе здѣсь *не* составляетъ предмета, изучаемаго математикой и естествознаніемъ, а въ то же время *составляетъ* тѣ самыя данныя опыта, которыя изучаются математикой и естествознаніемъ» (стр. 272). Какъ проф. Введенскій пришелъ къ мысли, что у меня есть такое противорѣчіе, мнѣ непонятно. Изъ предыдущаго ясно, что, по моей теоріи, наблюдаемое паденіе камня есть матеріальный процессъ *внѣшняго* міра, и самъ этотъ процессъ, благодаря тому, что онъ сталъ содержаніемъ моего наблюденія, служитъ предметомъ математическаго естествознанія. Противорѣчіе можно

¹⁾ Отсюда ясно, въ какомъ искаженномъ видѣ предстаеь моя теорія, когда проф. Введенскій (на стр. 276) приводитъ изъ моей статьи цитату: «представленіе о вещи есть не что иное, какъ сама вещь, само истинное бытіе».... и ставитъ многоточіе, пропуская конецъ фразы, гдѣ добавлено указаніе на субъективную (психическую) сторону представленія (актъ сравниванія).

²⁾ Важнѣйшія заблужденія, возникающія вслѣдствіе такого переноса, перечислены въ моемъ „Введеніи въ философію“ стр. 249—251).

сюда внести, если сдѣлать недопустимую при критикѣ смѣсь изъ теорій проф. Введенскаго и моихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отождествляя, какъ это дѣлаетъ проф. Введенскій, понятіе сознаваемаго (содержанія сознания) и психическаго, т.-е. полагая, что все ставшее имманентнымъ сознанію должно быть имманентнымъ *психической* жизни субъекта сознания, приходится разсуждать такъ: наблюдаемое паденіе камня есть субъективный психическій процессъ, служащій предметомъ изслѣдованія, а само транссубъективное паденіе камня есть матеріальный процессъ, подлежащій вѣдѣнію метафизики, если такая наука возможна. Это разсужденіе, обявляющее признать двѣ науки для паденія камня, основано на удвоеніи предмета (допущеніи психическаго паденія камня и матеріальнаго паденія камня), которое самымъ рѣшительнымъ образомъ изгоняется интуитивизмомъ.

Изъ данныхъ мною разъясненій видно, до какой степени неправъ проф. Введенскій, считая мою теорію психологистическою. Особенно странное впечатлѣніе производитъ ссылка (стр. 15) въ противовѣсъ мнѣ на Гуссерля, какъ критика психологизма. Какъ извѣстно, Гуссерль подвергаетъ психологизмъ разрушительной критикѣ, показывая, что логическое есть не психическое, а принадлежитъ къ царству идей (къ сферѣ безвременнаго бытія). Очевидно, что не проф. Введенскій можетъ использовать книгу Гуссерля для борьбы противъ меня, а я; мнѣ естественно сослаться на нее, чтобы вскрывать психологизмъ въ теоріи проф. Введенскаго.

Третій доводъ противъ интуитивизма заключается въ критикѣ пути, которымъ интуитивизмъ образуетъ понятіе транссубъективнаго міра. Въ статьѣ «Основательно ли Новое и легкое доказательство философскаго критицизма?» я говорю, что для установленія этого понятія нужны не умозаключенія, а простое различеніе данныхъ опыта: «наблюдая такія данныя, какъ хотѣнія, чувства удовлетворенія или неудовлетворенія и т. п., съ одной стороны, и качанія маятника, движенія облака, свистъ паровоза, съ другой стороны, онъ на основаніи непосредственно усматриваемаго различія называетъ первую группу данныхъ своимъ субъективнымъ міромъ, а вторую группу—транссубъективнымъ міромъ, въ такой же мѣрѣ не нуждаясь при этомъ въ умозаключеніяхъ, какъ и тотъ, кто, наблюдая множество цвѣтовъ,

относятъ одни цвѣта къ группѣ оттѣнковъ краснаго цвѣта, а другіе—къ группѣ оттѣнковъ голубого цвѣта» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1909 г. июль, стр. 182).

Приведа эту цитату, проф. Введенскій говоритъ, что я голословно повторилъ спорную мысль, такъ какъ примѣненіе названія трансубъективный къ представленіямъ «обозначаетъ, что представленія *уже считаются* частью трансубъективного міра, т.-е. истиннымъ бытіемъ, что они *уже отождествлены* съ послѣднимъ, а мы еще не получили отвѣта, по какому праву произведено такое отождествленіе» (стр. 278).

Въ этомъ своемъ возраженіи проф. Введенскій упускаетъ изъ виду самую сущность моихъ разсужденій, конечно, слишкомъ кратко намѣченную въ полемической статьѣ, бѣгло характеризующей основную мысль моихъ главныхъ сочиненій. Моя теорія, подобно теоріи Шуппе, а также теоріи Авенариуса (развитой имъ не въ «Критикѣ чистаго опыта», а въ «Человѣческомъ понятіи о мірѣ»¹⁾), есть возрожденіе наивнаго реализма (вѣрнѣе, согласно замѣчанію Шуппе, такія теоріи возрождаютъ въ наивномъ реализмѣ его реализмъ, освобождаясь отъ его наивности). Я утверждаю, что, анализируя составъ сознанія, я непосредственно различаю два рода содержаній сознанія: одни (напряженіе вниманія, желанія и т. п.) непосредственно воспринимаются, какъ зависимыя отъ Я, именно какъ состоянія моего Я, а другія (качанія маятника, свистъ паровоза, дерево) также непосредственно воспринимаются, какъ нѣчто не связанное съ Я зависимостью отъ него, т.-е. не какъ состояніе Я. Эти различенія столь же непосредственны, какъ тѣ, благодаря которымъ мы относимъ зеленый цвѣтъ къ листу березы, а бѣлый къ стволу ея. Сказать, будто я голословно повторяю спорную мысль, это значитъ игнорировать мою ссылку на *фактическія различія* между содержаніями сознанія, служашія *единственнымъ* источникомъ для понятія трансубъективного міра. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, что можно противопоставить моему разсужденію. Безъ сомнѣнія, самъ проф. Введенскій, какъ и всѣ люди, а не одни только интуитивисты, считаетъ деревья и т. п., принадлежащими къ трансубъективному міру, но только прибавляетъ, что это «кажущійся» трансубъективный міръ. Теперь настаетъ

¹⁾ Перев. Самсонова.

очередь для интуитивиста подвергнуть своего противника допросу, на какомъ основаніи онъ считаетъ наблюдаемый внѣшній міръ, вопреки очевидности, не внѣшнимъ, а внутреннимъ, не матеріальнымъ, а психическимъ (такъ что видимое дерево есть психическое дерево, осязаемая твердость есть психическая твердость и т. п.).

Всѣмъ извѣстенъ длинный рядъ доводовъ, заимствуемыхъ изъ физики, физиологіи органовъ чувствъ, психологіи и т. п. и служащихъ будто бы достаточнымъ основаніемъ, чтобы истолковать наблюдаемые транссубъективные матеріальные процессы, какъ субъективные психическіе. Извѣстно также, что вслѣдъ за этими доводами является тяжелая задача объяснить, какъ возможно, чтобы субъектъ эти свои психическія состоянія проецировалъ, транссубъективировалъ и т. п. Но раньше, чѣмъ допустить построеніе этихъ необычайно искусственныхъ теорій, мы остановимъ своего противника и потребуемъ критическаго пересмотра шаблонныхъ доводовъ противъ наивнаго реализма. При этомъ возможны два случая: возможно, что нашъ противникъ открыто ссылается на эти доводы (физики, физиологіи и т. п.), слѣдовательно, строить свою гносеологію на физиологіи, психологіи и притомъ на основаніи *генетическаго* изслѣдованія; самый этотъ методъ считается сомнительнымъ въ современной гносеологіи (и проф. Введенскій не можетъ открыто и сознательно пользоваться имъ, такъ какъ требуетъ, чтобы гносеологія была независимою отъ другихъ наукъ, кромѣ логики); но хуже всего, по-моему, не то, что здѣсь гносеологія опирается на физику и физиологію, а то, что она дѣлаетъ выводы, *не обоснованные* фактами, подмѣченными физикою и физиологіею.

Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно показать, что факты связи между физиологическою дѣятельностью органовъ чувствъ и вступленіемъ воспринимаемой вещи въ кругозоръ сознанія, не служатъ безспорнымъ доказательствомъ субъективности наблюдаемой вещи¹⁾.

Возможно, однако, что нашъ противникъ скажетъ: я нигдѣ въ своей гносеологіи не ссылаюсь на доводы противъ наивнаго реализма, заимствованные изъ физиологіи и т. п., я иду путемъ чисто гносеологическаго изслѣдованія и опираюсь, строя гносеологическіе выводы, только на свою систему логики. Такова

¹⁾ См. мое „Введеніе въ философію“ стр. 51—59 237—241.

именно конструкція гносеологическихъ выводовъ проф. Введенскаго. Однако, вступивъ на этотъ оригинальный путь, проф. Введенскій упустилъ изъ виду слѣдующее: теперь, отказавшись отъ компрометирующей помощи физики, физиологии и т. п., нельзя сохранять традиціонные взгляды, усвоенные подъ влияніемъ физики и физиологии, именно нельзя, какъ это дѣлаетъ проф. Введенскій (стр. 267), считать представляемое—субъективнымъ (кажущимся транссубъективнымъ) *только потому, что оно представляемое.*

Характеръ спора между интуитивистомъ (также наивнымъ реалистомъ) и такимъ противникомъ можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ: одинъ собесѣдникъ (интуитивистъ) говоритъ: « $2 + 2 = 4$ », а другой возражаетъ: «нѣтъ, это *кажущееся* четыре, на самомъ дѣлѣ оно не четыре, а пять» (видимое дерево есть кажущійся матеріальный транссубъективный міръ, на дѣлѣ оно есть субъективный психическій міръ). «Докажите, что $2 + 2 = 4$ ». Когда въ отвѣтъ на это требованіе первый собесѣдникъ начинаетъ присчитывать къ двумъ—двѣ единицы (т.-е. прибѣгаетъ къ ссылкѣ на *непосредственное созерцаніе* отношенія $2 + 2 = 4$), то второй ему отвѣчаетъ: «вы голословно повторяете спорную мысль, вамъ не удалось опровергнуть очевидную истину, высказываемую мною, что $2 + 2$ есть пять». Нетрудно рѣшить, которая изъ спорящихъ сторонъ дѣйствительно только голословно высказываетъ свое мнѣніе.

Итакъ, если даже согласиться съ ученіемъ проф. Введенскаго о законѣ противорѣчія, какъ законѣ только для представлений (для содержанія представлений), все же отсюда только вытекаетъ, что достовѣрное знаніе возможно лишь о представляемыхъ вещахъ (т.-е. вещахъ, поскольку онѣ могутъ вступать въ кругозоръ сознанія), но не доказано, что эти представляемыя вещи суть субъективные психическіе процессы.

Вспомнимъ, однако, что въ рассматриваемой «Логикѣ» тѣ же гносеологическіе выводы получаются также и другимъ путемъ, черезъ ученіе объ апіорныхъ сужденіяхъ. Подвергнемъ критикѣ этотъ путь, употребляя вмѣсто слова «апіорныя сужденія» слово «вышіе принципы науки», чтобы терминами не предрѣшать вопроса.

Началомъ этого пути служитъ «центральный пунктъ всей логики» (стр. 130), именно ученіе о томъ, что *общія синтети-*

ческія сужденія не могутъ быть оправданы *непосредственно*. Эту мысль проф. Введенскій доказываетъ тѣмъ, что нельзя пересмотрѣть безконечное или неопредѣленно большое число предметовъ (стр. 116). Такой доводъ кажется абсолютно убѣдительнымъ, если мы не освободились *отъ психологизма*. Въ самомъ дѣлѣ чтобы установить непосредственно истину « $2 + 2 = 4$ », мнѣ не нужно *пересматривать* всѣ орѣхи, зерна и т. п., сосчитываніе которыхъ приводитъ къ этому результату, мнѣ нужно только *одинъ* разъ совершить *психическій* актъ созерцанія, направленного на нѣчто непсихическое, именно на *идеи* $2 + 2 = 4$, чтобы установить упомянутую истину. Кто строитъ логику безъ помощи гносеологіи, именно безъ предварительнаго анализа состава сознанія, тотъ смѣшиваетъ субъективную (психическую) и объективную (въ данномъ случаѣ идеальную) сторону сужденія, т.-е. не отличаетъ психическій актъ *думанія* о четырехъ отъ самой *идеи* чтыре, *имѣемой въ виду* посредствомъ этого думанія; зная единичность своего психическаго акта обсужденія, такой представитель логики воображаетъ, будто и предметъ обсужденія единиченъ; иными словами, здѣсь совершается упомянутый уже выше ошибочный переносъ свойствъ субъективной (психологической) стороны знанія на объективную.

Считая доказаннымъ, что общія синтетическія сужденія не могутъ быть установлены непосредственно, проф. Введенскій приходитъ изложеннымъ выше путемъ къ утвержденію, что въ основѣ опосредствованнаго знанія математики и естественныхъ наукъ лежатъ принципы, которые никакъ доказаны и оправданы быть не могутъ, но должны быть приняты въ составъ этихъ наукъ, (если мы ихъ признаемъ науками), такъ какъ *природны* къ тому, чтобы служить высшими основаніями. Пригодность ихъ для этой цѣли обезпечена лишь въ томъ случаѣ, если всѣ предметы математики и естествознанія *покоряются* имъ; но принципы математики и естествознанія, разсуждаетъ проф. Введенскій (на стр. 371), суть наши мысли, слѣдовательно, и покоряются себѣ они могутъ «только наши же мысли, наши представленія о бытіи или вещахъ, но отнюдь не само истинное бытіе» (если истинное бытіе подчинено закону противорѣчія). Въ этомъ второмъ важнѣйшемъ пунктѣ гносеологіи опять передъ нами не логически необходимый выводъ, а скачекъ, основанный на догматической привычкѣ субъективировать все мыслимое. Въ самомъ

дѣлѣ, тотъ, кто различаетъ актъ мышленія (т.-е. субъективно-психическую сторону мышленія) и *содержаніе* мышленія (объективную сторону его), возразить проф. Введенскому такъ: принципы науки суть не наши мысли, а то, на что направлено наше мышленіе, то, что *имѣется въ виду* нашимъ актомъ мышленія; при этомъ актъ мышленія есть мое психическое состояніе, т.-е. зависитъ отъ меня, а то, что имѣется въ виду посредствомъ этого акта (принципъ), не зависитъ отъ меня, принадлежитъ къ *составу* транссубъективного міра и *исходствуетъ* надъ предметами этого міра, какъ важнѣйшій конститутивный элементъ ихъ.

Итакъ, по-прежнему соглашаясь съ тѣмъ, что принципы и предметы, подчиненные принципамъ, должны вступать (хотя бы временно) въ кругозоръ сознанія познающаго индивидуума, я въ этомъ обстоятельствѣ не вижу и тѣни доказательства того, что они должны при этомъ становиться *моими психическими* состояніями.

IV. Полемика проф. Введенскаго.

Многія страницы книги проф. Введенскаго посвящены полемикѣ, которая становится особенно страшною, когда рѣчь идетъ о метафизикѣ. Можно рѣшительно утверждать, что система логики въ изложеніи проф. Введенскаго имѣетъ не самостоятельное значеніе, а низведена на степень *средства* уничтожить метафизику, какъ науку ¹⁾.

Метафизика и ея защитники представляются проф. Введенскому чаще всего въ самыхъ низменныхъ чертахъ, какъ неискренніе, лживые болтуны (напр., стр. 42—49). По мнѣнію проф. Введенскаго, возможно, что нѣкоторые виды метафизики суть порожденіе дьявола (это положеніе включено даже въ печатную программу для экзамена, стр. 15). «Нѣтъ ничего невозможнаго, что антихристъ объявитъ себя величайшимъ мистикомъ, непрерывно находящимся въ столь же близкомъ прямомъ внутреннемъ единеніи съ Богомъ, какъ и Христосъ; а чтобы въ антихриствѣ не разобрали самозванца, дьяволу надо заранѣе пропитать чело-вѣчество мистицизмомъ»... «Разумѣется, особенно охотно дьяволъ старается сдѣлать мистиками-мистицистами людей глубоко

¹⁾ По мнѣнію проф. Введенскаго, многократно заявляемому въ книгѣ, критицизмъ *навсегда* уничтожилъ метафизику, какъ науку.

и искренно религиозныхъ и въ то же время высоко-талантливыхъ, въ родѣ Влад. Соловьева: ихъ вліяніе на другихъ особенно важно для грядущаго антихриста» (стр. 284). На стр. 285 проф. Введенскій доказываетъ, что «убѣжденіе въ объективномъ значеніи мистическаго воспріятія явно отрицается евангельскимъ ученіемъ». Есть у проф. Введенскаго и другое соображеніе, съ противоположнаго конца, отпугивающее отъ метафизики, какъ науки. Инквизиція, религиозныя войны «все это возникало подъ вліяніемъ распространенной среди представителей схоластики мысли, будто бы твердыя религиозно-метафизическія убѣжденія служатъ знаніемъ, и поэтому даютъ право государству принуждать подданныхъ къ исполненію требованій, выведенныхъ изъ этихъ убѣжденій. Рѣшеніе вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія нравственно обязательно для современной науки, и тѣмъ обязательнѣе, чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ принципъ государственности» (стр. 49).

Многія мѣста книги поражаютъ своимъ агрессивнымъ тономъ (см., напр., стр. 24, 42, 191 сл.; на стр. 484—494 старыя ошибочныя ученія о силлогизмѣ даже въ заглавіяхъ обозначены, какъ «выдумки» и т. п.). Особенно неприятно встрѣчатъ пренебрежительное третированіе нѣкоторыхъ серьезныхъ проблемъ, поставленныхъ современною гносеологіею и методологіею наукъ. Въ этомъ отношеніи характерны замѣчанія проф. Введенскаго, направленные противъ понятія исторіи, какъ *идіографической* науки (стр. 90 сл.).

Въ полемикѣ противъ меня есть одно мѣсто, потрясшее меня до глубины души невнимательнымъ отношеніемъ критика къ тому, противъ чего онъ выступаетъ. Въ «Обоснованіи интуитивизма» я утверждаю (стр. 297 сл. во второмъ изданіи), что фактъ множественности причинъ не доказанъ, и привожу слѣдующіе два довода: во-первыхъ, если взять дѣйствіе во всей его конкретной полнотѣ, то причиною его можетъ служить только «абсолютно индивидуальный комплексъ событій», а, во-вторыхъ, если взять дѣйствіе въ абстрактной формѣ, напр., фактъ повышения температуры тѣла съ 20 до 25 градусовъ, то возможно, что разнообразныя условія такого факта (трение, въ одномъ случаѣ, химическая реакція—въ другомъ случаѣ и т. п.) «заключаютъ въ себѣ одну и ту же общую сторону, составляющую настоящую причину нагрѣванія» (298). Проф. Введенскій

(на стр. 210 своей «Логике») приводит только первый мой довод и опровергаетъ его слѣдующимъ образомъ: «вѣдь когда говорятъ, что нагрѣваніе обладаетъ множественностью причинъ, то отнюдь не высказываютъ этимъ, чтобы при всякомъ отдѣльно взятомъ нагрѣваніи дѣйствовали *сразу* всѣ эти причины, но утверждаютъ только, что при *одномъ* нагрѣваніи можетъ встрѣтиться одна изъ нихъ, при *другомъ*—другая и т. д.». Въ серьезной философской литературѣ мнѣ не случалось встрѣчать опроверженій такого типа.

Въ той же главѣ своей книги (207—214) проф. Введенскій подвергаетъ критикѣ мои соображенія о прогрессивныхъ и регрессивныхъ умозаключеніяхъ условно-категорического силлогизма (отъ основанія къ слѣдствію и отъ слѣдствія къ основанію). Основная задача моихъ соображеній слѣдующая: показать, что связь причины и дѣйствія *однозначна* какъ прогрессивно (одна и та же причина всегда производитъ одно и то же дѣйствіе), такъ и регрессивно (одно и то же дѣйствіе всегда получается изъ одной и той же причины); показать, что связь основанія и слѣдствія (если подъ слѣдствіемъ разумѣть *полное* слѣдствіе, вытекающее изъ даннаго основанія) также *однозначна* и прогрессивно, и регрессивно; наконецъ, установить важное для многихъ наукъ (напр., для исторіи) методологическое положеніе, что регрессивное изслѣдованіе (отъ дѣйствій къ причинамъ) *равноцѣнно* съ прогрессивнымъ изслѣдованіемъ, чего не можетъ допустить защитникъ множественности причинъ.

Къ сожалѣнію, это *методологическое* ученіе я выразилъ неправильно, какъ это я признаю теперь отчасти подъ вліяніемъ критики проф. Введенскаго; именно я высказалъ его, какъ *логическое* ученіе о возможности четырехъ модусовъ. Въ дѣйствительности, хотя основаніе и полное слѣдствіе связаны однозначно, какъ въ прогрессивномъ, такъ и въ регрессивномъ направленіи, говорить о четырехъ модусахъ нельзя, потому что изъ формы сужденія не видно, выражаетъ ли предикатъ его полное слѣдствіе изъ даннаго основанія (изъ субъекта) или нѣтъ. Сдѣланная мною въ концѣ изслѣдованія оговорка въ пользу традиціонной логики (стр. 300), вызвавшая язвительныя замѣчанія проф. Введенскаго («Логика, какъ часть теоріи познанія», 213), показываетъ, что въ моихъ разсужденіяхъ важна и цѣнна была для меня методологическая сторона, а логическая

терминологія, въ которую я облекъ свои мысли, здѣсь не играетъ существенной роли ¹⁾).

Замѣчу во избѣжаніе недоразумѣній, что ученіе объ однозначности связи *полнаго* слѣдствія съ основаніемъ, нисколько не подрывается примѣрами неоднозначной связи, приведенными проф. Введенскимъ (на стр. 204 сл.): «если данный четырехугольникъ есть квадратъ, то его діагонали равны между собою» и «если $x = 1$, то $2x^4 - 15x^3 + 40x^2 - 45x + 18 = 0$ » (тотъ же результатъ получается и при x , равномъ 2, 3 или $\frac{3}{2}$). Въ этихъ примѣрахъ передъ нами находятся основаніе и *неполное* слѣдствіе; стоитъ только въ достаточной мѣрѣ усложнить слѣдствіе или, наоборотъ, выразить болѣе абстрактно основаніе и связь становится однозначною. Такъ, въ положеніи «если данный четырехугольникъ есть квадратъ, то двѣ діагонали его равны, взаимно перпендикулярны и дѣлятъ другъ друга пополамъ» дана связь основанія и слѣдствія, однозначная въ регрессивномъ направленіи.

Н. Лосскій.

1) Утвержденіе, будто я пришелъ къ этимъ ученіямъ подъ влияніемъ М. И. Владиславлева, совершенно невѣрно. Въ студенческие годы я развивалъ ихъ подъ влияніемъ лейбниціанскаго представленія о мірѣ, какъ совокупности субстанцій (монадъ), развитіе которыхъ имѣетъ индивидуальный характеръ (не содержитъ въ себѣ повтореній). Впослѣдствіи я нашелъ въ пользу этихъ мыслей соображенія, независимыя отъ метафизики Лейбница.—Взгляды М. И. Владиславлева мнѣ были извѣстны, но въ процессѣ философской работы, каюсь, я всегда забывалъ о нихъ, должно быть, потому, что сочиненія Владиславлева, какъ всѣмъ извѣстно, содержатъ изрядное количество невѣроятныхъ безвкусиць. Забвеніе такихъ неприятныхъ явленій есть одно изъ защитныхъ приспособленій духа, какъ это выяснилъ вѣнскій психіатръ Фрейдъ.—Посылки условно-категорическаго силлогизма я называю большою и меньшею вслѣдствіе однородности строенія этихъ силлогизмовъ съ первою и второю фигуροю (что установлено, напр., Зигвартомъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Библиографическій листокъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Алексѣевъ, Н. Н. Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношеніи ихъ методовъ. Часть I. Москва 1912. Ст. XV+270. Ц. 2 р.

Барановъ, А. И. Школьная астрономическая обсерваторія. Спб. 1912. Ст. 67. Ц. 40 к.

Богучарскій, В. Я. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка. Москва 1912. Ст. IV+483. Ц. 3 р.

Вальденбергъ, В. Государственныя идеи Крижанича. Спб. 1912. Ст. 343. Ц. 2 р. 50 к.

Вентцель, К. Н. Этика и педагогика творческой личности. Т. I. Ц. 2 р. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. Москва 1912 г.

Вундтъ, В. Введеніе въ психологію. Переводъ подъ ред. проф. Н. Н. Ланге. Одесса 1912. Ст. 120. Ц. 60 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Введеніе въ психологію. Перев. Н. Самсонова. Москва 1912. Ст. VIII+167. Ц. 1 р.

Вѣчность бытія. Спб. 1912. Ст. 59. Ц. 30 к.

Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1912 годъ. Спб. 1912 г. Ст. 712.

Изъ „Моего сборника“ Л. Видемана ч. I. Пространство и время. Ст. 14.

Караффа-Норбуць, В. В. Озонъ и его примѣненіе въ промышленности и санитаріи. Спб. 1912. Ст. 100. Ц. 50 к.

Книги для дѣтей дошкольнаго возраста. Спб. 1912. Ст. 60.

Кэниссъ, Ф. Астрономическая фотографія. Спб. 1912. Ст. 55. Ц. 40 к.

Кюстеръ, Ф. В. Таблицы логарифмовъ для химиковъ, фармацевтовъ, врачей и физиковъ. Спб. 1912. Ст. 112.

Мюллеръ, Т. Основные законы электрохиміи. Спб. 1912. Ст. 150. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ физикѣ. Сборникъ № 3. Подъ ред. проф. И. И. Боргмана. Спб. 1912. Ст. 176. Ц. 80 к.

Педагогическое Обзорѣніе. 1912 г. № 1. Періодическое изданіе для учителей средней и начальной школы, родителей и воспитателей. Москва. Изданіе А. Е. Флѣрова. Ц. 50 к.

Плетневъ, Алексѣй. Левъ Толстой.—Одесса 1912. Ст. 16. Ц. 15 к.

Поппе, В. Критика методологическихъ основъ теорій права и нравственности проф. Л. I. Петражицкаго. Спб. 1912. Ст. 80. Ц. 40 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Эмиль или о воспитаніи. Изд. 2-ое. Педагогическая бібліотека. Ст. L+756. Ц. 3 р. 50 к.

Сикорскій, И. А. Идеализація и матеріализація жизни. Кіевъ 1912. Ст. 14. Ц. 20 к.

Его-же. Надвигающійся великій кризисъ отъ вина. Ст. 14. Ц. 20 к.

Его-же. Даровитость и талантливость въ свѣтѣ объективнаго изслѣдованія. Ст. 30. Ц. 30 к.

Столица, З. Развитие въ дѣтяхъ жизнерадостности и борьба съ пессимизмомъ. Спб. 1912. Ст. IV+80. Ц. 60 к.

Тенеромо, И. Живыя слова Л. Н. Толстого за послѣдніе 25 лѣтъ его жизни. Москва 1912 г. Ст. 508. Ц. 1 р. 50 к.

Хабаринъ, Н. П. Система педагогики по твореніямъ бл. Августина. Казань 1911. XXII+155.

Яковенно, Б. Четвертый международный конгрессъ по философіи 1911 г. Ст. 34.

Simmel, Georg. Philosophische Kultur. Gesammelte Essais. Leipzig 1911. Ст. 320. Ц. 5 М.

Lagrésille, Henry. Monde moral, l'ordre des fins et des progrès. Paris 1911. Ст. 517.

П о л е м и к а.

Отвѣтъ Е. В. Спекторскому.

По возвращеніи своемъ въ Юрьевъ въ концѣ января, я прочелъ въ 110 книгѣ «Вопросовъ Философіи и Психологіи» замѣчанія, сдѣланныя Е. В. Спекторскимъ по поводу моей статьи «Опытъ реабилитаціи соціальной философіи XVII вѣка». Считаю своимъ долгомъ отвѣтить на нихъ.

Я сказалъ въ концѣ своей статьи, что недостатки книги Е. В. Спекторскаго «менѣе бросаются въ глаза, уловить ихъ труднѣе, чѣмъ хорошія стороны книги. При бѣгломъ просмотрѣ скорѣе замѣчаешь послѣднія». Эти слова Е. В. Спекторскій истолковалъ въ томъ смыслѣ, будто бы я, по собственному признанію, сосредоточился «только на улавливаніи мелкихъ недостатковъ его книги» (стр. 860). Толкованіе это столь же смѣло, сколь и выгодно для автора книги. Оно грѣшитъ только тѣмъ, что не соотвѣтствуетъ довольно ясному въ общемъ смыслу сказаннаго. Во избѣжаніе недоразумѣній, ставлю точки надъ і и даю «автентическое» толкованіе своимъ словамъ. Смыслъ ихъ таковъ. Книга Е. В. Спекторскаго при бѣгломъ, поверхностномъ чтеніи производитъ пріятное впечатлѣніе. Недостатки книги не сразу бросаются въ глаза, ихъ не улавливаешь. Но стоитъ вчитаться въ книгу, какъ недостатки ея, притомъ не мелкіе (такой qualificаціи недостаткамъ книги я не давалъ; она принадлежитъ самому автору, которому угодно было приписать ее мнѣ), а весьма и весьма крупныя. Эти недостатки мною и выясняются довольно обстоятельно на 33 страницахъ моей статьи.

Я старался доказать, — удалось ли мнѣ это, рѣшитъ читатель, — что авторъ книги, задавшись цѣлью реабилитировать соціальную философію XVII вѣка, совершенно исказилъ историческую пер-

спективу, однаково невѣрно и односторонне изложивъ, какъ предшествующую XVII вѣку эпоху гуманизма, такъ и послѣдующее время, въ особенности XIX вѣкѣ. Я доказываю далѣе, обращаясь къ самому XVII вѣку, которому посвящено изслѣдованіе Е. В. Спекторскаго, что авторъ: 1) не выяснилъ, кого собственно изъ упоминаемыхъ имъ писателей XVII вѣка онъ имѣетъ въ виду, когда говоритъ о «новаторахъ XVII вѣка», какъ раньше не выяснилъ, къ какому именно изъ гуманистовъ XVI вѣка относится его своеобразная характеристика этого движенія; 2) далъ такую характеристику умственного движенія XVII вѣка (окончательный разрывъ съ антропоморфизмомъ, телеологизмомъ и іерархизмомъ), что къ огромному большинству писателей этого вѣка она оказывается неприложимой (съ натяжкой приложима лишь къ Гоббсу и Спинозѣ); 3) совершенно запутавшись въ противорѣчій, во второй половинѣ книги долженъ былъ придти къ отрицанію своихъ собственныхъ положеній, выставленныхъ въ первой части.

Всего этого Е. В. Спекторскій въ моей статьѣ не примѣтилъ и утверждаетъ, будто 34 страницы мною посвящены возраженіямъ «о Сенецѣ, о Ницше, о Фейербахѣ, о гуманистахъ и т. п.» Въ дѣйствительности, о Сенецѣ, Ницше и Фейербахѣ съ трудомъ наберется одна страница, составленная притомъ почти исключительно изъ характерныхъ выдержекъ, взятыхъ изъ книги автора; гуманистамъ посвящено 5 страницъ. Центральному мѣсту его книги, т.-е. XVII вѣку, отведено 15 страницъ (616—630), и ихъ оказалось совершенно достаточно, чтобы, какъ это сдѣлано у меня, на нѣкоторыхъ примѣрахъ выяснитъ наиболѣе существенныя изъ противорѣчій, вообще весьма характерныхъ для книги автора. Тѣмъ не менѣе, Е. В. Спекторскій счелъ возможнымъ повторить свое замѣчаніе, будто я касаюсь въ его книгѣ только «второстепенныхъ и мимолетныхъ ея замѣчаній о Ницше или о гуманистахъ».

Если я останавливался на оцѣнкѣ работы Е. В. Спекторскаго почти исключительно съ точки зрѣнія историка, то объясняется это слѣдующимъ обстоятельствомъ. Статья моя представляетъ дословное воспроизведеніе отзыва, составленнаго мною по порученію юридическаго факультета Юрьевскаго университета, въ которомъ авторъ защитилъ свою книгу въ качествѣ магистерской диссертациі. Разсмотрѣніе работы съ ея философской стороны

лежало, какъ это должно быть извѣстно автору, на обязанности представителя кафедры философіи права, на мою же долю, какъ историка, выпала другая задача. Думаю, я выполнилъ ее добросовѣстно, указавъ, что въ работѣ автора не соблюдена историческая перспектива и имѣется цѣлый рядъ противорѣчій. Я не могу не замѣтить, однако, что по отношенію къ работѣ, которая задумана исторически, какъ это имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ, указаніе на ея недостатки, какъ историческаго изслѣдованія, не является чѣмъ-го внѣшнимъ, къ существу работы не относящимся: отмѣченные недостатки неизбежно отражаются и на «философской» сторонѣ работы.

Вотъ мой отвѣтъ автору по существу. Остается сказать нѣсколько словъ по поводу сдѣланныхъ имъ фактическихъ замѣчаній.

Признаю свой недосмотръ по поводу перваго замѣчанія относительно тезисовъ Салмутуса и охотно извиняюсь за него передъ авторомъ: я, дѣйствительно, отнесъ, по недосмотру, примѣчаніе автора не къ тому мѣсту текста, куда слѣдовало. Съ оговорками могу признать, пожалуй, правильность еще двухъ замѣчаній, но отнюдь не въ той формѣ, въ какой они выражены авторомъ. Допускаю лишь неточность въ своей формулировкѣ. Эпитетъ «кристально-чистый» мною не выдуманъ; онъ имѣется у автора въ примѣненіи къ гносеологіи писателей XVII вѣка. Относительно Н. О. Лосскаго слѣдовало сказать, что авторъ приводитъ его, какъ «научнообразный и академическій примѣръ» *неудачной* (вм. *неумной*) реставраціи интуиціи; о реставраціи авторъ говоритъ, ибо прямо называетъ Н. О. Лосскаго (совмѣстно со Шмиттомъ) «новѣйшими реставраторами и апологетами» излюбленной писателями XVII вѣка интуиціи.

За этими исключеніями, всѣ остальные замѣчанія автора считаю направленными не по адресу. Такъ, авторъ говоритъ, будто я приписываю ему обвиненіе Канта въ маніи субъективнаго величія. Ничего подобнаго я автору не приписывалъ, и мнѣ весьма неприятно констатировать слишкомъ вольное обращеніе моего литературнаго противника съ моими вполне ясными словами. Въ своей книгѣ Е. В. Спекторскій пишетъ (стр. 195): «начатое еще Кантомъ и продолженное Фихте низведеніе разума съ трансцендентальной, транссубъективной высоты на уровень личнаго дѣла философствующихъ индивидовъ естественно вело» черезъ Фейербаха къ Штирнеру и Ницше. «Величавый, вѣчный, неизмѣн-

ный, отвлеченный разумъ XVII вѣка выродился въ манію субъективнаго величія». Я передалъ это мѣсто книги, поскольку дѣло идетъ о Кантѣ, такимъ образомъ: «Кантъ повиненъ въ разрушеніи классической чистоты рационалистическаго пониманія людей XVII вѣка. Благодаря ему «величавый, вѣчный... разумъ XVII вѣка выродился въ манію субъективнаго величія». Развѣ я приписываю автору обвиненіе Канта въ маніи субъективнаго величія? Я утверждаю только, что, по мнѣнію Е. В. Спекторскаго, Кантъ повиненъ въ наступленіи указаннаго результата, что результатъ этотъ наступилъ «благодаря ему», вслѣдствіе низведенія имъ разума «на уровень личнаго дѣла философствующихъ индивидовъ». Охотно констатирую, однако, что авторъ въ концѣ своей работы говоритъ уже о Кантѣ безъ насмѣшекъ, а въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу моей статьи даже называетъ его великимъ философомъ. Чѣмъ вызвана такая перемена въ отношеніи автора къ Канту, сказать затрудняюсь, но самый фактъ заслуживаетъ вниманія и признательности.

Не стану останавливаться на цѣломъ рядѣ другихъ мелкихъ замѣчаній автора. Читатель, сопоставивъ ихъ съ текстомъ моей статьи, легко убѣдится въ томъ, кто изъ насъ правъ. О Кантѣ я лишь дословно воспроизвожу то, что сказано въ книгѣ. Наставленій по поводу пророка Іоны, Коперника и Колумба я не думалъ давать, а указалъ лишь мимоходомъ, что эти лица попали не въ свое мѣсто. О Мерсеннѣ или, вѣрнѣе, о Декартѣ я, дѣйствительно, счелъ необходимымъ «дать наставленіе», если автору угодно называть этимъ именемъ указаніе на факты, которые ему были неизвѣстны или которые онъ намѣренно игнорировалъ, и не согласенъ съ авторомъ въ томъ, что книга его не давала мнѣ для этого никакихъ поводовъ.

«Наставленія», повидимому, понравились автору, ибо онъ выражаетъ желаніе получить еще одно, а именно: какъ ему нужно было поступить съ Ницше. Охотно исполняю эту единственную просьбу автора. Я бы посоветовалъ ему не писать мимоходомъ обо всемъ, о чемъ въ данную минуту захотѣлось поговорить. Если авторъ полагалъ, что Ницше не можетъ ему ничего дать, то не надо было и тревожить его тѣни. Не могу, однако, не обратить вниманія на довольно странную постановку вопроса: «что могъ бы мнѣ дать этотъ писатель по тѣмъ вопросамъ рационалистической гносеологіи, особенно въ XVII вѣкѣ, которымъ

посвящена моя книга». Я слишкомъ хорошаго мнѣнія о Е. В. Спекторскомъ, чтобы сомнѣваться въ томъ, что онъ и самъ не затруднится отвѣтить на *такимъ образомъ* поставленный вопросъ. Моя помощь излишня. Отношеніе же его къ Ницше я назвалъ «вульгарнымъ», пользуясь терминологіей самого автора въ примѣненіи къ Джемсу и отношенію послѣдняго къ Гегелю, какъ это совершенно ясно видно изъ текста. Автору лучше знать, разумѣлъ ли онъ въ данномъ случаѣ «широкую дорогу разума» или что иное. Вообще, я старался держаться въ своемъ изложеніи возможно ближе словъ и выраженій самого автора, и если онъ усмотрѣлъ въ этомъ желаніе вышутить его, то вина лежитъ не на мнѣ. Полагаю, я могъ позволить себѣ по отношенію къ его книгѣ хоть въ нѣкоторой долѣ воспользоваться тою свободою, какою онъ въ полномъ объемѣ пользуется въ своей критикѣ Канта, Конта, Джемса, чтобъ не говорить о другихъ.

В. Грабарь.

Московское Психологическое Общество.

ССLXI. Протоколъ закрытаго (съ гостями) засѣданія 1 апрѣля 1911 года.

Засѣданіе было открыто въ 9¹/₂ ч. вечера, въ залѣ правленія университета, подѣ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: К. А. Андреева, Н. П. Корелиной, А. М. Щербины, члена-соревнователя Н. П. Ферстеръ и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) Сторонній посѣтитель Общества Н. А. Васильевъ прочелъ рефератъ подѣ заглавіемъ: «Двойственность логики».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: К. А. Андреевъ, А. М. Щербина и Л. М. Лопатинъ.

4) Былъ предложенъ къ избранію въ дѣйствительные члены Общества Н. А. Васильевъ (Л. М. Лопатинымъ, К. А. Андреевымъ, Н. Д. Виноградовымъ, А. М. Щербиной).

Засѣданіе было закрыто въ 12¹/₂ ч. ночи.

ССLXII. Протоколъ закрытаго (съ гостями) засѣданія 23 апрѣля 1911 года.

Засѣданіе было открыто въ 9¹/₂ ч. в., въ залѣ правленія университета, подѣ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секре-

таръ Н. Д. Виноградовъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. В. Кубицкаго, А. М. Щербина и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) Сторонній посѣтитель Общества К. Э. Жаковъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Эволюціонная теорія познанія».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: Н. Д. Виноградовъ, А. М. Щербина, Б. Н. Бабынинъ, Л. М. Лопатинъ.

4) Были предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: К. Э. Жаковъ (Л. М. Лопатинымъ, Н. Д. Виноградовымъ и А. М. Щербиной) и М. Б. Кроль (тѣми же лицами).

Засѣданіе было закрыто въ 1 ч. ночи.

ССЛXIII. Протоколъ закрытаго (съ гостями) засѣданія 7 мая 1911 года.

Засѣданіе было открыто въ 9^{1/2} ч. в., въ богословской аудиторіи, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при товарищѣ секретаря Н. П. Кореллиной, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Ц. П. Балталона, А. О. Бачинскаго, П. Б. Ганнушкина, И. М. Громогласова, А. А. Грушка, Д. Г. Коновалова, А. В. Кубицкаго, М. К. Любавскаго, М. К. Морозовой, М. Н. Розанова, М. М. Рубинштейна, П. П. Соколова, кн. Е. Н. Трубецкаго, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта, А. М. Щербина, членовъ-соревнователей: А. В. Бломеріусъ, Н. П. Ферстеръ, М. Н. Хмѣленской и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Г. И. Челпановъ прочелъ докладъ (съ перерывомъ въ 20 минутъ) подъ заглавіемъ: «Объ американскихъ психологическихъ институтахъ» (изъ путешествія по Америкѣ). Чтеніе было иллюстрировано картинками при помощи волшебнаго фонаря.

Засѣданіе было закрыто въ 1^{1/4} ч. ночи.

**ССLXIV. Протоколъ закрытаго распорядительнаго собранія
15 октября 1911 года.**

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. в., въ кабинетѣ ректора подъ предсѣдательствомъ Г. И. Челпанова, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: К. А. Андреева, В. Е. Гиацинтова, Н. А. Иванцова, Н. П. Корелиной, П. П. Новгородцева, Г. А. Рачинскаго, М. М. Рубинштейна, Ѳ. Е. Рыбакова, кн. Е. Н. Трубецкого, В. М. Хвостова, Г. Г. Шпетта, А. М. Шербины и члена-соревнователя Н. П. Ферстеръ.

Въ засѣданіи обсуждался вопросъ о чествованіи предсѣдателя Общества проф. Л. М. Лопатина по поводу тридцатилѣтія его научной дѣятельности. Предсѣдатель собранія Г. И. Челпановъ сообщилъ предложеніе Совѣта относительно формы чествованія (изданіе сборника философскихъ статей имени Л. М. Лопатина и устройство засѣданія Психологическаго Общества для поднесенія сборника и привѣтствія Льву Михайловичу). Послѣ обмѣна мнѣній, Обществомъ были приняты слѣдующія постановленія: а) издать сборникъ философскихъ статей, посвященный имени Л. М. Лопатина; б) изданіе должно быть осуществлено на средства Общества и для этой цѣли Совѣту Общества дѣлается ассигновка, для покрытія расходовъ въ ближайшее время, въ количествѣ 350 рублей; в) въ связи съ заявленіемъ В. М. Хвостова, отъ имени М. К. Морозовой, что М. К. Морозова желаетъ принять участіе въ изданіи сборника, было постановлено выразить М. К. Морозовой глубокую благодарность и сообщить ей постановленіе Общества относительно расходовъ въ ближайшее время; г) привѣтствіе Л. М. Лопатину, которое должно быть помѣщено въ качествѣ введенія къ сборнику, изъявили согласіе написать, по просьбѣ собранія, П. И. Новгородцевъ и кн. Е. Н. Трубецкой; д) было постановлено выразить благодарность Н. П. Корелиной, взявшей на себя хлопоты по напечатанію сборника; е) было рѣшено организовать спеціальное засѣданіе Психологическаго Общества для поднесенія сборника и привѣтствія Л. М. Лопатину 10 декабря текущаго года; ж) въ связи съ этимъ было постановлено извѣстить ученія и философскія общества и также учрежденія, съ которыми связанъ Л. М. Лопатинъ своею служебною и преподавательскою дѣятель-

ностью, о предстоящемъ чествованіи Л. М. съ приглашеніемъ принять участіе въ этомъ чествованіи.

Засѣданіе было закрыто въ 10¹/₂ ч. вечера.

ССLXV. Протоколъ закрытаго (съ гостями) засѣданія 29 октября 1911 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. в., въ залѣ правленія университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: В. Н. Ивановскаго, В. П. Карпова, Н. П. Корелиной, А. В. Кубицкаго, Б. К. Млодзѣвскаго, М. М. Рубинштейна, П. П. Соколова, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта, А. М. Щербины и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Предсѣдатель Л. М. Лопатинъ сказалъ слово, посвященное памяти скончавшагося почетнаго члена Общества проф. В. О. Ключевскаго. По предложенію предсѣдателя, собраніе почтило память В. О. Ключевскаго вставаніемъ.

2) Сторонній посѣтитель Общества Б. Н. Бабынинъ прочелъ рефератъ на тему: «Бергсонъ, какъ апологетъ свободы».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: В. М. Хвостовъ, П. П. Соколовъ, Л. М. Лопатинъ.

4) Въ закрытой части засѣданія (безъ гостей) былъ предложенъ къ избранію въ дѣйствительные члены Общества Б. Н. Бабынинъ (Л. М. Лопатинымъ, Г. И. Челпановымъ и Н. Д. Виноградовымъ).

5) Избраніе ранѣ предложенныхъ кандидатовъ въ дѣйствительные члены Общества рѣшено отложить до слѣдующаго засѣданія.

Засѣданіе было закрыто въ 12¹/₂ ч. ночи.

ССLXVI. Протоколъ закрытаго (съ гостями) засѣданія 19 ноября 1911 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. в., въ залѣ правленія университета, подѣ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: В. П. Карпова, А. В. Кубицкаго, М. Ю. Лахтина, О. Е. Рыбакова, Н. В. Самсонова, Г. И. Челпанова, А. М. Щербина и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Дѣйствительный членъ Общества А. М. Щербина прочелъ рефератъ подѣ заглавіемъ: «Значеніе этики въ системѣ высшаго образованія».

2) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: Г. И. Челпановъ, Л. М. Лопатинъ.

3) Въ закрытой части засѣданія (безъ гостей) были прочитаны и утверждены протоколы трехъ предшествующихъ засѣданій.

4) Была произведена баллотировка къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: Е. А. Сидорова, Н. А. Васильева, К. О. Жакова, М. Б. Кроля, Б. Н. Бабынина. Всѣ баллотир�емые оказались избранными единогласно.

Засѣданіе было закрыто въ 12 ч. ночи.

ССLXVII. Протоколъ торжественнаго засѣданія, посвященнаго чествованію предсѣдателя Общества Л. М. Лопатина, по поводу тридцатилѣтія его научно-философской и педагогической дѣятельности 11 декабря 1911 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера, въ богословской аудиторіи, подѣ предсѣдательствомъ Г. И. Челпанова, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи почетныхъ членовъ: Л. М. Лопатина и С. И. Шукина, дѣйствительныхъ членовъ: К. А. Андреева, Б. Н. Бабынина, С. Н. Булгакова, В. Е. Гіацинтова, Н. М. Горбова, А. А. Грушка, Н. В. Давыдова, Д. Е. Жуковскаго, Н. А. Иванцова, Ю. В. Каннабиха, В. П. Карпова, Б. А. Кистяковскаго, Д. Г. Коновалова, Н. П. Корелиной, С. А. Котляревскаго, А. В. Кубицкаго, М. Ю. Лахтина,

М. К. Любавскаго, Б. К. Млодзѣвскаго, М. К. Морозовой, П. И. Новгородцева, И. Ф. Огнева, В. В. Пржевальскаго, И. В. Попова, М. Н. Розанова, В. К. Рота, М. М. Рубинштейна, А. Н. Савина, П. П. Соколова, В. М. Хвостова, И. В. Цвѣтаева, В. Д. Шервинскаго, Г. Г. Шпетта, А. М. Щербины, членовъ-соревнователей: А. В. Бломеріусъ, Н. П. Ферстеръ, М. Н. Хмѣленской и многочисленной публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Послѣ того какъ юбиляръ Л. М. Лопатинъ, встрѣченный долго несмолкавшими знаками общаго одобренія и сочувствія, занялъ почетное мѣсто, Г. И. Челпановъ прочелъ привѣтственный адресъ отъ имени Психологическаго Общества.

2) П. И. Новгородцевъ поднесъ Л. М. Лопатину «Философскій сборникъ», изданный ко дню юбилея, и прочелъ привѣтствіе отъ группы лицъ — авторовъ статей, помѣщенныхъ въ «Философскомъ сборникѣ».

3) Л. М. Лопатинъ на принесенныя привѣтствія отвѣтилъ общою благодарственною рѣчью, въ которой, между прочимъ, отмѣтилъ существенныя черты своего міровоззрѣнія, постоянно выступавшія на протяжении всей его тридцатилѣтней философской дѣятельности.

4) Были прочитаны адреса и принесены устныя привѣтствія отъ слѣдующихъ учреждений и обществъ: а) отъ Императорскаго Московскаго университета (черезъ ректора университета), б) отъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета в) отъ Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, г) отъ Общества Любителей російской словесности, д) отъ Общества испытателей природы, е) отъ Математическаго Общества, ж) отъ Юридическаго Общества з) отъ Общества невропатологовъ и психіатровъ, и) отъ Религіозно-философскаго Общества и издательства «Путь», і) отъ Литературно-художественнаго Кружка к), отъ Общества дѣятелей періодической печати, л) отъ гимназіи Арсеневой, м) отъ гимназіи Поливанова, н) отъ оставленныхъ при университетѣ по кафедрѣ философіи, о) отъ слушательницъ Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ выпуска 1904 года, п) отъ участниковъ Психологическаго семинарія при Московскомъ университетѣ, р) отъ вольнослушательницъ Московскаго университета, с) отъ журнала «Логосъ».

5) Л. М. Лопатинъ на всѣ принесенныя привѣтствія отвѣтилъ выраженіемъ глубочайшей благодарности.

6) Были оглашены телеграммы съ привѣтствіями отъ Обществъ, учрежденій и отдѣльныхъ лицъ.

Засѣданіе было закрыто въ 11¹/₂ ч. вечера.

Привѣтственный адресъ Психологическаго Общества.

Дорогой

Левъ Михайловичъ!

Исполнилось тридцать лѣтъ Вашей научно-литературной дѣятельности. Мы собрались здѣсь привѣтствовать Васъ, нашего предсѣдателя, предсѣдателя старѣйшаго Общества, объединяющаго философскія силы Россіи. Мы думаемъ, что настоящій день является торжественнымъ праздникомъ не только для Московскаго Психологическаго Общества, но онъ есть праздникъ всей русской философіи и русской науки. Чествуя Васъ, мы чествуемъ одного изъ самыхъ выдающихся людей въ культурной жизни нашей родины.

Вы, какъ старѣйшій членъ нашего Общества, съ момента его основанія, въ теченіе уже болѣе четверти вѣка, являетесь однимъ изъ самыхъ живыхъ и дѣятельныхъ его сотрудниковъ, а въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ безсмѣнно состоите его предсѣдателемъ. Какъ предсѣдатель, Вы способствовали плодотворной работѣ Общества, всегда обнаруживая тотъ тактъ, благодаря которому наша работа протекаетъ мирно и спокойно. Ваши глубокіе по содержанию и блестящіе по формѣ доклады, затрогивавшіе основные философскіе вопросы, останутся навсегда памятными участникамъ нашихъ собраній.

Мы привѣтствуемъ Васъ, какъ редактора нашего журнала. Ваша дѣятельность, направленная на поддержаніе строго научнаго характера журнала, постоянно отличалась духомъ широкой терпимости и объективности. Этимъ Вы способствовали тому, что нашъ журналъ сдѣлался объединяющимъ центромъ русской философской мысли. Давно уже русская публика придаетъ руководящее значеніе нашему журналу, благодаря чему онъ является проводникомъ нашей философской мысли въ широкихъ

кругахъ русскаго общества. Въ нашемъ журналѣ удѣляется много мѣста разсмотрѣнію философскихъ вопросовъ, имѣющихъ жизненное значеніе. Эта черта нашей національной философіи особенно ярко выступила въ пору Вашего руководительства журналомъ.

Какъ профессоръ, Вы одинъ изъ тѣхъ, кто создавалъ славную репутацію Московскаго университета. Какъ университетскій преподаватель, Вы подняли значеніе философіи въ ряду другихъ научныхъ дисциплинъ. Много поколѣній русскаго юношества, воодушевляясь Вашими чтеніями, научилось цѣнить и любить философію. Въ Вашихъ лекціяхъ Вы съ величайшимъ мастерствомъ умѣете давать яркія и живыя изображенія различныхъ проявленій философской мысли. Нѣтъ такой сложной философской системы, которую Вы не сумѣли бы представить Вашимъ слушателямъ въ ясныхъ и отчетливыхъ чертахъ.

Въ Вашей литературной дѣятельности Вы способствовали развитію русскаго философскаго языка. Превосходный стиль Вашихъ произведеній всегда будетъ привлекать читателей, и можно быть вполне увѣреннымъ, что ихъ кругъ будетъ постоянно увеличиваться по мѣрѣ культурнаго развитія Россіи. Вашимъ спиритуалистическимъ ученіемъ о духѣ, Вашей критикой параллелизма и оригинальной теоріей духовной субстанции Вы положили прочный фундаментъ философской психологіи. Вашими тонкими анализами философскихъ системъ различныхъ эпохъ Вы сдѣлали цѣнный вкладъ въ исторію философіи, и мы ждемъ отъ Васъ систематическаго изложенія исторіи философіи, которое несомнѣнно послужитъ украшеніемъ отечественной литературы.

Въ Вашемъ лицѣ мы привѣтствуемъ одного изъ самыхъ значительныхъ представителей философской мысли въ Россіи. Вы начали Вашу научную дѣятельность въ эпоху полного расцвѣта позитивизма и матеріализма. Ваши «Положительныя задачи» сразу пошли въ другомъ направленіи. Все Ваше философское ученіе проникнуто глубокой вѣрой въ высокое назначеніе человека. Къ этому убѣжденію приводитъ и Ваша критика ученія объ имманентности познанія, въ которой Вы исходите изъ проблемы объ одушевленіи чужого «я», и Ваше ученіе о духовной субстанции, которое является философской опорой Вашей вѣры въ безсмертіе души, и Ваша идея «творческой причинности».

Выдвигая эту идею, Вы были однимъ изъ провозвѣстниковъ того философскаго теченія, которое въ настоящее время сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе философскихъ круговъ Запада. На основахъ этого ученія Вы защищаете свободу человѣческой воли, убѣдительно доказывая, что только на почвѣ свободы возможенъ настоящій идеализмъ, возможно истинное служеніе высшимъ идеаламъ человѣческой личности.

Въ Вашей философской системѣ Вы не только стоите на почвѣ лучшихъ традицій западно-европейской и русской философской мысли, но являетесь однимъ изъ вполнѣ оригинальныхъ мыслителей, творцомъ русской идеалистической философіи. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія мы можемъ отмѣтить, что Вы оказали въ русской литературѣ рѣшительное вліяніе на ходъ философской мысли. Уже въ настоящее время можно видѣть все растущее число Вашихъ послѣдователей, но плодотворность Вашихъ идей и въ особенности глубокой по замыслу идеи творческой причинности, будетъ еще въ большей степени оценена впоследствии, при большемъ развитіи у насъ философіи, когда эта идея найдетъ всестороннее приложеніе въ изслѣдованіи философскихъ вопросовъ.

Мы съ гордостью можемъ заявить, что сегодня мы празднуемъ юбилей выдающагося національнаго мыслителя. Можно только пожелать, чтобы Ваши труды были переведены на иностранные языки. Ознакомленіе съ ними западныхъ ученыхъ способствовало бы прославленію русскаго имени.

Группа лицъ, работающихъ на поприщѣ философіи въ Россіи, объединенная признаніемъ Вашихъ заслугъ и любовью къ Вамъ, составила философскій сборникъ. Мы просимъ Васъ принять нашъ скромный даръ, какъ выраженіе того, что мы, Ваши ученики и почитатели, идемъ за Вами и вмѣстѣ съ Вами къ одной и той же завѣтной цѣли, къ созданію самостоятельной русской философіи.

**Привѣтствіе отъ авторовъ статей Философскаго сборника,
прочитанное П. И. Новгородцевымъ.**

Глубокоуважаемый

Левъ Михайловичъ!

Я имѣю порученіе привѣтствовать Васъ отъ имени сотрудниковъ Философскаго Сборника, подносимаго Вамъ сегодня.

Избирая этотъ особливо торжественный способъ юбилейнаго чествованія—какимъ является составленіе особаго сборника Вашего имени—мы исходили изъ мысли, что предъ нами не обычная юбилейная дата, обозначающая срокъ долгой службы или искусь продолжительнаго труда. Мы сознавали, что Вашъ юбилей есть праздникъ русской философіи, который долженъ быть отмѣченъ всѣми, кто дорожитъ самостоятельнымъ развитіемъ русской мысли. Мы хотѣли сказать тѣмъ, кто думаетъ, что философская мудрость приходитъ съ Запада: придите сюда, къ этой каедрѣ, чтобы озариться свѣтомъ бодрящихъ изученій, чтобы научиться здѣсь истинной свободѣ мысли, не стѣсненной никакими авторитетами. Вотъ что хотѣли мы выразить, поднося Вамъ Сборникъ, предисловіе къ которому я уполномоченъ здѣсь прочесть.

Въ тяжелый для философіи день вышли Вы на поприще философскаго служенія. Слышались вокругъ голоса, что дни философіи сочтены, что она утратила свой кредитъ. Самое имя ея потеряло свое прежнее значеніе и стало употребляться въ новомъ, неслыханномъ ранѣ смыслѣ. Блестящіе успѣхи опытныхъ знаній затмили славу умозрительныхъ системъ, и казалось, имъ суждено было замолкнуть навсегда, какъ объ этомъ шумно возвѣщалось съ разныхъ сторонъ.

Но за этимъ шумомъ временныхъ голосовъ Вамъ слышался и другой призывъ. Онъ шелъ изъ глубины исторіи, изъ славнаго прошлаго философской мысли, и отзываясь на него, Вы стали на защиту стараго дѣла, «надъ которымъ трудились величайшіе умы древности и новаго времени, которому посвящали лучшія свои силы Платонъ и Аристотель, Декартъ и Лейбницъ, Спиноза и Гегель». Вы прониклись убѣжденіемъ, что это старое дѣло философіи есть также и ея вѣчное дѣло, и подъ знаменемъ великихъ вождей прошлаго Вы рѣшились идти «противъ теченія».

Но какъ и куда идти? Передъ Вами открывались двѣ дороги, которыя у насъ въ Россіи съ какою-то властной силой увлекаютъ философствующіе умы. Нѣмецкій идеализмъ и славянофильская философія вѣры—вотъ два направленія, которыя и Вамъ встрѣтились при началѣ Вашихъ занятій. Славныя имена, великія традиціи и Васъ влекли за собою. Но Вы и здѣсь не пошли за общимъ теченіемъ, а избрали свой собственный путь. Вы не

хотѣли признать нѣмецкой философіи послѣднимъ предѣломъ умозрительнаго развитія, какъ и не считали возможнымъ прикнуть къ славянофиламъ. У Васъ созрѣлъ смѣлый замыселъ заново пересмотрѣть «положительныя задачи философіи», заново опредѣлить границы положительныхъ построеній. Соединяя рѣдкій критическій даръ съ тонкой пронизательностью взгляда, поразительную ясность мысли съ глубиною воззрѣній, Вы явили въ Вашей философіи превосходный примѣръ самостоятельнаго творчества. Независимо и свободно шли Вы отъ великаго наслѣдія прошлаго къ новымъ синтезамъ. А когда вокругъ Васъ вырастали иныя направленія, часто враждебныя и противоположныя Вамъ по духу, Вы не смущались этимъ несоотвѣтствіемъ Вашихъ собственныхъ путей съ модными лозунгами времени. Вы знали, что въ состязаніи мнѣній, въ тяжбѣ системъ испытанная вѣками истина всегда торжествуетъ надъ односторонними увлеченіями. Вы знали, что фанатизмъ новыхъ вѣяній и догматическая самоувѣренность моды безсильны предъ сіяніемъ вѣчной правды, которая одна остается неизблемой средь суетнаго круговорота идей.

Неизмѣнной и вѣрной поступью тридцать лѣтъ Вы слѣдовали по избранному пути, и вотъ сегодня мы чествуемъ Васъ, какъ русскаго философа, труды котораго дороги намъ, какъ живое и блестящее обнаруженіе самостоятельной русской мысли. Среди колебаній времени и смѣны настроеній Вы твердо стояли на своемъ посту, и наградой Вамъ служить не только сознаніе исполненнаго долга, но и радость общаго признанія.

Ваши товарищи, почитатели и ученики рѣшили ознаменовать тридцатилѣтіе Вашей дѣятельности поднесеніемъ Вамъ сборника философскихъ статей. Примите отъ насъ этотъ даръ, какъ залогъ глубокаго уваженія къ Вамъ со стороны лицъ, занимающихся философіей въ Россіи. Пусть напоминаетъ онъ Вамъ о той высокой оцѣнкѣ, которую Ваши труды встрѣчаютъ въ настоящее время. Пусть говоритъ онъ Вамъ не только о счастливо пройденномъ пути, но и о вѣчномъ бодреніи духа, которое мы чествуемъ сегодня въ Вашемъ лицѣ.

Отвѣтная рѣчь Л. М. Лопатина.

Было бы мало сказать, что я очень польщенъ высказанными и прочитанными сейчасъ характеристиками и оцѣнками моей

дѣятельности; я прямо смущенъ и какъ бы нравственно оглушенъ и сбить съ толку тѣмъ, что мнѣ было сказано. Скромность моя перенесла жестокое испытаніе. Конечно, я очень хорошо знаю, что на юбилеяхъ, какъ и въ некрологахъ, принято говорить о людяхъ только самое похвальное и при томъ непременно въ повышенномъ тонѣ. Но даже если откинуть все, что зависитъ отъ этого обстоятельства, въ прочитанномъ вами остается слишкомъ много такого, отъ чего можно растеряться. Не нахожу словъ, какъ выразить вамъ мою благодарность и за щедрый, глубоко меня трогавшій даръ вашъ, и за ваше доброе мнѣніе обо мнѣ. Повѣрьте, оттого она не меньше. Я, разумѣется, не судья моего жизненнаго дѣла и не буду пускаться на такую зыбкую для меня почву. Скажу только о томъ, что меня вдохновляло и двигало въ моихъ философскихъ работахъ.

Съ незапамятныхъ временъ въ человѣческихъ умахъ живетъ два противоположныхъ міросозерцанія: по одному, истинно существующее, — настоящая реальность вещей, — для насъ закрыто, непостижимо и если находить въ чемъ себѣ отдаленное изображеніе, то только въ схемахъ и механическихъ отношеніяхъ нашего внѣшняго опыта. Больше о дѣйствительности мы ничего знать не можемъ. Нашъ внутренній душевный міръ, наше я, наше сознаніе и воля только феномены, только мимолетное марево, поднявшееся надъ этой темной, неизвѣстной, далекой отъ нашего самочувствія и непонятной основой. По другому міропониманію, напротивъ, только въ своей душѣ, только въ непосредственныхъ переживаніяхъ нашего внутренняго я намъ дана настоящая дѣйствительность и лишь черезъ нее мы постигаемъ и всякую другую реальность. Въ нашемъ психическомъ мірѣ мы встрѣчаемъ нѣчто реальное безо всякихъ прикрытій, какъ оно есть, и поэтому только въ немъ можно искать опоры для содержательнаго познанія объ истинномъ бытіи.

Изъ этихъ двухъ возможныхъ пониманій міра я всецѣло прикнулъ ко второму. Первое міросозерцаніе несетъ въ себѣ такія несообразности, которыя не позволяютъ ни его прочнаго признанія, ни его послѣдовательнаго проведенія. Вѣдь если нашъ духъ никакъ не выражаетъ въ себѣ внутренней реальности остального міра, какъ мы можемъ что-нибудь объ этомъ мірѣ знать или даже вообще что-нибудь о немъ утверждать? Съ другой стороны, если нашъ духъ и объективная дѣйствитель-

ность такъ абсолютно противоположны и такъ несвязаны между собою, какъ они могутъ войти элементами въ одно міровое цѣлое? Не попадаемъ ли мы въ безвыходныя дебри самаго непримирамаго дуализма? Итакъ, остается единственный путь для дѣйствительнаго философскаго *пониманія* міра: бытіе нужно понять по духовнымъ аналогіямъ и въ духовныхъ категоріяхъ. То, что есть основнаго въ нашемъ духѣ, то, безъ чего немислимо ни одно его проявленіе, должно лежать въ основѣ и всѣхъ другихъ вещей, если только міръ представляетъ внутреннее единство, а не распадается весь въ безсвязныя, чуждыя другъ другу клочья. Внутренняя духовность всего дѣйствительнаго и его живая внутренняя связь, — въ этомъ коренной тезисъ *спиритуалистическаго* міровоззрѣнія.

Что же открываетъ намъ непредвзятый внутренній опытъ о духѣ, какъ самое основное въ немъ? Онъ открываетъ его единство, его самоопредѣленіе и, стало быть, свободу, творческой характеръ всѣхъ его процессовъ, цѣлестремительное направленіе всей его самодѣятельности. Это такіе признаки, которые присутствуютъ на всѣхъ ступеняхъ духовнаго и которые если отбросить, отъ самой духовной жизни ничего не останется. Итакъ, если міръ духовенъ въ своей внутренней сущности, то въ его бытіи должна изливаться единая, свободная, творческая сила, ведущая все ею созданное и вызванное къ своимъ высшимъ цѣлямъ. Въ этихъ цѣляхъ осуществляется объективный идеаль творенія, и этотъ объективный идеаль есть въ то же время нашъ человѣческій нравственный идеаль. Въдъ одна и та же сила движеть міромъ и составляетъ глубочайшій корень нашей индивидуальной духовности. Смыслъ жизни человѣка въ томъ, что въ немъ вѣчно свободно ищетъ вѣчнаго. Таково въ самыхъ сжатыхъ чертахъ мое философское *credo*.

Мнѣ сейчасъ было указано, что я съ самаго начала разорвалъ съ позитивизмомъ и черезъ это сразу оказался въ плоскости умозрительной философіи, и что далѣе въ области умозрительной философіи я не примкнулъ ни къ нѣмецкому идеализму, ни къ славянофиламъ и пошелъ своимъ особымъ, одинокимъ путемъ. На это могу лишь отвѣтить одно: въ этомъ не было ничего преднамѣреннаго, это вышло само собою. Въ годы моего отрочества и юности я испыталъ сильное вліяніе славянофиловъ, многихъ изъ которыхъ я зналъ лично, и въ теченіе долгихъ

лѣтъ послѣ они были близки моей душѣ. Съ другой стороны, и для меня, какъ для большинства моихъ философскихъ сверстниковъ, великіе представители нѣмецкаго идеализма были самыми большими авторитетами въ сферѣ умозрѣнія. И если я оторвался отъ того, что мнѣ было такъ близко и дорого, то для этого были особыя причины. Я былъ всегда глубоко убѣжденъ, что разумъ человѣческій не только источникъ всякихъ обмановъ и что функція его не въ одномъ искаженіи реальныхъ отношеній между вещами, а и въ усмотрѣніи ихъ и *въ дѣйствительномъ постиженіи*. Поэтому я думалъ, что разуму при добросовѣстномъ и серьезномъ пользованіи его силами и средствами, даже когда онъ предоставленъ себѣ, даже когда онъ опирается только на ту очевидность, которая заключена въ немъ самомъ,—открыта объективная истина о сущемъ,—пускай не во всей его полнотѣ и неисчерпаемой глубинѣ, пускай только въ общихъ и ограниченныхъ очертаніяхъ, но все же *истина*, а не миражъ и призракъ. А разъ это такъ, то возможны общеобязательныя истины разума о дѣйствительно существующемъ въ немъ самомъ, а если онѣ возможны, то ихъ *должно* искать, и въ этомъ первая и главная задача философіи, какъ реального знанія. Философія не можетъ быть только условнымъ методомъ или логическою формою для изложенія субъективныхъ вѣрованій и чаяній высоко настроенныхъ, пламенно вѣрующихъ душъ,—она должна быть прежде всего системою объективныхъ истинъ, обязательныхъ для всякаго разумнаго существа. Такое пониманіе философской задачи отдѣлило меня отъ славянофиловъ. Ихъ твердое убѣжденіе въ томъ, что послѣднее слово разума сказано въ системѣ Гегеля и что это слово оказалось пустымъ и ложнымъ, заставляло ихъ смотрѣть на философію, какъ самостоятельную науку, безнадежными глазами, и содержанія для философіи они вынуждены были искать только въ догматахъ и откровеніяхъ истинной церкви.

Съ другой стороны, мнѣ казалось, что философія переживаетъ очень критическій моментъ. Старыя проторенныя дороги философіи исхожены во всѣхъ направленіяхъ, ея испытанные, старые методы использованы, какъ только можно было ихъ использовать, а получилось разочарованіе и крушеніе прежнихъ надеждъ. Система объективныхъ истинъ разума о реально сущемъ не только не была найдена, — перестали вѣрить въ самую воз-

возможность ее когда-нибудь найти. Для меня это было знакомъ, что весь пройденный философской мыслью путь долженъ быть радикально пересмотрѣнъ. Вѣдь когда философское пониманіе попадаетъ въ тупикъ, изъ него можетъ быть лишь одинъ выходъ: *принципіальное сомнѣніе*, которое уже спасло философію въ эпоху Декарта. Со всею серьезностью и умственною добросовѣстностью надо отказаться отъ всѣхъ философскихъ предразсудковъ — метафизическихъ, гносеологическихъ, психологическихъ и космологическихъ, — отъ всѣхъ предвзятыхъ предположеній, изъ какихъ бы почтенныхъ школъ они ни исходили, отъ всѣхъ традицій — не потому, чтобы онѣ были непременно ложны, а потому, что надо же отыскать критерій, чтобы оцѣнить ихъ по достоинству и выбрать между ними. Нужно отбросить все предвзятое и строить все заново, опираясь на очевидность разума, на то, что для него просто, ясно и несомнѣнно, дѣлая наименьшія допущенія и притомъ только такія, которыя говорятъ сами за себя и логическая необходимость которыхъ не можетъ подлежать серьезному спору. *Скептической путь къ объективной истинѣ* — вотъ что одно остается для философіи въ эпоху ея великихъ потрясеній. Я убѣдился, что долгъ современнаго философа вступить на этотъ тяжелый и тернистый путь, и тогда мнѣ пришлось разорвать съ нѣмецкимъ идеализмомъ и прежде всего съ теоріей разума Канта. Вѣдь каждому извѣстно, что она опирается на очень сложныя, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и тускляя предпосылки, и что до нашихъ дней тянется вѣковой споръ не только объ ихъ оправданіи, но и о самомъ ихъ смыслѣ. Въ результатѣ я оказался въ очень одинокой позиціи, и это было естественно. Тѣмъ болѣе мнѣ несказанно дорого выраженное мнѣ теплое признаніе моихъ скромныхъ заслугъ, и я не знаю, какъ мнѣ благодарить за него.

Привѣтствіе отъ Императорскаго Московскаго университета.

Глубокоуважаемый и дорогой Левъ Михайловичъ! Я счастливъ тѣмъ, что на мою долю выпало въ этотъ знаменательный день привѣтствовать Васъ отъ имени Московскаго университета и выразить Вамъ одушевляющія меня чувства. Вашъ настоящій триумфъ — это въ то же время и великое торжество Московскаго университета, гдѣ Вы возросли духомъ и гдѣ щедро рассыпали

даръ этого духа въ теченіе тридцати лѣтъ. Не буду говорить о томъ, какъ велики и разнообразны эти дары, не буду дѣлать анатомію Вашимъ духовнымъ качествамъ: это уже сдѣлали и будетъ еще сдѣлано другими. Для меня важнѣе отмѣтить здѣсь тотъ удивительно цѣльный духовный обликъ, съ какимъ Вы всегда и неизмѣнно выступали въ нашей университетской средѣ. Я не могу подыскать другого слова для обозначенія этого духовнаго облика, какъ только «изящное благородство». Вы изящно благородны были во всемъ, и въ Вашей философіи, и въ устномъ и письменномъ Вашемъ словѣ, и въ Вашемъ преподаваніи, и въ Вашемъ отношеніи къ учащимся и товарищамъ, и въ Вашемъ участіи въ коллегіальной жизни и дѣятельности университета. Нельзя не оцѣнить по достоинству это основное свойство Вашей нравственной личности. Вѣдь это и есть то самое свойство, которое вливаетъ душу живу въ учено-учебный организмъ, превращаетъ его въ великую силу, воспитывающую людей.

Пріятно было работать съ Вами, дорогой Левъ Михайловичъ, и это не маловажная Ваша заслуга передъ роднымъ университетомъ. Вѣдь всякая работа спорится въ пріятномъ сообществѣ, въ атмосферѣ, проникнутой взаимнымъ сочувствіемъ, доброжелательностью и взаимнымъ уваженіемъ. А эту атмосферу Вы всегда носили въ себѣ, всегда создавали вокругъ себя: гдѣ бы Вы ни находились среди своихъ товарищей, у Васъ находилось для нихъ слово привѣта, но не слово навѣта, слово сочувствія, но не слово осужденія и укоризны, и Васъ въ свою очередь всегда встрѣчали и провожали съ такими же добрыми чувствами. И кто можетъ теперь учесть размѣры того чисто психическаго содѣйствія, которое оказали Вы нашей общей работѣ, экономіи нашихъ нравственныхъ силъ? Думаю, что размѣры этихъ содѣйствій во всякомъ случаѣ окажутся огромными.

Не могу умолчать и еще объ одной великой заслугѣ Вашей передъ роднымъ университетомъ. Въ дни тяжкихъ испытаній, переживаемыхъ университетомъ, въ дни нашихъ сомнѣній и колебаній Вы всегда выступали съ совѣтомъ мудреца и горячею любовью сына къ своей alma mater. Съ великою энергіей и талантомъ защищали Вы самоцѣнное достоинство университета, и искренняя благодарность должна быть отвѣтомъ со стороны всѣхъ, кому дорогъ университетъ.

Въ заключеніе позвольте отъ души пожелать, чтобы Ваше

доблестное служеніе нашему университету не изсякло еще долгіе годы, и чтобы мы еще долго наслаждались удовольствіемъ имѣть въ свой средѣ нашего милого, добраго, глубокоуважаемаго и высокоцѣнимаго Льва Михайловича Лопатина.

Адресъ товарищей по факультету.

Глубокоуважаемый и дорогой
Левъ Михайловичъ!

Мы, Ваши товарищи по факультету, съ чувствомъ радости и гордости привѣтствуемъ Васъ по поводу исполнившагося тридцатилѣтія ученаго и преподавательскаго труда Вашего.

Нѣкоторые изъ насъ имѣли счастье быть Вашими учениками и живо помнятъ Ваши глубокія по содержанію, художественныя по формѣ и проникнутыя высокимъ духовнымъ подъемомъ лекціи, отъ которыхъ вѣяло чисто Платоновскою красотою и вдохновеніемъ, помнятъ и Ваши несравненные семинаріи, въ которыхъ съ такою яркостью проявлялись Сократовскія черты—безукоризненный методъ, трезвость мысли, остроуміе, находчивость и неизмѣнное дружелюбіе по отношенію къ молодымъ искателямъ истины.

Подобно большинству крупныхъ ученыхъ, Вы были педагогомъ въ незаурядномъ смыслѣ этого слова: Вы давали каждому столько, сколько могли вмѣстить его способности и естественный научный интересъ, не стремясь путемъ насилія надъ волей Вашихъ учениковъ добиться призрачныхъ результатовъ внѣшняго знаніе и отрицательно относясь къ подневольной философской работѣ.

А когда лучшіе изъ Вашихъ учениковъ впослѣдствіи встрѣчались съ Вами въ другой стадіи научнаго развитія—въ качествѣ авторовъ самостоятельныхъ философскихъ изслѣдованій, въ Вашемъ лицѣ они находили тончайшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне объективнаго критика, который всегда съ полнымъ безпристрастіемъ умѣлъ оцѣнить добросовѣстныя усилія молодыхъ ученыхъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти усилія направлялись въ сторону, не соответствующую основнымъ убѣжденіямъ Вашимъ. Философскіе диспуты съ Вашимъ участіемъ были всегда выдающимися событіями въ университетской жизни, привлекавшими обширную аудиторію и служившими благороднѣйшимъ

средствомъ распространенія не только научныхъ знаній и интересовъ, но и славы Московскаго университета, какъ одного изъ виднѣйшихъ просвѣтительныхъ центровъ въ Россіи. И съ каждымъ такимъ диспутомъ мы, Ваши товарищи, все болѣе и болѣе проникались сознаниемъ того, какого крупнаго, исключительнаго по своимъ дарованіямъ и эрудиціи ученаго имѣемъ мы въ нашей средѣ.

Есть еще одна сторона въ Вашей дѣятельности, о которой мы можемъ и должны засвидѣтельствовать сегодня во всеуслышаніе съ чувствомъ горячей благодарности. Это—Ваше участіе въ нашей коллегіальной жизни въ качествѣ члена факультета. Сколько разъ самые сложные и волнующіе вопросы учено-учебнаго дѣла получали неожиданное разрѣшеніе благодаря Вашему вмѣшательству, всегда проникнутому тонкою деликатностью и товарищескимъ духомъ по отношенію къ коллегамъ и чуткой гуманностью по отношенію къ студентамъ.

Позвольте же намъ, дорогой Левъ Михайловичъ, пожелать, чтобы еще многіе и многіе годы съ кафедры Московскаго университета раздавалось Ваше вдохновенное слово философа Божіей милостью и чтобы мы, Ваши ближайшіе товарищи, еще многіе и многіе годы пользовались счастьемъ многообразнаго общенія съ Вашей обаятельной и всѣмъ намъ дорогою личностью.

**Привѣтствіе отъ Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ,
произнесенное В. М. Хвостовымъ.**

Левъ Михайловичъ,

Московскіе высшіе женскіе курсы возложили на меня и на Н. Д. Виноградова пріятную обязанность привѣтствовать Васъ на сегодняшнемъ торжествѣ, какъ отъ лица всего Совѣта курсовъ, такъ, въ частности, отъ лица того факультета, къ которому Вы принадлежали: историко-философскаго. Я называю эту обязанность пріятною и съ полнымъ основаніемъ могу назвать ее для меня лично вдвойнѣ пріятною. Мнѣ пріятно, во-первыхъ, привѣтствовать именно Васъ, человѣка, котораго я не только высоко цѣню, какъ ученаго и общественнаго дѣятеля, но и съ гордостью считаю въ числѣ моихъ личныхъ и весьма мною любимыхъ друзей; мнѣ пріятно, во-вторыхъ, приносить это привѣтствіе отъ лица учрежденія, которое мнѣ также очень

дорого, которое я искренно люблю и которому служу по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія, горячо желая его дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія.

Я не буду говорить о Вашихъ научныхъ и преподавательскихъ заслугахъ, какъ потому, что мы о нихъ сегодня уже много и съ разныхъ сторонъ слышали, такъ и потому, что я самъ уже имѣлъ случай высказаться о нихъ въ утреннемъ номерѣ «Русскихъ Вѣдомостей». Я ограничусь тѣмъ, что въ сегодняшнемъ празднествѣ касается представляемого мною учрежденія.

Московскіе высшіе женскіе курсы сыграли довольно видную роль въ Вашей жизни, и Вы сыграли видную роль въ ихъ жизни. Это учрежденіе для Васъ дорого, конечно, не только въ силу того, что Вы являетесь убѣжденнымъ сторонникомъ высшаго женскаго образованія и придаете огромное значеніе въ жизни человѣчества свѣтлымъ сторонамъ женской личности, но и въ силу чисто личныхъ обстоятельствъ. Вѣдь именно на высшихъ женскихъ курсахъ тридцать лѣтъ тому назадъ начали Вы Вашу преподавательскую дѣятельность, въ качествѣ лектора высшей школы. Раньше, чѣмъ открылись Ваши философскія чтенія въ Университетѣ, раздалась Ваша рѣчь передъ слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ, тогда еще небольшого, только что возникавшаго дѣла. Женщины были первыми Вашими слушательницами и въ этомъ заключалось хорошее предзнаменованіе: столь отзывчивая на все истинное и высокое женская аудиторія по достоинству оцѣнила Ваши таланты и положила начало правильной оцѣнкѣ Вашей личности.

Вы работали на женскихъ курсахъ въ первый періодъ ихъ существованія. Вы не отказались сдѣлаться опять ихъ преподавателемъ, когда послѣ долгаго и томительнаго перерыва это учрежденіе возродилось, чтобы въ болѣе широкомъ масштабѣ возобновить свою дѣятельность. На этотъ разъ, къ сожалѣнію, Ваше участіе въ жизни курсовъ было кратковременнымъ: личные обстоятельства заставили Васъ прекратить здѣсь Вашу дѣятельность. Я очень радъ, что двери высшей школы вновь открыты передъ русской женщиной и что высшая женская школа можетъ принять участіе и въ нынѣшнемъ праздникѣ просвѣщенія. Вѣдь, открывая женщинѣ широкіе пути культурной дѣятельности, мы тѣмъ самымъ открываемъ новые, свѣтлые горизонты для всего человѣчества. Но мнѣ жаль, что Васъ мы не

видимъ въ этомъ учрежденіи. Мы не теряемъ надежды на то, что Вы еще вернетесь къ намъ и найдете возможнымъ послужить столь дорогому и для Васъ дѣлу высшаго образованія русской женщины, которой мы уже такъ многимъ обязаны въ прошломъ и настоящемъ и отъ которой столько новаго и свѣжаго ожидаемъ въ будущемъ.

Позвольте же закончить это краткое привѣтствіе искреннимъ пожеланіемъ Вамъ многихъ еще лѣтъ дѣятельной и плодотворной жизни на славу русской науки и философіи, на пользу не только русской, но и общечеловѣческой культуры.

Адресъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Глубокоуважаемый

Левъ Михайловичъ!

Общество любителей россійской словесности душевно привѣтствуетъ въ Вашемъ лицѣ мыслителя - писателя. Недаромъ въ спискѣ его членовъ давно уже красуется Ваше уважаемое имя: это длказываетъ, что наше Общество вполне оцѣнило ту Вашу своеобразную и прекрасную черту, благодаря которой тонкая мысль Вашихъ умозрѣній всегда находила себѣ соответственное начертаніе такимъ же тонкимъ и изящнымъ стилемъ. Именно потому, что глубина Вашего отвлеченнаго мышленія свѣтла, Вы умѣете излагать его въ такой формѣ, которая плѣняетъ своей ясностью и дорогою простотой. Ваши книги принадлежатъ не только русской философіи, но и русской словесности. Вашъ Логосъ, какъ это и подобаетъ, не только разумъ, но и слово. Бережно и благоговѣнно храня традиции родного языка, достойный и преданный ученикъ Льва Поливанова съ его культomъ Пушкина, другъ С. А. Юрьева и Вл. Соловьева, — всѣхъ этихъ дѣятелей, ярко записавшихъ свои незабвенныя имена въ вѣковой исторіи нашего Общества, Вы проникли въ тайны прекраснаго изложенія, и та благодатная школа красоты, въ которой Вы воспитали свое міросозерцаніе, помогла Вамъ дать въ своихъ произведеніяхъ образецъ такой рѣчи, гдѣ на каждомъ почти словѣ, его однако не отягощая, лежитъ печать не только философской обдуманности, но и задушевной теплоты, эстетическаго вкуса и такта. О трудномъ Вы говорите легко; высоты Вы дѣлаете доступными. И намъ отрадно сознавать, что на дол-

гомъ протяженіи своей ученой и учительской работы Вы своей духовной личностью являли одушевленное сочетаніе философіи и художества. Серьезный знатокъ и дѣйственный почитатель Шекспира, цѣнитель высокихъ цѣнностей, Вы и этимъ реально подтвердили существованіе внутренней и органической связи между истиной мысли и истиной искусства. Наконецъ, Вы сами—старый учитель словесности, и намъ лестно и дорого, что отъ насъ, ея учителей, ея любителей, ея изслѣдователей, Вы примете, въ день своего торжества, не только добровольную дань уваженія, но и товарищескій привѣтъ и поклонъ.

Адресъ Московскаго Общества Испытателей Природы.

Императорское Московское Общество Испытателей Природы, старѣйшее изъ русскихъ естественно-научныхъ Обществъ, привѣтствуетъ Васъ, глубокоуважаемый Левъ Михайловичъ, въ день тридцатилѣтняго юбилея Вашей высокоплодотворной научной дѣятельности.

Философія и естествознаніе представляютъ собой двѣ области человѣческаго вѣдѣнія, тѣсно и непрерывно переплетавшіяся въ своемъ историческомъ развитіи. Натурфилософія, зарожденная въ классической древности, насчитываетъ и до настоящаго времени значительное количество представителей среди выдающихся ученыхъ. Гносеологія въ одинаковой мѣрѣ обязательна какъ для философовъ, такъ и для натуралистовъ. Интересъ къ философіи со стороны естествоиспытателей проявляется за послѣднее время особенно интенсивно.

Въ день Вашего юбилея Общество позволяетъ себѣ высказать надежду, что философскому идеализму еще предстоитъ большая роль въ развитіи человѣческихъ знаній вообще, а слѣдовательно и въ развитіи естественныхъ наукъ.

Адресъ Московскаго Математическаго Общества.

Глубокоуважаемый
Левъ Михайловичъ!

Московское Математическое Общество приноситъ Вамъ свой сердечный привѣтъ въ день празднованія тридцатилѣтія Вашей выдающейся ученой, литературной и преподавательской дѣятель-

ности, Вашего плодотворнаго общественнаго служенія въ одномъ изъ самыхъ высокихъ значеній этого слова. Общій интересъ къ философскому анализу основныхъ положеній математики и точнаго естествознанія уже давно сблизилъ между собою московскихъ представителей математики и философіи, и сегодня Московское Математическое Общество съ особымъ удовольствіемъ чувствуетъ въ Васъ того, кто всего болѣе способствовалъ этому сближенію широтою и разносторонностью своихъ интересовъ и привлекательностью своей талантливой личности. Въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ Вы неоднократно останавливались на основахъ математики, и блестящія страницы, посвященныя въ одной изъ Вашихъ работъ вопросу о математическихъ истинахъ, столь же цѣнны для математиковъ, какъ и для философовъ. Но не только своими учеными трудами приобрѣли Вы право на особое уваженіе и сочувствіе Математическаго Общества; оно высоко цѣнитъ ту благожелательность и сердечность, которыя Вы всегда проявляли въ Вашихъ къ нему отношеніяхъ. Общество помнить, съ какою готовностью Вы всегда отзывались на его обращенія къ Вамъ, и вспоминаетъ съ глубокою признательностью Ваши рѣчи и статьи, въ которыхъ Вы со свойственнымъ Вамъ мастерствомъ характеризовали философскія воззрѣнія основателей Общества В. Я. Цингера и Н. В. Бугаева и столь близкаго Вамъ Н. И. Шишкина. Наконецъ, Общество останавливается съ чувствомъ живѣйшей радости на тѣсной научной связи и личныхъ симпатіяхъ, связывающихъ съ Вами многихъ его членовъ. Оно видитъ въ этихъ отношеніяхъ залогъ того, что и въ будущемъ Вы сохраните къ Обществу тѣ чувства, съ какими Вы относились къ нему до сихъ поръ.

Принося Вамъ свое привѣтствіе, Московское Математическое Общество желаетъ Вамъ еще долгихъ лѣтъ столь же плодотворной дѣятельности среди Вашихъ учениковъ и послѣдователей на пользу и славу русской философіи.

Адресъ Московскаго Юридическаго Общества.

Глубокоуважаемый

Левъ Михайловичъ!

Принося Вамъ привѣтствіе по случаю тридцатилѣтія Вашей философской дѣятельности, Московское Юридическое Обще-

ство не считаетъ себя случайнымъ гостемъ на этомъ праздникѣ русской философіи.

Русская юридическая мысль искони почерпаетъ свои творческія силы изъ философскихъ источниковъ:

Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ говорить его природа,
Его душа и быть родной,—

сказалъ русскій поэтъ,—и этотъ языкъ, вдохновенный и прекрасный русскій языкъ, своими словами и выраженіями неопровержимо свидѣтельствуешь о связи въ сознаниі русскаго народа права и правды, связи ясной и живой,—какъ бы ни расходилась дѣйствительность существующаго съ дѣйствительностью должнаго.

Великія приобрѣтенія научнаго знанія положили навсегда предѣлъ умозрѣніямъ въ области точныхъ знаній, но не положили и не могутъ положить предѣла умозрѣнію, какъ таковому.

«Умъ человѣческій—прирожденный метафизикъ», сказали Вы. «Не странное ли самообольщеніе? Въ каждомъ изъ насъ,—къ какимъ бы философскимъ или религиознымъ партиямъ мы ни принадлежали,—цѣлый міръ метафизическихъ предположеній... Зачѣмъ не называть вещи ихъ именами?.. Не лучше ли сознать фактъ? Всякая безсознательность въ научной сферѣ ведетъ только къ смѣшенію понятій, неясности и лжи».

И въ Вашемъ капитальномъ трудѣ «Положительныя задачи философіи», откуда взяты эти строки, и въ другихъ своихъ работахъ Вы много сдѣлали для того, чтобы утвердить границы между областью умозрѣнія и областью индуктивныхъ знаній. Въ торжественную минуту настоящаго юбилея Московское Юридическое Общество не можетъ не привѣтствовать философа, который много потрудился надъ выясненіемъ философской правды о живой правдѣ. Правду ищетъ философъ, но она нужна и юристу, ея питается правосознаніе, и она должна одухотворять право.

Да проникнется современное правосознаніе живымъ сознаниемъ правды.

Да послужать этому философы и юристы.

Труденъ путь и далека цѣль, но если передъ нами, какъ въ настоящій моментъ, встаетъ образъ неустанной многолѣтней дѣятельности, отданной на служеніе истинѣ, отрадно становится жить и легче вѣрить въ силу высшихъ началъ, и вотъ почему

съ такой радостью мы привѣтствуемъ Васъ сегодня. Мы привѣтствуемъ въ Васъ живую энергію духа, неизсякаемую жажду познанія, широкія перспективы возрѣній. Мы горячо желаемъ, чтобы многія, многія лѣта Вы продолжали дарить насъ свѣтлыми поученіями Вашей мысли.

Адресъ Московскаго Общества Невропатологовъ и Психіатровъ.

Глубокоуважаемый

Левъ Михайловичъ!

Въ ряду многочисленныхъ научныхъ организацій, привѣтствующихъ Васъ въ день 30-лѣтняго юбилея Вашей научной дѣятельности, несетъ Вамъ свой привѣтъ и поздравленія и Московское Общество Невропатологовъ и Психіатровъ.

Наше специальное Общество, изслѣдующее вопросы біологическаго порядка и опирающееся на эмпирическіе методы, стоитъ, казалось бы, совершенно въ сторонѣ отъ круга Вашихъ интересовъ; казалось бы, совершенно чужда ему и Ваша область умозрѣнія и метафизики и главные точки Вашей философской мысли; однако, уже много лѣтъ назадъ Общество Невропатологовъ и Психіатровъ ощутило потребность въ научномъ сближеніи съ Вами и избрало Васъ въ число своихъ членовъ-сотрудниковъ. Точкой соприкосновенія, дававшей возможность осуществленія совмѣстной работы, явилась та общая психологическая почва, которая составляетъ основу Вашихъ философскихъ построеній. Ваше основоположеніе объ имманентности душевной субстанціи создаетъ тотъ мостъ, на которомъ могутъ встрѣтиться съ Вами въ общихъ усиліяхъ и изслѣдователи другихъ міросозерцаній. Вашъ безпристрастный интересъ къ психологическимъ построеніямъ иныхъ лагерей, Ваша благоволящая терпимость къ доказательствамъ и возрѣніямъ несогласныхъ съ Вами научныхъ дѣятелей всегда создавали особенно уютную атмосферу для философскихъ дебатовъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ мы особенно охотно шли навстрѣчу созову соединенныхъ засѣданій нашего Общества и состоящаго подъ Вашимъ предсѣдательствомъ Московскаго Психологическаго Общества.

Привѣтствуя Васъ сегодня, Общество Невропатологовъ и Психіатровъ высказываетъ Вамъ горячее пожеланіе многолѣтней плодотворной дѣятельности на нивѣ родной науки.

**Адресъ Московскаго Религіозно-Философскаго Общества и
издательства „Путь“.**

Глубокоуважаемый Левъ Михайловичъ!

Совѣтъ Московскаго Религіозно-Философскаго Общества и редакція тѣсно связаннаго съ нимъ издательства «Путь» счастливымъ долгомъ своимъ почитаютъ привѣтствовать Васъ по поводу исполнившагося 30-лѣтія Вашей научной дѣятельности и пожелать Вамъ энергіи и силъ для ея продолженія. Вы стоите на отвѣтственномъ посту русской культуры, и священно то знамя, которое развѣвается надъ Вашей головой, хочется прибавить: и надъ всѣми нами. Ибо не можетъ самобытная культура не имѣть самобытной философіи, и Вамъ, вмѣстѣ съ немногими избранниками, вѣрено было судьбою почетное служеніе—пѣствовать и блюсти русскую философію въ пору всеобщаго философскаго безвременья, пронести ея священный огонь черезъ холодъ и мракъ предразсвѣтныя. Четверть вѣка Вы были вѣрнымъ и неизмѣннымъ рыцаремъ философіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя Вы всегда и отстаивали независимость философскаго умозрѣнія и свободу философіи, Вы никогда не понимали эту свободу и эту независимость какъ право превратить ее лишь въ специальную научную дисциплину, отчужденную отъ вопросовъ жизни и міровоззрѣнія и особенно отъ религіи. Напротивъ, въ Вашихъ рукахъ философія является хотя и свободной и независимой, но сознательной и вѣрной союзницей религіи, она по-своему, своими средствами выявляетъ ея цѣнности, устанавливаетъ ея истины.

Вы выступили на философское поприще, когда въ нашемъ обществѣ почти безраздѣльно царилъ материализмъ и догматическій позитивизмъ, убѣжденнымъ сторонникомъ религіозно-метафизическаго міросозерцанія, которое смыкается въ систему теизма, т. е. вплотную подводитъ къ истинамъ христіанской религіи. И въ наше время, когда старыя кумиры смѣнились уже новыми, и материализмъ сталъ называть себя монизмомъ, а позитивизмъ—критицизмомъ и научной философіей, Вы отстаиваете противъ критическаго имманентизма трансцендентныя предпосылки знанія, а противъ гносеологическаго субъективизма—спиритуалистическій онтологизмъ. Въ тѣ самые 80—90-е годы, эту эпоху отчаянія философской мысли на западѣ, когда она начала,

наконецъ, искать спасенія въ лозунгѣ: назадъ къ Канту, блестящая плеяда русскихъ философовъ, Вл. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, Л. М. Лопатинъ, поставила предъ философией «положительную задачу»: идти не назадъ, но впередъ, не къ Канту, но за Канта, Шеллинга и Гегеля. И въ то время, когда философская мысль запада въ теченіе цѣлой четверти вѣка истощалась въ усиліяхъ сдвинуться съ Канта и въ своемъ развитіи лишь теперь едва продвигается до Фихте и Гегеля, русская философская мысль порождаетъ философскія системы, которыя могли бы оказать помощь и западной философіи въ ея кризисѣ, если бы ее не отдѣляла отъ нашей сохраняющаяся и до сихъ поръ глухая стѣна.

Хотя въ Вашемъ творчествѣ живетъ міровая философская традиція, но, какъ все истинно-универсальное, оно носитъ и конкретно-національныя черты. И потому мы счастливы привѣтствовать въ Васѣ не только носителя міровой философской традиціи, но и, прежде всего, русскаго мыслителя. Передъ всѣми нами стоитъ великая историческая задача—ковать русскую культуру, будить религіозно-философскую мысль, оформлять религіозно-національное самосознаніе. И этой задачѣ Вы послужили своимъ философскимъ дѣломъ. И, привѣтствуя въ Васѣ русскаго философа, совмѣщающаго въ своемъ философскомъ творчествѣ начала универсальное и національное, мы чтимъ вмѣстѣ съ тѣмъ духовную нашу родину, для которой мощный выразитель русскаго самосознанія поставилъ высокій идеаль: быть русскимъ — значитъ быть всечеловѣкомъ.

Льву Михайловичу Лопатину, Московскій Литературно-художественный Кружокъ.

1881—1911.

Многоуважаемый Левъ Михайловичъ!

Ваше имя такъ тѣсно связано съ исторіей русской философіи, что было бы излишне объяснять, почему Московскій Литературно-Художественный кружокъ, которому дороги интересы и судьбы русской литературы, съ радостью присоединяется къ тѣмъ привѣтствіямъ, которыя обращены къ Вамъ сегодня, въ день тридцатилѣтія Вашей литературной и ученой дѣятельности. Въ Вашемъ главномъ сочиненіи, названіе котораго сегодня у всѣхъ на устахъ,

Вы дали исчерпывающую критику материалистическаго міросозерцанія, имѣвшаго у насъ въ Россіи, какъ въ странѣ, гдѣ, по разнымъ причинамъ, развитіе философской мысли запоздало, значительный успѣхъ и распространеніе, и этимъ оказали всему русскому обществу неоцѣнимую услугу. Въ рядѣ своихъ статей и замѣтокъ, которыя всегда читались съ величайшимъ вниманіемъ всѣми, интересующимися высшими вопросами мысли, Вы разрабатывали, съ большой силою ума и съ непобѣдимой логикой, наиболѣе трудные и важныя вопросы, стоящіе передъ современной философіей, и къ этимъ Вашимъ работамъ должны будутъ обращаться всѣ будущіе изслѣдователи, которые захотятъ остановиться на тѣхъ же темахъ. Какъ профессоръ, Вы воспитали нѣсколько поколѣній русскихъ мыслителей, и тѣ, которые имѣли счастье считаться въ числѣ Вашихъ учениковъ, никогда не забудутъ Вашихъ глубокосодержательныхъ лекцій и Вашего руководительства, учившаго мыслить самостоятельно и смѣло и любить мысль самостоятельную и смѣлую. Мы не можемъ также забыть, что Вы, не замыкаясь въ области одной специальности, всегда живо отзывались на всѣ явленія литературы и искусства, и что многія литературно-художественныя начинанія имѣли въ Васъ своего дѣятельнаго участника. И Литературно-Художественный Кружокъ, гордящійся тѣмъ, что онъ считаетъ Васъ въ рядахъ своихъ членовъ съ самаго своего основанія, еще разъ повторяетъ, въ лицѣ своихъ представителей, тѣ пожеланія, которыя въ эту минуту объединяютъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь: чтобы еще долго длилась Ваша полезная и славная дѣятельность какъ учителя молодежи и какъ мыслителя, ищущаго новыхъ путей къ тому, что люди привыкли называть истиной.

Адресъ женской гимназіи С. А. Арсеньевой.

Глубокоуважаемый и дорогой
Левъ Михайловичъ!

На праздникъ 30-тилѣтія Вашего служенія русской наукѣ, съ большою радостью и въ то-же время съ сознаніемъ исполняемаго долга, привѣтствуетъ Васъ и женская гимназія С. А. Арсеньевой.

Какъ видный представитель философской науки, Вы естественно принадлежите Университету, и не намъ здѣсь протягивать нашу руку, чтобы вѣнчать Васъ юбилейными лаврами. Но почти

одновременно съ Вашею университетскою дѣятельностью началась и ваша педагогическая дѣятельность въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, между прочимъ и въ нашей гимназіи. Уже съ 1880-го года Вы стали преподавателемъ Арсеньевской гимназіи. Съ теченіемъ времени, когда въ ней открылся 8-й классъ, Вы взяли въ немъ на себя родную Вамъ психологію и важную специальность русской литературы—и съ тѣхъ поръ изъ гимназіи не выходило ни одного выпуска, который бы не прошелъ черезъ Ваши руки. Но быть преподавателемъ въ извѣстной школѣ не значитъ быть живымъ ея членомъ. Только тотъ, кто отдаетъ педагогической дѣятельности лучшія стороны своей личности, кто можетъ освѣтить эту дѣятельность лучомъ своей собственной внутренней жизни,—только тотъ дѣйствительно и съ успѣхомъ можетъ сѣять «разумное, доброе, вѣчное» на богатой нивѣ молодыхъ поколѣній. И вотъ трудно было бы найти педагога, соответствующаго въ большей степени, чѣмъ Вы, только что указанному идеалу. Ваши бывшія ученицы, которыя присоединяютъ свой голосъ къ нашему привѣтствію, приносятъ Вамъ здѣсь свою горячую благодарность какъ за глубокое и яркое истолкованіе фактовъ нашей художественной литературы, такъ и за тотъ жизненный урокъ, который слышался имъ во всемъ Вашемъ преподаваніи. Этотъ урокъ въ истинной и высочайшей гуманности, въ мягкомъ и бережномъ отношеніи къ человѣческой личности. Нечего и говорить, что ученицы гимназіи находятъ въ Васъ снисходительнаго преподавателя, несмотря на это, однако, ставящаго имъ высокія требованія серьезнаго усвоенія научныхъ познаній. Мы, Ваши товарищи по гимназіи, счастливы отмѣтить, что свѣтъ Вашей личности пріосѣняетъ и всю гимназію какъ учрежденіе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Вы состоите Предсѣдателемъ Педагогическаго Совѣта нашей гимназіи. Силою авторитета своей личности Вы даете возможность гимназіи не чувствовать многихъ неизбѣжныхъ формальностей, съ которыми связано школьное дѣло, и жить своею собственною жизнью, вошедшею въ опредѣленное русло уже такъ давно. Тепло и уютно съ Вами, дорогой Левъ Михайловичъ, и это заставляетъ насъ сердечно и горячо отблагодарить Васъ за все то доброе, что исходитъ отъ Вашей личности и падаетъ на долю нашей гимназіи. Ваши отношенія къ товарищамъ по работѣ,—сказать «по службѣ» какъ-то не вяжется съ Вашимъ обликомъ,—полны

такой удивительной мягкости и предупредительности, что для каждаго изъ насъ Вашъ образъ является близкимъ и дорогимъ. Всегда, когда только Вы среди насъ, мы чувствуемъ на себѣ заражающее вліяніе Вашей доброты. Большое счастье, глубокоуважаемый Левъ Михайловичъ, имѣть въ своей средѣ такого человѣка, какъ Вы, и мы, пользуясь Вашимъ юбилеемъ считаемъ своимъ долгомъ сказать Вамъ это и отъ всей души пожелать Вамъ, чтобы Вы еще долгіе годы были не только украшеніемъ русской науки, но и добрымъ сѣятелемъ на нивѣ средняго образованія.

Адресъ мужской гимназіи Л. И. Поливанова.

Глубокоуважаемый и дорогой
Левъ Михайловичъ!

Знаменательный день 30-лѣтняго юбилея Вашей научной дѣятельности есть вмѣстѣ съ тѣмъ событіе въ жизни гимназіи, которая имѣла нѣкогда Васъ своимъ ученикомъ и ужъ много лѣтъ имѣетъ однимъ изъ самыхъ близкихъ ея сотрудниковъ. Вашъ праздникъ—праздникъ и для нашей гимназіи.

Къ глубококому сожалѣнію, годы унесли одного за другимъ почти всѣхъ учредителей ея Вашихъ наставниковъ: Л. И. Поливанова, Н. И. Шишкина, И. В. Янчина, П. П. Копосова и В. А. Фукса; лишь одинъ Е. Н. Кедринъ переживаетъ праздникъ Вашей жизни вмѣстѣ съ Вами и нами.

Гимназія привѣтствуетъ Васъ среди другихъ учреждений, ученыхъ и высшихъ учебныхъ. Среди нихъ она занимаетъ особое, скромное положеніе—и, склоняясь передъ ихъ авторитетомъ и внимательно слушая всестороннюю оцѣнку Вашей ученой и просвѣтительной дѣятельности, гимназія обращается къ Вамъ лишь съ выраженіемъ самой сердечной благодарности за то, что Вы удѣляете ей Ваше искреннее вниманіе и, состоя ея преподавателемъ, поддерживаете въ своемъ лицѣ ея связь съ славнымъ очагомъ російскаго просвѣщенія—съ Московскимъ Университетомъ,—связь, которая такъ обязываетъ гимназію къ ея дѣятельности.

Но особая близость гимназіи къ Вамъ, какъ къ своему бывшему ученику, позволяетъ ей высказать Вамъ и сказать о Васъ слово, которое принадлежитъ единственно ей.

Позвольте ей, какъ старой свидѣтельницѣ Вашей юности, вспомнить о веснѣ Вашей, когда еще только расцвѣтали тѣ начала Вашей духовной жизни, плоды которыхъ даютъ такое богатое содержаніе нынѣшнему дню.

Уже въ годы Вашего обученія въ гимназій она цѣнила Васъ, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ, позволявшихъ уровень преподаванія держать высоко. Вы, навѣрное, и не подозреваете, дорогой Левъ Михайловичъ, что Вашъ директоръ и преподаватель словесности Л. И. Поливановъ на ряду съ нѣкоторыми работами избранныхъ учениковъ любовно сохранилъ и Ваши. По этимъ произведеніямъ Вашего юнаго пера можно судить о томъ, что Вы должны были оправдать большія надежды, которыя на Васъ возлагались: уже тогда Ваша серьезная мысль облакалась въ формы, строго и тонко продуманныя и потому изящныя, Вотъ, напримѣръ, какое опредѣленіе даете Вы въ одномъ изъ классныхъ сочиненій понятію «благодѣтель человѣчества».

«Мы называемъ благодѣтелемъ человѣческаго рода того, кто, выйдя изъ ограниченности своего индивидуальнаго существованія, свою жизнь и свое благо полагая въ жизни и благѣ человѣчества, или, по крайней мѣрѣ, считая свою личную пользу неразрывною съ пользою общей, дѣятельно проявилъ это свое убѣжденіе, ставъ во главѣ другихъ людей для достиженія какаго-нибудь общаго блага».

Характеризуя эгоизмъ, Вы вмѣстѣ съ тѣмъ даете ему сокрушающую оцѣнку этическую:

«Эгоизмъ одностороненъ и, возведенный въ общее начало жизни, противорѣчитъ природѣ человѣка. Человѣкъ, заключенный въ себя, не имѣетъ внутренней силы, не имѣетъ энергіи, которая необходима, чтобы онъ могъ сдѣлать что-нибудь значительное». Въ другомъ сочиненіи Вы даете связное историческое представленіе о культурной зависимости новой Европы отъ древняго міра: «Если бы дикія племена Сѣверной Европы—пишете Вы—не восприняли плодовъ древней цивилизаціи, ихъ побѣда надъ Римомъ осталась бы бесплоднымъ разрушеніемъ, и они никогда не вышли бы изъ состоянія первобытной дикости. Въ лицѣ христіанства получивъ отъ греко-римской цивилизаціи свою религію и свои нравственныя понятія, въ лицѣ городского устройства получивъ возможность экономическаго развитія; получивъ въ древней философій и древней наукѣ зачатки новой философій

и новой науки; получивъ въ древнемъ искусствѣ основаніе новаго искусства и наконецъ получая постоянно въ классическихъ языкахъ лучшее орудіе духовнаго развитія, новый міръ получилъ въ мірѣ древнемъ всѣ зародыши того, чѣмъ справедливо можетъ гордиться теперь».

Конечно, Левъ Ивановичъ долженъ былъ сохранить такія работы своего ученика, видя въ нихъ вполне созрѣвшими плоды своихъ завѣтовъ и своей школы.

Вашимъ наставникамъ было извѣстно, какъ сильно работала Ваша мысль, Ваша философская мысль ужъ тогда, и они знали, что во имя ея крѣпко завязалась Ваша идеальная дружба съ юнымъ Владиміромъ Соловьевымъ, отмѣченнымъ печатью философскаго творчества. Не будь учениковъ изъ такихъ просвѣщенныхъ семействъ, какою была семья Лопатинныхъ, быть можетъ, и обликъ гимназіи, духъ ея были бы иными. Для гимназіи дороги были такіе ученики. Она сама тогда лишь начинала свою дѣятельность и опредѣляла свои педагогическіе принципы: глубокая воспріимчивость и высота духовныхъ запросовъ первыхъ питомцевъ ея поднимали духъ самихъ учредителей гимназіи и увлекали ихъ. Вы и Ваши товарищи въ преданіяхъ и лѣтописяхъ гимназіи живете, дѣйствительно, «богатырями старшаго поколѣнія», составляете гордость ея на зарѣ ея существованія.

Увлекаясь своими питомцами, гимназія сочла себя въ правѣ задаваться смѣлыми замыслами, выходящими уже за предѣлы обычныхъ путей школы: она испытала ихъ силы на поприщѣ серьезнаго сценическаго искусства—въ области трагедіи и высокой комедіи, и вслѣдъ за этимъ Вы вмѣстѣ съ другими талантливыми товарищами по гимназіи положили начало успѣху нѣкогда извѣстнаго въ Москвѣ «Шекспировскаго Кружка». Конечно, такіе тонкіе и строгіе цѣнители искусства вообще и театральнаго искусства въ частности, какими были руководители юныхъ шекспиристовъ—Л. И. Поливановъ и С. А. Юрьевъ—такіе судьи не рѣшились бы содѣйствовать выступленію на сценѣ исполнителей пьесъ великаго Шекспира, если бы эти исполнители не обладали, дѣйствительно, организаціей художественной. И Вы, Левъ Михайловичъ, исполняя самыя разностороннія роли—отъ поэтическаго созерцателя Лоренцо до пошлаго, влюбленнаго въ себя Мальволио, отъ хитроумнаго политика Короля Генриха IV до недалёковиднаго резонера Полонія, отъ злобнаго и коварнаго

Яго до благодушнаго, полнаго юмора Мененія Агриппы—были незамѣнимымъ исполнителемъ ролей самыхъ отвѣтственныхъ. И справедливость требуетъ сказать, что лучшей ролью Вашей была не роль коварнаго Яго, а вдохновеннаго гуманнаго философа Лоренцо и добраго патриція Мененія Агриппы: въ этихъ роляхъ Вы воплотили родственныя Вамъ черты: стремленіе мысли за предѣлы земнаго и неотразимое благодушіе; и, конечно, только истинный цѣнитель силы ума и человѣческаго достоинства могъ такъ тонко сатирически изобразить всю пустоту пошлаго міросозерцанія угодливаго царедворца Полонія.

Вспоминая это интересное время, гимназія, вокругъ которой единились шекспиристы, желаетъ показать Вамъ, какое благородное удовлетвореніе испытывала она, любуясь постепеннымъ расцвѣтомъ Вашихъ духовныхъ силъ. Теперь она видитъ въ Васъ вѣрнаго ей друга, которому не измѣнить и сама; видитъ въ Васъ чуткаго, просвѣщеннаго и опытнаго въ жизни совѣтника въ ея дѣлахъ: и чѣмъ серьезнѣе, чѣмъ отвѣтственнѣе они, тѣмъ болѣе нуждается она въ Вашемъ участіи. А ученики Ваши видятъ въ Васъ профессора, который удостоиваетъ ихъ научнымъ и художественнымъ словомъ своимъ: и чѣмъ богаче одаренъ ученикъ, чѣмъ ближе онъ къ прототипу ученика, созданному Вами, тѣмъ болѣе увлекается онъ въ ту высокую область философской мысли, которой служите Вы такъ славно уже 30 лѣтъ.

Дай Богъ Вамъ многіе годы быть тѣмъ, чѣмъ знаетъ Васъ наука, чѣмъ знаетъ просвѣщенная Москва и горячо любящая Васъ гимназія Л. И. Поливанова.

Адресъ оставленныхъ при кафедрѣ философіи Московскаго университета.

Глубокоуважаемый и дорогой
Левъ Михайловичъ!

Оставленные при кафедрѣ философіи Московскаго университета приносятъ Вамъ въ день 30-лѣтняго юбилея Вашей научной дѣятельности свое сердечное поздравленіе и пользуются случаемъ выразить Вамъ глубокую благодарность, какъ своему профессору и учителю. Въ Вашемъ лицѣ, глубокоуважаемый Левъ Михайловичъ, мы привыкли видѣть философа и учителя философіи въ самомъ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ. Въ высшей

степени независимый и самостоятельный мыслитель, своеобразно ставящий и разрѣшающій труднѣйшіе вопросы философской науки! Вы всегда, однако, были совершенно чужды всякой пристрастности и деспотизма мысли, такъ сковывающихъ свободное исканіе молодыхъ изслѣдователей. Ваше удивительно бережное отношеніе къ еще неокрѣпшей мысли Вашихъ учениковъ и заботливое участіе ко всякому жизненному ея проявленію служатъ прямымъ выраженіемъ Вашей вѣры въ разумъ, какъ «свободную стихію», въ разумъ, «который самъ остановится тамъ, гдѣ кончается сфера очевиднаго и логически вѣроятнаго», и который «не терпитъ извнѣ установленныхъ преградъ». Эта же вѣра въ силы и достоинство разума живо чувствуется нами во всѣхъ Вашихъ лекціяхъ и научныхъ трудахъ, всегда бывшихъ для насъ высокимъ образцомъ всесторонней законченности и глубины мысли! Ваша философская дѣятельность является для всѣхъ насъ живымъ примѣромъ безавѣтнаго и проникновеннаго исканія истины, и мы навсегда сохранимъ воспоминаніе о нашихъ занятіяхъ съ Вами, бывшихъ для насъ обильнымъ источникомъ новыхъ мыслей и будившихъ въ насъ готовность къ дальнѣйшей научной работѣ.

Позвольте же пожелать Вамъ, дорогой Левъ Михайловичъ, еще на много и много лѣтъ силъ и бодрости для служенія тому великому дѣлу высшей духовной культуры, которому Вы отдали Вашу жизнь и которому Вы уже оказали такія неоцѣнимыя услуги.

Адресъ слушательницъ Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ выпуска 1904 года.

Глубокоуважаемый и дорогой учитель!

Позвольте и намъ, Вашимъ бывшимъ слушательницамъ, въ тридцатилѣтній юбилей Вашей научной дѣятельности присоединиться къ многочисленнымъ голосамъ, которые привѣтствуютъ Васъ сегодня. Намъ, первому выпуску высшихъ курсовъ, особенно дорого то, что, будучи неизмѣннымъ поборникомъ высшаго женскаго образованія, Вы съ перваго же года основанія нашихъ курсовъ приняли дѣятельное участіе въ ихъ научной жизни, отдавая имъ свой трудъ и время. Намъ хотѣлось бы поблагодарить Васъ и за тѣ хорошія чувства, которыя мы пережили.

на Вашихъ лекціяхъ: молодья и неопытныя, со школьной скамьи, мы пришли на курсы съ глубокой жаждой истинно-научнаго знанія, и въ Васъ мы встрѣтили учителя, всегда готоваго откликнуться на наши стремленія; каждая изъ насъ со всякимъ возникающимъ сомнѣніемъ и вопросомъ смѣло подходила къ Вамъ, вполне увѣренная, что найдетъ у Васъ внимательное и серьезное отношеніе. Не приспособляясь къ нашей малой подготовленности къ воспріятію философскихъ знаній, Вы строго научно излагали свой курсъ, приучая насъ къ отвлеченному мышленію. Вначалѣ нѣсколько смущенныя непривычной для насъ серьезностью Вашего преподаванія, мы, однако, постепенно освоились съ нимъ. Своимъ стройнымъ изложеніемъ философскихъ системъ Вы уносили насъ въ міръ свѣтлыхъ идеаловъ, научили любить философію и познавать ту радость и наслажденіе, которья только и можетъ дать отвлеченное мышленіе.

За все это свѣтлое и хорошее, что Вы дали намъ и что навсегда останется однимъ изъ нашихъ лучшихъ воспоминаній, приносимъ Вамъ, дорогой Левъ Михайловичъ, сердечное спасибо.

**Адресъ участниковъ психологическаго семинарія
Московскаго университета.**

Глубокоуважаемый и дорогой
Левъ Михайловичъ!

Ваше имя неразрывно связано съ расцвѣтомъ оригинальной русской философіи, и мы, члены Психологическаго семинарія, еще за порогомъ университета знали Ваши произведенія. Они привлекаютъ своею кристальною ясностію и глубиной, но лишь непосредственное ощущеніе Вашей духовной личности открыло намъ внутреннюю суть Вашей философіи, открыло то, что дѣлаетъ Васъ духовнымъ вождемъ всѣхъ Вашихъ учениковъ.

Ваши вдохновенныя и вдумчивыя рѣчи сказали намъ, что вся Ваша критика, всѣ Ваши призывы являются обнаруженіемъ могучаго, беззавѣтнаго, подчинившаго себѣ всю нашу жизнь порыва къ живой и вѣчной истинѣ. Вы учили, что «должно возникнуть новое міросозерцаніе, свободное отъ противорѣчивыхъ тенденцій, надъ которыми не можемъ возвыситься мы», и мы поняли, что Вы направили всѣ свои силы на служеніе этой грядущей истинѣ. Вы разъ навсегда объявили безошадную войну

всякому догматизму и всякой идейной косности, въ какихъ бы импонирующихъ формахъ они ни выступали, и своимъ примѣромъ постоянно призывали насъ «не искать уже готовыхъ рѣшеній, но думать и рѣшать самимъ». Въ этомъ искреннемъ и свободномъ исканіи правды, въ этой святой ненависти ко всякимъ идоламъ, въ этомъ благодарномъ, истинно философскомъ пафосѣ, увлекающемъ и объединяющемъ, мы увидѣли и видимъ самое цѣнное, самое прекрасное изъ всего, что Вы даете.

Можемъ ли мы не сказать, какъ дорогъ намъ такой вождь, можемъ ли мы не принести Вамъ нашу глубочайшую признательность за ту драгоценную жемчужину духовной свободы, которую Вы намъ подарили. Да живетъ же многіе и многіе годы свободный, правдивый и славный искатель истины!

Адресъ вольнослушательницъ Московскаго университета.

Глубокоуважаемый и дорогой профессоръ
Левъ Михайловичъ!

Депутация отъ вольнослушательницъ Московскаго университета привѣтствуетъ Васъ въ день тридцатилѣтняго юбилея Вашей ученой дѣятельности и приноситъ Вамъ поздравленіе, выражая Вамъ свою горячую любовь и благодарность за безконечно доброе, справедливое отношеніе къ вольнослушательницамъ Московскаго университета, за признаніе за ними правъ на науку, свѣтлаго носителя которой мы сегодня такъ искренно чувствуемъ въ лицѣ Васъ. Дай Богъ, дорогой Левъ Михайловичъ, чтобы еще долгіе, долгіе годы длилась Ваша ученая дѣятельность на гордость нашего дорогаго университета!

Отвѣтная рѣчь Л. М. Лопатина.

Тридцатилѣтній юбилей—это очень серьезный и даже жуткій моментъ для того, кому его суждено переживать. Онъ, какъ грозный ударъ колокола, заставляетъ внутренно собраться, сосредотчиться, внимательно оглянуться назадъ. Жизнь прожита, впереди, если что и остается, то немного; какое-то главное дѣло уже сдѣлано, надъ нимъ судъ произносятся! Есть отчего встряхнуться и взглядѣться въ свое прошлое. И какія тревожныя и скорбныя мысли пробуждаются въ душѣ: какъ скоро все про-

мелькнуло, какъ мало сдѣлано и въ то же время какъ много совершенно лишняго и напраснаго; поднимаются утрызеныя совѣсти и больно они кусаютъ. И вотъ, когда въ такія минуты слышишь теплое и доброе слово ободренія и утѣшенія, какъ будто въ самомъ дѣлѣ показывающее, хотя и въ очень преувеличенныхъ формахъ, что въ протекшей жизни не все было плохо, что было въ ней кое-что дѣльное и даже хорошее, большое это даетъ успокоеніе, и не знаешь, какъ за него благодарить.

Мнѣ тѣмъ болѣе приходится благодарить, что мой жизненный удѣлъ былъ очень скромный. Моя философская дѣятельность протекала одиноко. Мое міросозерцаніе было слишкомъ далеко отъ взглядовъ большинства; проблемы, которыя я ставилъ, а тѣмъ болѣе рѣшенія, которыя я для нихъ предлагалъ, мало кого задѣвали. У меня было много хорошихъ и близкихъ друзей, но въ теченіе долгихъ лѣтъ было очень мало единомышленниковъ въ философіи. Я на это нисколько не удивлялся: иначе не могло быть по всему положенію дѣла. Конечно, я вѣрилъ въ то, что проповѣдовалъ и, стало быть, вѣрилъ въ окончательное торжество моихъ идей. Но я думалъ, что онѣ восторжествуютъ очень не скоро, во всякомъ случаѣ не при моей жизни. Вся моя надежда была въ томъ, что я кое-что привнесу отъ себя для этого далекаго будущаго и что, можетъ быть, тогда обо мнѣ помянутъ добрымъ словомъ. Съ другой стороны, мнѣ представлялось, что если я обманываюсь въ оцѣнкѣ моихъ взглядовъ, и они составляютъ одно изъ философскихъ заблужденій, которыхъ было такъ много въ исторіи, то лучше, чтобы они никогда не приобрѣтали популярности: тогда грѣха на мнѣ будетъ меньше. Вообще, я писалъ больше для воображаемаго, *идеальнаго* читателя. На него шель я штурмомъ, пуская въ ходъ весь арсеналъ моихъ разнообразныхъ доказательствъ. И мнѣ казалось, что мы довольны другъ другомъ: идеальный читатель—онъ покладистый.

И вотъ теперь я стою здѣсь предъ этимъ блестящимъ собраніемъ, гдѣ я вижу такъ много дорогихъ мнѣ лицъ и гдѣ сошлись любимые и уважаемые мною представители такихъ почтенныхъ учреждений въ Москвѣ. Здѣсь представители Московскаго университета и Историко-филологическаго факультета, здѣсь Психологическое Общество, представители высшихъ курсовъ, депутаты Обществъ: Любителей російской словесности,

Испытателей природы, Математическаго Общества, Юридическаго, Общества невропатологовъ и психіатровъ, Религіозно-философскаго, Дѣятелей періодической печати, Литературно-художественнаго кружка, издательства «Путь», журнала «Логосъ», здѣсь представители дорогихъ мнѣ гимназій, съ которыми связана вся моя жизнь, и здѣсь же столько дорогихъ мнѣ учениковъ и ученицъ, и бывшихъ, и настоящихъ, и по университету, и по высшимъ курсамъ, и по гимназіямъ. И мнѣ говорили такъ много хорошаго, иногда совсѣмъ незаслуженнаго. Что могу на все это отвѣтить? Могу только низко поклониться и сказать: спасибо Вамъ!

Открыта подписка на 1912 годъ

XXIII г.
изданія.

на журналъ

XXIII г.
изданія.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, Ю. А. Бунинъ, акад. П. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, А. Г. Дауге, Е. А. Звягинцевъ, А. А. Ивановскій, проф. В. И. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иवानцовъ, д-ръ В. Е. Игнатъевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коганъ, д-ръ В. В. Корсаковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, прив.-доц. М. Ю. Лахтинъ, Е. І. Лозинскій, А. П. Лотоцкій, прив.-доц. П. И. Люблинскій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Миревичъ, Н. Ф. Михайловъ, проф. А. П. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, проф. П. Г. Оршанскій, проф. А. П. Павловъ, проф. А. А. Раддигъ, Г. Роконъ, С. Ф. Русова, П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Свинцкій, Л. Д. Свинцкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкина-Гамбургеръ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарюлоскій, Н. В. Чеховъ, кн. Д. П. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтныхъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ дост. — 5 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Кожушенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обоихъ столицъ.

Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Открыта подписка на 1912 годъ на журналы:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“

(„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“),

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки, 5 р. съ пересылкой, за границу 7 р.

Въ 1912 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское чтеніе“) дастъ всѣмъ подписчикамъ: 12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИЖЕКЪ,

въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и проч.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

1 р. 75 к. безъ пересылки, 2 р. съ пересылкой, за границу 3 р.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на оба журвала 6 р. на годъ съ пересылкой, безъ пересылки 5 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

XVIII годъ.

годъ XVIII.

Въ 1912 г.

„Журналъ Министерства Юстиціи“

Будеть выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1912 г.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданского и уголовного; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д—овъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библиографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англій; 7) Обзоръ иностран. журналовъ.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставк. и пересылк. Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года. Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года. Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платять, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, по 5 рублей въ годъ. Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложениями по 2 рубля. Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 100/0, за продажу отдѣльныхъ книгъ — 250/0.

Главная Контора: *Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.*

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 8 руб. за страницу и 4 руб. за полстран.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ *С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.*

Редакторъ В. Ѳ. Дерюжинскій.

Открыта подписка на 1912 годъ

(VIII-ой ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ преимущественно для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ), которымъ еще мало доступны существующіе у насъ журналы болѣе старшаго возраста. При этомъ „Семья и Школа“ ставитъ своей задачей одинаково примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихъ въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной народной школы.

„Семья и Школа“ состоитъ изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдѣльныхъ книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 руб. 50 коп. въ годъ. Безъ доставки въ Москвѣ 3 руб. За границу 6 руб. Подписка на полгода 1 р. 75 к. (принимается исключительно въ редакціи). Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и въ книжномъ магазинѣ Н. Карбасникова. Въ редакціи имѣются комплекты журнала за прежніе годы: 1905-ый, 1906-ой, 1907-ой и 1910-ый—по 3 руб., 1908-ой—по 5 руб. Журналъ за 1909-ый г. разошелся весь. Пробный номеръ журнала высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки.

Гг. учителямъ, желающимъ ознакомиться съ журналомъ, пробный номеръ высылается бесплатно.

Изгородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“: Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель **Вл. Львовъ.**

ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ НА

„Вопросы Права“,

журналъ научной юриспруденціи, издаваемый при ближайшемъ участіи:

А. С. Алексѣева, А. Э. Вормеа, П. В. Гибулянова, А. И. Елистратова, Б. А. Кистяковского, И. А. Кистяковского, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, Г. С. Фельдштейна, А. Л. Форштетера и В. М. Хвостова.

Вопросы права выходятъ четыре раза въ годъ книгами около десяти листовъ: въ февралѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ.

Подписная цѣна: въ годъ 6 рублей съ пересылкою и доставкою.

Цѣна отдѣльной книги 2 руб.

Адресъ редакціи: Москва, Каложинъ пер., д. № 10.

Редакторъ-издатель **Г. С. Фельдштейнъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на

„Богословскій Вѣстникъ“

1912-й годъ.

(Двадцать первый годъ изданія.)

Въ 1912 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ на прежнихъ основаніяхъ по нижеслѣдующей программѣ:

I. Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ (Св. Максима Исповѣдника).

II. Оригинальныя изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи.

III. Изъ современной жизни: научно-богословское обозрѣніе важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ.

IV. Хроника академической жизни: отчеты о магистерскихъ диспутахъ, объ ученыхъ юбилеяхъ, о работѣ научныхъ академическихъ обществъ и кружковъ и о различныхъ перемѣнахъ во внѣшней и внутренней жизни нашей Академіи.

V. Библиографія, рецензія и критика выдающихся новинокъ какъ русской, такъ и иностранной богословско-философской и церковно-исторической литературы.

VI. Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься протоколы Совѣта Академіи за 1911 годъ.

Въ качествѣ академическаго органа „Богословскій Вѣстникъ“ будетъ стремиться выдерживать опредѣленный, строго научный характеръ, ставя своею задачею разработку тѣхъ вопросовъ религіознаго знанія, которые представляютъ современный научный, теоретическій интересъ, равно какъ и тѣхъ, которые выдвигаетъ современная религіозная жизнь.

Въ качествѣ приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ подписчикамъ его въ 1912 году будутъ предложены

ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТИ

Твореній Преп. Ефрема Сирина.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ 3 и 4 части твореній преп. Ефрема Сирина

восемь рублей съ пересылкой.

Прим. Безъ пересылки **семь** рублей, за границу—**десять**.

Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цѣна 7 руб.). Допускается разсрочка на два срока: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 июля 4 руб.; для подписавшихся на журналъ безъ приложенія разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 июля 3 руб.

За перемѣну адреса 20 коп.

Прим. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20 до 30%, въ зависимости отъ размѣровъ заказа.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ орд. проф. Н. Заозерскій.

Открыта подписка на 1912 годъ

Н А

„Владикавказскій Листокъ“.

Газета будетъ выходить съ 1-го января 1912 г. въ г. Владикавказъ въ форматѣ и по программѣ большпхъ провинціальныхъ газетъ при участіи мѣстныхъ и столичныхъ литературныхъ силъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ—6 руб., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣсяць—75 коп.

За границу вдвое.—Допускается разсрочка платежа.

Цѣна отдѣльнаго №—3 коп.

Адресъ редакціи, конторы и типографіи: Владикавказъ, Грозненская улица, домъ Вахтангова, № 8.

Редакторъ-издатель А. Г. Габисовъ.

Въ 1912 году будетъ продолжаться (36-й годъ) изданіе

Ж У Р Н А Л А

„ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ“.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяць книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: **отдѣлъ общій**, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, и отдѣлъ **официально-справочный** съ бесплатнымъ приложеніемъ **„Врачебно-Санитарнаго Отдѣла“.**

		Отдѣлъ общій.	Отдѣлъ оф.-справ.	Оба отдѣла.
За	12 мѣсяцевъ	4 руб. 40 коп.	4 руб. 40 коп.	8 руб. — к.
”	6 ”	2 ” 20 ”	2 ” 20 ”	4 ” — ”
”	3 ”	1 ” 20 ”	1 ” 20 ”	2 ” — ”
”	1 ”	— ” 40 ”	— ” 40 ”	— ” 80 ”

Московскимъ Городскимъ Управленіемъ издается ежемѣсячный журналъ „Народное образованіе“, посвященный вопросамъ школьнаго и вѣтшкольнаго образованія и физическаго воспитанія.

Цѣна журнала 3 р. въ годъ и 1 р. 50 к. за 6 мѣсяцевъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Москва, Городская Управа, Воскресенск. площадь, зданіе Думы.

Телеф. 262—91.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал для дѣтей старшаго возраста

„ВСХОДЫ“.

XVII годъ изданія.

Въ 1912 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться Н. Н. Моревымъ; составъ сотрудниковъ, духъ и направленіе журнала остаются прежніе.

Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ среднія и высшія учебныя заведенія, бесплатныя народныя читальни и библіотеки. Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній одобренъ и включенъ въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ въ Россіи 5 р.; на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к.; на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 25 к.; на 1 мѣс. 42 к.; за границу 8 р.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Калашниковскій пр., 9, въ книжномъ магазинѣ подъ фирмою Н. Фену и К^о, Невскій пр., 90 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель Н. Моревъ.

ШКОЛА и ЖИЗНЬ

(второй годъ изданія).

Единственная еженедѣльная общественно-педагогическая газета съ ежемѣсячными приложеніями.

Открыта подписка на 1912 годъ.

Приложенія, по объему не менѣе 80-ти печатныхъ листовъ, будутъ озвѣчать выдвигаемые текущей жизнью вопросы образованія и воспитанія. Въ числѣ приложеній находятся: „Эмиль XVIII вѣка“—Руссо, „Проблемы дѣтскаго чтенія“—Вольгаста, „Развитіе народа и развитіе личности“—Наторпа—произведенія, необходимыя каждому педагогу и каждой образованной семьѣ.

Газета издается по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія. 3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризирующій различныя стороны знанія. 4) Обзоръ печати. 5) Хроника образованія; дѣятельность законодательныхъ учреждений, правительства и т. д. 6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей. 7) Обзорѣніе спеціальной литературы и иностранной. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

Подъ общей редакціей Г. А. Фальборка.

Подписная цѣна:

На годъ. На 6 м. На 3 м.

Съ доставкой въ Петербургъ и пересылкой
въ города Имперіи 6 руб. 3 руб. 2 руб.

Для учащихся въ начальныхъ училищахъ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 февр., къ 1 марта, къ 1 апр. и къ 1 мая—по 1 р.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ, Спб., Кабинетская, д. № 18, во всѣхъ почт.-тел. конторахъ и въ солидн. книжн. магазинахъ.

Объявленія принимаются главной конторой по цѣнѣ: строка nonparelli впереди текста—60 к., позади текста—30 к.

Издатели: Н. В. Мѣшковъ и Г. А. Фальборкъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

Вѣра и Разумъ

въ 1912 году.

Журналь „Вѣра и Разумъ“ вступаетъ въ XXIX-ю годовщину своего существованія по прежней программѣ и съ прежнимъ научно-апологическимъ богословско-философскимъ направлениемъ. Призванный служить подъ знаменемъ православія, патріотизма и русской народности, онъ останется вѣрнымъ своему направленію и въ 1912 году.

Журналь выходитъ отдѣльными книжками **два раза** въ мѣсяць, по десяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т.-е. годовичное изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплату денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ П. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналь принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

Открыта подписка на 1912 годъ на журналь

ПСИХОТЕРАПІЯ.

Обозрѣніе вопросовъ психическаго лѣченія и прикладной психологій,

журналь, издаваемый при участіи М. М. Асатиани, А. Н. Бернштейна, Ю. В. Каннабиха, Н. Е. Осипова, О. В. Фельцмана, подъ редакціей Н. А. Вырубова.

Журналь выходитъ шестью книгами въ годъ, не менѣе трехъ листовъ каждая. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой четыре рубля, за границу—пять рублей. Цѣна отдѣльной книжки 90 коп. Подписка принимается въ конторѣ редакціи „ПСИХОТЕРАПІИ“: Москва, Тверская, 68. Телеф. 108-41.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Авторы помѣщаемыхъ въ журналь оригинальныхъ статей получаютъ бесплатно 25 оттисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

Открыта подписка
на 1912 годъ
на религіозно-философско-научный журналъ

„ВЪСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

(5-й годъ изданія.)

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя, по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и другимъ отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Каменской, при участіи Анни Безантъ, доктора Рудольфа Штейнера, Альба, П. Н. Батюшкова, Н. К. Боянуса, Н. Броницкой, А. Дала, А. Ф. Вельцъ, Вендъ, А. В. Гардеръ, Н. Гернетъ, М. Каменской, Е. М. Кузьмина, Е. Ливчакъ, П. Лихачевой, П. Манциарли, Е. Писаревой (Е. П.), В. Н. Пушкиной, М. Станюковичъ, Д. Страдена, Н. А. Трофименко, Б. Ф. А. В. Унковской, П. Д. Успенскаго, Н. И. Эресси и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Основы этики“, А. Безантъ, „Теософія и современные теченія въ наукѣ и социологіи“, доктора Рудольфа Штейнера, „Веданта Сара“, переводъ съ санскритскаго И. Манциарли, „Ясновидѣніе“, Ч. Ледбитера и переводы изъ сочиненій А. Сиагетта, Г. Олькотта, Д. Мида, статьи по сравнительному изученію религій (оригинальныя и переводныя) и рядъ оригинальныхъ статей сотрудиновъ Редакціи по вопросамъ искусства, педагогикѣ, философіи и др. отдѣламъ.

ЦѢНА 6 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—3 руб. 50 коп., за 3 мѣсяца—2 р. 20 к. Отдѣльный № 75 коп. За переѣзду адреса городскаго на городскій—20 коп., городскаго на иногородній и обратно иногородняго на городскій—50 коп.

Подписка за границу принимается только годовая, цѣна 10 руб.

Подписка для иногороднихъ только черезъ Контору Редакціи.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (Спб., Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботы и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1912 года.

По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 часовъ дня.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на собраніе
НЕИЗДАННЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
Л. Н. Толстого.

Изданіе Александры Львовны Толстой.

Слѣдую указаніямъ, даннымъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, дечь его, Александра Львовна, предпріяла изданіе оставшихся послѣ него, еще не бывшихъ въ печати, его художественныхъ произведеній.

Чистый доходъ съ этого изданія будетъ употребленъ издательницей согласно волѣ Льва Николаевича.

Въ это изданіе войдутъ слѣдующія повѣсти, драмы и неоконченныя произведенія: Хаджи-Муратъ.—Отецъ Сергій.—Дьяволъ.—Фальшивый купонъ.—Послѣ бала.—Что я видѣлъ во снѣ?—Алеша Горшокъ.—Живой трупъ.—Ходынка.—Отъ ней всё качества.—Записки сумешедшаго.—Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ.—Кто убійцы?—Записки Федора Кузьмича.—Ветупленіе къ исторіи матери.—Дѣтская мудрость.—Отецъ Василій и нѣкоторыя другія произведенія.

Изданіе это выйдетъ въ свѣтъ по подпискѣ, въ ограниченномъ количествѣ экземпля., и будетъ состоять изъ трехъ изящныхъ томовъ большаго формата, на лучшей бумагѣ, съ портретами и автографами Л. Н. Толстого. I томъ выйдетъ 7 ноября 1911 года, II—2 декабря 1911 года и III—5 января 1912 года.

Цѣна за три тома ШЕСТЬ руб., съ перес. 6 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ **3 руб.** и при полученіи I тома—остальные **3 руб.**

Подписка принимается: Москва, Кузнецкій мостъ, домъ кн. Гагарина, кв. 5, контора изданій А. Л. Толстой, и во всѣхъ главныхъ книжн. магазинахъ.

Открыта подписка на 1912-й годъ на газету

7-й г. изд.

ПРИАМУРЬЕ.

7-й г. изд.

Выходятъ въ Хабаровскѣ ежедневно.

Газета посвящена защитѣ интересовъ русскаго Дальняго Востока (области амурская, приморская, сахалинская и камчатская), вопросы котораго изучаются и обсуждаются на ея страницахъ. Особое вниманіе обращено и на вопросы зарубежнаго Дальняго Востока (Манчжурія, Монголія, Китай, Корея, Японія, Америка). Всѣ мѣстные краевые вопросы разсматриваются въ тѣсной органической связи съ общегосударственными задачами и общенародными нуждами нашей родины, за жизнью которой газета слѣдитъ внимательно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

	Въ Хабаровскѣ съ доставкой.	Ипогороднымъ.
На 12 мѣсяцевъ	7 —	8 —
» 6 »	4 —	4 50
» 3 »	2 50	3 —
» 1 »	1 —	1 —

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Хабаровскъ, Поповская, д. 54) и во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ имперіи.

Также на объявленія: за строку петита впереди текста 20 к., позади текста 10 к., посреди текста 30 коп. При повтореніи скидка. Газета печатается въ собственной типографіи, оборудованной наборными машинами.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1911—12 годъ.

на ежемѣсячный журналъ (органъ педагогической реформы)

(Съ сентября.
1911 г. по сен-
тябрь 1912 г.)

СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНІЕ (Годъ пятый.)

подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

Для городскихъ и сельскихъ учителей и для родителей.

Цѣль журнала: разработка вопросовъ о такомъ воспитаніи и образованіи, которое основано на самостоятельности, на удовлетвореніи свободныхъ запросовъ дѣтей и юношества и на производительномъ трудѣ, какъ необходимой основѣ жизни.

Программа журнала: 1) Статьи по вопросамъ умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія, образованія и самообразованія; 2) изъ семейной, школьной и общественной жизни съ точки зрѣнія интересовъ воспитанія и образованія; 3) о материнствѣ и воспитаніи ребенка въ первые годы жизни; 4) по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплуатаціи; 5) о свободно-образовательныхъ начинаніяхъ для трудового населенія; 6) по ручному труду (земледѣльческому, ремесленному и т. д.); 7) по природовѣдѣнію, устройству экскурсій и т. д.; 8) по вопросамъ гигиены дѣтства и юношества; 9) „Изъ книги и жизни“: обзоръ журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образованія; 10) переписка между лицами, интересующимися вопросами реформы воспитанія и образованія; 11) вопросы и отвѣты читателей; 12) Библиографія.

Подписная цѣна: на 1 годъ съ пересылкой **3 р.**, на полгода—**1 р. 50 к.**, за границу **3 р. 60 к.** Для сельскихъ учителей **2 р.**, на полгода—**1 р.** Подписка принимается: Москва, Дѣвичье поле, Трубетцкой пер., 8, редакція журнала „Свободное Воспитаніе“.

Издатель А. Н. Коншинъ.

Редакторъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

Тридцать первый годъ изданія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1912 ГОДЪ НА

„РЕБУСЪ“, старѣйшій въ Россіи популярно-научный журналъ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ; телепатія, ясновидѣнія, чтенія мыслей, раздвоенія личности, одержанія сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, гипнотизма, явленій спиритизма и другихъ оккультныхъ явленій и фактовъ.

Спорные вопросы науки и жизни.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до трехъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами. Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; совѣты, разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы и новеллы, соотвѣтствующіе направленію журнала.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ **5 руб.**, на $\frac{1}{2}$ года **3 руб.**
За границу на годъ **6 р.**, на $\frac{1}{2}$ года **3 р. 50 к.**

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакцію журнала — Арбатъ, домъ Толстого и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Ред.-изд. П. А. Чистяковъ.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1912 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ —
— ЕВРОПЫ“

(47-й годъ изданія),

основанный М. М. Стасюлевичемъ,

издаваемый (съ 1909 г.) М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ,

подъ редакціей К. К. Арсеньева,

при ближайшемъ участіи

И. В. Жилкина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. А. Мануилова, Д. Н. Овсянко-Куликовскаго, А. С. Посникова, М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго и К. А. Тимирязева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ: на годъ—15 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года—7 р. 75 к.; на $\frac{1}{4}$ года—3 р. 90 к.: съ дост. въ Петербургъ и Москвѣ: на годъ—16 р., на $\frac{1}{2}$ года—8 р., на $\frac{1}{4}$ года—4 р.; съ перес. въ другія мѣста Россіи: на годъ—17 р., на $\frac{1}{2}$ года—8 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ года—4 р. 25 к.; за границу: на годъ—19 р., на $\frac{1}{2}$ года—9 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ года—5 р.

Отдѣльная книга журнала съ доставкой и пересылкой—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) въ конторахъ журнала: въ С.-Петербургѣ, Моховая, 37 (телефонъ 74-51); въ Москвѣ, Тверской бульваръ, 15 (телефонъ 57-86); въ Одессѣ, Софійевская, 23; въ Саратовѣ, Московская, 34; 2) во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, и 3) во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
 ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета
 на 1912 годъ.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложениями съ пересылкою 7 р. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ А. Пюнтковский.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1912 годъ (2-й годъ изданія).

Н А

„ВѢСТНИКЪ ПСИХОЛОГИИ“

Криминальной антропологии и Гипнотизма,
 (Вѣстникъ Психо-Неврологическаго Института).

Подъ общою редакціею академика В. М. Бехтерева.

Журналъ имѣетъ цѣлью прежде всего разработку и освѣщеніе важнѣйшихъ вопросовъ современной психологии съ ея различными отдѣлами, какъ-то: психологии общей и экспериментальной, индивидуальной и общественной, нормальной и патологической, психо-физиологии органовъ чувствъ, зоопсихологии, психологии дѣтскаго возраста и друг. Кромѣ того, должное вниманіе удѣляется также и тѣмъ отдѣламъ психологии, которые имѣютъ важное практическое значеніе, какъ-то: психологии педагогической и криминальной, ученію о гипнозѣ и внушеніи и друг. Такъ какъ психическая жизнь человѣка находится въ неразрывной связи съ дѣятельностью его нервной системы, то соотвѣтствующее мѣсто отводится статьямъ и рефератамъ общаго характера по неврологии, поскольку они могутъ способствовать уясненію психическихъ процессовъ. Опредѣляя такимъ образомъ основное направленіе журнала, редакція заботится также и объ освѣщеніи тѣхъ вопросовъ философіи, биологии, социологии и педагогики, которые находятся въ той или иной связи съ вышеизложенной программой.

Въ 1911 году журналъ выходитъ въ количествѣ 5 книжекъ, объемомъ въ 8—12 листовъ каждая.

Подписка принимается: въ канцеляріи и бібліотекѣ Психо-Неврологическаго Института. Гг. иногородніе приглашаются свои заявленія о подпискѣ и подписныя деньги адресовать: „Психо-Неврологическій Институтъ, С.-Петербургъ“. Книжные магазины, принимающіе подписку на журналъ, пользуются скидкой въ 50% съ подписной цѣны. Подписная цѣна — **6 руб.** въ годъ съ пересылкою. (Для учащихъся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и учителей начальнхъ школъ, при подпискѣ непосредственно черезъ канцелярію или бібліотеку Института — **3 руб. 50 коп.**)

Вышедшіе три выпуска журнала высылаются или выдаются лично (въ бібліотекѣ Института) немедленно по полученіи подписныхъ денегъ. Слѣдующія книжки журнала выйдутъ: IV—15 октября и V—1 декабря.

Открыта подписка на журналъ на 1912 годъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи.

(Пятьдесятъ третій годъ изданія.)

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книгами въ 10—15 листовъ.

Цѣна годового изданія съ пересылкою 7 руб., за границу 8 руб.

Вопросы философіи, кн. III.

15

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

„ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ“

ВЪСТНИКЪ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ,

издаваемый въ С.-Петербургѣ, при ближайшемъ участіи
проф. М. М. Ковалевскаго и Р. М. Бланка.

Въ программу „Запросовъ Жизни“ входятъ: 1) Руководящія статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, литературной и научной жизни Россіи и Запада. 2) Обзоръ событій послѣдней недѣли. 3) Корреспонденціи. 4) Соціально-экономическое обозрѣніе. 5) Литературное обозрѣніе. 6) Научное и техническое обозрѣніе. 7) Русская и иностранная библиографія. 8) Журналь журналовъ (обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ). 9) Театръ. 10) Искусство. 11) Фельетонъ.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна: съ пересылкой и доставк. на 1 г.—5 р., на $\frac{1}{2}$ г.—2 р. 75 к., на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к., отд. номеръ—15 к. За границу: на 1 г.—7 р., на $\frac{1}{2}$ г.—3 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—60 к. За перемѣну городского адреса на городской—10 к., во всѣхъ остальныхъ случаяхъ—25 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ „Запросовъ Жизни“—С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 37, въ отдѣленіяхъ Книготорговаго Товарищества „Культура“, въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и въ книжн. магазинахъ.

Годъ изданія сорокъ седьмой.

„Астраханскій Листокъ“

будетъ выходить въ 1912 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Подписная цѣна съ пересылкою:

1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года—3 руб. 75 коп., 3 мѣс.—2 руб. — коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель В. И. Склабинскій.